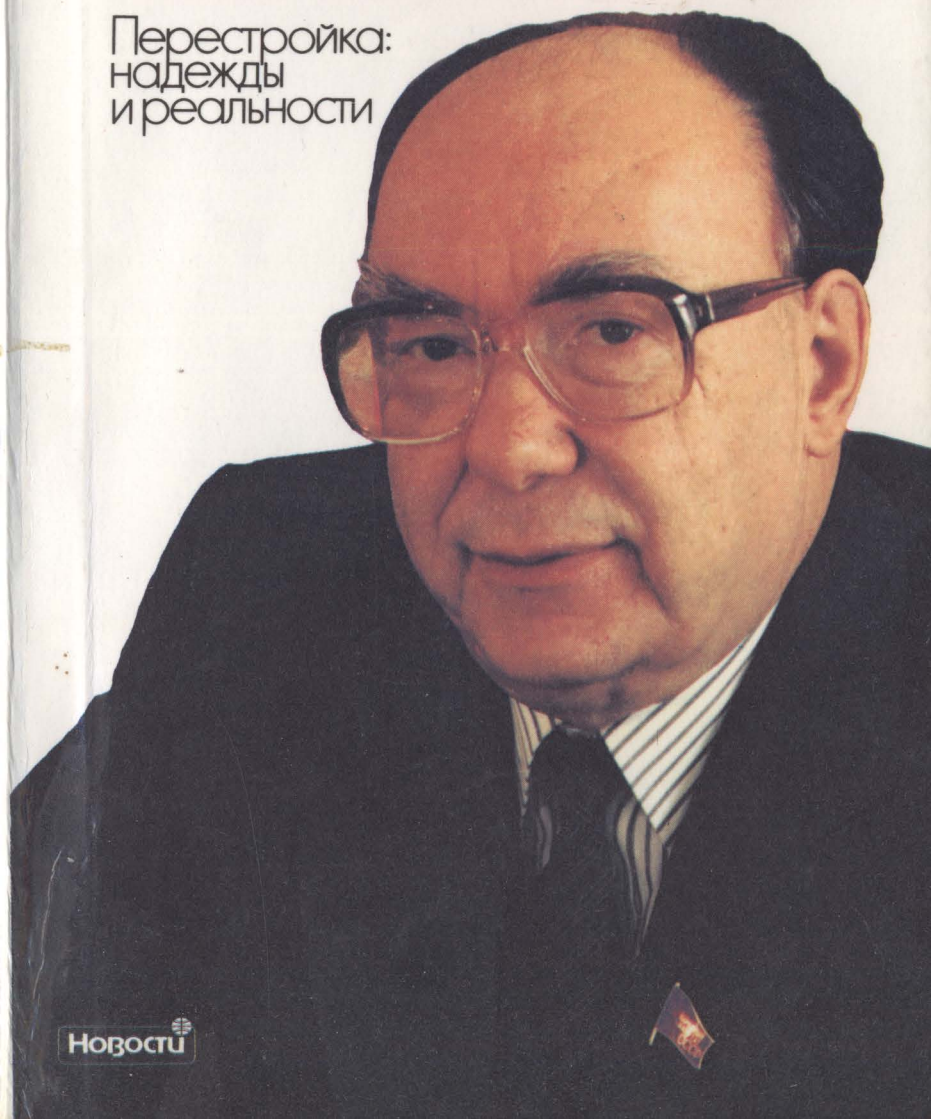

Александр ЯКОВЛЕВ

МУКИ ПРОЧТЕНИЯ БЫТИЯ

Перестройка:
надежды
и реальности

Александр
ЯКОВЛЕВ
МУКИ ПРОЧТЕНИЯ БЫТИЯ

Новости

Новости

Александр
ЯКОВЛЕВ

*МУКИ
ПРОЧТЕНИЯ
БЫТИЯ*

Перестройка:
надежды
и реальности

Новости

МОСКВА, 1991

ББК 66.3(2)4
Я 26

1. **Приглашение к размышлениям**

ПРЕДВАРЯЮЩИЕ ЗАМЕТКИ

Если считать от апреля 1985 года, то перестройке уже шесть лет. Считать, впрочем, надо не отсюда. А точнее — не только от того рубежа, сегодня кажущегося уже настолько удаленным, что трудно даже поверить в его реальность. Настоящие, затрагивающие самые основы жизни советского общества преобразования начались позднее. С конца 1989 года ведет отсчет формирование новой политической системы: свободно и демократически избранных Советов, берущих всю полноту власти; законодательно оформленного разделения функций КПСС и государства. Только с конца 1990 года начинается принципиальная экономическая реформа, суть которой выражают всего три слова — переход к рынку. То есть и главные дела перестройки, и важнейшие ее результаты, и, надо полагать, основные ее трудности все еще впереди.

Но до сегодняшних дел перестройки надо было еще дойти. Не только через сопротивление косности, консерватизма, эгоистических интересов, силы инерции. И не только через политическую тактику. Все это, в общем-то, вещи в любой политической деятельности обычные. И даже не через одну только придирчивую ревизию всех сторон нашего положения: экономики, торговли, финансов, социальной сферы, науки, дел внешних. Все это тоже так или иначе должно делать любое правительство в любой стране. И ничего специфически «перестроечного» в этом нет. Даже неудовлетворенность своим положением и вытекающими из него перспективами — еще не перестройка.

Дойти предстояло через сложное и мучительное самооткрытие и самопознание. Оглядываясь сейчас в начало перестройки, особенно ясно видишь, что именно это и было наименее трудным. Признавать ошибки, заблуждения, просчеты, неудачи неприятно всегда и всем. И трудно тоже всегда и всем. Но речь шла о трудностях совершенно особого рода и масштаба, глубины и значения. За десятилетия самовосхвалительной пропаганды глубоко была усвоена мысль, что идем впереди других, что добились выдающихся результа-

тов, что те, кто иначе думает и иначе оценивает эти итоги и пройденный путь, — непременно враги...

Обиднее всего, что за силой и интенсивностью таких воззрений стояло очень и очень много самых искренних, чистых и честных надежд, чаяний, устремлений, а в чем-то — и иллюзий. Опирались эти идеи отнюдь не только на мыльные пузыри, но и на действительные сдвиги в жизни страны — пусть многократно преувеличенные, в чем-то чересчур дорого оплаченные, но все же реальные. Что верность нашим идеалам и заблуждениям была тоже с лихвой оплачена самими жестокими испытаниями.

Для немалого числа людей сейчас рушится привычный мир, вера в саму социалистическую идею. И тот факт, что подобное происходит, лишний раз доказывает, сколь трудным было прозрение — это необходимейшее, неизбежное введение в перестройку. Сколько понадобилось здесь мужества, уверенности в своих силах, умения и такта. *Уверен: первое пятилетие войдет в нашу историю не как время разрушения, но как период созидания; в острейшем и опасном кризисе развития рождалось умение и стремление видеть правду, новое понимание самих себя, новое восприятие социальности.*

Пройдено лишь самое начало, но одновременно сделан и рывок к совершенно новому для страны укладу экономики, государственности, менталитета. Меняются самым радикальным образом все жизнеобразующие факторы общества: хозяйственная практика, политическая система, духовная и нравственная сферы. А значит, меняется и общество в целом, и каждый человек, замечает он это или нет. Все мы становимся более естественными.

Но чувства и желания, планы и замыслы обгоняют действительность. Конечно же, устройство социального рынка, эффективной демократии, терпимого общества, правового государства — задача на многие годы вперед, даже на поколения. Это очевидно. Мы видим и понимаем, что все эти процессы даже при самых благоприятных условиях неизбежно будут идти неоднозначно, со своими рывками и торможениями, взлетами и падениями, противоречиями и конфликтами. Тем более в стране, где столько нерешенного.

Казалось бы, многомерное обновление социальной жизни, творческая свобода, политическое раскрепощение неизбежно поведут к возрождению гражданского сознания, к торжеству добра, справедливости, возвысят нравственность, этику и культуру общения, а в итоге общество очистится от мерзости двоедушия, предательства, бессовестности, коросты корыстолюбия.

Но откуда же эта нетерпимость, горячий поиск ведьм и домовых, зудящий искус обвинений, зловещий парад «штыков наперевес»? Неужели еще вчера все было прекрасно и улыбочиво, а сегодня все плохо и мрачно?

Или и впрямь разум безволен, сдавшись на милость эмоций и покорившись зову слепой анархии?

Или и впрямь палка и страх слаще свободы, а дисциплина приходит с окриком, а не рождается из уважения к человеку, его достоинству?

Или и впрямь начальственная власть разумнее власти закона?

Или и впрямь национальная вражда приносит радость, а добрососедство угнетает?

Или и впрямь в «осажденной крепости» жить спокойнее, чем в мире без войн, насилия и оружия?

Не верю! Не хочу верить! Ибо разум всемогущ, но, если он покидает человека, значит, наказывает его, делает слепым орудием зла. Тогда беды не миновать. Но, убежден, появившаяся глухота к разуму временна, она пройдет. Да и здравый смысл вернет на грешную землю упрямых реальностей как порхающих в небесах романтиков, так и пророков безысходности.

Легче всего погрузиться в поиски виноватых на стороне. Но справедливее искать их каждому в себе. В собственных прегрешениях и просчетах, в алчности и безверии, в лени и трусости, в безволии и тоскливом равнодушии, да мало ли еще в чем.

Вспомним великого мудреца Достоевского. Рассуждая в «Петербургской летописи» о человеке, имеющем доброе сердце, он писал, что «забывает да и не подозревает такой человек в своей полной невинности, что жизнь — целое искусство, что жить значит сделать художественное произведение из самого себя; что только при обобщенных интересах, в сочувствии к массе общества и к ее прямым непосредственным требованиям, а не в дремоте, не в равнодушии, от которого распадается масса, не в уединении может отшлифоваться в драгоценный, в неподдельный блестящий алмаз его клад, его капитал, его доброе сердце!».

Да, жизнь вышла из берегов привычного, и небо не безоблачно. Вопросов сегодня куда больше, чем ответов.

Сегодня модно говорить «нет». Нет четкой концепции перестройки, нет реальных результатов, нет перспектив обновления, нет ясного понимания обстановки, нет последовательности и решительности... Тем, кто говорит «нет», аплодируют, а тем, кто — «да», платят недоверием, если не хуже. Снова вползает в души предвзятость и подозрительность.

Рискну все же сказать «да».

Свершилось главное: пришло понимание, что дальше жить, как жили, просто нельзя, нетерпимо, унижительно. Утверждается реализм взгляда и трезвость мысли. Идет общественное пробуждение. Возрождается достоинство. Все осязательнее боль души и совести. Явственно слышен призыв к верховенству нравственности. Строятся демократические опоры общества.

И многое другое, что еще неподсудно времени, что со скрежетом ломает тысячелетнюю парадигму российской истории, что возвещает шаг в цивилизацию нового типа. Разве это не прорывы?

Уже есть нечто необратимое. Это необратимое лежит в неосязаемой, однако, реальной сфере духа. Общество никогда не будет прежним, в сознании совершен качественный рывок вперед.

Необратимо избавление от многих мифов, стереотипов, самообмана и самодовольства, долгие десятилетия отравлявших наш мозг и наши чувства.

Необратимо осознание, что жизнь по удобным меркам конформизма и застоя ведет только в трясину исторического отставания, и никуда больше.

Необратимо постепенное возвращение общечеловеческих идеалов и ценностей, осознанных как нравственные императивы: свобода личности, совесть, порядочность, доброта, милосердие.

Необратимо начавшееся пробуждение жажды деятельной жизни, свободы поиска.

Необратимо, как хотелось бы верить, и то накопление воли, решимости, без которых не может быть ни начала любого дела, ни тем более осязаемого результата.

Духом силен человек, духом движется история народов. Мучительно духовное рождение перестройки. Но без этого не приходится рассчитывать и на обновление общества. Такое рождение состоялось, и то, что уже принесла перестройка, войдет в историю как один из нравственных, интеллектуальных подвигов человечества. Надо только суметь достойно распорядиться его плодами.

Перестройка переживает все внутренние болезни переходного периода, включая детские. Они преодолимы, если достанет мудрости искать решения проблем не на путях противостояний, конфликтов, конфронтаций и отступлений, взаимных обвинений и поисков виноватых, а на осознанном единении, в конструктивных подходах и развязках. Они преодолимы, если будет выдержан курс на безусловное следование принципам гуманизма, демократии и гласности, на раскрытие творческих способностей и возможностей человека. Главное — идти вперед, не останавливаясь. Пройденное, открытое, познанное и прочувствованное совестью и мыслью, потери и обретения — тоже немало подспорье в этом движении. Каковы бы ни были трудности, сбои, просчеты, неожиданности, естественные для сложного переходного периода, чрезвычайно важно не упустить главное — смысл происходящего, его обновленческую перспективу.

Человек всегда несет в себе прошлое, возвышая или проклиная его, он тяготится или радуется настоящим, однако его всегда будоражит искушение заглянуть в будущее, в то

заманчивое, таинственное будущее, которого вроде бы еще нет, но которое грядет. Но разрыв времен невозможен. Будущее всегда в настоящем, будущее — в нас самих.

Сегодня общество в борениях страстей, в тревогах и заботах о будущем, но еще во многом живет в заводах прошлого. Вчерашними привычками, старыми взглядами, избитыми подходами. Тень прошлого неотступно висит над человеком и обществом. Оно многому учит, но и терроризирует.

Перестройка противоречива, у нее немало проблем и сложностей — как унаследованных, так и вновь рождаемых. Она предельно критична к себе и тем самым созидательна. Но, как говорят, если человек прав, он должен быть всегда начеку. Так и перестройка, будучи делом совести и правды, должна повысить бдительность к опасности реванша корысти и лжи.

Идеи общественных преобразований зрели давно. К пониманию необходимости обновления, кардинальных перемен общество шло долго и мучительно. Фактически такое ощущение появилось одновременно со становлением системы, сложившейся в 30 — 40-х годах. Чем дальше, тем больше накапливались доказательства происходящих деформаций. Но административный — экономический и политический — механизм сопротивлялся долго и по всем направлениям, не зная пощады и не испытывая мук покаяния.

В сфере духа были возведены мощные догматические и информационные преграды развитию общественного сознания, что и по сей день играет заметную разрушительную роль.

Ускорителем общественной мысли и политической практики стал XX съезд КПСС. Обострилось понимание, что до пропасти осталась самая малость. Тревога о судьбе страны и гнетущее ощущение постепенной утраты динамики развития объединяли самые разные силы в поиске выхода из тупика. Но реальная возможность обновления в то время не была использована, что углубило кризисное состояние общества.

Застой становился губительным не только из-за социально-экономических деформаций, но и вследствие нарастающего паралича интеллектуальной, духовной жизни. И тот анализ, что проделан за время перестройки, надо было сделать еще в 50-е и 60-е годы. Но тогда недоставало решимости и глубины понимания проблем, видения перспективы, а главное — доверия к ответственности и здравомыслию людей. Испугались демократизации. Начались игры в ограниченные разрозненные реформы и частичные преобразования, которые были обречены на провал самой их разрозненностью, ограниченностью и привели к поражению реформаторских настроений в обществе и новой волне охранительно-консервативных тенденций.

У перестройки — исторический масштаб. Современное

обновление общества — крупнейший шаг вверх по социально-исторической лестнице, вывод страны на новую ступень цивилизации. Ясно, что такая цель даже при самом благоприятном стечении обстоятельств не может быть достигнута вдруг. Преобразования всех сторон жизни, если, конечно, заниматься этим всерьез, не могут быть осуществлены за год-другой.

Молнии прошлого поражают нас беспощадно. Преодолеть завалы времен непросто. Коренные проблемы жизни приходится решать в условиях иждивенческой психологии, тормозящих деформаций в экономике и политике. Достаточно сказать, что именно перестройка приступает к искоренению идеологии принуждения — в сознании и в практике, вековые традиции которой в своеобразной форме были встроены в режим личной власти, причем в ее трагическом варианте. Все это отягощает ситуацию, порождает дополнительные экономические, политические, нравственные сложности.

Насколько вопрос кардинальной переделки общества серьезен, показали не только истекшие пять лет мучительных поисков наиболее оптимальных решений, но и то, какому ожесточенному сопротивлению административно-хозяйственного аппарата подвергалась линия на перестройку. Будущие историки, вероятно, отыщут в бумажных ворохах бюрократического аппарата всю ту изощренную вереницу действий, приказов, инструкций, разъяснений, которые все делали для того, чтобы жизнь на местах текла по-старому, а «свободы», провозглашенные на высоких собраниях в Москве, испарялись на пути к тем, кому предоставлялась эта «свобода».

Административно-командная система продолжает жить, действовать, бороться за свое место у власти, она всесторонне овладела наукой «креслологии» в новых условиях. Она оказалась гораздо коварнее, чем можно было ожидать. Способствуя падению дисциплины, разрыву хозяйственных связей, что привело к падению производства, эта система начала формировать тезис о том, что без нее не обойтись, что она нужна сегодня так же, как и вчера. Кроме того, хозяйственная мафия начала подкармливать экстремистов в национальном движении, стараясь вынуть из него прогрессивное начало и ввергнуть в межнациональные междоусобицы, распри, пропитанные ненавистью.

Ядро деформаций, их суммарное выражение — отчуждение человека. Отчуждение от власти, от собственности, от производства. Римское право, к несчастью, обошло Российскую империю стороной. И ее массовый подданный никогда не был полноправным собственником — ни юридически, ни практически, если говорить о действительном содержании этого явления. Он — слуга государства, слуга царя, слуга еще кого-то. Всегда в придуренном, полупридуренном, пре-

клоненном состоянии. И карьера подавляющим образом зависела не от собственных способностей, а от благоволения свыше. Продвигался на царевой службе, блага получал от высококочтимого начальства.

Революция 1917 года взорвала систему отчуждения, передала собственность и власть народу. Но потом произошло противоестественное для социалистического идеала явление. Шаг за шагом сложилась государственная монособственность, освященная моновластью. Не была найдена гармоничная связь между всеобщим (государственным) и частным (индивидуальным, личностным) интересом. Именно отсюда и пошли все беды. Отчуждение от власти и собственности оказалось неиссякаемым источником социальной инертности и распада личности.

Социально-экономические структуры «упростились» до предела. Предполагалось, что если устанавливается единая форма собственности, то начнут отмирать и многообразие социальной среды, и сложные связи «собственников» и «несобственников». Ставилась задача добиться планового определения индивидуальных затрат и запросов, минуя стадию купли-продажи. Говорилось о том, что чрезвычайная сложность торгово-денежных отношений обременяет производство, поэтому на смену системе отношений «человек — вещь — человек» должна прийти система «человек — человек». На этой основе и внедрялись утопии прямого продуктообмена, планового распределительства и др. В освободившееся от товарно-денежных отношений пространство устремились черная экономика, коррупция, бесхозяйственность со всеми их последствиями. Сложилась производственные отношения, охотно вбирающие в себя не только антиэкономику, но и нуждающиеся в бюрократическо-приказной системе.

В сущности, прогноз, согласно которому общество, развиваясь, будет двигаться к прозрачности общественных связей на основе упрощения социальных структур, толковался весьма примитивно и оказался в противоречии с жизнью, ибо суть исторического прогресса состоит как раз в движении от простейших отношений ко все более сложным.

Монособственность и моновласть сложились в тормозящую силу, которая деформировала общественные отношения и породила иждивенчество в широком разнообразии его форм, уровней, проявлений. Подобный уклад, основанный на жестких иерархических структурах в экономике, политике, культуре, на командно-административных методах управления, обескровливает своих противников — самостоятельность, инициативу, ответственность, самобытность и человека, и коллектива, и района, и республики, насаждает привычку жить в режиме авторитарности.

Думаю, что не промерены до конца и последствия той экономической и особенно духовной самоизоляции от внешнего мира, которая на протяжении десятилетий делала воз-

можным поддержание командно-административной модели управления, облегчала ее функционирование, а тем самым способствовала в конечном счете утверждению застоя. Количественный ущерб еще можно как-то измерить. Качественный только начинаем видеть и оценивать.

Перестройке трудно. Время бурное, до предела насыщенное противоречиями, мощным вторжением в жизнь нового, дерзкого, подчас неожиданного. Экономическая и политическая обстановка, настроения общественности, проблемы дня меняются быстро, динамично, нередко и радикально. Нежелание трезво оценивать возникающие проблемы, неумение разумно, взвешенно, всем вместе решать их подменяются часто необузданными эмоциями, толкающими людей за черту закона. Далеко не все еще понимают, что свобода человека невозможна без дисциплины, ответственности и активно действующей законности. Необходимость глубочайших общественных преобразований нередко воспринимается как-то «стерто». Из жесткой, взаимозависимой триады «перестройка — труд — качество жизни» как бы выпадает «труд», а весь упор делается на незамедлительном получении благ свыше, от государства, у которого этих благ просто нет.

Отсюда — мелкая суета вокруг ничего не решающего перераспределительства, вместо того чтобы всем миром через труд и его новую организацию перестроить экономику и на этой основе создать процветающее общество. Падение производительности труда и дисциплины, всплеск иждивенчества, потребительства, группового эгоизма, многоликого экстремизма, угар национализма серьезно осложняют обстановку и тормозят святое дело обновления страны, ее демократического возрождения.

Перестройка еще не осилила и мощного сопротивления глубоко окопавшегося консерватизма в самых разнообразных его формах и проявлениях. Через демократизацию и гласность возрождена политическая жизнь, реализм и трезвость оценок. Но консерватизму трудно расставаться с привычным покоем, удобным и комфортабельным существованием, а всего тяжелее — с незаслуженными аплодисментами.

Продолжает заявлять о себе доперестроечный идеологический фундаментализм. Время от времени оживляются и некоторые идеологи застойной эпохи, вернее, еще находят поддержку в разных слоях общества и по разным мотивам те устаревшие политико-идеологические схемы, которые утвердились на протяжении последних шестидесяти лет.

Догматические настроения оказались очень живучими, а некоторые их носители и защитники еще сохраняют в своих руках рычаги управления. Догматизм цепко держит сознание своей способностью давать внешне простые ответы на сложные вопросы. Но если разобраться по существу, это вовсе и не ответы, а уход от них, а значит, бегство от социальной ответственности в политике и теории.

С другой стороны, проявляет себя и извечное левачество — это проклятье любой революции. Его адепты горячо торопят других и суетятся сами. При определенных обстоятельствах левачество перерастает, как свидетельствует исторический опыт, в разрушительство — многоплановое, ведомое разными мотивами. Неважно, что разрушать. В погоне за славой сойдет и геростратова, за популярностью — сиюминутная.

Ослепление и ненависть ведут в никуда. На социальном мазохизме ничего не построить. В них нет ни добра, ни милосердия, ни порядочности, ни правды, в которых мы столь сегодня нуждаемся. Ожесточение слишком въелось в наши сердца и души, нравы и привычки. У него свои перво-причины, свои питающие корни. Трудно пройти через испытания, что выпали на долю нашей страны, не понеся при этом моральных утрат. Да и сегодняшние неустроенности и проблемы душевного равновесия не прибавляют. Все так.

В ожесточении видится и нежелание предъявлять требования к самим себе, своему поведению и нравственным принципам. Но лишь из такой требовательности и складывается главное: личное достоинство, совесть, самодисциплина, хорошая семья и здоровье коллектива — все то положительное, объединяющее, на чем только и может строиться нормальное человеческое общежитие.

Серьезным испытанием для перестройки оказались конфликты на национальной почве. Трудно было представить, что реальные социально-экономические проблемы в некоторых регионах легко удастся повернуть на националистические рельсы, направить против перестройки. Здесь противоречиво и противоестественно сложились вместе, сплелись в один узел, умножили друг друга справедливые требования, честные намерения, новая атмосфера перестройки, сделавшая возможными гласные, демократические, свободные формы жизни, но и деятельность антиперестроечных, коррумпированных сил. Недооцененная в свое время античеловеческая сущность националистического экстремизма, фанатизма обнажилась во всей своей мерзости.

Реакционный национализм ходит в разных одеждах.

Это и национализм, так сказать, традиционного плана.

Это и ставшие заметными в новых условиях шовинистические проявления немногочисленных народов по отношению к народам еще более малочисленным.

Это и сионизм, политическая сущность которого хорошо известна.

Это и антисемитизм. Известный русский философ В. С. Соловьев, рассуждая на тему национализма, писал: «Усиленное возбуждение племенной и религиозной вражды, столь противной духу христианства, подавляя чувство справедливости и человеколюбия, в корне развращает общество и может привести к нравственному одичанию, особенно при

ныне уже заметном упадке гуманных идей и при слабости юридического начала в нашей жизни.

Вот почему уже из одного чувства национального самосохранения следует решительно осудить антисемитическое движение не только как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России».

Это и великодержавный шовинизм, в отношении которого В. И. Ленин в год образования СССР сказал: «...объявляю бой не на жизнь, а на смерть». Но его и до сих пор усиленно стараются разбудить, активизировать и изнутри, и со стороны.

Прикрываясь справедливыми требованиями развития национального, националистические течения стремятся размыть границу между тем и другим, поставить себе в услужение рост созидательного национального самосознания, национальной самобытности народов.

Но граница эта ясна предельно. Везде, где проявляются претензии на исключительность, предпочтительность какого-то народа, мы имеем дело с национализмом, националистическим чванством и высокомерием, которые разъединяют людей, противопоставляют их друг другу. И тем самым объективно стимулируют антидемократические, авторитарные силы и тенденции, ввергают людей в унижительные межнациональные распри.

История человечества полна попыток утвердить превосходство одних народов над другими. Они всегда и всюду приводили к насилию, войнам, к оскудению земли и духа. Нигде и никогда они ничего не создали, не построили, не открыли. Успехов добивались только те страны и народы, что хотели и умели жить в согласии с соседями, работать сами и сотрудничать с другими ради более достойной жизни.

Оглядываясь на события последних лет, особенно на те из них, что связаны с политыми кровью национальными конфликтами, с бесхозяйственностью, порождающей социальную напряженность, со ржавчиной равнодушия и некомпетентности, трудно отделаться от мысли, что кто-то намеренно раскачивает лодку, провоцируя любые, порой непоправимые по своим последствиям явления, столкновения интересов, для того чтобы воспользоваться ими как предлогом для отказа от демократизации и гласности, для «закручивания гаек», а потом и свертывания преобразований вообще. Заинтересованных в этом немало.

Все это происходит в условиях, когда реформаторское ядро в обществе еще только складывается, причем с трудом, когда еще продолжается противоречивый процесс выработки и осознания новых подходов, которые послужили бы основой столь необходимого общенародного согласия на путях и в целях достижения нового качества жизни.

И все же, на мой взгляд, история обходится с перестройкой несправедливо, отягощая ее гуманистический, демокра-

тический, созидательный потенциал неизбежностью расплаты за чужие грехи, за просчеты прошлого. К наследникам, как известно, переходит не только имущество, но и обязательства. И речь идет не только о жилье, продовольствии, товарах широкого потребления, хотя именно эти проблемы создают особую нервозность в обществе. Речь идет, например, о Чернобыле, который был подготовлен десятилетиями безответственности на всех уровнях руководства и исполнения. Но расплачивается за него перестройка — в прямом и переносном смысле. «Чернобыль» в межнациональных отношениях, в финансовой системе, в социальной сфере, в экономических последствиях гонки вооружений — все это формировалось десятилетиями, но отвечать приходится перестройке.

Объективная логика исторического процесса такова, что, если перестройка не рассчитается, и как можно быстрее, по наследным долгам, она рискует деформациями. Эти два плана перестройки — конкретный и исторический — основное ее противоречие, источник серьезных трудностей.

И все же, спрашиваю себя, какие силы и факторы столь упорно сопротивляются общественному обновлению, тормозят перестройку, компрометируют начатые преобразования? На мой взгляд, их пять: бесхозяйственность, иждивенчество, бюрократизм, консерватизм и национализм. Их можно называть в любом порядке, ибо они примерно равны по тормозящему и разлагающему действию. Существовать одно без других не может, а все вместе составляют механизм, мощный экономически, политически и социально, освященный догматизмом и основанный на страхе. Вот почему и до сих пор революционные перемены встречаются порой в штыки, а еще чаще отторгаются или топятся в привычном бюрократическом болоте. Постоянным нападкам подвергаются демократические процессы и гласность, атакуются интеллигенция и средства массовой информации.

Когда пошла вперед политическая реформа, начали развиваться демократия, гласность, была и надежда, что экономическая реформа зашагает столь же широко, тоже на ускоренной основе. В жизни этого не произошло. Экономические реформы отстали, они не приобрели революционного характера. Именно эти ножницы и создали сейчас сложную обстановку, которая требует особого внимания и анализа, в том числе и тех конкретных причин, которые затормозили развитие экономической реформы. Из этой опасной ловушки надо выбираться как можно быстрее.

Кроме того, демократия обязана жестко обходиться с теми, кто тормозит экономическую реформу, саботирует ее, кто правильно смекнул, что в настоящее время только хозяйственными неурядицами можно вызвать недовольство людей, а значит, и повернуть их против преобразований в обществе.

Нередко все это и многое другое делается под прикрытием демагогических фраз о «спасении» социализма, его идеалов. Политическая нечистоплотность здесь очевидна.

Перестройка всегда призывала и призывает к укреплению основ социалистичности, к уважению труда поколений, его итогов, достигнутых во многом вопреки тяжелейшему сплетению объективных и субъективных условий. Она активно выступает против социальной распушенности иррациональных эмоций, темных инстинктов, группового эгоизма. Утверждать противоположное — значит либо отвернуться от фактов, либо намеренно лицемерить во имя корыстного интереса, корыстного зова в прошлое.

Перестройка — это свобода, закон и дисциплина, на которых только и могут стоять экономика и политика, здоровый образ жизни, на которых только и может быть достигнуто решение любых, самых острых и давящих проблем.

Там, где налицо преступление против общества, личности, государства, должен вступать в силу закон, неукоснительно, неотвратимо и жестко. И это как раз тоже принципиальный разрыв с прошлым, а во многом и с настоящим, когда закон оробел, действует порой избирательно, часто не уважается и не соблюдается.

Но там, где преступления нет, дисциплина и самодисциплина должны быть следствием экономического интереса, гражданской воспитанности, самосознания, развитой нравственности, питаемой условиями жизни. Только так, и не иначе. Уповать и далее на силу административных запретов, установлений, всевозможных ограничений значило бы и дальше мириться с двойной и тройной моралью, цинизмом и распушенностью.

Назад, во времена доперестроечные, возвращаться мало кто хочет. Никто не предлагает, по крайней мере публично, и альтернативы перестройке. Но еще значительно число тех, кто не приемлет радикальных реформ, боится демократии и гласности, хотя и говорит, что тоже за перестройку. Иными словами, разные люди и разные группы вкладывают в перестройку свои представления, свои интересы. Вот почему и возникает вопрос, кому и какая нужна перестройка.

Та, что действительно глубоко вспашет устоявшуюся социальную почву, откроет новые горизонты в жизни? Или же ее бледное подобие, страдающее одышкой и беспоследовательностью, бюрократическим склерозом, а то и авторитарностью? Первая требует настоящей работы — организационной, идейно-теоретической. Вторая удовлетворится скольжением по гладко натертой поверхности слов. Первой как воздух необходимы грамотное хозяйствование, дисциплина, законность, порядок — по сути. Вторая вряд ли пойдет дальше пустословия и демагогии.

Из эпохи, когда отдельные недобросовестные люди наживались на исторически сложившихся дефицитах, общество

наше вползло через застой в условия, когда массовые дефициты могут намеренно организовываться ради наживы или политических целей. Такова реальность, которую нельзя не видеть.

И все это — пора признать — будет сохраняться до тех пор, пока собственность остается ничейной, пока за бесхозяйственность платит народ, но не те конкретные люди, по вине которых растет бесхозяйственность. Будет сохраняться и до тех пор, пока действует непомерно разросшаяся система государственных дотаций, сегодня защищающая уже не слабого, но не умеющего и не желающего по-настоящему хозяйствовать; обеспечивающая уже не столько потребности общества, сколько потребности и интересы ведомственные, групповые.

Поворот назад был бы катастрофичен. Не только экономически, но и социально. Сталинизм держался не только на насилии, но и на надеждах, на глубочайшем и искреннем идеализме порыва народа к светлому будущему, а также и на немалой социальной наивности политически неискушенных масс. Все это и питало неподдельный энтузиазм, доверие к власти и ее планам, стратегии, не знающие себе равных готовность к самопожертвованию и долготерпение. Эти добрые чувства и побуждения оказались в итоге обманутыми, но тогда-то они были и действовали не одно десятилетие.

Ныне все эти факторы иные, изменились общество, народ, условия жизни. И самое опасное в сценарии поворота назад, если бы он состоялся, — то неуправляемое противоборство индивидуальных и коллективных амбиций, интересов, эгоизмов, которое бы он породил. Противоборство не на здоровой основе нормального жизненного соревнования, конкуренции в свободном, правовом гражданском обществе. Но на базе большого общества, большой экономики, социальных проблем. В таких условиях нравственные сдерживающие начала окажутся не самыми эффективными, и болезнь общества в итоге лишь усугубится.

И другая опасность: сама идея демократизации, реформ могла бы оказаться дискредитированной на долгое время. Общественный идеализм не умрет, он сопровождает человечество через всю его историю, был с людьми в самых тяжелых испытаниях. Но его венчание с практикой в очередной раз откладывалось бы на неопределенное время.

Впереди решающий этап, и решать его в конечном счете обществу, всему народу. Преобразования исторически необходимы. Трудности их, сомнения, кризисные явления естественны. Напряжение пока нарастает. Осилит или нет? Хочу верить, что осилит. Убежден, что имеем для этого все предпосылки и возможности. От будущего не отрекаются.

РАСПРОЩАТЬСЯ С ИЛЛЮЗИЯМИ...

Вопрос: В чем, по-вашему, главные ошибки инициаторов перестройки?

Ответ: Давайте спросим себя, почему говорим об ошибках?

Скажите — очевидное состояние общества и экономики, положение в магазинах и на улице. Да, кризис, это факт, но каковы причины его? И качественное содержание? Что это — кризис перед смертью или кризис развития?

Одни говорят — вся перестройка в целом была ошибкой, она не состоялась, не надо было ее начинать. Кругом руины, развалины. А у некоторых противников перестройки даже фантазмагорические видения начинаются, а все из-за того, что удобное кресло жалко потерять. Этот крах маскируется высокими идеями. И на этот раз не буду называть глашатаев подобных концепций, уж больно обидчивы они, да и злы, нетерпимы. Бог и история им судья, но с подобной позицией не могу и не смогу согласиться.

Другая точка зрения: цель, концепция, стратегия перестройки — в целом верные и нужные, но вот осуществление никуда не годное.

Верно, ошибки крупные, и немало, к сожалению. Но неужто и впрямь они равны по итогам фашистскому нашествию. Это же кощунство. Но критики такого рода пока не сказали ничего ясного и определенного — а что бы лично они делали иначе и как?

Третья позиция: комбинаторика в пределах перестройки. То есть что можно было сделать раньше, что потом, что в сочетании друг с другом...

Продолжало быть убежденным: без перестройки кризис общества принял бы куда более опасные формы.

Были ли у перестройки стратегические ошибки? Да — некоторые из них вижу. Надо было с самого начала вести

дело к тому, чтобы иметь три независимые ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Этого не было сделано, и мы получили всесоюзное соревнование в говорильне.

Возможно, будет правомерным сказать и о другой. Поначалу думали только о совершенствовании экономических отношений и только потом, с запозданием об их кардинальном преобразовании.

Мнение, что перестройка переродилась или перерождается во что-то иное, тем более антинародное, мне лично представляется, мягко говоря, спекулятивным, а точнее, демагогически провокационным. И если перестройка потерпит поражение, что ж, значит, ее идеи опередили время, не получили или потеряли на ходу поддержку народа. Жаль, ибо вместо нее — мрак.

Но не только это. Значит, силы антипреобразований, спекулируя на сложностях переходного периода, сумели объединить страсти, как бы материализовать их на базе идеологического пещеризма, впадая в социальную истерику от потери «неких ценностей», которые в силу своей имманентной разрушительности уже привели страну к пропасти. До сих пор некоторые идеологи каждое преобразование, каждый шаг вперед измеряют идеологическими штампами, но не практической эффективностью, полезной человеку. А при нехватке чувства юмора ищут и посыпают ядохимикатами-ярлыками инакомыслящих-диссидентов, как это бывало в давнем и недавнем прошлом. Были и кородивые, и скоморохи, и вообще разные раскольники, особенно из «очкариков, аблакатов и скубентов». Потом в моде стали большие вяло текущей шизофренией, а также практика выталкивания в другие страны.

Еще древние римляне учили: что не запрещено, то разрешено. Диссиденты этот юридический постулат понимали романтически, репрессивный аппарат, включая партийный, — буквально, для себя, разумеется. Правда, те же римляне и восклицали: о времена, о нравы!

Как же живы эти традиции нетерпимости у сегодняшних властей держащих, которым мешают «успешно» править «так называемые демократы». Ведь как было все хорошо до этого — целых 70 лет. Не нарадуешься!

Вопрос: Что же, у России такая судьба — своим трагическим опытом учить других?

Ответ: Откуда это ощущение рока, обреченности попыток, начинаний, крупных планов и реформ? Оно было и у Чаадаева, и у декабристов, и у Радищева, и в какой-то степени у Петра I. Оно было и в 1917 году. Видимо, это ощущение можно считать постоянным спутником думающих, ищущих, стремящихся что-то изменить к лучшему России во все времена. В чем его корни?

Разбираться в этом — значит разбираться в нас самих. Авторитаризм для нас — не только образ правления, но и образ жизни, образ психологии, состояния души. И наверху, и внизу.

Его эффект, если смотреть сквозь призму реформ:

— создает иллюзию всемогущества, представления, будто «власть может все». В том числе и в добром смысле: реформы, преобразования, «просвещенное правление»;

— авторитаризм порождает и поддерживает мощные объективные препятствия реформам, переменам, обновлению. И потому требует соответствующих духовных и политических орудий их взлома ненасильственным путем;

— авторитаризм как образ жизни рождает поколения психологически зависимых людей, а в сущности рабов. Они протестуют против угнетения, идут на жертвы ради свободы, но потом, когда становится легче, вызывают старых духов, пусть подсознательно, чтобы кто-то правил, «володел». Они могут поддержать реформы, могут даже их ждать и с готовностью принимать. Могут предпринимать действия сродни бунту, восстанию, революции — то есть интенсивные, энергичные, но кратковременные. Однако им претит долгое, целеустремленное и кропотливое созидание. В делах крупных политических преобразований это хорошие бегуны на короткие, а не длинные дистанции.

Если и можно говорить о какой-то российской особенности, то только и исключительно в смысле специфического, уникального сочетания всего комплекса факторов, существенных для жизни общества, для формирования его гражданских и политических структур. Но в этом смысле «особо» положение каждой страны.

Мне гораздо интереснее слова Чаадаева о том, что принадлежим мы к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества. А почему не входят? Мир не принимает или сами не идем?

Если мир не принимает — насильно мил не будешь, навязываться смешно. Да и нам приятны объятия далеко не каждого в этом мире. Подходить ко всему надо с самоуважением.

Чаще — не хотим идти сами. По крайней мере сейчас. Причины — то же самое психологическое наследие авторитаризма, которое насаждает трудноизлечимое, но излечимое, — сочетание комплекса неполноценности и, как его компенсации, — комплекса особенности, исключительности.

Ключ к развитию — в общении с миром: экономическом, духовном, научном, всяком. Повседневном, разностороннем, через массу совместных практических дел. Гороскопы пророчат, что XXI век может стать веком России. Если и суждено, то только на такой — свободной, демократической, распахнутой в мир основе. Не будет распахнутости — никакие наши

отечественные достижения, самые подлинные, не сделают не то что век — год российским.

Вопрос: Во что вы лично верите сегодня, если сравнивать ситуацию с 1985 годом?

Ответ: Вера нужна, но нельзя жить одной верой — тогда она рискует перерасти в фанатизм.

Наверное, у кого-то вера утрачена. Но какая вера и во что? Если это была вера в перестройку как в чудо — так и хорошо, что утрачена. Если это была вера в то, что какая-то группа людей решит все проблемы, — тоже хорошо, что утрачена.

Это все не утрата веры, а прощание с иллюзиями, прикованность к которым еще сильно сказывается. Это прощание трудно дается, болезненно переживается, но, в общем, это процесс выздоровления.

Важнее то, что извлекается из этого водоворота. Обретаем ли мы реалистическое видение самих себя, страны, ее проблем? Обретаем ли элементарную по достоверности и хотя бы минимально необходимую по объему информацию? Обретаем ли уверенность в себе, веру в свои силы, доверие к собственному своему мнению? Обретаем ли новые социальные навыки и умения, которые и есть показатель того, что общество развивается, не стоит на месте? Приращиваем ли нравственность, хотя бы движение к очищению и душ своих, и общественной жизни? Обретаем ли какую-то более высокую зрелость — и каждый человек в отдельности, и общество в целом?

Я бы на все эти вопросы ответил: «Да». И думаю, что не исчерпал обретения: а вкус свободы, а демократия, а возможность реализовать себя?

Вопрос: Вы нередко публично размышляете о будущем, но в общих чертах. Остерегаетесь высказываться конкретно?

Ответ: Не хочу гадать относительно того, каким будет Союз, когда окончательно утвердятся рынок, станет конвертируемым рубль, когда перестанем травить друг друга и т.д. Особенно в условиях, когда субъективные ошибки прерывают, пусть на время, естественный ход вещей, и наоборот, когда правильные замыслы опрокидываются случайным стечением жизненных обстоятельств.

Во-первых, потому, что сидит во мне некая самоцензура политика.

Во-вторых, потому, что понимаю — угадать невозможно. Да и полуторастолетний опыт нации постоянно напоминает о жертвах утопии. Да и на короткой дистанции — кто-нибудь в 1981 году мог предсказать перестройку? Предсказал бы межнациональные конфликты и гысячи беженцев?

В-третьих, потому, что не разделяю сам этот подход: «каким будет?». Будет таким, каким сделаем. А чтобы идти к успеху, надо все время спрашивать самих себя: кто ты есть?

чего на самом деле хочешь? что реально можешь? как твои возможности и способности соотносятся с ожиданиями и стремлениями?

Пора каждому брать на себя ответственность за свое существование. А государству — защищать это право и обязанность. Регулировать его применение, но разумно и в подчинении человеку, а не собственному эгоизму. Страховать, защищать действительно неспособные категории: старых и малых, инвалидов и т.п.

Это и есть здравый вариант развития.

Мир авторитаризма и насилия паразитировал на стремлении к устройству некоего лучшего, справедливого общества. Кажется, дошли до понимания: идеального общества, идеальной жизни не будет никогда, ибо идеалы тоже подвержены закону развития, да и проблемы, конфликты, трудности, столкновения интересов будут всегда — другие, но всегда. Всегда будут люди порядочные и не порядочные, совестливые и бессовестные. Избавиться от всего этого — иллюзия, утопия. Но не иллюзия и не утопия — сегодня и ежедневно, в каждом конкретном деле, на каждом месте строить жизнь так, чтобы все жизненные коллизии решать, регулировать, преодолевать разумно, нравственно, в интересах человека, а не абстракций.

Давно известно, что абсолютная истина есть банальность и пустота. Значит, императивно признание права на фундаментальные человеческие свободы: свободу мысли, свободу совести, свободу слова, свободу истины и свободу заблуждения, отрицающих принудительное мировоззрение.

Итак, демократическая свобода — это прежде всего утверждение метода свободного диалога, свободного спора, каким всегда пользовались и наука, и философия. Классическая философия права. И права, в частности, потому, что обосновывала либерально-демократическое государство на идее свободного соглашения, договора.

Она считала его прямым выводом из того принципа автономии разума и синтеза свободных мнений, который лежит в основе всякого научного философского и этического мышления.

Будем расти на этой почве — еще одна предпосылка нормального варианта развития.

Опаснейшая социальная болезнь — нетерпимость, которую надо целеустремленно и долго лечить. Она способна разнести в пух и прах всю страну, способствуя нравственной и даже физической деградации. Самое опасное и страшное, что эта нетерпимость есть в каждом из нас.

Разумное будущее и нетерпимость несовместимы.

Вопрос: Но нетерпимости, увы, много в этом обществе. Вот почему я спрашиваю вас — вы не боитесь, как Шеварднадзе, прихода диктатуры?

Ответ: Ситуация очевидна: спад производства, развал нормальных хозяйственных связей из-за всеобщего бегства от рубля — бегства, начало и пример которому кладет само же государство; интенсивность межнациональных стычек и конфликтов; гражданская озлобленность.

Эти опасности — минимум допустимого. Недооценивать их нельзя. Они беременны обвалом.

Я не записной оптимист, как это пытаются изобразить «еще более новые спасители Отечества», шаманы возвратной идеологии. Но больше всего боюсь самосбывающихся пророчеств — есть такое понятие в политологии и психологии: когда нечто сбывается только потому, что человек не видит альтернативы и заранее настраивает себя на один определенный, как правило, худший исход. Надо видеть и реалистически оценивать возможность худшего. Но нельзя ограничивать свое видение и поведение только им.

Нас ни в коем случае не ждет легкий, простой, только по восходящей вариант развития. Это просто исключено самим нашим положением, характером и масштабом накопленных проблем.

Что может в этих условиях быть для нас лучшим вариантом?

Выход из кризиса за 5—7 лет, с обновленными экономическими и политическими структурами, с разбуженным и самостоятельным, стремящимся действовать человеком. Тогда в последующие годы на основе обретенного качества начнется экономическое, социальное, духовное обогащение жизни, формирование подлинно гражданского общества.

Понимаю, что этот прогноз многим не понравится. Но одеваются по погоде, нравятся она или нет.

Сейчас на популистском уровне можно требовать немедленных благ для определенных категорий населения. Да, многие бедствуют. Да, надо делать все возможное — и в центре, на всех уровнях до трудового коллектива включительно, — чтобы облегчить их положение. Но при этом твердо понимать, что:

первое: по понятиям конца XX века страна наша небогатая, и ориентироваться на тех, кто живет на порядок выше, — значило бы усугублять свое положение на поколения вперед. Не должно быть голодающих, бездомных. Но до противоположного полюса социальной обеспеченности нам пока далеко. Тут тоже — и особенно! — нужна честность;

второе: в своей бедности виноваты сами. Впрочем, тут дело не в вине, а в беде нашей, в постигшей нас трагедии.

Вопрос: Многие из тех, кто считает себя либералом и демократом, предлагают судить партию и брежневских соратников...

Ответ: Да, следует заметить, что призывами к суду озабочены как отдельные амбиционеры слева, так и умудренные опытом репрессий неосталинисты. И на ком остановимся:

только на бывшем Политбюро, ЦК или спустимся до райкомов? Или, может быть, до директоров предприятий, до председателей колхозов, бригадиров, мастеров?

Суд может быть только там, где были преступления против закона. И только. При доказанной, а не сфальсифицированной основе. Во всем остальном нужно честное знание и честное понимание того, как и почему мы так живем. Только в этом случае окажемся способными менять свою жизнь к лучшему. Никакая расправа с явно или предположительно виновными делу не поможет, а только втопчет в грязь идеи демократии и гуманизма.

Серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ брежневизма — точнее, периода 60-х — середины 80-х годов — еще впереди, его даже не начинали. Почему?

Нетерпимость наша... Выгнать с госдачи — хорошо. А еще и в тюрьму засадишь — совсем прекрасно. Еще бы и жену, детей, внуков не забыть, чтобы другим неповадно было... Демоны, демоны, ведьмы и нечистая сила... Вот они летают над окопами, из которых отстреливаются от демократии.

Иван Грозный поступал радикальнее: просто вырезал весь ненавистный род, до грудных младенцев включительно. И аргументация была: чтобы никто из этого рода в будущем обиды не затаил...

Вся история доказывает — и мировая, но она нам не указ; и собственная, за тысячу лет с гаком: насилие порождает только насилие, и эта спираль, раскручиваясь, становится все страшнее по жестокости и числу жертв.

Когда-то должно хватить ума подвести черту. Еще можно остановиться, удержаться, кому-то простить. Поставить вне закона сами призывы к расправам. Никаких судов ни над кем, никаких «долой» — любая пенсия, любая госдача неизмеримо дешевле для общества, чем новая спираль насилия.

В сущности, сталинизм безнравственен не потому, что он не знал, как строить общество, где-то допустил деформации, отклонения, ошибки. Сталинизм безнравственен именно тем, что отлично знал и понимал, что, почему и зачем творит. Когда изымались в спецхран, просто уничтожались научные труды по философии, социологии, многим другим наукам — те, кто это делал, отлично понимали, какие идеи не должны достичь глаз и сознания человека. Сегодня, когда некоторые спецхраны раскрыты и мы видим, что и почему в них пряталось, становится несомненным — тот, кто прятал, прекрасно сознавал, почему и ради чего он это делает.

Вот почему я против «общественных судов», расправ, поисков ведьм. Сегодня мы достоверно знаем, куда это ведет, чем рискуем, какую цену можем заплатить.

Покаяние — да! Но не следовало бы смешивать принципиально разные вещи. Покаяние общее? Для всех? Для виновных? В чем я вижу его суть? В том, что каждый, перед

лицом собственной совести возьмет на себя свою долю ответственности за прошлое, за свои поступки, свое поведение. Один — за то, что доносил. Другой — что расстреливал. Третий — что смалодушничал, предал. Четвертый — что смолчал. Есть ли кто без греха, но именно своего? Надо сказать себе самому: «От меня зависит!» — и поступать соответственно. Вот смысл покаяния. Внутренняя работа души и совести, а не общенациональный стриптиз. Покаяние — не судилище над кем-то. Это — исповедь, честная и полная. И каждый сам для себя решает, надо ли ему каяться, как и в чем.

Но почему должен каяться тот или иной человек по чьим-то требованиям? Я могу быть тысячу раз не согласен с тем или иным человеком, но он имеет на свои взгляды такое же право, как я на свои. И если не гарантировано его право, то никак не может гарантироваться и мое. Демократия, правовое государство, цивилизованное общество означают, что, как бы люди ни расходились во взглядах и оценках, должно быть незыблемым право каждого иметь свою точку зрения, свои убеждения и свободно высказывать их. Иначе — одномыслие наоборот.

Вопрос: Мы, кажется, выстроили новую методологию... Но один из главных пунктов ее: что скажет Марья Алексеевна, то есть — мировое сообщество?

Ответ: Я вообще не разделяю нынешней абсолютной нацеленности многих — по разным причинам и даже с разными целями — на Запад.

Мы, с нашими 120 народами, 200 языками, многообразием культур, условий и т.п., — как бы модель мира. Нельзя замыкаться на одной — любой — его части. Не впадать и тут в крайности.

Мировое сообщество разуверится в нас?.. А кто конкретно?

На старте XX века в европейском международном праве было вполне официально принято деление стран мира на цивилизованные — это Центральная и Западная Европа, Северная Америка, получивилизованные (к ним относились, в частности, Россия, Япония и другие) и нецивилизованные — все остальные. Не впадаем ли мы с общими рассуждениями о мировом сообществе в нечто подобное.

Если в нас действительно разуверятся, то надо будет просто внимательно и честно проанализировать, кто именно и почему. Дали ли мы к этому повод? кому и чем, для чего? оправданны ли были изначально чьи-то ожидания? чего от нас хотели? Вот и все.

Конечно, если разуверятся обоснованно, это повод для самых серьезных размышлений. Но все же, прислушиваясь к мнению других и уважая это мнение, и человек, и народ должны жить своим умом, строить свою жизнь по-своему. Тогда уважать будут, а не разуверятся. Преобразования

необходимы прежде всего для нас, а не для оправдания чьих-то ожиданий.

Но суть-то вопроса в другом — что будет с нами в мире, если перестройка потерпит поражение?

Вот тогда считаться с нами не будут. И уважать не будут. Возможно, не будут и притеснять — страна большая, себе дороже окажутся попытки притеснения. Но достойный нашей страны, ее народов статус в мире можем утратить надолго.

Потом все равно придется зарабатывать такой статус, но уже с иного старта, в худших условиях, чем сегодня. Вот о чем нам следовало бы думать, а не об изоляционизме, который диктуется или политиканством, или страхом, или тем и другим.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ ХЕДРИКУ СМИТУ

Вопрос: У меня очень много вопросов... Расскажите вначале о себе, о Вашей политической эволюции. Когда-то, много лет назад, Вы, я полагаю, верили в систему, в возможность изменений. Сейчас Вы — сторонник нового политического мышления. Когда, на каком этапе Вашей жизни начались перемены в Ваших политических взглядах, в Вашем отношении к Сталину, к его системе?

Ответ: На этот вопрос трудно ответить однозначно, вряд ли существует резкий рубеж, когда человек сегодня один, а завтра совсем другой. Конечно, бывают случаи в жизни, когда человека посещает озарение или под влиянием каких-то драматических обстоятельств он резко рвет со всем былым. Для нашего общества, да и для меня лично вряд ли верно искать такой единственный момент, когда произошла вразломка политических взглядов.

Наше современное общество действительно очень динамично, и люди быстро взрослеют под давлением разных обстоятельств, и внутренних и внешних. Если говорить покрупному, и то с оговорками, коренным поворотом в жизни страны может считаться XX съезд партии. В то время люди моего поколения были сравнительно молодыми и восприятие было соответствующим. И все же, говоря откровенно, не было такого ощущения, что у нас все переменялось. Впервые, это было бы неестественно. А во-вторых, если бы какой-то человек и сказал, что у него разом произошел расчет со всем прошлым, то это было бы вряд ли нравственно и правдиво. Но накопление критического материала в отношении прошлого произошло в период XX съезда и особенно после него, что, конечно, сыграло решающую роль. Но вопросы самим себе люди задавали гораздо раньше XX съезда.

В детстве, в юношеские годы политических сомнений у

Москва, октябрь 1989 г.

Смит Хедрик Лоренс (р. 1933 г.) — американский журналист. Был корреспондентом «Нью-Йорк таймс» во Вьетнаме, на Ближнем Востоке, в ЮАР. Возглавлял московское бюро. Автор ряда книг. Последняя книга «Новые русские» — плод наблюдений автора за перестройкой в СССР.

меня в отношении системы, общества, социальных порядков не было. Помню, во время раскулачивания я задавал себе вопросы, а почему раскулачили Ивана Порфирьевича Ляпушкина — дядю мамы, который был очень трудолюбивым человеком, честно себя вел, регулярно ходил в церковь, был добрым соседом. Я не мог себя не спрашивать. А если бы и не спросил, спрашивала об этом моя мама, поскольку она плакала, ходил угрюмым мой отец. Для них это было тройне непонятно. Но учтите, что жили мы в деревне Ярославской губернии, были оторваны от цивилизации и от тех бурных политических процессов, которые происходили в то время.

Помню эпизод, связанный с договором с Германией в 1939 году. Я был молодой, шестнадцатилетний парень и воспринял это как нормальное явление, все правильно, все хорошо. А были мы с отцом в это время в огороде, что-то делали. И отец говорит: «Да, значит, скоро война...» Я до сих пор поражаюсь, почему отец с четырьмя классами образования, крестьянин, никогда не занимавшийся высокой политикой, уже тогда точно определил, охарактеризовал вот этот договор в одной фразе. Тогда я на него с удивлением посмотрел, мне даже казалось, что он политически недостаточно созрел по сравнению со мной. но жизнь показала, что он-то созрел, а я еще нет.

Другой личный вопрос, очень крупный, я себе стал задавать после войны. Может быть, это несколько неожиданно прозвучит, но это вопрос о судьбе военнопленных. Он меня очень волновал. Я прошел фронт и знаю, как попадали в плен, знаю, что это были за ребята. Мне совершенно было непонятно, почему почти все, возвратившиеся из плена, должны были пройти сквозь чистку в лагерях. Вместо того чтобы встречать их как героев, их встречали как потенциальных изменников, чуть ли не врагов. Вот этот вопрос я сам себе задавал и своим товарищам, своим друзьям.

После фронта все, кто остался жив, пришли с достаточно смелыми мыслями и независимыми взглядами. Мы вышли из смерти, в рваных и грязных шинелях, пропитанных кровью, как бы вернулись с того света на этот свет, и вели себя, по-моему, достойно.

Вопрос: Какое лично у Вас было отношение к Сталину до войны, во время войны, после войны? И когда оно начало изменяться?

Ответ: И до войны, и во время войны, я не собираюсь тут лукавить, у меня была полная вера в Сталина, и в строй, и в то, что делается. Для этого были свои объективные обстоятельства, и такое отношение формировала массивная пропаганда. Прозрение было нелегким.

И еще одна психологическая деталь. После XX съезда, когда со Сталиным стало вроде бы все ясно, у нас в семье самым ярким защитником его оказалась моя мама. Она была

неграмотная, не умела ни читать, ни писать, и, когда мои друзья, или отец, или я что-то начинали говорить отрицательное о Сталине, мама обычно выдвигала два аргумента. Первый — так сказать, нравственно-моралистический. Она говорила так: про царей говорить плохо — это дурно. Это первый ее довод. Второй таков: вот бы вы пожили, как мы жили до революции и в первые годы после революции, тогда бы поменьше судачили. И ее можно понять. В деревне у нас была узенькая полоска земли. И отец с матерью с утра до ночи работали, как говорится, от зари до зари на этой полосе. Я мальчишкой был, помню их утомленные, изможденные лица. Хватало нам еды, как говорят, от осени до весны. Причем мясо — только по праздникам, правда, и по престольным, и по революционным, а праздновали в то время в деревне и те и другие. Вот по этим праздникам мясо было или там пироги с мясом, а так — нет. И сахар, как говорится, вприкуску, а то и — вприглядку. До сих пор помню, как отец привез немножко пряников из города.

Жизнь резко изменилась, а в довоенные годы улучшалась. Жилось полегче, чем в единоличном хозяйстве. И это производило впечатление. Только мой отец, человек с каким-то своеобразным умом, говорил: да, жить-то стали лучше, да работать стали меньше. Вот тут и вся практическая политэкономия.

Вопрос: Взгляды, похожие на Ваши, были и у других?

Ответ: Пожалуй, да. Взгляды на Сталина, на сталинизм и на тот социализм, который он исповедовал, всерьез стали меняться после XX съезда.

Наверное, у людей постарше это произошло раньше, чем у меня. Может быть, не знаю.

Вопрос: Вы были на XX съезде?

Ответ: Да, как приглашенный.

Вопрос: Какая реакция у Вас была, когда Вы услышали доклад Хрущева?

Ответ: Вы знаете, реакция шоковая. Была мертвая тишина, люди не смотрели друг на друга. Помню, я сидел на балконе и, когда с балкона спускались вниз, я слышал только одно слово, произносимое одним, вторым, третьим, — «да-а». Слышишь только это «да». Никаких разговоров, люди шли, понуря головы. Не умещалось сразу в голове то, что услышали. Это было очень тяжело, очень тяжело. Особенно тем, которые не были заражены цинизмом и верили в идеалы, не знали правды. И как обвал — с трибуны съезда информация, которая должна изменить круто все движение общества и душевное состояние каждого, — это было, повторю, очень тяжело.

Для того чтобы разобраться во всем этом, требовалось, конечно, время. Лишь постепенно крепло убеждение, что действительно наделано немало ошибок. К тому же процессы после XX съезда протекали очень противоречиво. Как бы

с разной скоростью катились два поезда, или летели два самолета, или скрипели две телеги, и в разных направлениях. Один поезд шел старым маршрутом, а другой — новым. Шло протрезвление общественного сознания. В результате образовались ножицы между тем переосмыслением прошлого, что происходило в умах людей, которые считали, что в политике, экономике, социальной и нравственной сферах многое надо менять, и практикой жизни. Коренных изменений в обществе не произошло.

А вот борец в головах было очень серьезным.

Чего не достало руководству после 56-го года? Вот мы говорим — и я считаю правильно, — что Хрущев и его окружение испугались демократии, побоялись опереться на народ. А раз так — все свелось к полумерам, да и те в основном были на старом заквашены. Старое-то привычнее, более знакомо, у него корни прочные. И вот выдернуть корни прошлого полумерами было нельзя.

Понимал ли это Хрущев? Думаю, что нет, не понимал. Мог ли Хрущев сделать следующий шаг в демократизации общества? Думаю, что нет, не мог и субъективно, не мог и объективно. Хотя он сделал, конечно, очень большое дело. Он создал великий прецедент своими оценками, своим инакомыслием. Но вырваться из плена прошлого он был не в состоянии, не знал, как это сделать. Это мое впечатление. Разумеется, то, что мы делаем сейчас, надо было сделать сразу после XX съезда партии.

Но меня всегда несколько обескураживало и сейчас обескураживает, когда о тех или иных событиях начинают судить, вырывая эти события из исторического контекста. Нельзя так. Судить о революции, послереволюционном времени, нэпе, событиях 30-х годов, войне, послевоенном времени, XX съезде, перестройке надо с учетом данного конкретного времени, в контексте самой истории.

Конечно, все мы умны и остроумны потом. Но, к сожалению, этого ума и остроумия не хватает, когда происходят те или иные события. Все смелые и храбрые потом, но надо быть смелым и храбрым, когда идет бой, когда требуются поступки.

Вопрос: Что Вы лично после XX съезда думали, что делали, о чем говорили с друзьями тогда?

Ответ: Знаете, процесс роста общественного сознания шел в основном в дискуссиях на всех уровнях, в том числе на уровне простого товарищества. Стали формироваться какие-то группы единомышленников, которые, кстати, сохранились и поныне. Это говорит о том, насколько XX съезд перепахал почву, бросил здоровые зерна, из которых и стало возрастать новое общество, с трудом, с муками, но оно стало нарождаться. То, что XX съезд посеял в душах и сердцах, это уже вряд ли обратимо.

Возможно, перестройка свершилась бы и без уроков

XX съезда, но тогда она шла бы труднее, еще мучительней.

Вопрос: Вы сами думали тогда о таком деле, как перестройка? Вам было сколько лет, тридцать три, по-моему?

Ответ: Не сразу, несколько позднее, когда Хрущев сам впадал в культовое мышление. И особенно когда Брежнев взял из прошлого (видимо, ему очень нравилось) концепцию «Я» и принялся изображать из себя не то чтобы гения, но вождя. Почему так? Да потому, что на XX съезде на меня наибольшее впечатление произвело и, если хотите, всего прочнее запало в душу, так это протест против культа личности. Сложилось прочное мнение о Сталине как о крупнейшем уме, глубочайшем аналитике, теоретике и т.д., и все это разбилось и рухнуло. А что тогда говорить, если на эту роль стали претендовать Хрущев и Брежнев? Меня просто поразили этот исторический цинизм. Тогда-то и началось осознание необходимости кардинальных реформ, а не просто каких-то исправлений, а в остальном все снова приукрашивать, припудривать и обманывать себя благополучизмом — есть у нас такое слово в политическом лексиконе. Думаю, это первое, что заставляло думать: что-то идет не так. Припомню 1967—1968 годы. Три года правления Брежнева. Они были связаны с какими-то надеждами, он что-то говорил правильное, а я еще в то время не знал, что произносил он чужие тексты, не был открыт для реформ, для свежих мыслей.

А действительность оказалась просто неприличной. Из окружения Брежнева мне стали звонить, почему плохо пропагандируется Брежнев. Это меня потрясло, я лично заниматься панегириками в его честь после того страшного опыта и того шока, который испытал в связи со Сталиным, просто не мог, физически не мог. Внутренний, нравственный урок был таков, что пойти на это было невыносимо — ни нравственно, ни по совести.

Вопрос: Когда Вы вернулись из Канады домой в 1983 году, за год-два до перестройки, какая обстановка была в стране?

Ответ: У власти был сначала Андропов, потом Черненко. Особой разницы я между ними не вижу, хотя у нас в печати и в общественном мнении указывают на разницу между ними. Наверное, Андропов был умнее, но в основном политика была сходной. У меня лично было ощущение чего-то предгрозового, что вот наступает момент, когда люди скажут: «Все! Так дальше жить нельзя. Надо все по-новому. Надо пересмотреть и концепцию, и подходы наши, и взгляды на прошлое и на будущее».

Вопрос: Почему?

Ответ: Трудно все это объяснить. Очевидной была искусственность ситуации — Генеральный секретарь, он же и глава государства, вроде чем-то правит, вроде все структуры сохранились, внешне и политическая ситуация та же — и все

не то. При Сталине эту искусственность могли видеть только очень пронизательные люди, мыслящие. Мы этого не могли видеть в наших деревнях, селах и поселках, отгороженные от правды. К тому же страна шла вперед, худо-бедно, но развивалась. Мы не знали, что она могла развиваться лучше, увереннее. Это другой разговор, но она развивалась, и люди стали жить лучше.

А тут вся эта искусственность, претензии на вождизм, на культ, на самовластие, претензии на персоны исторического масштаба. Все выглядело нелепо, фальшиво, и это, конечно, порождало мысли, сомнения и ожидания, что вот-вот должно что-то случиться, принципиально другое.

Когда говорят, что, наверное, случайно Михаила Сергеевича Горбачева избрали, вроде бы по логике, по законам геронтократии должны были другого избрать, я не склонен с этим соглашаться. Субъективно, с точки зрения тех, кто избирал, может быть, это шло против их воли. Но исторически все было логично. Даже тогдашнее руководство не могло избрать другого, не могло с точки зрения исторической логики.

Вопрос: Когда Вы встретились с Горбачевым в Канаде в 1983 году, у него в голове уже была какая-то концепция перестройки? Вы говорили с ним об этом или нет?

Ответ: Когда он был с визитом в Канаде, мы разговаривали очень откровенно по всем делам.

Вопрос: И как это было, что он сказал? Какие ощущения?

Ответ: Я сейчас не помню, что он конкретно говорил. Но главный смысл был в том, что общество должно меняться, должно строиться на других принципах — это было. Ясно, что эти мысли не возникли в марте 1985 года как бы спонтанно, случайно. Я убежден и знаю, что Михаилом Сергеевичем все это было выношено глубоко.

Вопрос: Кто-то мне сказал, что у него была речь подготовлена для канадцев, и Вы речь посмотрели и посоветовали сделать по-другому, затем сами написали эту речь, самую важную из канадских.

Ответ: Это не так. Во-первых, написать речь для Горбачева невозможно. Думаю, никто не возьмется за это дело, потому что если даже кто-то какие-то первоначальные материалы справочного характера и может подготовить, то все это будет передиктовано три, четыре, пять раз, а то и больше. Это человек, который не любит чужих текстов и не умеет читать чужие тексты. Пока текст не становится своим, на трибуну не пойдет. Больше того, он и собственные, лично надиктованные тексты по три-четыре раза передиктовывает. Он все время ищет. Словом, написать для него какие-то тексты — дело безнадежное. Переделает.

Вопрос: Вы уже начали отвечать на этот вопрос, но все-таки откуда перестройка: от людей, от недовольства, от чего в основном? Суть этого дела?

Ответ: Во-первых, становилось совершенно очевидно, что на каком-то этапе развития общество как бы выползает из общего направления исторического процесса, его развитие начинает тормозиться какими-то силами, какими-то факторами. В общем-то было ясно ученым, да и не только ученым, что и научно-технический прогресс пошел плохо, и производственные отношения оказались такими, что отталкивают от себя науку, технику, передовые методы труда и многое другое и, наоборот, впитывают в себя и бесхозяйственность, и коррупцию, и взяточничество. Производственные отношения, которые очень хорошо, с какой-то нежностью относились к приказной, командно-бюрократической системе, дополняли друг друга. Это первая сторона.

Вторая — это неудовлетворенность тем, что происходило. Люди все обнаженнее видели деформации. Ну кто мог из порядочных людей согласиться, что из страны начался отъезд интеллигенции — писателей, художников, музыкантов? В чем дело? Когда один-два, можно сказать: вот, мол, они такие-сякие непатриотичные, но остальные? А коль не один-два, значит, надо искать корни происходящего.

Все же видели, что сельское хозяйство, несмотря на многие разговоры, пленумы, совещания, катится под откос, из деревни уходят люди, падает урожайность, продуктивность. Это же реальность. И сколько бы мы ни писали статей, ни делали докладов, утверждая, что все идет вверх, люди видели, что идет вниз. Искусственно создавался эффект встречного поезда: вы сидите в вагоне стоящего поезда, а мимо проходит состав, и у вас возникает ощущение, что вы тоже едете. Так вот и с нашим обществом, смотрели на проходящий мимо поезд и тешили себя ощущением, что тоже едем, а на самом деле стояли на месте. Мимо нас ехало время в виде того поезда.

В стране росла острейшая потребность найти пути элементарного выживания — социального, политического.

Я продолжаю верить в социалистический образ жизни, но основанный на других, несталинских, принципах со всех точек зрения — экономики, политики, нравственности. Я не исповедую, скажем, идеи утопического социализма. Приятно читать, но всерьез мало что можно тут обсуждать. Что нам действительно нужно, так это широко развитая, настоящая демократия, народовластие, разнообразие форм собственности и форм хозяйствования, прочная социальная защищенность человека, ясная приверженность общечеловеческим нравственным принципам. Все это и должно составить содержание гуманного, демократического социализма.

Вопрос: В 1985 году был полный план реформ?

Ответ: Нет. А вернее — и да, и нет. Было понимание того, что должно быть отброшено — авторитарность, командно-бюрократическая система. Была ясна жесткая необходимость демократии, но как, какими способами, в каких фор-

мах — на эти вопросы еще надо было находить ответы, ориентируясь на главное, что управлять своими делами должны сами люди. Было понимание необходимости самоуправления. Но как все это делать, как выстроить по этапам — все это подлежало обдумыванию, обсуждению.

Но уже было главное — убеждение, что общество должно кардинальным образом изменить свой характер, радикально обновиться. Но инструментарий самой перестройки приходилось создавать на ходу, в процессе преобразований и в политике, и в экономике, и в культуре, и в праве — во всем. Такой инструментарий, как оказалось, очень важен, он порой не менее важен, чем общие идеи. Вот тут у нас не всегда все складывается удачно.

Вопрос: Если было такое понимание, то почему это оказалось трудно осуществить?

Ответ: Иногда в минуты размышлений я упрекаю себя в том, что, может быть, подходил к идее преобразований в 1984, 1985 годах, даже раньше с налетом романтизма, твердо веруя, что лозунги революции, обновления, демократии, свободы сразу охватят массы и быстро войдут в жизнь. Демократия, свобода, гласность, подлинно человеческие отношения — все это так привлекательно. Но, как оказалось, ожидания были завышены, в чем-то наивны. Надо стоять на почве реальности. На протяжении более чем 60 лет наслоилось столько всего нерешенного и уродливого — и в экономике, и в социальной жизни, и в человеческих отношениях, что ни за год, ни за два, ни за пять ход вещей не переломишь, не пересоздашь.

Если бы действовать старыми, командными методами, может быть, что-то удалось сделать побыстрее. Но тут-то ловушка неизбежна. Изменения не пошли бы вглубь, а стали бы румянами административно-командной системы. Все бы стали говорить: ах, как хороша демократия, ах, как хороша гласность, ах, обновление, нравственность еще лучше. Но все это был бы новый самообман.

Почему, как я убежден, конструкции нового общества надо возводить демократическим путем? А потому, чтобы все это прошло через душу, социальный опыт каждого человека. Только тогда можно надеяться на длительный, долговременный успех. Хотя этот подход — только через демократию — создает определенные издержки. Можно видеть, как обострились национальные отношения, выросла социальная напряженность. Но здесь просто нужны терпение, время и выдержка.

Вопрос: Какие силы тормозят перестройку? Они внутри партии или вовне?

Ответ: Здесь нет однозначной оценки. Во-первых, тот консерватизм, который вьелся, как ржавчина, в каждого человека и в общество в целом. Он оказался цепким, живучим. Нежелание менять привычное оказалось очень силь-

ным. Ведь на самом деле: человек получает свои 200 рублей, особенно не напрягаясь. Ему сегодня говорят: «Работай, может быть, на 100 рублей больше получишь». Человек понимает, что на 100 рублей он получит больше, но он должен их заработать, равно как и прежние 200, которые он получает не работая.

Побудить людей работать, да еще демократическим, экономическим путем — это очень трудно, но необходимо. Действовать же снова палкой, приказами, постановлениями или еще чем-то — это не метод перестройки. Хотя все сейчас признают, и в обществе созрело убеждение, что наметившееся падение дисциплины заслуживает внимания, принятия действенных мер, иначе могут быть подорваны сами основы развития.

Дальше, если рассуждать о тормозящих причинах. Это бюрократизм, т.е. интересы людей и групп, в том числе партийных и советских работников, которые привыкли командовать, ни за что особо не отвечая.

Третье, что держит нас очень сильно, на мой взгляд, — это иждивенчество. Общество привыкло к иждивенчеству. Необязательно к материальному. Требуй — и тебе дадут что-то, не оставят в беде, обязательно заплатят, если даже не работаешь. Или сиди-посиживай, не работая, не думая, лишь только жди указаний, инструкций, все разъяснят, разжуют, что и как делать. Своего рода иждивенческий социализм.

Если мы это не переломим, если человек действительно не станет внутренне свободным, инициативным, ответственным, если не будет самоуправления на местах, то едва ли удастся свершить задуманное. За дела города должен отвечать город, за дела района — район, за дела человека — сам человек. За мои действия, за мои слова — не Вы, а я должен отвечать.

Вопрос: В области политики, в политической сфере — где будет власть? У Советов или у партии?

Ответ: Ну конечно, у Советов. Если мы говорим о народо-власти, мы говорим о Советах, о власти Советов.

Суть политической реформы — четкое разделение функций. Она не сводится к передаче власти Советам. Необходимо четко разделить власть законодательную, исполнительную и судебную. Это обязательно. Совет — законодательный орган. Он создает законы, контролирует их выполнение. Исполнительная власть делает свое дело. И, конечно, необходимы независимые судебные органы.

Вопрос: На Съезде народных депутатов СССР и в Верховном Совете действует Межрегиональная группа. Как вы ее оцениваете? Как оппозицию?

Ответ: Да нет. Пока я так не считаю. Кроме того, было бы ошибкой смотреть на Межрегиональную группу как на единое целое. Это разные люди, с разными платформами, с разными подходами. Кто-то уходит, кто-то приходит.

Вопрос: О национальных отношениях. Было довольно много странных событий. И в Прибалтике, и в других регионах. Думаете ли Вы, что причиной таких событий стала перестройка или же в этих районах в течение долгого времени накапливались проблемы, и там в любом случае был неизбежен какой-то взрыв?

Ответ: Конечно, их породила не перестройка. Возьмите распри между азербайджанцами и армянами. Они тянутся с VI века, как говорят историки. Перестройка здесь ни при чем. Другое дело, что в условиях демократии и гласности все обнажилось. Влияет, разумеется, и состояние социально-экономической сферы. Считаю, что и коррумпированные элементы поработали очень активно. Национальные распри уводят их в тень.

Вопрос: Но будет ли новая федерация? Возможно ли дать всем союзным республикам самостоятельность без того, чтобы Союз не развалился?

Ответ: Это не только можно, это нужно. И не только республикам, но и регионам. И не только регионам, но и областям, краям. Пусть каждый живет так, как работает. И не надеется, что его будет кормить сосед. Пока этого не будет, никакой перестройки не состоится, никакого движения общества вперед — ни экономического, ни политического — тоже не будет. Можно и нужно помогать при стихийных бедствиях. Это другой разговор. Для этого должны быть общегосударственные страховые фонды. Надо иметь фонд развития. А во всем другом республике должны действовать самостоятельно, сами решать свои дела.

Вопрос: У русских есть ощущение, что другие республики используют российские капиталовложения...

Ответ: Да, я знаю о таких настроениях. Но не считаю уместным сегодня заниматься арифметикой — кто кому должен. Это очень далеко заведет. Согласия тут не достичь. В разное время экономические потоки шли по-разному. Действительно, происходило выравнивание экономических уровней, и это было серьезным достижением.

Вопрос: Вы считаете, что национальные отношения — это не очень серьезно с точки зрения сохранения Союза?

Ответ: Наоборот, это очень серьезно. Это вопрос такой, за которым надо, как говорится, смотреть и смотреть. Это сверхсерьезно, когда национальные стычки сопровождаются гибелью людей. Это мерзейший фанатизм — убивать людей по национальным мотивам.

Другой вопрос — надо насыщать реальным суверенитетом деятельность республик, краев, областей, чтобы они отвечали за свою жизнь, за свою работу, чтобы каждый человек жил, как работает, каждая область жила, как работает, каждая республика пусть живет так, как работает.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ ТЕЛЕКОМПАНИИ Си-би-эс

Вопрос: Давайте говорить прямо и откровенно. Вы повернули свою страну на новый путь. Он сопряжен с большими возможностями, но и с большими опасностями. В чем, на Ваш взгляд, заключаются самая большая возможность и самая серьезная опасность?

Ответ: Если бы мы подошли к развитию нашей страны с точки зрения изменения каких-то отдельных сторон, моментов, ситуаций, перемен в какой-то одной сфере, я думаю, мы и дальше топтались бы на месте, и постепенно нерешенные задачи вернули бы нас в исходное состояние. Перестройку, ее ход я бы оценивал не столько с точки зрения событий, происходящих сейчас, и трудностей, встретившихся сейчас, но прежде всего с точки зрения воздействия идущих перемен на перспективу.

Происходит переход общества из одного состояния в другое. А если еще оглянуться на тысячелетнюю российскую парадигму, когда страна фактически не имела демократии? Новгородское вече; попытки Государственной думы, которые каждый раз кончались неудачей; несколько съездов Советов после революции, в которых дышало народное настроение, — вот почти весь наш демократический опыт.

Только сейчас мы пытаемся разбудить, стимулировать гуманистические чувства и убеждения, возродить идеалы свободы, демократии, человечности, добра, справедливости.

Не могу сказать, что необходимость и потребность во всем этом отрицается. Нет. Это приветствуется. Сложность в том, что каждый вкладывает в понятия перестройки, демократизации что-то свое. Разумеется, здесь не может быть догм и стереотипов. Свобода заключается в том числе и в том, что каждый воспринимает, толкует понятие, интерес по-своему, свободно. Но существуют какие-то общечеловеческие принципы морали, нравственности. Иначе свобода может вылиться в нечто такое, что принесет человеку и не добро, и не справедливость, а несвободу, несправедливость. Переделать психологию человека — самое сложное. И здесь

одна из основных опасностей. Ведь что главное в человеческих отношениях? Понять и простить. Я думаю, что нам еще не хватает ни понимания, ни прощения.

Конечно, я должен, наверное, сказать о тех экономических проблемах и опасностях, которые у нас в обществе есть. Но я все-таки думаю, что ботинки, костюмы, холодильники, автомашины можно сделать. Думаю, что мы построим жилье, произведем все необходимое для достойной жизни человека, поправим дела в сельском хозяйстве, если будем действовать более решительно, более настойчиво и последовательно. Но в перспективе самая главная задача, которую должны решить, это воспитание демократического сознания. Тут потребуются немалое время.

Честно признаюсь, в начале перестройки, в 1985 году, я был настроен более романтически. Мне действительно казалось, что стоит только сказать людям, что они свободны, могут делать что хотят и умеют, говорить что думают, писать как способны, — и уже одно это станет мощнейшим фактором и стимулом обновления. Пробудит активность, самодеятельность людей, инициативу, поиск. Включит какие-то новые душевные резервы и силы. Как если бы пробурили скважину к живой воде, открыли кран — и ожило, расцвело все вокруг. Умом понимаю сейчас, понимал и тогда, что сдвинуть дело перестройки с места будет очень и очень непросто. Но все же, скажу откровенно, испытал и испытываю определенную горечь от того, что такого всплеска не произошло. Хотя и сознаю, какие причины ему мешали. Наивного энтузиазма, идущего от соединения веры, надежд и неопытности, сейчас уже быть не может. Общество повзрело. А для другого — нужно возрожденное доверие.

Но что-то важное все-таки произошло, и я этого не ожидал, — вышли наружу тысячи, миллионы различных интересов. На основе догматического сознания и принуждения к догматическому сознанию можно было представлять дело так, будто общество монолитно, будто все умеют только аплодировать, искренне говорят только «да». Причем преуспели не в одном лишь изображении дела подобным образом, но и в том, что сами поверили во многом в это. И не просто поверили, а искренне видели в такой монолитности «плюс» и недооценивали, не всегда понимали позитивную сущность разнообразия, многообразия.

Началась перестройка, и гласность очень быстро выявила реальное многообразие интересов, настроений, позиций, воззрений. То есть все оказалось совсем не таким и не так, как рисовалось. И не только разные люди говорят кто «да», а кто «нет». Но один и тот же человек может три раза в день говорить и «да» и «нет». Этот прорыв на поверхность жизни огромного числа различных интересов создает большие заботы — приятные и не совсем приятные. Он — источник надежды на успех перемен. Но мы еще плохо умеем регули-

ровать, примирять между собой все это многообразие, его конфликты и противоречия, не имеем часто для этого ни средств, ни механизмов, ни опыта, ни законов. Придет, конечно, пока же трудно.

Что еще меня беспокоит, это бездействие закона. Психологически его можно объяснить. Поскольку была длительная полоса беззакония, у людей сложилось недоверие к самому институту закона. Они привыкли полагать, что беззаконие — это и есть закон. Репрессии, диссиденты, отсутствие свободы творчества — ведь это делалось в свое время якобы на основе конституции. И психологический стереотип отношения к закону сложился негативный. Поэтому когда мы сегодня говорим, что чем глубже демократия, тем действеннее должны быть закон и служение закону, иногда встречаем непонимание.

Вопрос: Что Вы думаете о пессимизме людей? Куда бы я ни поехал, я повсюду слышу: «Перестройка — это хорошо, но Россию не изменить».

Ответ: Думаю, мы недооценили влияния и груза прошлых грехов. В самом деле: нехватка жилья — но перестройка-то тут ни при чем. Это — от прошлого. Не хватает продовольствия, но ведь и это от прошлого. Нет товаров народного потребления в достатке, но их и не было. За все это приходится расплачиваться по сей день. И, конечно же, люди, сталкиваясь со всеми нехватками, не очень-то жалуют правительство. Ему достается крепко. Да и не только правительству.

Привыкли мы и мистифицировать некоторые слова, завожены ими. Вот скажем «перестройка» — и все возникнет как по мановению волшебной палочки. И все же, если бы вы мне сказали — представьте, что вы вернулись в 85-й год, так же бы поступили и с чего бы начали? В принципе так же. Это поворот страны к новому обществу, обществу свободы, демократии, экономического процветания. Но вот тактически, а задним умом мы все сильны, я бы сначала более внимательно разобрался с наследством, которое получили в экономической сфере, особенно в финансовой сфере, оценил бы наши реальные товарные ресурсы, разобрался с военно-промышленным комплексом, проанализировал ситуацию на селе, в частности проблему потерь сельскохозяйственных продуктов при уборке, хранении, переработке, судьбу амбициозных проектов вроде мелиорации. И вот с этой трезвой, откровенной оценкой нам нужно было выйти к народу и сообща обсудить и определиться, с чего начинать, как решать эти проблемы, обозначить их очередность.

Может быть, это и не изменило бы существенно фактического положения дел, но люди ясно увидели бы, где мы оказались и сколь многое надо менять, каких усилий требует подлинное обновление от общества и гражданина.

Второе. В процессе перестройки, и мы об этом говорим не

таясь, сделан ряд ошибок. К примеру, в той же финансовой сфере. Или издали закон о предприятии, думали, что это разовьет стимулы к труду, к социальному строительству. А оказалось, что всю прибыль люди захотели получить себе в виде прибавки к зарплате. Да и подзаработать за счет повышения цен на свою продукцию, но не за счет повышения производительности труда. Что же до детских садов, школ, дорог, то, дескать, пусть этим местная власть занимается.

Вал бумажных денег смел все на полках магазинов — и продовольствие, и промышленные товары. То есть мы породили такого монстра в виде денежной массы, который способен, я бы сказал, сожрать действительно все, ввергнуть общество в хаос. Надо наводить порядок, сбалансировать потребительский рынок, оздоровить финансы. Критические суждения людей правильны. На народ не обижаются. Хотя радикальные перемены в духовной сфере — тоже реальности. Но люди склонны забывать, что было до 85-го года, хотя большинство наших сегодняшних бед оттуда, от прошлых времен.

Вопрос: Такой вопрос: в будущем, в самом близком будущем, если молодой человек захочет завести свою собственную ферму, сможет ли он это сделать? Или захочет основать свою компанию — сможет ли он это сделать?

Ответ: У нас разработана Платформа ЦК КПСС к XXVIII съезду, с которой, я думаю, Вам будет полезно ознакомиться, когда она будет напечатана. Из нее явствует, что молодежь, если желает, может заняться фермерством. Мы не будем ей препятствовать, наоборот, способствовать созданию трудовой собственности, включая собственность на средства производства.

Вопрос: Частную собственность?

Ответ: Слова «частная» там нет. У нас пока принято называть это индивидуальной трудовой собственностью. Но в это понятие включаются средства производства. Скажем, фермер будет владеть не только домом, полем, скотом, но и набором машин.

Вопрос: Не государственная собственность?

Ответ: Нет, нет. Все это его собственность с правом передачи земли по наследству.

Вопрос: И у него будут какие-то поощрительные стимулы — если он работает хорошо, то он и получает все выгоды от такой работы?

Ответ: Конечно, будут у него отношения с Советом, договорные отношения. Он будет продавать продукцию по договорным или рыночным ценам. Регулироваться это будет через финансовые органы налогами, как и везде в любом государстве. Но это будет его собственное. Его собственность.

Вопрос: И все это включено в новую платформу?

Ответ: Да.

Вопрос: Похожи ли эти планы в какой-то степени на то, что китайцы пытаются предпринять в отношении своего сельского хозяйства?

Ответ: Я не очень знаком с китайским опытом. Но, если не ошибаюсь, там все-таки речь шла о внедрении семейных форм, к тому же в условиях малоземелья. Земли делились на сравнительно небольшие семейные наделы. На первых порах это дало хороший эффект. А потом развитие уперлось в использование техники. Вы знаете по своему опыту, что научно-техническая вооруженность в сельском хозяйстве имеет решающее значение. Что касается нашей страны, то мы думаем о семейной собственности таких масштабов, чтобы это позволяло в полной мере применять научно-технические средства.

Вопрос: Учитывается ли в новой платформе возможность, например, того, чтобы рабочие становились владельцами тех заводов, на которых они работают, чтобы у них были акции своего предприятия, другие стимулы к производительному труду?

Ответ: Развитие арендных отношений должно охватить и промышленность. Если рабочие захотят взять предприятие в аренду, правительство будет идти навстречу этому желанию. Акционерная собственность будет развиваться. Если рабочие захотят купить какую-то часть или целиком предприятие в виде акций и получать от этого прибыль, мы будем приветствовать это. Если будут организовываться какие-то концерны, индустриальные объединения, мы также будем приветствовать это. Но, не скрою, в нашем обществе с большой настроенностью воспринимается вопрос эксплуатации наемного труда. И надо очень осторожно подходить к этой проблеме.

На очереди введение новой налоговой системы, а главное — постепенное движение к развитию рынка. И здесь нужно прежде всего разбить монополизм. В свое время в США были приняты антитрестовские законы, мы их остро критиковали, но думаю, что вы поступили дальновидно. Эта проблема встала сейчас перед нами во весь рост, ибо социалистические монополии начинают диктовать обществу цены, качество продукции — в общем, все диктовать. Должна быть здоровая конкуренция, которая позволит поднять качество всего, что мы производим, и на равных вступить в международное разделение труда.

Вопрос: Американцам очень трудно объяснять перестройку. Они говорят, что много непонятного, что не всегда ясно, чего пытаются добиться теми или иными своими действиями советское руководство. Ясно ли это Вам самому, ясно ли это Горбачеву, проработали ли Вы для себя программу перемен во всех ее деталях?

Ответ: Вы знаете — и да и нет. Во-первых, конечно, в целом ясна общая перспектива развития. Нас упрекают, что,

мол, нет концепции и надо было сначала теорию разработать. Подобные мнения считаю глупостью. Жизнеспособные теории не рождаются в кабинетах. И сказать сейчас, что мы все знали, все предвидели, было бы недопустимой самоуверенностью.

За пять лет жизнь нас уже научила, что иногда некоторые вещи можно предвидеть за год вперед, а иногда невозможно предвидеть даже то, что случится с сегодня на завтра.

Время революционное. Оно полно повседневных неожиданностей, ибо ломается, уходит старое, взрываются какие-то ржавые пружины, рвутся нити, которые связывали людей. Переворачивается что-то в умах. Людям сегодня просто невозможно отказаться от того, во что они верили, искренне верили, скажем, 40 лет назад. Иногда мне говорят: многие преподаватели в высших учебных заведениях по общественным наукам преподают по-старому, как раньше. И, как это ни парадоксально, я отвечаю: а я уважаю их за это. Значит, они убеждены именно в этом. Я бы их не уважал, если бы они легко меняли свои взгляды. Им надо учиться или надо уходить. Но с утра к вечеру, с вечера на утро менять взгляды было бы просто непостижимо — это потеря веры в человека.

Вопрос: Я бы хотел вернуться к теме, которую мы уже затронули раньше. Я не хотел бы беречь ее, я просто хочу понять и быть уверен, что понял правильно. Вы сказали, что наметки М. С. Горбачева в отношении советского сельского хозяйства отличаются от сельскохозяйственной политики Китая. И конкретно разница заключается в том, что вы не хотели бы у себя в стране в такой мере концентрироваться на семейном хозяйстве...

Ответ: Вы знаете, наша концепция, я считаю, более широкая. Мы выступаем за равноправное развитие всех форм собственности и хозяйствования. Мы считаем, что с теоретической точки зрения социалистично то, что эффективно служит человеку. И соревноваться надо не догмами, взглядами на организацию, а соревноваться надо эффективностью.

Вопрос: Вы долгое время занимались идеологией и руководили ею. Верно ли будет утверждение, что суть новой идеологии — это «эффективность во что бы то ни стало»?

Ответ: Вы знаете, я тут рискую попасть впросак. Чем больше я занимался идеологической работой, у меня все больше и больше появлялось сомнений, тем ли мы занимаемся. Понимаете, нашей идеологической работе нанесло огромный ущерб то, что дела были одни, а слова — другие. Люди видели, что, например, этот стол плохой, а мы твердили, что он хороший. При этом должны были всеми мерами пытаться заставить людей поверить в это.

А по существу как выглядит дело? Конечно, есть литература, есть газеты, есть телевидение, все в чем-то убеждают, и человек испытывает на себе влияние разных взглядов. Но его жизнь, его убеждения складываются тем социальным опы-

том, который он приобретает в течение жизни, начиная с рождения и кончая его «прощай» этому миру. Нельзя навязать по-настоящему человеку мнение, противоречащее его убеждениям, его собственному опыту. Он даже может согласиться, но ведь он про себя-то думать все равно будет другое, т. е. будет лицемерить. Кстати, это и была одна из черт нашего прошлого — лицемерие. Правда, думаю, что это черта присуща не только нашему обществу.

Вопрос: Да, разумеется. Разрешите задать Вам такой вопрос.

В США в последнее время много говорят о статье, автор которой скрылся за псевдонимом «Зет». Ее суть Вам должна быть известна: очень хорошо, что и М. Горбачев и А. Яковлев говорят о новом мышлении, новой нравственности, новом коммунизме; но все это не сработает. История Советского Союза такова, что сейчас у него есть только одно из двух: либо фашизм, либо хаос.

Ответ: Я читал эту статью. Технически она сделана достаточно профессионально. Автор, видимо, основательно работал над этой статьей. Чувствуется, что это серьезный советолог и многое читал. Надо отдать должное способу, каким он излагает историю сталинизма, прошлого нашей страны, ее противоречий. Но в этой части для себя, например, я ничего не нашел нового. Это все у нас достаточно известно.

Что же касается прогноза, то, конечно, никто из нас не пророк. Но все-таки пророчества, которые содержатся в статье, их база не адекватны действительности. Для тех выводов, которые автор делает, нет достаточной доказательной базы. В выводе, что страна может прийти к хаосу или к фашизму, не отражена вся сложность процессов, которые сейчас идут в стране. Она как бы написана под впечатлением отдельных статей, высказываний на митингах, сенсаций, которых у нас хоть отбавляй. Но не на анализе реальных процессов, происходящих в обществе, без знания повседневного бытия наших людей и их умонастроений. Догадываюсь, откуда возникли те или другие тезисы статьи. Догадываюсь, кто из наших публицистов мог бы сказать примерно то же самое. Да, и меня пугают и проблема хаоса, и проблема фашизма, но думаю, что под фашизмом «Зет» больше имеет в виду угрозу консервативной волны, нежели фашизм в чистом виде.

Вопрос: Вы много знаете о том, что и как пишется в Америке о вашей стране и о перестройке. Что, на Ваш взгляд, из происходящего сейчас в вашей стране менее всего понимают в США?

Ответ: Во-первых, должен сказать, что в отличие от всех прошлых времен освещение жизни в Советском Союзе в целом весьма благожелательное. И я бы не хотел придирааться к каким-то неточностям, к каким-то, может быть, непро-

думанным фразам или, может быть, к торопливости в оценках. Что я могу все-таки посоветовать? Не полагаться на информацию одного человека, обязательно ее проверять на ком-нибудь другом.

Почему я это говорю? Жизнь у нас очень политизировалась. Каждый хочет вложить какой-то свой вклад в политику. Но со своей точки зрения. Так вот, иногда иностранные корреспонденты попадают на удочку сугубо личной точки зрения. Она субъективизирована, а не объективизирована. Тем более что каждый сейчас волен говорить что хочет и встречаться с кем хочет. Даже ищут этих встреч, чтобы выразить свою субъективную точку зрения. А на самом деле она не всегда отражает действительные события.

В целом же, повторю, некоторые статьи просто приятно читать, даже критические. Они достаточно точно оценивают обстановку. Но иногда некоторые корреспонденты, как я слежу, более панически настроены, чем мы сами. От некоторых сообщений они тут же впадают в панику. Тут и появляются «крах», «катастрофа» и тому подобное. Я бы хотел пожелать и себе и всем больше оптимистичности.

2. Вместо автобиографии

«ВСЕ МЫ ПЛЕННИКИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ»

— *Представляете ли Вы ситуацию, при которой подадите в отставку?*

— Да, представляю. Я поступлю так, если ясно, отчетливо увижу: с перестройкой покончено, все пошло вспять, к прошлому. Но я верю в новую судьбу своей страны.

— *Есть ли человек, который сумел бы выполнить Вашу работу лучше Вас?*

— Наверняка.

I

— *Одну из своих книг Вы посвятили родителям — Николаю Алексеевичу и Агафье Михайловне. Кем они были?*

— Проще не бывает. Отец окончил четыре класса церковно-приходской школы. У меня до сих пор хранится Евангелие — подарок ему от учительницы. Мать была неграмотной. Училась в школе всего три месяца. Восьми с половиной лет ее отдали в няньки. Отец всю жизнь работал и воевал. В гражданскую войну — от звонка до звонка, с 17-го по 21-й год. И с 41-го по 46-й год был в армии, сначала на фронте, а после ранения — в городе Чердынь, на Урале.

— *А что он делал в 30-е?*

— Его случай спас в 37-м году. Какой случай? У нас районный военкомат возглавлял Новиков. Как оказалось, это был командир того самого взвода, в котором в гражданскую служил мой отец. Удивительный был человек. Я помню, как он верхом на лошади ездил по деревням, беседовал с ребятами, допризывниками. Из районного начальства только его и знали.

И вот однажды он приехал, постучал в окошечко кнута-вищем. Отца не было, и он говорит маме: «Ты ему скажи, он должен на совещание поехать, которое — только ему точно

скажи — не меньше трех дней будет. Потом я приеду». Мама ничего не поняла. Когда она отцу стала рассказывать, тот ее несколько раз переспрашивал, особенно про последнюю фразу — «потом я приеду». Отец собрал какую-то котомку и ушел в соседний район, к маминой сестре, тете Рае, «на совещание». Маме сказал, где его в случае чего искать. Мама была из молчаливых, крестьянка.

В эту же ночь раздался стук в дверь, спросили, где отец. Мама говорит: «Уехал на совещание». — «Какое совещание?» — «Я не знаю, он не говорил». Ушли. В следующую ночь опять... А через три дня появляется Новиков — вот что значит фронтовая дружба. Нет, все-таки не все были нелюди, все-таки оставалось человеческое... Значит, Новиков подъезжает (я при этом не присутствовал, это по рассказам), маме говорит, что пора бы хозяину вернуться, вроде совещание-то кончилось. Ну, мама меня наладила за речку. А там у меня два двоюродных брата, такие же пацаны. С тех пор к отцу — ничего и никогда.

— Почему?

— Да, наверное, все обстояло просто. Как теперь можно понять, был план «на врагов» — по количеству, по срокам. В те ночи, видимо, взяли других, и план закрыли.

— *Сегодня это кажется непостижимым...*

— Да, я думаю, для нормального восприятия это недопустимо. Надо сказать, что отец мой принял Советскую власть на 100 процентов. Для него — парня молодого, знающего крестьянскую жизнь, нищету, все начавшееся в деревне поначалу представлялось очень обещающим... Если заглянуть в старину, то наша деревня, по рассказам, началась с двух семей. Когда-то, по преданию, один помещик проиграл другому в карты двух мужиков и поселил их здесь. Один хорошо косил, косарь. Отсюда пошли Косаревы. А второго звали Яков. Деда и бабушку по отцу хорошо помню, звали их Алексей Потапович и Мария Александровна. Отец деда Потап Александрович, говорят, был человек суровый, какой-то особый авторитет у него был. Не пил, не курил. Так и остались в памяти у деревни — Потаповы. Чьи? Потаповы. Кстати, в первый класс учительница записала меня под фамилией Потапов.

— *А родительский дом сохранился?*

— Дома, где я родился, в деревне Королево, километрах в 15 от Ярославля, уже нет, он сгорел. И вообще, в деревне осталось всего три дома. Мы же еще до войны, после двух пожаров, переехали в другую деревню — Опарино. Это, наверное, с километр от моей родной деревни.

Вы знаете, деревни в среднерусских областях не разбросаны, часто стоят рядышком. Где есть немного удобной земли, там и деревня... Дом в Опарино сохранился. Я раза два туда заезжал. А потом мы переехали в рабочий поселок. И вот родительский дом в Опарино с 39-го года до сих пор стоит.

Мы там собираемся семьями каждый год. У меня три сестры. Одна — в Ростове Ярославском, вторая — в Угличе, третья — в Ярославле. Екатерина, Людмила, Тамара. Теперь уже с внуками съезжаемся. Очень трогательные встречи. Люди все простые. Мужья сестер работают на заводах: один — на часовом, другой — на нефтеперегонном, третий — сейчас на пенсии.

— *А что помните из детства?*

— Я не знаю, как и почему это случилось, но читать начал очень рано. Рассказывали потом, что, когда мне было пять лет, дед показал мне буквы и как их складывать. Самое непонятное для меня: когда я учился во втором классе, деревенские женщины просили меня читать Евангелие. Что я там понимал? Ровным счетом ничего. Но тем не менее читал. Помню, в шесть или семь лет отец привез журнал — «МЮД». И еще, не улыбайтесь, читал газеты. Ничего мы не выписывали, никаких у нас газет, естественно, не было. Но как съездит отец в город, то газетку привезет.

С тех дней из журналов, книжек, которые были в библиотеке сельсовета, почему-то остались в памяти две книжки. Одна — «Колчаковщина». Я ее долго потом искал, да так и не нашел. (То ли не тот автор, то ли книга вообще была изъята.) А еще — «Тихий Дон». У меня даже есть снимок, самое первое фото в жизни. Лет семь-восемь мне было, и я с этой книжкой. Думаю, что, читая, мало я там понимал, но читал упорно. Потом «Тихий Дон» читал уже по-другому...

Свое детство я сам как-то обеднил тем, что мало гулял с ребятами, хотя, конечно, и это было. Все больше к чтению тянуло. Мама очень ругалась. У меня и так с глазами не все было ладно, золотуха в детстве. Все ждали, когда умру, но вот выжил...

Только через два года зарегистрировали мое рождение. Мама потом по простоте душевной рассказывала, что в церковь ходила, свечку ставила, чтобы Бог взял меня. Но как-то фельдшер прошел по деревне. Он все делал, ягнят легчил, лошадей лечил. Вот и меня увидел, дал какую-то мазь, черно-коричневую. И с тех пор ничего.

Но мама категорически была против всякой учебы. У нее было твердое мнение, что если дальше учиться, то наверняка или дураком будешь, или слепым останешься. Ну а отец рассуждал по-другому: раз хочет, пускай учится. А надо было в школу за пять километров ходить каждый день. Вот я каждый день туда пять километров, обратно пять. Целый год так продолжалось. А потом отец решил переехать поближе к школе, в рабочий поселок. Думаю, что частично из-за меня.

Он все время поощрял учебу... Когда я вернулся с фронта на двух костылях, мама как глянула на меня, так и ахнула. Ведра у нее из рук выпали. И в слезы: «Что же я буду с тобой делать?» Я и сам чувствовал себя каким-то виноватым.

Одной сестренке три годика, другой четыре, а третьей — одиннадцать лет. И одна корова. Случись что с коровой — пропали. Потом, когда я вознамерился все-таки идти учиться опять, мама ни в какую: на бардяный завод, так у нас назывался спиртоводочный. Его звали бардяный, потому что там продавалась барда для коров. Все деревенские старались купить ее. Мне же предложили заведовать отделом кадров. А работникам завода выдавались талоны на 100 ведер барды каждый месяц бесплатно. Вот мама и нажаловалась на меня отцу — а он в это время был в армии. Но отец отписал: если хочет учиться, не мешай.

— *По статистике, только трое из ста Ваших одногодков вернулись с войны.*

— В армию меня взяли, когда не было еще и восемнадцати, в августе 41-го года. Послали сначала в Пермскую область в артиллерийский запасной полк. Потом оказался во втором Ленинградском стрелково-пулеметном училище. Оно было тогда эвакуировано в Удмуртию, в Глазов, и занималось ускоренной подготовкой командиров взводов. Очень много их повыбило в первые месяцы войны.

Надо понимать то время: все мы дружно и честно подавали заявления с одной просьбой — послать на фронт. Командиры посмеивались — какие из нас войны?

В 18 лет и 2 месяца я стал лейтенантом. Какой я был лейтенант — одному Богу известно. Но такое время было. Поехал на фронт. Так получилось, что попал я в распоряжение Балтийского флота, в морскую пехоту, в 6-ю бригаду.

— *В ту, что прозвали «черными дьяволами»?*

— Да, «черными дьяволами». Трудно сказать, повезло или не повезло? То, что морская пехота использовалась в горячих местах, это известно. Немцы в плен не брали. Мы их тоже... Иногда товарищи, которые были очень заинтересованы в пленных, уговаривали, чтобы мы кого-то оставляли, вплоть до того, что обещали котелок водки за человека, за живого. Но и это не действовало.

Однажды все-таки получилось так, что пленили 16 человек. И вот солдат Проселков из Воронежской области (потом он погиб) повел их в штаб и по дороге расстрелял. Его надо судить. Он это понимал. Но стали его распрашивать, и он рассказал свою историю. Как немцы ворвались в его деревню. Как сосед утащил его на огород — Проселков был коммунист и бригадир. Думали: поищут бригадира и уедут. А они стали дома жечь. И на глазах Проселкова расстреляли его мать, жену, детей. Он все это видел из грядок картофельных. Сосед, который был посильней, прижимал его к земле...

Ну, тогда нам удалось всякими отговорками отвести его от суда.

Все-таки я считаю, в чем-то мне повезло. Свои прочные традиции были у морской пехоты. Вот, скажем, одна из них:

никогда не оставлять на поле боя своего товарища — хоть мертвого, хоть раненого. Никогда! Были у меня во взводе морячки-черноморцы — Дмитриенко и Василенко. И вот одного из них убило. И сколько мы Дмитриенко ни запрещали — Василенко погиб почти у немецких позиций, — все равно ночью ушел. И своего товарища вытащил. А когда меня самого в расположении немцев ранило тяжело, меня потащили обратно пять человек. Четверых из них убило. Пятый видит — дело плохо, вскочил, уже не тащил вот так по земле, по болоту, а просто встал, взял на руки и побежал. Жив остался, ничего.

— *И что, это был для Вас последний бой?*

— Да, воевать мне пришлось немного. И то считали, что я в рубашке родился. За это время состав взвода сменился полностью раз пять. Погибло очень много людей... В 1988 году меня разыскал орден Красного Знамени — за тот самый, последний для меня бой.

— *Вы росли и воспитывались при Сталине...*

— Да, время было сложное, неоднозначное. Не отпускало какое-то ощущение придавленности, страха, но и веры, убежденности в том, что так оно и должно быть.

Сегодня легко представлять себя провидцем или инакомыслящим. Наверное, были и такие, но среди тех, кто постарше. Наше же поколение бескомпромиссно верило в справедливость происходящего и прекрасное будущее.

Я полагаю, нет нужды кого-либо уверять, каких я оценок придерживаюсь в отношении сталинских репрессий, личности Сталина сегодня. Но тогда я действительно верил! Искренне верил. И когда кто-то говорит: это все выдумки, что на фронте шли в бой с кличем «За Сталина!», отвечаю — нет не выдумки! Так было. И в 53-м году люди плакали, считая, что все пропало...

Не все прошлые события поддаются простому рациональному анализу. Но психологически для меня именно память о безмерной вере и рождает сегодня горькое чувство обманутости.

Были ли какие-то червячки сомнений? Да, были. Первое, что меня как громом ударило, это когда отец сказал про пакт с Гитлером в 1939 году: все, сынок, война будет. Я говорю: ты что? Это же по тем временам была неслыханная вольность.

Но настоящая червоточинка, уже не в детском уме, появилась, когда я увидел после войны отношение к нашим бывшим пленным. Стали возвращаться из Германии пленные — а их в лагерь. Вот с этим я смириться никак не мог. Было безмерно стыдно — я ведь знаю, как попадали в плен. Любой мог попасть. Не по своей вине. Безоружные, окруженные, раненые. И вот они остались чудом живы, а их — в лагерь. Это было чудовищно. Мои же товарищи, такие же солдаты, офицеры, как и все другие. С ними беда случилась,

как со многими. И вдруг! Я вслух говорил о своем непонимании. Не знаю, почему меня не арестовали. Видимо, вблизи не оказалось человека, который бы сообщил об этом.

Не совсем мне ясно было, почему Сталин решил высказаться по проблемам языкознания. В то время я стал увлекаться философией и филологией. И сталинское утверждение, что русский язык возник в каком-то конкретном месте, удивило меня. Откуда он знает? Как можно знать, где возник язык?

Так вот и накапливалось. Так все и шло по ненормальной колее, вплоть до 56-го года — до XX съезда партии, когда началось прозрение. Я был на том съезде как работник аппарата ЦК, присутствовал на секретном докладе Хрущева. Помню, как мы спускались с балкона и в лицо друг другу не смотрели. То ли от чувства неожиданности, то ли от стыда или шока... Все, наверное, вместе.

II

— *Стремилась ли Вы стать парработником или это произошло, как у многих, случайно?*

— В общем-то, случайности тут нет. Учился в школе — избрали председателем учкома, в военном училище в 41-м году — в комсомольское бюро. Пришел в институт — там стал заместителем секретаря комсомольского комитета. От студентов был избран в партийный комитет. Без всякого моего стремления. А потом произошел случай, совершенно парадоксальный. Из армии я ушел инвалидом войны и до сих пор им являюсь. Сначала один костыль бросил, позже — второй, на палочку перешел. И тут вдруг вызывают меня в областной военкомат: будете заведовать военной кафедрой в вашем институте?

— *Заведующим кафедрой?*

— Да, кафедра называлась — «Военная и физическая подготовка». Ну еще к военной подготовке я имел какое-то отношение, а уж к физической — никакого. И вот одновременно слушал лекции как студент и вел кафедру. Теперь это все смешно. Читал курс лекций по топографии нашим девушкам, учил их стрелять.

А однажды приглашают меня в областной комитет партии, и там одна женщина, очень симпатичная, повела со мной какой-то странный разговор — о жизни, кафедре, родителях, как тогда бывало. Потом пригласила снова через три дня и спросила: не хотел бы я попытаться сдать экзамены в Высшую партийную школу. Ну, это по тем временам, знаете... И я поехал в Москву. Шла осень 45-го года, а через год школа реорганизовалась. И всех имевших высшее и незаконченное высшее образование из школы отчислили. Остались только со средним образованием. Я вернулся, сдал

госэкзамены в пединституте. Получил назначение инструктором в сектор печати обкома. Так все и началось.

— *Вы были одно время журналистом.*

— Да, слушали на бюро обкома областную газету. Ну отметили, естественно, серьезные недостатки и проч., и проч. И пришли к выводу, что необходимо газету укрепить кадрами. Редактор вдруг попросил назначить членом редколлегии меня. На отдел пропаганды. Я перед этим два раза выступил в газете после командировок. За одну статью — «Соревнование по телефону» — в обкоме пожурили. Рассказал, как в одном из районов, Гаврилов-Ямском, соревнование организуется по телефону. Редактору понравилось. Вот эти ножницы в восприятии окружающего... они всегда были. Газета стояла ближе к жизни, чем аппараты.

В общем, меня взяли в газету. И три года я там работал. Считаю это время лучшим в моей жизни.

— *Почему?*

— Есть два периода, которые я выделяю для себя. Это годы журналистики и два с лишним года директорства в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР. Лучшие годы по человеческим отношениям, по интересу, насыщенности живой жизнью. По возможности прочувствовать, продумать какие-то вещи, проблемы за пределами повседневной текучки, давления обстоятельств, поработать над ними, если нужно и хочется, всласть, без спешки, без необходимости мгновенно переключаться на другое. Я бы сказал так: есть, видимо, в жизни периоды накопления — знаний, впечатлений, опыта, мыслей, всего того, что и образует человека. А есть и периоды интенсивной отдачи. Для меня периоды накопления как раз и совпали с журналистской и научной работой. Хотя, конечно, непроницаемых стенок тут не бывает.

Были в жизни и ошибки. Были какие-то маленькие озарения, были смешные случаи. Например, однажды получил премию за рецензию на фильм, которого не видел. Из центра пришло указание немедленно во всех газетах публиковать рецензию на картину «Сталинградская битва». Вызывает редактор и говорит: завтра в номере должен быть подвал. А я говорю: как? Фильм в область не пришел, никто его не видел. Он позвонил в кинопрокат. Оказывается, пришли листочки-аннотации, где рассказано о содержании и актерах. И вот написал. Некоторых актеров знал по другим фильмам, можно было предположить, как они там «глубоко раскрыли характеры» или еще что-то в этом духе... Разумеется, рецензия была апологетическая. Это ясно.

— *В то время политические акции сопровождались газетными кампаниями. Трудно представить, что рядовому журналисту из партгазеты не приходилось в них участвовать...*

— Да, тогда, как говорится, по поводу и без повода шли

строжайшие указания. Боролись, скажем, с вейсманистами-морганистами. Ученые из сельхозинститута охотно писали. Когда вспоминаешь ту пору, поражает активное желание людей написать, о чем просили, под кампанию. Лишь бы напечататься — иногда сами по себе люди были вроде бы приличные, не занимались доноситељством, не способны были кому-то горло грызть. Но участие в кампаниях считалось своего рода обязательным. Как-то укладывалось это в личный моральный кодекс. То ли от непреодолимого страха, то ли от безоглядной веры.

Психология — удивительная вещь. Разделять сегодня людей тех лет на героев и подлецов — достаточно примитивное занятие. Напрасно искать ноги у змей, а у черепахи крылья. Их не было и нет. В людях боролось всякое — и страх, и карьеризм, и совестьливость, и многое другое. Шла ломка характеров, растрление душ. В одном случае человек поступал честно, смело. А в другом — он же проявлял слабость, нечестность, лицемерие... Кстати, а только ли о прошлом тут речь?

— *А Вы ошибались, работая в газете?*

— Как же, было. Написал однажды очерк о женщине — председателе колхоза. Кто-то сказал, что у нее есть дочка. Надо было проверить... Но не проверил. Потом, после публикации, получаю письмо: «Как вам не стыдно, вы же должны были знать, что дочка у меня год назад умерла». Это письмо очень меня задело. С тех пор навсегда зарекаюсь проверять, о чем пишешь, десятикратно.

— *Были ли журналисты несправедливы к Вам?*

— Я как-то сказал, что только тот может стать ответственным журналистом, кто сам почувствует на себе несправедливость печати. У меня был такой случай, когда работал в обкоме, заведовал отделом школ и вузов. Пришла как-то летом корреспондентка «Правды»: «А как у вас с ремонтом, дровами, мелом?» Я был молодым, неопытным и рассказал все по правде, что дров нет, школы не отремонтированы, мел не завезен. Потом, к сентябрю, все это было поправлено. Прошло время, и вдруг в декабре появляется передовая в «Правде», где я фигурирую. Мол, не забочусь о дровах и так далее. Было очень обидно.

— *Ну, это прошлые обиды. А что касается сегодняшних?*

— Как же, есть обидные вещи.

— *Не так давно Вы сами сказали: наша печать порой не знает милосердия, но ради жизни...*

— Когда не согласны с моей позицией, я считаю это нормальным. Я с позицией некоторых критиков тоже не согласен. Так что тут элемент равноправия присутствует. Но вот когда лгут, передергивают, манипулируют — это обижает по-человечески, шокирует безнравственностью, ибо цель очевидна — откровенная дискредитация всеми средствами. Правда, я пережил в последнее время какую-то эволю-

цию в этом смысле, стал спокойнее на все реагировать. Раньше, когда видел такую статью, то читал ее немедленно, тенденциозность выбивала меня из колеи. Теперь вообще стало неинтересно читать подобное. Когда мне прислали стенограмму пленума Союза писателей РСФСР со всякими там комментариями, я только через неделю до нее добрался. Может быть, играет свою утихомиривающую роль эффект знания того, кем это координируется и из какого источника исходит.

— *Вы изменили отношение к оппонентам?*

— Знаете, как-то на одной из встреч меня спросили, как отношусь к самым заядлым своим критикам, к их предвзятости, желанию побольше ударить. Я, нисколько не ломаясь, ответил: «А мне их жалко и зла не держу». И на самом деле жалко. Значит, что-то происходит в жизни такое, что питает озлобленность, нетерпимость. Меня больше беспокоит атмосфера розни, которая порождает еще большую рознь. Почему нельзя жить, не ненавидя, а сочувствуя, сострадая? Будь у меня свободное время, то хотел бы больше всего сесть к столу и написать книжку под названием «Нетерпимость». Мне очень хочется разобраться в этой проблеме. Откуда она берется, чем питается? Что психологически ощущает человек, когда не хочет слушать других, будучи заранее уверен, что другие не правы? Предвзятость, предвзятость... опаснейшая болезнь.

— *Но при всем этом очень важен, как нам кажется, такой вопрос — Ваша личная позиция в открытой полемике...*

— На нетерпимость, озлобленность, неправду, бесчестное цитирование я никогда не отвечаю. Это мой этический принцип. Да пусть их — чего я-то? Ну как отвечать, если вранье? Вот, например, пассаж в мой адрес: спокойно взирал на пленуме Московского горкома, как «подвергали экзекуции Ельцина». А я вообще не был на пленуме. Ну что тут отвечать?

— *Признаться, Вы убедили нас не до конца. В общем-то понятна была бы сдержанность человека вашего положения 10 лет назад. Тогда каждое слово, вольно или невольно, способно было привести в движение огромные механизмы власти. Но сейчас? Быть может, сейчас больше необходима готовность секретаря ЦК Яковлева открыто заявить о своей собственной политической позиции и стремление гражданина Яковлева отстаивать свои честь и достоинство, — конечно, законным путем?*

— Ну, позиции своей я не скрываю — есть книги, статьи, выступления. Но как-то не принято судиться. Вот, скажем, один из авторов обвинил меня в русофобии. Якобы где-то я высказывался антирусски. Чушь несусветная. Дело-то подсудное. Но представьте себе, пойду я в суд и буду говорить: «Нет, граждане судьи, я не русофоб, не националист, не шовинист, не антисемит» и т. д. Да это же ниже всякого

достоинства! Не знаю, прав ли я, но считаю безнравственным для себя вступать в полемику с людьми, которые заранее уверены, что останутся безнаказанными... Да и времени на это не остается, дел много.

— *Вы один из активных сторонников гласности, если можно так сказать. Не кажется ли Вам, что гласность обернулась к Вам сейчас неожиданной стороной, используется против Вас?*

— Знаете, я уже лет двадцать пять открыто и гласно выступаю за открытость и гласность. Вижу в них главное и всенепременное условие очищения жизни от всяческой скверны. Везде и во всем, чего бы это ни касалось: общественных процессов в целом, государственного управления, науки, партийной жизни, культуры... То есть полная и честная объективная информация, доступная каждому. Возможность высказаться, выразить свое мнение, оценку, определить позицию, не опасаясь в ответ каких бы то ни было преследований, кроме честной полемики. Обсудить и демократически выйти на разумное решение. Это в совокупности, на мой взгляд, и есть гласность.

Ее нам болезненно не хватало, потому что десятилетиями сознательно и намеренно культивировалось безгласие. Ибо в командно-административной системе владение информацией — это власть, это прочность собственного положения. Монополия на информацию, на мысль, на право ее высказать — это монополия на власть и ее защиту. Особенно тогда, когда из практики ушли методы и средства прямых репрессий.

Поговаривают, гласность нам как-то аукнется... Наверное, оглядываясь назад, можно и нужно признаться, что изначальные ожидания были тут как минимум двоякими. Во всяком случае, неоднозначными, но и не слишком усложненными. Ясно было, что переход к гласности после десятилетий молчания и лицемерия будет непростым, что он может дать выбросы, всплески всякого рода: и эмоциональные, и не только эмоциональные. Но были и уверенность, и возможность прямо, честно, открыто сказать правду, откровенно поделиться чем-то, что откроет людям новый мир, возвысит человека.

Жизнь снова оказалась сложнее. У кого-то обнаружился слишком высокий — хотя и по-своему понятный — «барьер недоверия»: вначале не торопились высказываться, все проверяли гласность на искренность, на устойчивость, на пределы. Заговорил в человеке и внутренний самоцензор... Это все, впрочем, естественно.

Наихудшие услуги гласности, ее роли в перестройке, в нашем обществе в целом оказываются, на мой взгляд, с нескольких сторон. От тех, кому, как выяснилось, нечего сказать и кто обиделся за это на гласность. От некомпетентности, которая в обстановке гласности становится совершен-

но обнаженной. От боязни общественного контроля. От стремления воспользоваться гласностью для манипулирования общественным мнением, настроениями, для дискредитации той же гласности. Вот из этих источников или из их разного хитроумного взаимопереплетения и идут неточность фактологии, передержки, натяжки, необязательность и неотчетственность в слове. Впрочем, не только от этого.

Но, должен сказать, гласность сама же и воспитывает. Люди стали гораздо лучше разбираться, «кто есть кто». Мне кажется, период эффекта хлесткой фразы, громкого словечка, пустого ярлыка заканчивается. Везде и всюду люди начинают смотреть в суть, в содержание.

Что же касается «использования гласности против меня» и моей личной реакции на это — я бы оттенил здесь два аспекта. Один — право на встречную критику, несогласие, даже политическую борьбу, но по серьезным вопросам и достойными средствами. Все это я считаю нормой, которая и должна утверждаться в жизни. Было бы по меньшей мере странно выступать за гласность, но для себя делать из гласности исключение. Это значило бы вернуться в старое.

Другой аспект — это всевозможные проявления непорядочности в выступлениях, критике и т. д. Вот это неприятно, обидно. Этому надо ставить решительный заслон: и моральный, и законодательный. Но опять-таки защищать не кого-то одного, а каждого человека. Гласность не может и не должна использоваться в ущерб чести и достоинству, осуществляться в оскорбительных формах. вообще как бы то ни было попирает собой обычные нормы нравственности и человеческих отношений. Причем не только в средствах массовой информации. Но и на собраниях, митингах, заседаниях — где бы то ни было. Но, увы, культура общения, цивилизованность поведения не приходят сразу.

— *Вы оказались в аппарате ЦК партии в очень сложный период 1953—1956 годов...*

— В 29 лет я стал тогда самым молодым инструктором в ЦК. В моем характере был и остается своего рода избыточный романтизм. Он нередко подводил меня, сбивал с толку. Конечно, того, что происходило наверху, свежее испеченный инструктор знать не мог. Я часто наткался на непонятные для меня вещи. Помню, в 1955 году на Секретариате ЦК слушали Башкирский обком по итогам проверки. Я был в проверявшей бригаде, а на Секретариате давали тогда слово и инструкторам. В своем выступлении я, в частности, сказал: «Министру просвещения республики выступления пишут его работники!» Со святой уверенностью, что этого делать нельзя. И вдруг председатель КПК Шкирятов говорит: «Ну и что? Что Вы видите в этом плохого?»

— *Могли бы Вы сравнить аппарат при Хрущеве и аппарат при Брежнев?*

— Аппарат при Хрущеве я, в сущности, не знал. Могу говорить только об отделе школ, в котором работал. Он состоял практически из учителей. Хорошая, нацеленная на дело обстановка. В общем даже и не аппаратная. Атмосфера своего рода педагогического совета.

А штат Брежнева... Были и тогда люди разных взглядов, разных подходов. Но ближайший его аппарат, я считаю, был очень странным. Многое шло от него. И все-таки немало было и озабоченных людей, которые понимали что к чему. Уже тогда было какое-то движение в умонастроениях и поведении. Постепенно появлялось все больше раскованности, что-то выплескивалось и наружу.

— *Ставился ли когда-нибудь вопрос об исключении Вас из партии?*

— Был объявлен выговор за то, что не проявил настойчивости в картофелезаготовках. Правда, в учетную карточку не записали. Но это я потом узнал. Трижды пришлось предстать перед КПК. Первый раз, когда был секретарем партийной организации обкома партии. Было собрание, на котором инструктор административного отдела Кашин обвинил первого секретаря в троцкизме... в области животноводства. Да, если бы сейчас напечатать, что он тогда говорил, все хотели бы до слез. Но тогда... Кашин пишет в ЦК: разоблачил, мол, а критику зажали. И нас — первого секретаря, секретаря по сельскому хозяйству и меня — в КПК. И все там шло по-кашински и кончилось бы для нас плачевно, если бы сам Кашин не помог. Успех кружит голову. Кашин, почуяв победу, заявил: «Матвей Федорович, я считаю, что к этим людям надо проявить больше строгости!» ...Не мог же Шкирятов терпеть, чтобы его какой-то Кашин поучал. «Ах вот ты, голубчик, каков?» И к нашему первому секретарю: «Как Вы там кадрами занимаетесь?» На том все и закончилось.

Второй раз вызвал меня инспектор КПК. Вопрос: почему я не занимаюсь очищением институтов от космополитов? Поступила жалоба. Видимо, нужно было найти человека для битья. Шла кампания, требовалось «персональное дело». А тут — письмо. И меня — к Шкирятову. Он: «Ну нет, Вы беспринципны, работать не сможете. Как с партией — не знаю, а работать — нет. Идите». Я пошел. И вдруг: «Постойте, а Вы что хромаете-то?» Я: «Так, фронтное». — «А Вы что, на фронте были? А где?» Обошлось без последствий.

Но проходит время — снова на КПК. Снова письмо по тому же вопросу. Но теперь обвиняют в том, что усердие проявлял, изгонял людей невинных. Доказательств никаких. И вот снова Шкирятов. Я его послушал и говорю: «Да Вы же меня уже вызывали по тому же вопросу, только с обратным знаком!» — «Как?!» Он нажимает кнопку и требует дело. Смотрю — что-то он головой качает туда-сюда, туда-сюда. «Постой, — говорит, — так оба письма одной рукой написаны!»

— *Есть ли что-то, что бы Вам приходилось вспоминать с неловкостью?*

— Наверное, все-таки не всегда доставало настоящей смелости. Была вот эта скованность. Иногда удивляешься: что же мы — фронтовики! Не боялись ничего. И вдруг потом как-то съезжались в обстоятельствах, когда обязаны были действовать... Хотя помню и другой случай: стали одного парня в институте исключать из партии — не указал в анкете, что отец его был репрессирован. Он объяснял, что отца оправдали, потом он ушел на фронт, погиб. Все равно, оказывается, надо было указать. Собрали собрание. Преподаватели в основном за «исключение». Студенты — за «выговор без занесения». И все-таки исключили. Мы — в райком. Не поддержали. Добились приема у первого секретаря горкома, все объяснили. И знаете, отстояли своего товарища-фронтовика... Была у нас тогда фронтовая сплоченность.

Аппарат — жесткая сила. Как и каждый политический институт, он имеет свои правила. Хотите вы или нет — таран лбом здесь не проходит. От тарана, как известно, гибнут обе стороны, но только не аппарат. Он постепенно вырабатывает своеобразный характер у человека, стиль поведения. Другое дело — какая доля остается личной честности, порядочности.

Но когда говорят: тот, старый аппарат придавливал человека, это, может быть, только отчасти верно. Охотников по этой части и без аппарата было много. Помню, в свое время я выступил в Политехническом музее. Часа четыре стоял перед аудиторией, было это году в семидесятом-семьдесят первом. И сразу в ЦК десятки писем. Не хвалебных, конечно, а «бдящих».

И до сих пор не отвыкли от этой мерзкой привычки. Так вот, письма начали разбирать, трепать нервы. А что я там особенного говорил? Да ничего. Сказал тривиальную фразу: мы, мол, странные люди — каждый в отдельности «против», а все вместе — «за». «На что он намекает?» Далее я высказал положение о нечеткости понятий о некапиталистическом и несоциалистическом пути развития. И снова: «Как это так?» Вот и попробуй в следующий раз... И тем не менее все мы должны были вести себя смелее, честнее... Тогда, возможно, и негодяев поубавилось бы...

— *Известно Ваше участие в громком скандале тех времен вокруг статьи Аркадия Сахнина в «Комсомольской правде», посвященной похождениям знатного китобоя Соляника.*

— Верно то, что я написал записку в поддержку «Комсомолки». Был в статье и не совсем точный эпизод. Но, по данным КПК, имелось куда более страшные факты, которых не знала «Комсомолка». Вопрос обсуждался на Секретариате ЦК. Даже Брежнев пришел на заседание, что тогда случилось очень редко. Сказал нам с Вороновым, чтобы мы не

«подсвистывали». Соляника освободили, но на волне большой симпатии к нему. Спор был яростный, все выступили против статьи, кроме, кажется, Шелепина. Но Суслов — а Секретариат вел он — очень своеобразно повернул разговор, подытожив в конце: «Правильно, правильно говорят товарищи... нельзя Соляника оставлять на флотилии». Хотя никто и не говорил, что его следует освободить!

Но позднее поплатились за все это многие из тех, кто добивался правды... Занявшего в этой истории принципиальную позицию Фомина — первого секретаря райкома партии (Одесса), в котором состоял на учете Соляник, восстановили в партии лет через 15 после этих событий...

— *Может быть, самым громким тогдашним «газетным» делом была история вокруг Байкала. Какой была тогда Ваша позиция?*

— Отделу пропаганды ЦК, где я в то время работал, поручили разобраться с публикациями в «Правде» и «Комсомолке». Причем под таким соусом: пора кончать это безобразие. Имелась в виду попытка газет защитить, спасти Байкал. Отдел доложил, что газеты в принципе правы. Это вызвало, конечно, большое неудовольствие. Лично меня на Секретариате обвинили в «политическом стриптизе». Кстати, я не знал тогда, что такое стриптиз. А там, выходит, знали? Пришел домой, стал искать в словарях — не нашел. Это уже потом друзья рассказали... А в общем, дело кончилось для защитников Байкала крахом. Обвинили во всех грехах.

Но жизнь богата парадоксами. Вдруг звонит мне один из министров РСФСР. Он сочувствовал судьбе озера, но хотел остаться в стороне от этого дела. И говорит: есть кандидат наук, а у того — любительский фильм о Байкале, он хотел бы его показать кому-то из руководства. А я еще оставался в заведенном состоянии: давай, говорю! И вот фильм о том, как дохнет рыба в байкальской воде. Пошел с этой лентой к Кириленко. Посмотрели. Он пообещал показать Брежневу. А Брежнев был человеком сентиментальным. Вынес вопрос на Политбюро. Но и на сей раз загнали проблему в комиссию во главе с известным академиком, которая, я считаю, несет большую ответственность за то, что произошло с Байкалом в последующие годы. Комиссия вынесла заключение, что целлюлозный комбинат почти безвреден, его можно не закрывать.

— *В 1972 году Вы были освобождены от работы в ЦК КПСС и направлены послом в Канаду. Многие считают, что причиной этого стала известная публикация «Против антиисторизма» в «Литературной газете», после которой на Вас посыпались разного рода упреки.*

— Нет, все сложнее было. Бесспорно, статья сыграла роль катализатора. Меня обсуждали на заседании Секретариата, обвиняя в том, что не спросил никого. Хотя статью я

подписал как доктор наук, без указания должности, подчеркивая тем самым свое личное мнение.

Суть в другом. Например, идет торжественное заседание, посвященное 50-летию образования СССР. Я был в редакционной комиссии. Ну и, как водится, отовсюду — приветствия, рапорты лично Брежневу. Докладывают об успехах. И вдруг один из рапортов — я до сих пор храню его, — в котором говорилось следующее: «Трудящиеся Сахалинской области, единодушно одобряя и безраздельно поддерживая внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии и Советского правительства, выражают чувства беспредельной благодарности и глубокой признательности Центральному Комитету партии, Политбюро ЦК КПСС, генеральному продолжателю дела великого Ленина, мудрому руководителю Коммунистической партии и Советского государства, выдающемуся деятелю международного коммунистического и рабочего движения товарищу Леониду Ильичу Брежневу за многогранную гигантскую деятельность по осуществлению величественной программы нового этапа коммунистического строительства, выработанной съездом КПСС, за неустанную заботу об упрочении экономического и оборонного могущества нашей любимой Родины, повышении благосостояния советских людей, укреплении дружбы и сотрудничества народов СССР, за проведение активной и плодотворной внешней политики».

Снова все пошло по третьему кругу. Мягко говоря, это меня смутило. Пошел к замзаву Общим отделом, потом к заведующему — Черненко. А мне нехотя: «Ну, ты как хочешь. Смотри сам». Мне бы прислушаться к тональности совета. А я не сообразил. Только потом понял, что этот рапорт был заранее обговорен в качестве первой ласточки. Позже я узнал, что мои возражения вызвали гнев у «самого».

— *Но ведь Вы были к тому моменту довольно опытным работником аппарата. Трудно представить, что, пройдя столько ступенек, не познали правил...*

— Я вовсе не хочу изображать из себя какого-то героя. Это далеко не так. Но память-то недавнего прошлого еще ворошила совесть. Кроме того, мне казалось, что, если есть Генеральный секретарь, какой бы он ни был, надо, по возможности, не ставить его в смешное, политически уязвимое положение.

На XXIV съезде один из выступающих, первый секретарь Краснодарского крайкома, сказал примерно такую фразу: заслуга в том, что наши войска вошли в Чехословакию, принадлежит товарищу Брежневу! Аплодисменты. Я воспринял эту «хвалебную» фразу как направленную против Брежнева. Разве можно ее оставлять в стенограмме? После этого случая в редакционную комиссию стал заглядывать тогдашний заведующий Отделом науки ЦК. Оказалось, ему поручили за мной приглядывать. Потом выяснилось, что и

эта фраза была заранее согласована!.. Какое-то время спустя позвонил мне помощник Брежнева. И среди прочего сказал: «Ну, посмотрим, как вы теперь будете показывать работу Генерального секретаря». Мне бы промолчать, но я ответил: «Я буду делать все то, что соответствует решениям ЦК». Эти слова, увы, тоже в тех конкретных условиях были истолкованы как проявление недостаточной лояльности... Сегодня это смешно, но тогда, во времена хамского самодурства и трусливого раболепства...

Одни — по расчету, другие — цинично, третьи — от рвения и недостатка чувства юмора лепили новый монумент при жизни. Брежневу это нравилось. И всякая помеха, и даже просто действия, продиктованные здравым смыслом, даже молчание там, где требовалась звуковая здравица, воспринимались как крамола... Все это я до конца понял потом, в Канаде.

— *Было ли назначение неожиданностью?*

— Не совсем. Когда я сам поставил вопрос об уходе из аппарата ЦК, мне тут же предложили должность ректора одного из московских пединститутов. Я отказался и попросился на преподавательскую работу. Теперь было отказано мне... Стало ясно, что надо уезжать. Тогда я заговорил о дипломатической работе в одной из англоязычных стран. Например, в Канаде. Решение состоялось в тот же день, а моего предшественника, улетавшего из отпуска в Канаду, вернули из аэропорта.

— *Как-то раз, вспоминая о своей дипломатической службе, Вы употребили два слова, поставив их рядом, — «любопытство и тоска»...*

— Да, было чувство какой-то обиды. Было жгучее желание вернуться домой, хотя холодным рассудком считаю его скорее эмоциональным, чем рациональным. Понимаете, примерно через четыре года посольской работы начинается повторение одного и того же. Причем многое из этого повторяемого — дело рутинное. Принимать ноты, заявлять протесты, ходить на приемы и прочее. Посол — исполнитель воли государства. И самостоятельно, кроме установления личных контактов и проведения обедов, выступлений, делать мало что можешь. Получил указание — иди в МИД. И слово в слово прочитай, и чтобы на твоём лице не промелькнуло сомнение.

— *Но, судя по написанным тогда работам, у посла находились и отдушины...*

— Я жалею, что мало писал. Хотя хорошо, что хоть что-то написано. Очерк о духоборах, у которых я побывал в гостях. Статья в «Новом мире» под псевдонимом. Написал работу «Динамизм и консерватизм — их адепты». Все это было до перестройки. Сегодня кое-что написал бы по-другому. Но сейчас, когда готовил сборник статей «Реализм — земля перестройки», оставил как было. Опубликована бро-

шюра, подписанная по имени мамы — Агашин. Это про канадскую контрразведку. Да, не удивляйтесь, я был зол на них. Каждые полгода кого-нибудь из посольства выгоняли. Чаще всего совершенно бесцеремонно, из чисто политических целей. Помню, пришлось отвечать одной газете. Пишут: СССР внедрил в Канаду 20 тысяч шпионов. Я, вопреки установившимся канонам, ответил: все правильно, но хотелось бы уточнить. Я, мол, запросил наши компетентные органы: оказалось, что шпионов внедрено 2 миллиона. Напечатали. Посмеялись. С тех пор подобных сюжетов не возникало... Есть еще наброски той поры, их надо доделать.

А в общем, только теперь понимаю, что мог бы вести себя рациональнее. Не телеграммы писать, которые, как оказалось, никому не нужны были, а книги. Все-таки десять лет — это срок.

— *Одно слово: срок.*

— Да, приехал в Канаду 21 июля, а вернулся 19-го, но ровно через десять лет.

— *А было ли какое-то время особенно тяжелым?*

— Был у меня очень тяжелый год, когда умерли отец и мать. Это было в 81—82-м, с разрывом в шесть месяцев. Наша семья дружная, каждый год у отца с матерью собирались. Спали на полу. Ну мне, как старшему брату, отводили кровать... В общем, я очень тяжело переживал смерть родителей. Прилетал их хоронить. Отца, потом маму. Она не захотела оставить дом, не поехала ни в Канаду, ни в нашу московскую квартиру. Так и сказала: отец умер и мне не жить...

Этот период был какой-то нехороший. Зашевелились мысли: чего я? Получаю военную пенсию 70 рублей, какой-то гонорар могу заработать — уйти и писать. Бывают такие моменты, когда все надоедает... Да еще ощущение какой-то покинутости.

— *Распространена версия, что именно в Канаде Вы познакомились с Михаилом Сергеевичем Горбачевым... А как было на самом деле?*

— Это деликатный вопрос, потому буду краток. Знал я Горбачева и раньше. Помню, мы в отделе поддержали одну из его инициатив. Это когда он организовал на Ставрополье ученические бригады на подряде. По чиновному ряду его упрекали за это. А нам идея понравилась. Кстати, насколько помню, поддержала его тогда и «Комсомолка». Так что история не только канадская. Меня поразили его откровенность и четкость позиций. Главное — так дальше жить нельзя. А это было за два года до перестройки...

— *Спасибо, это очень важно для лучшего понимания ситуации... Но вот, пройдя такой непростой путь, кем же Вы чувствуете себя в большей мере — политиком, ученым, дипломатом, журналистом, работником аппарата?*

— Меня всю жизнь тянуло к тому, чем меньше всего

приходится заниматься, — к письменному столу. А времени для этого все меньше и меньше. Много заседаний. Беда наша. Кстати, в том числе и поэтому я так хорошо чувствовал себя в ИМЭМО. Надо сказать, и институт очень хороший — обстановка, человеческие отношения, научный уровень, настрой. Стал много писать, слушать умных людей.

Что касается политики, то она по-настоящему интересна только в переломные времена.

Ш

— *Как у Вас обычно складывается рабочий день? Каковы Ваши привычки, стиль, если он есть?*

— Приезжаю на работу в 9 часов утра. Уезжаю, увы, в 10—11 вечера. Сказать, что есть какой-то стиль, не могу. А если серьезно, то постоянно ощущаю, что не ты распоряжаешься временем, а оно тобой управляет.

— *Но еще понятно, когда это чувство испытывают инструкторы. На них давление сверху...*

— Нет, ну что Вы! Когда я работал заведующим сектором радио и телевидения в аппарате ЦК, я был сам себе хозяин, мог планировать время, которое редко нарушалось каким-то вторжением. Сейчас этого нет. Скажем, утром выше головы кипа бумаг. Три четверти из них не имеют ко мне отношения. Но считается, надо читать, визировать. Короста от старых времен остается, еще шелушится...

Потом телефонные звонки. Наши депутаты очень активны. И так до обеда, а что же делать? Потом разные заседания, совещания. И все это нужно... Я часто думаю, как лучше все-таки организовать — если уж не для себя, так для тех, кто придет потом... Что-то тут должно быть сделано. Почему, скажем, у западного бизнесмена или политического деятеля все расписано, у него весь год в записной книжке? А я не могу расписать даже завтрашний день...

— *Член Политбюро имеет многочисленные источники информации, но связан ли он напрямую с внешним миром? Существует ли такая проблема для Вас?*

— Существует. Видите ли, я в избытке получаю официальную и неофициальную информацию. Предпочел бы получать меньше, хотя в известной мере она и нужна, но только в известной мере. Вы знаете, иногда возникает ощущение, что, когда непосредственно говоришь с людьми, получаешь совсем другую информацию, чем из бумаг. И выводы другие. И настроения другие. Бумага как бы стирает жизнь и лица людей, омертвляет чувства. Бумага часто лукавит.

— *Можно ли вообще тут что-то сделать?*

— Вот когда за конкретное бытие-житие будет отвечать тот, кому положено отвечать, скажем, за квартиры — рай-

исполком, а если еще точнее — конкретный работник в райисполкоме, и так далее, — тогда, наверное, будет меньше бумаг, жалоб, заседаний и прочего.

— *Насколько Вы хорошо знаете, как и чем живет молодежь? Какие, кроме газет, источники, возможности?*

— Очень мало возможностей. Получаю информацию от знакомых моих детей, иногда прошу их собраться специально. Или если сами придут, то посижу с ними. Что-то можно там услышать, как и что они думают. О всей ситуации, так сказать. Но это часть реальности. Я знаю заранее, что собирается молодежь, которая, хотя и с критическим настроением, относится с доверием и симпатией к преобразованиям.

— *Парадокс получается. Молодым очень мало известно о Вас, Вам — очень мало о них. Может, встречается, выступать почаще, как говорится, доверительно и откровенно?*

— Это верно. Для меня встречи очень благотворны. Вы знаете, я не помню ни одной аудитории, где бы почувствовал недоброежелательность. Вот не помню! Нет, я не говорю, что такое навсегда, это пока что. Всякое бывает. Сам-то я знаю, что одни выступления были относительно удачными, другие — нет. Но в целом, как говорится, всегда расходились по-хорошему, правда, встречи получались часто длиннее, чем предполагалось...

В то же время бывает и так. Аудитория аплодирует, а потом письма. Но по слухам. Обвиняют черт знает в чем! Помню выступление перед редакторами газет, где, отвечая на вопрос, я сказал, что поддерживаю борьбу с алкоголизмом, но не согласился с методами, заметив, что кавалерийские атаки приведут к обратным результатам. Ох, что началось, что началось! Письма в ЦК, что вот он против решений ЦК, пятое, десятое. О господи, сколько у нас еще людей, которые в сталинский период и последующий были приучены к доносам. Хорошо, хоть теперь не расстреливают по клеюзам... Но что это за злость у людей! Обязательно надо кого-нибудь разоблачать. Где-то что-то услышал, что-то не совпадает с твоей гочкой зрения — обязательно надо «телегу» сочинить, обвинить, требовать наказания и т.д. Не разобираться, а обвинить. Нет желания вникнуть, проявить терпимость, обязательно надо сделать другому больно. Навредить ему, и все тут. Как говорится, не важно, как я живу, главное, чтобы сосед не жил лучше и спокойнее меня!

— *Да, такая у нас порой плата за откровенность... А случаются ли у Вас служебные конфликты?*

— Вы знаете, как-то получается, что непосредственно вокруг меня не бывало служебных конфликтов. Ни в институте, ни в посольстве, ни в ЦК. Хотя, может, был один случай... Не знаю, я никогда ни на кого не повышал голос. Стараюсь избегать замечаний. Если не делаешь замечаний, понуждаешь человека к ответственности, к совестливости. Если

кто-то чисто служебное поручение выполнил не очень хорошо, я предпочитаю сам сделать.

Знаю, это плохо, это нарушение всех правил. Но — ненавижу разного рода разносы, просто ненавижу. Считаю: если уж невыносимо, скажи человеку, чтобы менял профессию, — а чего его разносить? В этом отношении я запомнил позицию бывшего первого секретаря Ярославского обкома И. М. Турко. (Он потом был арестован по «ленинградскому делу».) Так вот, после партийной конференции его спросили: что же вы откритиковали этого и того — они же наиболее способные люди, а о других, совершенно безнадежных бездельниках, вы слова не сказали? А он говорит: а какая полза? Прок-то какой?

— *Вы по «пунктам» биографии, довольно сложной, все-таки во многом аппаратчик. Но по природе, да и по убеждениям — человек творческий. Так вот — как бы изнутри, со знанием дела, — какие Вы видите достоинства и изъяны нынешнего аппарата?*

— Спасибо на добром слове. Ну я же не совсем аппаратчик, хотя и в этом нет ничего порочного. Два лета работал в колхозе, был военным, три года преподавал в вузе, три года занимался журналистикой, 10 лет — на дипслужбе, 2 с лишним — в академическом институте.

Если говорить об аппарате, то без него не обойтись. Важно, на какой основе он строится. Банальность скажу: если приходит деловой, имеющий интерес к жизни человек, с чутьем на новое, то все в порядке.

Что меня беспокоит? Неумение некоторых (если не сказать, больше чем некоторых) разговаривать с людьми, признавать свои поражения в дискуссиях. Порой раздраженность: дескать, если не соглашаются, значит, люди «не те». Есть еще такое чувство, что если ты на каком-то посту в аппарате, то вроде получил право на истину. Отсутствие чувства юмора всегда вредит.

Люди богаче отдельных поступков, хотя поступки — символы личности. Особенно опасна жажда власти. Она развращает, причем не только глупых. Опьянение властью делает людей алкоголиками власти. Для таких без власти жизнь останавливается. Вот что страшно, вот почему моновласть разрушительна. Она постоянно генерирует консерватизм.

Сказать, что весь аппарат консервативен или, наоборот, демократичен, — тоже нельзя. Разные люди, разные условия, по-разному ведут себя. Не ушло еще, далеко не ушло лицемерие — думать одно, говорить другое, а делать третье. Не прошла склонность делить людей — наши, не наши. Нет таких — наши, не наши. Все наши!

Сейчас, в исторически конкретной обстановке — экономических неурядиц, сумятицы во взглядах, в обстановке подозрительности, попыток найти таких, кто «отвинчивает

гайки на рельсах социализма», мне кажется, наиболее существенно консолидировать общество, все демократические силы, стоящие на платформе перестройки. Речь тут не о потере принципов, а о национальном согласии во имя идеалов свободы человека и общества.

Нам нужен сейчас экономический прорыв. Если он состоится, мы сумеем обрести умиротворение. Думаю, что и многие политические разночтения — нет, не уйдут в сторону, а получат другое лицо, восприниматься будут по-иному, не так остро и бескомпромиссно, как сегодня. А что-то и совсем отпадет. Я так рассуждаю: надо ли сейчас разногласия доводить до раскола, в угоду консервативным силам? Думаю, нет. И вот почему: надо дать людям время и возможность по-настоящему все узнать и во всем разобраться. А без этого какой прок? Сегодня один говорит одно, другой — прямо противоположное. И завтра партия — бах, разрывается на две части.

Надо видеть, что именно в наши годы формируется новое общественное сознание, идут процессы, теоретическая и практическая ценность выводов еще не всегда проявляет себя убедительно. Поэтому нужны терпимость к поискам, к инакомыслию, умение находить компромиссы.

— *Должны признаться, что и в данном случае Вы нас не убедили. Этот тезис повторяется давно. Безусловно, нужно иметь некие особые условия для дискуссий в Политбюро, ЦК. Но в сегодняшней бурной ситуации, может, даже важнее, чтобы та или иная позиция получала массовую поддержку? А компромисс, вроде теоретически и разумный, на практике уже не получает такой поддержки. И нам кажется, наступает время, когда каждому либо придется определиться, либо он потеряет эту поддержку, — а она на сегодняшний день еще есть.*

— Тут я вижу вроде бы персональный намек. Отвечу так: вот я выпустил книжку. Пусть каждый относится к ней как хочет. Я мог бы сказать, написать или поострее, или поточнее в формулировках, или помягче. Но это другой вопрос — стиля, сугубо личностных оценок. А в принципе — это моя позиция.

— *Ваш пример скорее из сферы академической, научной. А, скажем, политическая, тактическая сторона? Когда принималось Открытое письмо ЦК КПСС коммунистам страны, видимо, учитывались и такие вещи, как «эффект Гдлана, Ельцина»? Результаты, однако, были обратно пропорциональны желаемому. Это учитывалось? С другой стороны, в партии еще много людей, особенно молодых, оптимистично настроенных, ожидающих каких-то перемен до XXVIII съезда. И только это оставляет их в партии. Но когда появляется такой документ и из него недвусмысленно следует, что альтернативная платформа не будет допущена на съезд, то не кажется ли Вам, что это поколебало оптимизм очень многих*

и многих людей, в том числе и молодых, — тех, кто еще верит: партия способна обновиться?

— Думаю, Вы заметили в письме фразу: определяться должны сами первичные организации. Может, этим все сказано. Кроме того, я категорически против оргвыводов по вопросам, которые еще являются предметом дискуссии. На мой взгляд, партия должна брать все разумное, дельное из любой платформы.

— *Но мы все знаем силу документов, исходящих из столь высоких инстанций... Мы понимаем сложность ситуации. Тогда такой вопрос: что Вы более всего цените и в деловых и в товарищеских отношениях?*

— Знаете, о чем я подумал? Сейчас, вероятно, самое нужное качество — способность «не откальваться» по дороге. Скажем, начали вместе, вместе и тянуть воз. Спорить — да, убеждать — да, но глядя в глаза, честно, без политиканства. Последовательность, лояльность в товарищеских отношениях — это, в конце концов, вопрос новой этики и новой политической нравственности.

Добавлю, пожалуй, что меня очень тревожит тенденция к расколу демократических сил: много ненужных споров, уводящих в сторону от главного — от построения общества демократии.

— *Вам не кажется, что Вы по своим наклонностям в большей степени аналитик, интеллектуал, нежели политик, так сказать, «водитель масс»?*

— Трудно говорить о себе в таком ключе.

— *Скажите, пожалуйста, в свое время было много разговоров, в чем каждый и насколько перестроился. Так вот, пришлось ли перестраиваться после 85-го года лично Вам?*

— Вы знаете, в принципе, нет, не пришлось.

— *Ну это вполне нормально...*

— *Может, стоит только одну поправку внести. «Не меняюсь» — так о себе сказать было бы слишком самоуверенно. Все меняются, другими становятся. Какие-то другие подходы появляются — хуже или лучше. Знание жизни глубже, опыта больше. Но в главном, стратегическом — нет. Правда, к сожалению, исчезают какие-то романтические настроения, с возрастом все становится более прозрачным, не столь загадочным. А это жаль.*

— *Александр Николаевич, перестройке исполнилось целых пять лет. Если, скажем, по истории Октябрьской революции мерить, то это законченный исторический период, на календаре сейчас как бы 22-й год, когда, как Вы помните, был произведен основательный анализ пройденного пути. Нет ли тут общего с сегодняшним? Или в перестройке все-все сначала предусматрели?*

— Затевать спор на эту тему нет смысла. Бесспорно, следует согласиться, что да, не все предусмотрели. Ну а кто мог предусмотреть? Дело-то неповторимо новое. Мы гово-

рим: социализм — творчество масс. Так давайте этого и держаться. Творчество масс, а не каких-то групп «яйцеголовых» (как говорят американцы), которые сидят, придумывают сначала идею, а потом все бьются над тем, чтобы вколотить ее в жизнь. Затянувшаяся попытка ввести социализм идеологическим декретом не состоялась.

Я лично считаю, что, скажем, основное достижение в интеллектуальной сфере — прекращение монополии на истину.

— *Мы уже достигли этого?*

— Нет, еще не в такой степени, чтобы констатировать: да, решена проблема. Но если процесс не будет каким-то образом пресечен, то именно демонополизация истины даст такой интеллектуальный эффект в будущем, что переоценить его будет трудно.

Да, в 1985 году я, например, не предполагал, что у нас такой огромный запас консерватизма в обществе. Мне казалось, что стоит только провозгласить — свобода, гласность, демократия! И такое забурлит! Только б удержать энтузиазм! Но все оказалось намного сложнее, труднее. Вы видите, борются даже против демократии, а часть людей раздражена гласностью, считает, что дело это вредное. Иными словами, далеко не все оказалось так, как представлялось. Хотя я продолжаю верить, что иной перестройка и быть не могла, не имела права быть. Если мы, каждый из нас, не обуздаем по-настоящему расцарапанные чувства, то что же получится?

Мне казалось, что на базе перестройки, самостоятельности, достоинства возникнет еще больший коллективизм, еще большая ответственность, повысится личная дисциплина. Раньше-то мы людей разъединяли. Сейчас стремимся объединить. И... не получается. Опять же групповой эгоизм, расколотость, нетерпимость, обозленность. В этом надо разбираться и разбираться — и политологам, и психологам, и социологам, и философам. И тут, конечно, — нет, я не собираюсь задачи ставить перед печатью — всем нам надо бы подумать о концепции общенационального согласия, социальной ответственности в широком плане. В том числе и в средствах массовой информации. Ибо роль их, ясно, повысилась неизмеримо. Новый уровень ответственности, профессионализма, глубины пахоты на бескрайней ниве проблем — все это имеет характер чрезвычайный.

Мы вообще плохо понимаем, что такое технология общественной жизни. И научиться понимать — из ничего — сразу не сможем. Тут все должна показать сама жизнь. Уже забылось, что пять лет назад о рынке, прибыли, товарном хозяйстве приходилось говорить с оглядкой, с оговорками. А еще раньше? Я как-то много лет назад беседовал с группой экономистов и попросил объяснить: есть деньги, есть товар, есть человек. Он идет на рынок, платит деньги, покупает товар, а вот отношений между ними нет? Мне сказали: это

слишком примитивная постановка вопроса. Может, и примитивная, но объясните!

Сегодня все это кажется смешным, но ведь все это было, было. Другой вопрос. Многие понимали, что общество не столь монолитно, как оно рисовалось. Хотя никто, повторыю, не ожидал такого бурления страстей, несогласий, а то и злости, нетерпимости. Но ведь и это естественно, закономерное, имеет свои корни.

— *То есть такой злости Вы не предполагали? А что еще Вы видите теперь по-иному? Вот, скажем, социальная база перестройки?*

— Ответ достаточно банален. Обычно как говорят? Рабочий класс, крестьянство, интеллигенция... Но ведь так можно при любом повороте сказать: социальная база — это, это, это. В общем-то правильно. Но в общем. Сейчас я все больше прихожу к выводу, что социально-политическая опора начавшихся преобразований весьма своеобразная. Она — в общем неприятии того, как жили, отторжении, основанном на понимании, что время изменилось, что сложились новые реальности, а политика тормозит развитие.

Наверное, нельзя в политике анализ социальной базы ограничивать только социологическими, классовыми, социально-экономическими критериями. Это не значит, что их надо отбросить, — вовсе нет. Но от них надо идти вглубь, надо учитывать и критерии психологические, нравственные, да и многие иные. Ведь и поддержка перестройки, и сопротивление ей не сосредоточены только в каких-то определенных слоях. То и другое есть везде.

Неудовлетворенность тем, как жили, идет не только, так сказать, от желудка, от товарного голода. Для очень большого числа людей, притом живущих в материальном отношении по-разному, такая неудовлетворенность — еще и результат их размышлений, моральных исканий. Кто может и хочет работать, кто ставит для себя на видное и даже на первое место стремление к достижениям в жизни, к следованию на деле требованиям морали, кто видит необходимость трансформации для этого наших общественных условий — тот на стороне перестройки. Хотя такие люди подчас весьма неоднозначно смотрят на саму перестройку, ее содержание, цели, ход...

Конечно, нельзя делать отсюда вывод, что всякий, кто против перестройки или настороженно относится к ее ходу, непременно из числа не способных или не желающих трудиться или же из морально обделенных людей. Вовсе нет. Но критерий мотивации человека, группы, класса, сильная это мотивация или слабая, идет ли она от желудка, разума или сердца, направленность этой мотивации — все это и определяет человеческую сторону перестройки. Но надо видеть не только социальный источник, структуру, но и динамику поддержки, учитывать это обстоятельство в политике.

— База сколь широкая, столь же и неустойчивая. Из тогдашнего «плохого» одни тянут в одну сторону, другие — в прямо противоположную...

— Но мы должны понимать, какими были и от чего ушли? Кто бы и что бы ни говорил, страна изменилась. Достигнута внутренняя свобода мышления. Пример: XXVII съезд партии. Он мне казался пределом революционности. В целом — да, но сегодня по отдельным компонентам, а точнее, в отсутствии каких-то из них (и это еще важнее) — многое осталось в прошлом. Может, мы и сегодня делаем что-то «не то» — с позиций завтрашнего дня. Безусловно, завтра или через год будем смотреть на некоторые вещи совершенно по-другому, но такова жизнь.

— *Есть ли у Вас какие-то правила общения с подчиненными? И удавалось ли им когда-нибудь Вас переубедить?*

— Конечно. Очень часто.

— *В чем конкретно?*

— Нет, в главном-то, если говорить о политической стратегии, меня трудно переубедить. Но вот в подходах, осмыслении какого-то конкретного случая, в тактике — это да. Например, когда иду выступать, то обычно с близкими людьми обсуждаю идеи, тональность, настроение. Тут бывают расхождения. Тут я поддающийся. У меня в товарищеском окружении есть и просто профессиональные скептики. Они все ставят под сомнение. Есть и необузданные радикалы, и умеренные консерваторы.

— *То есть это принцип?*

— Да-да. Когда я воюю за терпимость к позициям инакомыслящих, то имею в виду любые взгляды. Ради Бога! Кроме тех, конечно, от которых идет вражда, насилие. Я открыто писал и говорил, что консерватизм тоже имеет право на существование, если не хватает за горло живых и все живое.

В чем здесь суть моего подхода? Я считаю, что угроза больше идет справа, хотя и некоторым демократам пора определяться, с кем они. Самое опасное в демократическом процессе — непродуманность действий, шагов, что ведет к непредсказуемым результатам. Это моя точка зрения. В обществе, признающем за своими гражданами право на многообразие интересов, точек зрения, взглядов, подходов, — в таком обществе естественен целый спектр политико-психологических позиций. Естественны и переливы настроений, скажем, чередование периодов, когда преобладание в обществе, какой-то его части, консервативных настроений, подходов сменится требованием перемен — как это произошло с перестройкой. Или наоборот, что тоже было в нашей жизни. И такой спектр, такие перемены в общественных настроениях не просто естественны — они еще и необходимы для нормальной жизни общества, для его социального здоровья.

Собственно, этот спектр был у нас всегда. Но в угоду ложно понятому единству, внешней монолитности мы загоняли его куда-то вглубь, в подполье, не давали ему выхода. Рынок уходил в теневую экономику. А массовое сознание — в отрешенность, углубленность в личные дела, равнодушие, нигилизм, во всякого рода магию, оккультизм. Бог знает во что. Задача наша — и перестройка начала ее выполнять — дать всему этому спектру возможность жить, проявляться, функционировать нормально и естественно. А для этого признать прежде всего его объективное существование. Признать за каждым из нас право быть самим собой, если при этом не нарушаются законы, мораль, права других людей.

Потому что альтернатива-то неприемлема: вечная и безысходная борьба всех со всеми. Вначале «побеждают» одних, потом других, затем третьих... Бесконечный поиск «виноватых». А в результате получается нравственно искалеченное, духовно обедненное общество, даже порой не осознающее, что с ним произошло. Люмпенизация духа — самое страшное, что может угрожать социалистической идее, цивилизации, да просто каждому из нас. Счастье, что мы это вовремя почувствовали и поняли, «перехватили» процесс, когда еще не поздно поправить. Теперь надо наращивать, наращивать и наращивать потенциал конструктивных дел в обществе. Каждому по-своему, но при этом всем вместе. Надо терпимее быть друг к другу, совестливее.

— *Приходилось ли Вам публично признавать свои ошибки?*

— Ну вот, совсем недавно. На вопрос — где-то, не помню, меня спросили. — что бы я по-другому написал в статье 1972 года против антиисторизма, которую, вырывая из контекста времени, обсуждают в некоторых изданиях до сих пор — и вкривь и вкосью... Впрочем, Бог с ними! Ответил, что по-иному сейчас написал бы о конвергенции. Тогда я шел не от источников, а от комментариев, а они были весьма тенденциозными. Что я, например, знал тогда о Маркузе? Да ничего! Не издавались его работы. Но говорилось много. Когда я почитал самого Маркузе, то точка зрения, конечно, изменилась. Да и вообще о конвергенции я бы, конечно, по-другому написал сегодня. Разумеется, было бы слишком самоуверенным утверждать, что годы идут, а твои статьи нетленны. Да нет, конечно! Каждая статья имеет отпечаток своего времени, свою терминологию, отражает конкретный уровень знаний, степень понимания того или иного вопроса.

— *Ну а если скажут, что Вы, например, предлагаете «встать на путь конвергенции»?*

— Я резко писал о конвергенции как о буржуазной затее, попытке заморозить, затащить «не туда». Я и до сих пор не безоговорочный сторонник конвергенции. Но вынужден, честно скажу, отказаться от тогдашней, слишком прямолинейной трактовки этого процесса.

В то же время конвергенция — в старой трактовке —

отражала механический взгляд на вещи. Взгляд, я бы сказал, замутненный эйфорией вокруг развернувшейся научно-технической революции.

С одной стороны, на разных «полочках» лежали «социализм» и «капитализм». Связаны между собой они были только конфронтацией, «холодной войной», от которой уже тогда стали уставать. И не только от самой «холодной войны», но от всей этой враждебности, атмосферы страха и подозрительности. Начали понимать всю бессмысленность и угрозу дальнейшей эскалации противоборства.

А с другой — первые проблески здравого смысла. Смягчение напряженности. Соглашение о запрете ядерных испытаний в трех средах — первое такого рода. Ощущение — и у нас и, по-своему, на Западе. — что многое должно измениться. Время, когда здравый смысл начинал искать для себя перспективные точки опоры. И — старт научно-технической революции, которая действительно расширяет, скажем так, сферу одинаковых технологий в экономике, технике, инфраструктуре, коммуникациях. Делает возможной еще большую интернационализацию многих жизненных процессов и требует такой интернационализации. И это действительно так. Но сразу-то все это разглядеть было трудно.

И вот одним показалось, что эпоха технологий вообще сотрет все грани и различия между социализмом и капитализмом. Для них это было не трагедией и не новым направлением «войны», а приемлемым исходом на тогдашнем международно-политическом фоне. А другие, по инерции, усмотрели в этом козни... Это сейчас мы понимаем, что социализм и капитализм — две ветви одной цивилизации. Время ускоряет свой бег, нарождаются и крепнут новые реальности. И живая жизнь дороже и точнее самых умных слов.

— *Почему?*

— Да потому, что мир сегодня другой. Ведь люди взаимозависимы, живут на одной земле — что называется, как Господь Бог создал, — они женятся, воспитывают детей, радуются и горюют, имеют похожие привычки, слабости и надежды. Следовательно, надо без шор, без предвзятостей посмотреть на жизнь и постараться увидеть те действительно жизненные, реальные измерения и опоры, на которых и стоит строить политику. А не из придуманного противостояния, борьбы «не на жизнь, а на смерть». Слова «мы вас закопаем» или рейгановские «империя зла» должны отмереть в силу их внутренней враждебности. Возврата к ним быть не должно.

— *Некоторые специалисты указывают, что причины многих «холостых» ходов — в «заговоре против перестройки».*

— Метафорически говоря, да. Заговор — не заговор, а критическая масса сил инерции существует. Есть настроения:

отдайте мне мои 200 рублей незаработанных и на этом закончим перестройку. Здесь очень большая опасность. Другие убеждены: придете, вернетесь к командным методам! Третьи суеются, боясь промахнуться в выборе.

— Но как бороться с этим? Нас, кажется, уже парализует сталинский «синдром», боязнь «сильной руки». Надо наказывать за нарушения, преступления, надо энергично преодолевать сопротивление, но... общественное мнение «против всяких репрессий». Нет ли опасности, что это не окончится другой крайностью: развалом власти?

— Тут очень важно не перепутать. Политическая борьба — одно дело, преступность — другое, правовой нигилизм — третье. Что касается взглядов других, то критикуй их, но человека-то цени, оставайся с ним в нормальных человеческих отношениях.

Но и формы критики должны измениться. До сих пор у нас в чести оценка: чем крепче «вдаришь», тем принципиальнее выглядишь. От прошлого это, от бескультурья и внушенной нетерпимости. Послушать некоторые речи, почитать отдельные статьи — не анализ, а приговор суда.

Другое дело — преступления, коррупция, бесхозяйственность. Сама терпимость тут работает на воспроизводство зла. Бесхозяйственность, экологические преступления уж очень легко сходят с рук. Замена кадрового состава идет медленнее, чем нужно было. Работает своего рода «жалостливость», которая не приносит добра. Думаю, мы недооценили проблему роста преступности. Это не только уголовная проблема, это фактор политической дестабилизации.

— В теории мы прежде умели мастерски отделять национализм от патриотизма. А вот теперь, после всего, сумеем? И еще одна сторона: когда-то было сказано, что рабочие Отечества не имеют...

— У всех есть Отечество. Без него человек духовно обездолен.

Жизнь привела к выводу, что приоритет — за общечеловеческими ценностями, которые не противоречат национальным. Патриотизм питается национальной культурой, в которой все сцеплено — обычаяи, нравственность, традиции, историческая память, религиозные верования, мечты о будущем, семья, отношение к труду и хлебу насущному. Культура к книгам не сводится, она в человеке как бы кольцами эпох закладывается. Да и влияние окружающего мира очень велико.

В Японии, например, основа воспитания: «Сначала познай Японию». И дети путешествуют. Познают свою страну: религиозную, старинную, современную. Учатся на компьютерах, но и рукоделие не забывают. Общая идея — патриотизм. Японец везде японец... У нас, к сожалению, нередко бывает: как только человек вырывается за рубеж, первым делом начинает «вытирать ноги» о свою Родину. И когда читаешь подобные выбросы, то думаешь: ну чего ты за

рубежом страну свою кладешь на операционный стол и начинаешь делать ей полостную операцию — ты лучше дома говори, если уж так тебе приспичило. Все это от бескультурья, а оно, увы, не зависит от образования. У некоторых это поза: он может! И чем разухабистее говорит, тем больше себя любит, думая при этом, что он свободный человек. Нет, это раб, у него настоящего чувства свободы нет. Нет чувства Родины, нет чувства свободы.

А потом — не пора ли нам задуматься о современной сути понятия «патриотизм»? Без патриотизма не может быть гражданина, как без чувства собственного достоинства невозможна личность. Чтобы служить интересам Отечества, человек должен ощущать себя государственным деятелем, мыслить не только личными, классовыми, групповыми, но и общесоциальными категориями. У нас же сталинизм начал, а брежневизм продолжил трансформацию человека в «винтик». А винтик — он и есть винтик, спрашивать с него нечего, да и невозможно. Счастье наше, что народ оказался внутренне прочен, устойчив, что далеко не всякого удалось переделать в ничтожество.

А быть готовым мужественно и честно выступить против бесхозяйственности, безалаберности, разболтанности, коррупции — это разве не служение интересам народа? Это разве не патриотизм? И можно ли считаться патриотом, быть патриотом, если ты спокойно мирисься с нарастающим экономическим, техническим, научным отставанием страны на мировой арене? Или спокойно воспринимаешь травлю природы, негодные социальные условия жизни?

Патриот — не тот, кто громче других кричит о своей любви к Родине, о своей верности принципам. И уж тем более не тот, кто свою любовь пытается доказать ненавистью к «инородцам», «иностранщине». Патриот в первую голову тот, кто ежедневно делает хоть что-то, чтобы общая жизнь в своем Отечестве становилась лучше. Патриотизм сегодня — это дело, а не слово. Созидание, проявление своей человеческой сущности в делах и поступках во благо людям. Собственно, так было во все времена. Просто сейчас, под влиянием обретенного опыта, мы стали по-новому осмысливать и ощущать эту вечную истину.

Я бы подчеркнул также, что патриотизм сегодня не имеет права замыкаться только в национальные стены, национальные культурные рамки. Любовь к своему народу, языку, культуре — это естественно и свято. Но и любовь, если она слепа, способна натворить много бед. Мы живем в многонациональном государстве. Идти вперед можем только вместе. Точно так же, как во взаимных противопоставлениях, конфликтах и раздорах с неизбежностью покатаемся назад.

Кроме того, любая неприязнь, ненависть, негативизм делают человека, их разделяющего, нравственно обделен-

ным, психологически уязвимым. И наоборот, доброта, открытость миру, ровность в отношениях с другими поднимают его и в чужих глазах, и в собственных. Так что интернационализм — не только объективное требование времени, разития. Это еще, если хотите, и оптимальная позиция личного благополучия, душевной удовлетворенности.

— *Пять лет перестройки, как мы поняли, многое высветили в Ваших прежних представлениях. А вот такое, скажем. Разве Ленин не совершал ошибок?*

— Надо отдать В. И. Ленину должное: он быстро и смело избавлялся от заблуждений, освобождался от догм, не боялся признавать ошибки. Веривший поначалу в бестоварную утопию, он совершил поворот к энпу. До революции он критиковал «кооперативный социализм» беспощаднейшим образом, жизнь потребовала другого, и он сумел разглядеть в кооперации ее огромные потенциальные возможности. В этом же контексте можно говорить о крестьянской программе эсеров, о «военном коммунизме» и т.д.

— *То есть бывало, что первоначальная идея принадлежала не ему, а противнику... И по той же логике стал возможен и социалистический рынок?*

— Попробуем так рассуждать. Рынок — это инструмент, механизм. Ну зачем рынку, скажем, экология? На Западе заставляет заниматься экологией общественное мнение, а наш рынок обязан быть равнодушным к экологии.

— *Позвольте с Вами и здесь не согласиться. Вы же сами говорите, рынок — есть механизм, а ему, в общем-то, все равно, какой мы эпитет приставим. Мы же не смогли изобрести социалистический паровоз? И самолет сам по себе вряд ли более социалистичен при социализме? Другое дело — цель, назначение. Но это назначение — вне механизма. Если же назначение опять попробовать затолкать в «самолет», то этот «самолет», избави Бог, развалится...*

— Но социалистическое общество, прямо или опосредованно воздействуя на рынок, должно корректировать его действия в пользу социальных программ...

— *Вы нередко становитесь объектом обвинений со стороны «Памяти» и тех кругов, которые называют себя истинно русскими патриотами. Не будем повторять содержание листовок и плакатов — наверное, это как-то до Вас доходит. Но что Вы думаете по этому поводу?*

— Тут, видимо, не одна причина — и неприятие этими людьми перестройки, которую изображают как возврат к капитализму, как путь к безнравственности, как отход от марксизма-ленинизма, как социал-демократизацию общества и т.д. Но главное, надо полагать, — в моей позиции по национальному вопросу. Я русский человек по всем корням своим. Ни вины моей, ни заслуги в этом нет. Знаю, что такое нищета крестьянской жизни.

Действительно, я всегда жестко выступал против любого

размежевания людей по национальному признаку. Для меня это неприемлемо. Это оскорбительно для русской интеллигенции и для любого порядочного человека. Люди делятся по нравственным характеристикам. А кто они по национальности — татары, узбеки, евреи — разве в этом дело? Нет хороших и плохих народов, есть хорошие и плохие люди. Да что мы — с ума, что ли, посходили с этими безнравственными противопоставлениями? Я против великодержавного шовинизма, против любых форм национализма, против антисемитизма и против политического сионизма.

Видимо, все это и вызывает неприязнь, нетерпимость, спекуляции. И ходят пошлые сочинения на тему жидомасонских заговоров. От всей этой обскурантнейшей чуши, ей-богу, пахнет каким-то средневековьем! Но порой теряюсь в догадках: а может быть, они просто большие шутники? Люди, обладающие неистребимым чувством юмора? Сидят, посмеиваются и разыгрывают людей... Но не похоже. Все это гораздо серьезнее...

Но, понимаю, не во мне дело. Насаждается психоз по многим линиям, который разъединяет людей. Идет лихорадочных поиск «ведьм», хорошо нам знакомое занятие по прошлым временам. И те, кто делает это, в конечном счете берут на себя тяжкую ответственность за возможные последствия. А они, эти последствия, как мы уже сейчас видим, могут быть связаны с кровью.

— *Прошло уже довольно времени после истории с публикацией письма Нины Андреевой и ответа в «Правде». Может быть, сейчас, пользуясь, так сказать, сроком давности, Вы немного расскажете об этой истории? По ответному письму в «Правде» было решение Секретариата, Политбюро или это чья-то инициатива?*

— Когда-нибудь я обязательно расскажу. Это была интересная история.

— *Разумеется. Вы хотите приберечь для своих мемуаров? Хотя, в общем-то, жаль...*

— Я, помню, был в то время в Монголии. И вдруг ко мне пришел помощник, раскрыл газету, показал статью. Мне было некогда, надо было куда-то ехать. Но потом прочитал и схватился за голову.

— *Что сейчас, по-Вашему, опаснее, говоря прежними терминами, — левый или правый «уклон»?*

— Опасны любой экстремизм, неформальные структуры националистического характера, ультраконсервативные настроения и левачество, заряженное на разрушительство.

— *На Ваш взгляд, меняется ли в мире отношение к перестройке, скажем, в связи с усугублением у нас кризисных явлений?*

— В свое время нам привыкли не верить. Это напоминает известный случай из соперничества между Талейраном и Меттернихом. Когда Меттерниху ночью сообщили, что

его старый соперник умер, он вскочил с постели, долго бегал по спальне и кричал: «Что еще задумала эта старая лиса?» Вот так и к нам поначалу: что за очередной трюк задумали? Но постепенно поняли: это всерьез.

— *Демократия — это право выбора. А такое право таит в себе вероятность, что выберут другого...*

— Да. И не нужно, как это было раньше, утверждать, что коль не выбрали, то небо обрушилось. Свой проигрыш нельзя изображать всеобщей катастрофой. Вот я все думаю: неужели в годы застоя или сталинизма авторитет партии повышался, а при перестройке пошел на убыль? Нет, тут что-то другое, более глубинное, иначе трудно понять ход истории.

— *Будет ли депутат Яковлев голосовать за отмену цензуры?*

— Всегда выступал против цензуры, и вы хорошо это знаете. Несколько лет назад на свет божий были извлечены книги и фильмы, лежавшие на полках. Это и есть мое отношение к цензуре. И все же, на мой взгляд, в искусстве, литературе, в средствах массовой информации должна быть внутренняя сдержанность, забота о достоинстве человека и страны, основанная на нравственных мотивах.

— *Мы говорили уже о культе личности Сталина. А вот сейчас в своем сознании Вы ощущаете какие-то рецидивы?*

— Безусловно.

— *В чем?*

— Вот что интересно. Люди, помнящие то время или находившиеся под давлением страха, в общем-то, не могут утверждать, что они свободны сегодня полностью. Раб в человеке съезжается очень медленно.

Как прежде? Понимаете, очень удобно: позиция, ощущение, что я могу властвовать над другими. Философия, что есть люди не того сорта, ну вроде как неполноценные. Определенная возможность быть в элите, у власти или причислять себя к ней.

С другой стороны, окрепло и другое: могу кому-то и навредить. Взять и написать обвинительную бумагу. Пусть покувыркается, а я понаблюдаю, как ему там тяжело приходится. Это, как я уже говорил, и сейчас распространенная привычка. Еще — философия простых решений. Прямолинейности общественного развития, то есть искусственная прозрачность и легкость — и по вопросам собственности, земли, коллективного труда, эксплуатации, частной собственности, — все ясно заранее, все понятно. Это и отрицание многоукладности в экономике или, скажем, многообразия психологии. Все просто: моновласть, монособственность. Моно, моно, моно...

Немалая часть людей и сейчас считает: а что тут плохого? Но нельзя создать нормальное свободное общество из единообразия! Только многообразие формирует единство. Лю-

ди, повторяющие друг за другом слово в слово одно и то же, в конце концов разойдутся — им надоест, наскучит. Только многообразие создает и дружбу, и товарищество, и взаимопочтение. Да все, что дорого человеку!

До сих пор во многих еще сидит или раб, или маленький городской, полицмейстер, этаким маленьким сталин. Я не знаю, вот вы, молодые ребята, не ловите себя на мысли: думаешь вроде бы демократически, радикально, но вдруг конкретный вопрос — и начинаются внутренние распри. Сразу вторгаются какие-то сторонние морально-психологические факторы, возникают какие-то неуловимые помехи. И линия поведения принимает этакую волнообразность.

— *Сегодняшняя теория не в состоянии четко определить, что такое социализм, коммунизм. А общественное мнение больше не верит в понятия, что были некогда сформулированы. Не беспокоит ли Вас, что мы не даем достаточно четких и убедительных определений?*

— Меня это скорее радует, чем огорчает. Значит, действительно идет в обществе глубочайший процесс. Мы еще не накопили необходимой массы фактического материала, которая могла бы вылиться в определенный символ, в понятие, категорию.

Все-таки к общественной жизни нельзя подходить с теми же мерками, с той же психологией, с которыми мы привыкли решать, скажем, технические или технико-экономические задачи. Тут интересный парадокс произошел. Сталинизм упорно приучал нас к догмам. И, в общем, немало преуспел в этом. А потом пришла научно-техническая революция, давшая в наших забюрократизированных условиях особенно благодатную почву для технократического мышления и психологии. И вот этот-то технократизм поддержал и укрепил догмы, довершил то, что не смог доделать с нашим сознанием сам сталинизм. Потому-то столь многим людям искренне хочется: дайте определение, а потом мы в него жизнь уж как-нибудь втиснем. Так привыкли!

Но так, по заранее разработанному проекту — хорошему или плохому, иной вопрос, — можно строить только неодушевленные объекты. Станок, завод, дорогу. А общество — живой, развивающийся организм. С разумом, чувствами, волей.

Можно и нужно направлять общественное развитие в сторону большей справедливости, гуманности, цивилизованности — постановка целей и задач в этом смысле верная. Но средства, методы должны соответствовать поставленным целям, а не противоречить им, не насыльничать над ними. И уж во всяком случае, пока багаж социальных знаний у нас еще не очень велик и надежен, надо руководствоваться мудрым правилом медиков: «Не навреди!». Любое определение, сделанное вне жизни, не имеет теоретической ценности. Да и можно ли одним словом выразить суть процесса.

У каждой статьи, например, которую вы публикуете, есть заголовок. Но никто не будет утверждать, что этот заголовок в точности отражает замысел статьи. Иначе бы не нужна была сама статья, а только заголовок! Название, термин должны быть символом, результатом каких-то накоплений, каких-то процессов...

Давайте порассуждаем дальше. Достаточно ли сейчас экономических данных, чтобы сконструировать какую-то обобщенную формулу нынешнего этапа развития? Думаю, нет. Мы только еще на подходах. А подходы совсем иные, чем, скажем, во времена коллективизации и индустриализации, мобилизационной экономики, производства ради производства, технократического царствия. И как я недавно назвал — правильно или неправильно — экономократических решений.

Достаточен ли опыт в политической области? Да нет! Мы говорим: Советы, народовластие, участие человека, новая структура власти, взаимоотношений. А в общечеловеческом, общенациональном, межнациональном, классовом — накопили? Нет! В духовной области, смотрите, какое вспыхнуло обострение. Иногда, кажется, вроде и вопрос простой, а нет, споры.

Мы идем к гуманному, демократическому обществу. Это направление, это движение, процесс. Именно гуманизация общества крайне необходима со всех точек зрения. Но сколько здесь вопросов возникает! За что ни возьмись, все в личность упирается, в управление, в образование, экологию, в жильё, в семью. Во что только не упирается!

— *А что мы построили и что строим?*

— Вопрос не праздный. Я против социального мазохизма. Целую жизнь прожил, она мне дорога. Но вот другой вопрос: я не знаю, как будущие поколения будут судить о времени 30-х годов. И поверьте, тяжелые чувства одолевают (я говорю сейчас как председатель комиссии по реабилитации), когда смотришь на один тетрадный лист, на котором уместается жизнь и смерть человека. Что же, и эту часть социализма с собой брать? Да нет, никогда! Но такие вопросы возникают, и они заставляют думать: а что мы есть, куда мы идем? Мы порой верно диалектику применяем к капитализму, феодализму, к периоду неандертальцев, а как к себе, то соскальзываем к стереотипам, которые когда-то усвоили...

Я бы не торопился с обобщениями и выводами. Общественные структуры еще зыбкие, затемнены сложностями, эмоциями. Надо посмотреть, как мы дальше будем двигаться. Все еще в процессе, движении, становлении, в тенденциях.

— *Подход прагматический. Он, видимо, после столь трагической истории во многом оправдан. Но нельзя же, вероятно, идти и совсем на ощупь?*

— Неизбежный вопрос, но надо быть очень бдительным к тем, кто сейчас берется за вычерчивание новой схемы

социализма, новой «директивы», каких-то искусственных идеалов. Да, по-моему, человек, его свобода, достоинство, благополучие — и есть самые вдохновляющие идеи любой социальной революции, вот за них и надо драться, а не заменять фантазиями, пустынными миражами.

А потом, потребность в определениях у части людей — части, далеко не у всех она столь выпукла — идет еще и от того, что социализм родился из отрицания капитализма и долгое время во многом опирался на продолжение этого отрицания. Оно сыграло свою роль. Но, дав слишком большой и долгий крен в эту сторону, мы как-то подпустили момент, когда от размежевания с другими надо было переходить к упору на сотворение своего «я». Слишком уж сильным оказалось в этот момент догматическое сознание.

Представьте себе человека, который говорит: я не хочу быть, как Иванов, не желаю походить на Петрова, не намерен иметь ничего общего с Сидоровым... Ну и прекрасно: не будь, не походи, не имей. Но кем и чем ты сам-то будешь? Мне кажется, общество давно уже подошло к тому рубежу, на котором оно должно вплотную заняться самосозиданием, самосознанием, самопознанием. Все это долго искусственно сдерживалось. Поэтому сейчас у многих — ощущение психологического дискомфорта. Но это надо пережить.

— *Высказывается такая точка зрения, что все наши напасти происходят из социализма как такового.*

— Я склонен думать, что дело тут в практических деформациях в экономике и политике, догматизме в подходах, консерватизме мышления.

— *А уточнения, извините, не отзовутся обвинениями в ревизионизме?*

— А что такое ревизионизм? Давайте наконец вдуматься в смысл того, что произносим. Давайте переведем это иностранное слово на русский язык. Ревизия — это документальная проверка наличности. А в широком смысле — предложение отчитаться за то, что есть и как оно используется, чем подкреплено. Какая же ответственная деятельность, наука ли, практика, может без этого обходиться?

Да, в истории рабочего, социалистического движения ревизионизмом стали называть попытки под видом обновления вообще избавиться от тех или иных положений марксизма, ленинских концепций. Конечно, это для партии неприемлемо и сейчас. Но одно дело — неприятие марксизма вообще, а иное — его развитие, которое невозможно не только без приращения опыта и знаний, но и, главное, без осмысления нового и под этим влиянием — без необходимости переосмысления старого.

Вот такое конфронтационное мышление у нас и до сих пор пульсирует. До 85-го года мы видели мир как два несообщающихся сосуда. Заслуга нового мышления, если говорить о международной сфере, и заключается как раз в

прорыве этой стены, прорыве в мышлении, психологии, действиях. Я думаю, нет хода назад, какие бы обвинения ни сыпались. Уверен, можно превозмочь все трудности и идти дальше по выбранному пути.

— *Вот Вы говорили: гуманизация. Это уже что-то новое. Раньше говорили: демократизация есть ключ к ускорению. А ускорения пока нет. Да и демократизация — разве панацея? Как учит исторический опыт, она чревата и тиранией.*

— Не панацея. Но в нашем обществе, в наших конкретных условиях другого пути нет. Вернее, другой путь уже был.

Понимаю и вторую часть вопроса. Действительно, Гитлер, например, пришел к власти через парламент. Демократию просто изнасиловали, чтобы потом вышвырнуть. Но именно поэтому нужно не просто повторять — демократия! демократия! А надо укреплять ее постоянно действующие механизмы. С этого пути, пути демократии, нельзя отступать. А коли отступим, то не мы.

IV

— *Удается ли Вам находить разумное сочетание между основными делами и делами семейными? Что думает по этому поводу Ваша семья?*

— Разумного сочетания, увы, нет. Занятость сейчас дикая. И семья, конечно же, этим недовольна.

— *Как вообще с выходными в Политбюро?*

— Иногда не выпадает ни одного. У меня было месяца четыре в прошлом году, когда не оказалось ни одного свободного воскресенья. Так складывается.

— *Пожалуйста, расскажите о Ваших домашних.*

— У меня жена, двое детей, теща. И еще четверо внуков.

— *С внуками удается ладить?*

— Ну, с ними проще всего. Один из них сказал как-то: «Дед, ты мой самый лучший друг». Потом подумал, поморгал глазами и добавил: «И даже товарищ». Ему восемь лет.

— *Вопрос о привилегиях высших руководителей из сенсационного стал банальным. Член Политбюро получает 1200 рублей в месяц, уже не новость — марка его служебного автомобиля и даже примерный размер государственной дачи...*

— У меня нет дачи.

— *Вот это новость.*

— Лично я не думаю, что это правильно. У многих дачи есть свои. И я бы тоже хотел купить. Но говорят — неудобно, разговоры начнутся. Вот я и живу у себя, на улице Александра Невского... Считаю — непорядок при такой нагрузке. О других привилегиях не знаю.

— *Положение члена Политбюро почти неизбежно пред-*

полагает определенную его изолированность от внешнего мира и в личной жизни. Как Вы это переносите? Как, к примеру, относитесь к личной охране?

— Меня это поначалу смущало. Но говорят, что нужно. Ну и действительно, по мере того как твое лицо становится известным, лучше, чтобы кто-то был, когда ты, скажем, идешь по улице... Есть люди несдержанные. Вроде бы лично я не нуждаюсь в том, чтобы меня охраняли, но ситуации могут быть разными.

— Не получится ли так, что партии придется платить в скором времени за услуги Комитета госбезопасности?

— Наверное, такой вопрос встанет. Но, по практике зарубежных стран, парламент выносит решение об охране ведущих политических деятелей, лидеров партий. И там это, знаете, выглядит куда более внушительно... Не знаю, как дальше дело пойдет.

— Не могли бы Вы сказать о своих чисто человеческих слабостях, пристрастиях, недостатках?

— В семье меня часто упрекают в излишней мягкости. Говорят, что слишком балую младших, слишком много им позволяю. Импульсивен. Слишком доверчив.

— Есть ли у Вас друзья? Из какой они среды?

— Друзья разные. Знаете, как по жизни шел, так и друзьями обогащался: школьные, фронтовые — по шестой бригаде, студенческие, ну и те, с кем вместе потом работал. Мне везло на друзей. Есть какие-то законы притяжения. Вот были друзья до Канады, так они и остались, не предали, не испугались. Даже сам тогда шел на какое-то отчуждение — приеду в отпуск и стараюсь с друзьями лишний раз не встречаться, чтобы не бросить тень, что ли. Но ребята сами узнавали, разыскивали, приходили домой, рассказывали про все, что происходит. Я — человек с обнаженной кожей, действительное отношение чувствую, может, даже слишком. Не могу сказать, что в людях грубо ошибался.

— Если все же появляется свободное время, какому занятию Вы отдаете предпочтение?

— Шахматам. Однажды Анатолий Карпов из вежливости предложил мне ничью, хотя мат мне был неминуем. Я согласился и теперь похваляюсь.

— Но говорят, что в свое время Вы помогли претенденту на шахматную корону Каспарову?

— Да, но в том случае речь шла о справедливости.

— Успеваете ли Вы следить за литературными новинками?

— С трудом. Хотя что считать новинками? Пришлось, так сказать, по роду деятельности прочесть все произведения, которые возвращены сегодня в нашу литературу из прошлого. Читаю некоторые журналы.

— Образование, обстановка, среда, общение неизбежно как-то нивелируют людей. А Вы тем не менее сохранили мягкий ярославский говор...

— За что среди близких моих товарищей удостоен прозвища — «Хорошо». (Именно так, с ударением на гласных — «Хорошо».)

— *Иные руководители, случилось, демонстративно напирали на просторечье...*

— Я никогда специально не окаю, но и не старался говорить как-то по-другому.

— *Как Вы относитесь к музыке?*

— Стараюсь бывать на концертах, иногда слушаю классику. Но, в общем, тут мои вкусы, наверное, совпадают со вкусами многих людей моего поколения. Люблю хорошую, мелодичную песню со словами, которые трогают душу.

— *А рок?*

— Это не моя музыка. Но если она кому-то нравится, не испытываю от этого никакого дискомфорта. И вообще, я против попыток переводить пение, музыку в политическую плоскость. Кстати, в свое время, лет двадцать назад, у меня произошло из-за этого столкновение с одной центральной газетой. Я выступил тогда против разгромной статьи о Высоцком. (По-моему, к тому времени я сам его еще не слышал.) Меня смутил сам принцип: ну почему партийная газета должна судить, кто хорошо поет, а кто развращает? Есть творческие организации, специалисты, критики. В итоге тогдашний редактор газеты написал на меня длинную жалобу в ЦК. Правда, его не поддержали.

— *Гордятся ли домашние Вашим положением?*

— Нет. Думаю, оно доставляет им гораздо больше неудобств, чем радостей.

— *В одной Вашей статье, в самом начале перестройки, у Вас как будто вырвалось поневоле: «Все мы пленники своего времени...» Так ли Вы думаете сейчас?*

— Да, здесь у меня мнение прежнее.

3.
Философия
обновления
Что нами
движет

СОЦИАЛИЗМ: ОТ МЕЧТЫ К РЕАЛЬНОСТИ

Мне бы хотелось поразмышлять о том, что политически, интеллектуально пронизывает воздух, которым мы дышим, что подвигает к кардинальной ломке отжившего, что конструирует новый образ жизни страны.

Нет сегодня столь масштабного политикообразующего фактора, который имел бы такое же решающее влияние на мировое развитие, как процессы в нашей стране, их поворотный характер, революционная содержательность, отторгающие все бесчеловечное, что принесла с собой сталинщина — эта историческая аномалия общественного развития.

Сегодня по-новому, а в ряде отношений — принципиально по-новому рассматриваются столь кардинальные вопросы, как собственность и отношения собственности; соотношение плановых и рыночных методов регулирования хозяйственной деятельности; товарно-денежные отношения сейчас и в перспективе; строительство и изменение политических структур общества; формы участия трудящихся в политической и экономической демократии.

Научная теория постоянно ищет объективные закономерности, тенденции развития. В прошлом оказался подвергнут забвению один из главных принципов диалектики: отрицание отрицания. Забылось — или хотелось забыть, — что всякое однажды найденное решение, сколь бы удачным и прозорливым оно ни было, рано или поздно исчерпывает себя, требует переосмысления, новых подходов. Перестройка — это гигантское отрицание отрицания, ставшее необходимым и одновременно столь трудным именно потому, что десятилетиями копился груз нерешаемых и непризнаваемых проблем, теоретических спрямлений и методологических спекуляций.

Так уже устроен разум человеческий: для постижения нового необходимо его соотнесение со старым, аналогия с привычным или хорошо известным. И отторжение тоже. Рождающие новый мир процессы уникальны, время неповторимо. Это восторг и покаяние, праздник и слезы, гордость и душевный разлад, открытия и разочарования. Извечная ди-

лемма Добра и Зла затеяла коварные игры с нами, современниками, осмелившимся, хотя и робко, испытать свободу, которая пока только выглядывает из пыли словесных и несловесных баталий, видимо, еще не доверяя нам, еще опасаясь, как бы насилие не взяло верх над разумом через всплески эмоций, раздражение и политиканство.

Сегодня, у рубежа пятилетия апреля 1985 года, ветер постижения нового качества жизни, давление сложного положения в стране ожесточенно сталкивают различные оценки и взгляды, эмоции и амбиции. Одни люди страдают и борются, другие суетятся, третьи злорадствуют, а четвертые просто озлобились, понимая, что земля для них непомерно накренилась и угол падения круг. Страна мечется. Борьба часто без правил, сшибки не столько культур, сколько бескультурья, лихорадочный поиск истины, мучительная тоска по свободе и справедливости.

Словом, игра раскрепощенного, но и возбужденного ума непостижима. Настроения — от ненависти до страха, от сомнений до твердой решимости все сделать для того, чтобы свободный человек жил и творил на свободной земле. Но так получилось, что эта, казалось бы, императивная формула — движение к свободе, более того, идеальный вектор человеческого развития уперлись в глубоко эшелонированную оборону непонимания, озлобления, паники, огнеупорного догматизма и схоластики. Эта оборона нередко чередуется с опасными контратаками.

Именно эти консервативные атаки главным образом и порождают чувство неуверенности, сковывают реформы, возвращают недоверие, замедляют движение вперед. Они же раскалывают общество поисками «ведьм», охотой за «черепами», используя в этих целях крайне правые группировки. Не без их помощи суетятся и обывательское левачество, готовое тоже хоть что-нибудь разрушить, и популизм, ослепляющий людей посулами богатств, которых нет.

Одни говорят о «развале» и тоскуют о прошлом — от близкого брежневского до уже отдаленного сталинского или совсем далекого монархического. Другие обвиняют перестройку в непоследовательности, нерешительности, призывают к рывкам, к новой февральской революции. Третьи, похоже, просто хотели бы дать простор разгулу стихии и насилия, верно полагая, что в обстановке гражданского демократического общества и правового государства места для них не отыщется.

Итак, с чем же сравнить эту пестрейшую социальную, идейную, политическую мозаику, сложившуюся в стране? Какая аналогия поможет поместить перестройку на сравнительно-историческую шкалу, определить точку отсчета? Да, перестройка — это общественное обновление, но опыта такого обновления у нас нет, оно само нуждается в историческом осмыслении.

Я бы хотел избежать сопоставлений с нашим российским прошлым. Слишком оно еще остается политически актуальным, конъюнктурным — словом, не пережито до конца. Мы еще и петровские реформы обсуждаем, переживаем почти как день сегодняшний. Что же говорить о временах позднейших? Понимая условность всякой аналогии, исторической тем паче, я бы все же искал параллели той трансформации, что вносит перестройка в социалистическую идею, в некоторых общих идейно-политических течениях прошлого.

В веке Просвещения. Здесь аналогия в том, что политика нашего обновления делает главный упор на живую, непосредственную связь теории и практики. Апеллирует к рациональности, научности и здравому смыслу. Основывается на сочетании философской, политической, гуманитарной деятельности. Исходит из того, что знания, убеждения, нравственные принципы надо наступательно проводить в жизнь. И либо строить жизнь в соответствии с ними, либо, если жизнь необоримо сопротивляется, своевременно пересматривать взгляды, развивать их.

Я бы рискнул сравнить перестройку и с *Реформацией*. Не грехи, слушайся церкви, говорили католические иерархи, и тебе уготовано место в раю. Нет, возразили реформисты, Бог не мог придумать такую глупость. Он подвергает человека испытаниям в этой жизни. И место в раю должно быть заслужено добрыми делами. Бог в день Страшного Суда будет оценивать личные заслуги каждого в действиях, а не безгрешность всех. Быть равными в грехе и безгрешности — мало, надо творить добро.

Перестройка тоже смещает акценты с догматической послушности на творчество и инициативу, с пассивного ожидания — на созидание новой жизни по законам новой нравственности, с поклонения Священному писанию, обслуживающему авторитарный режим, — на духовное возвышение человека.

И еще одну аналогию я бы провел с временами «нового курса» *Ф. Рузвельта*. Суть ее в том, что в обоих случаях мы имеем дело с революцией в эволюции. «Новый курс» взломал классические представления о капитализме. В обстановке кризиса, поставившего вопрос о выживании, «новый курс» пошел на повышение роли и места государства, на что раньше не решались. На принятие идеи правительственных социальных программ — раньше это было признаком «ненавистного социализма». На государственно-монополистическое регулирование — ранее это считалось несовместимым с капитализмом. Все это удалось осуществить в консервативной политической атмосфере.

Повторяю, эти аналогии условны, тем более что процессы сегодня идут в новой материальной и духовной среде, в новых исторических условиях.

В октябре 1917 года социалистическая идея была по

существо лишь гипотезой. Смелой, но все же гипотезой, которую предстояло проверять жизнью. И в целом, и в каждом отдельном ее измерении. Дальше должно было последовать естественное: практика, накопление опыта, его анализ, корректировка изначальных представлений — и снова практика, и так далее.

Поначалу все складывалось примерно так, несмотря на исключительную сложность внутренних и внешних условий. Мы только сейчас начинаем вникать в эволюцию общественной мысли, ее повороты в первые послереволюционные годы. Только сейчас задаемся вопросом: а вдруг за словами о перемене всего нашего взгляда на социализм стояло нечто большее, чем представлялось раньше? И приходим к пониманию: да, стояло. Первое серьезное исправление гипотезы жизнью могло бы состояться еще в середине 20-х годов.

Сейчас стоим перед необходимостью одновременно восстановить верную, не искаженную последующими напластованиями изначальную социалистическую гипотезу и ее первые корректировки.

Необходимо, далее, тщательно разобраться в последующей эволюции теории и практики социализма. Нужен беспристрастный, объективный анализ пройденного пути. Во всеоружии знания всех фактов, в условиях свободы творческого поиска, компетентности и честности. Механическая смена прежних восхитительных оценок на новые, изничтожающие — вредна, ибо те и другие равно ведут к незнанию и догматизму. Стоит быть и поскромнее, не забывая, что сегодня конкретные науки об обществе и человеке находятся, по сути, на самых ранних этапах своего становления.

И наконец, третье. Предстоит двинуть вперед саму социалистическую идею на базе осмысления всего опыта XX столетия — и нашего, и мирового. И социалистического, и несоциалистического. Включая в нее все то новое, что родилось в мире: в общественных процессах, в сфере науки, культуры — везде. Современная социалистическая идея должна впитать, вместиť в себя и практику социальной защищенности человека на Западе. И осмысление опыта социал-демократии в целом. И динамику взаимосвязей процессов развития. И новые явления в капитализме. И современное понимание трудностей перехода на более высокие исторические, социально-экономические ступени прогресса. И анализ того, чем же на самом деле, а не по нормативным представлениям является реальный социализм, какие закономерности или случайности им движут.

Но сначала надо прочесть заново подлинного и полного Маркса, творчески оценить наследие Ленина. По моему мнению, догматическая канонизация марксистской классики принесла ей значительно больше вреда, чем вся прямая пропаганда против нее. Была остановлена мысль, а движение мысли — главное в социалистической общественной идее.

Оторванность изучения революционной теории от других общественных учений обрекала ее на сектантское положение, что и вело к схоластическому истолкованию, обслуживающему обман и безмыслие.

Русские марксисты не увидели некоторых очевидных противоречий в марксизме, прежде всего в той части, которая касается предпосылок и условий революционного взрыва, особенно в российских условиях. Об этом была создана обширная, доступная читающей публике литература в Германии, Австро-Венгрии, самой России. Вины Маркса тут нет. Его труды отражали уровень общественной мысли того времени и прозрения личного таланта.

В сущности, только у Ленина, осмысливающего в статье «О кооперации» экономические уроки «военного коммунизма», причины кризиса начала 1921 года, проскальзывают сомнения в надежности положений, касающихся соединения личного интереса с общественным. Ленин пишет, что ответ на этот вопрос, который был камнем преткновения для всей социалистической мысли, надо искать в учениях старых кооператоров. Смысл статьи становится очевидным, если принять во внимание, что Маркс и Энгельс были противниками представлений старых кооператоров, учений Фурье, Консидерана, сен-симонистов.

После смерти Ленина, особенно после политического переворота Сталина в 1929 году, практически уже не было ни политических, ни идеологических условий для каких-либо серьезных научно-критических размышлений об отдельных изначальных положениях марксизма. Чем большими становились людские потери, вызванные уничтожением старого российского мира, тем сильнее оказывалось стремление внедрять силой слепую веру в святость догм.

И поэтому по мере накопления практического опыта диктатуры пролетариата и обобществления всех средств производства все выше поднимались преграды на пути серьезного исследования соотношения научного социализма с реальным, изучения экономической и социальной эффективности коллективного, планового производства, особенно в аграрной сфере. Но тем глубже становились и социальные противоречия, которые, аккумулируясь, породили эффект отставания страны, общественного застоя.

В этот период в среде коммунистов и социалистов на Западе, в советологии началось осмысление первых уроков социалистического строительства в СССР. У нас же сложились все те идеологические уловки, с помощью которых на десятилетия, практически на шестьдесят лет, был отложен, в частности, и разговор о соотношении научного и утопического в тех социалистических идеях и представлениях, на которых непосредственно выростала наша ранняя практика.

Мне представляется неверным бытующее среди теоретиков социализма мнение, что абстрактное (в данном случае

теоретическое знание о будущем) — это копия, то есть полное знание о наиболее существенных чертах будущего конкретного опыта. Подобная трактовка научному предвидению будущего, как правилу, ведет к значительному упрощению взаимодействия теории и практики, и прежде всего к недооценке вскрытых еще Лениным различий между «абстрактно-теоретическим» и «конкретно-историческим» вопросами социализма.

Чаще всего отождествление этих двух вопросов выливается в попытки в непосредственной форме реализовать теоретический проект социализма, навязать новой, находящейся в вечном движении жизни осколок созерцания прошлого, что в конечном счете внедряет в ткань социального бытия противоестественные формы и структуры.

Опыт обновления социализма, преодоления догм приобретает все более и более универсальный характер. Сейчас уже трудно, да в этом и нет нужды, скрывать или затенять тот факт, что демократические преобразования, начавшиеся в странах Восточной Европы, своей сутью отрицают многие положения ортодоксальности. Речь идет о повсеместном отказе от идеи организации сельскохозяйственного производства в национальном масштабе по типу общенародной фабрики. Речь идет о полемике с негативным отношением к экономической конкуренции, к альтернативному производству, к институтам и ценностям товарной цивилизации. Речь идет о повсеместной полемике с универсализмом и унитаризмом, с утопией XIX века о возможности преодоления всех средних классов, религиозного и национального чувства, традиционных стимулов жизни и труда.

Изначальная, во многом упрощенная, теоретически оскопленная издержками ее воплощения модель социализма, система ценностей, лежащая в ее основе, уже не обладают прежней притягательной силой, не обеспечивают духовную консолидацию общества. наших современников трудно соблазнить перспективой бесклассового общества, полной социальной однородности, а тем более перспективой преодоления рынка, денег, товарно-денежных отношений, равенства в бедности.

Как оказалось, идеалы бесклассового общества «работают» только на первых этапах революции, когда преодолеваются качественные социальные различия, когда для значительной части рабочего класса появляется возможность выйти из своего прежнего униженного состояния, когда для многих из них открывается путь активного участия в политической жизни общества, в управлении производством.

За последние полвека претерпел качественные изменения сам способ восприятия действительности, существенно изменились представления о социальном благе, сущности прогресса. И потому сегодня, когда устранены былые классовые различия и антагонизмы, сломаны прежние сословные пере-

городки и предубеждения, людям трудно понять, почему надо обязательно преодолевать различия между рабочими и крестьянами, почему общество, где не будет ремесленников, мелких торговцев, лучше, чем общество, где они есть.

Первоначальные, то есть полученные нами в наследство от прошлого, представления о новом обществе были сильно отягощены линейностью. Следствия напрямую, в соответствии с классически механическим видением мира, связывались с причинами. Вероятностное мышление, относительность, принцип много-многозначных зависимостей — все это уже XX век. А век XIX склонен был считать прогресс упрощением, спрямлением, снятием всего «излишнего», «необязательного». Поэтому и первопроходцы социализма грезили об упрощении экономической и политической структуры общества, представляли переходный период как преодоление многоукладности в экономике, плюрализма в политике и общественном сознании.

Современный же человек в любой стране, включая и социалистические, не только не стремится к единообразию, а, напротив, предпочитает многообразие. Тут сказываются прежде всего уроки XX века, в том числе и достижения современного естествознания. Всеобщим становится понимание, что без многообразия нет жизни, развития, что борьба с дифференциацией одновременно является борьбой с предпосылками прогресса.

Как теперь стало ясно, именно разнообразие институтов и их свойств обеспечивает стабильность жизни. Вопреки ожиданиям мыслителей прошлого происходит непрерывное усложнение организации общества, характера и условий его жизнедеятельности, рост разнообразия тех общественных структур, в рамках которых протекает жизнь человека. Как никогда, очевидна вариативность развития цивилизации. Наряду с уже привычным сосуществованием и взаимодействием двух социально-политических структур исторической реальностью становится многообразие форм как современного капитализма, так и современного социализма.

Нормативность — качественная особенность изначальной теоретической модели социализма, складывавшейся еще в капиталистическом обществе. Эта ее сторона обычно не ощущается на первых этапах строительства, ибо в тех условиях мыслить о будущем иначе, как нормативно, было просто невозможно. Сказываются на что обращал внимание еще Ленин, и максимализм революционной ситуации, и стремление достигнуть такого грядущего, в котором «ни одного грана старины... не было». В такой обстановке красота идеала и даже максимализм являются вполне достаточным аргументом для того, чтобы убедить трудящихся в необходимости тех или иных преобразований. Чем меньше потребность в экономическом обосновании структурных изменений, тем быстрее воплощаются в жизнь установки о переходном периоде.

Но по мере того как накапливается опыт реальной социалистической жизни, сами по себе указания нормативной теории, возникшей в рамках капиталистического общества, во многом теряют это качество исчерпывающей убедительности. Даже в условиях, когда и если бы социалистическое созидание пошло без ошибок и деформаций.

Несомненно, существуют какие-то внутренние, собственные механизмы как зарождения, так и постепенного самоисчерпания мобилизационных и интеграционных возможностей различного рода идей. В данном случае речь идет о первоначальных представлениях о социализме. Они не могли не носить преходящего характера предвзятых наметок, отражали не столько внутренние закономерности нового общества, сколько идейные и нравственные устремления людей своей эпохи.

Вот почему рано или поздно должно было наступить время самоисчерпания социализма-мечты и время постижения социализма-реальности. Сегодня налицо кризис прежних наивно-романтических представлений о способности нового общественного строя развиваться исключительно быстрыми темпами, в короткий срок преодолеть отставание веков. Не оправдала себя концепция автоматического развития социализма, связанная с абсолютизацией места и роли национализации, огосударствления всего и вся.

Хотел бы подчеркнуть, что сегодня разговор ведется лишь об одном: о том, что современный этап нашей жизни требует и нового осмысления наследия великих учителей, и творческих прорывов в обществоведении. Если и надо кого-то критиковать, то только самих себя, собственную закомплексованность, нежелание понять, а более того, принять на деле, что и сами классики были нетерпимы к догмам, к омертвелости, сами считали, что критерий теории — практика, реальная жизнь. Общественная теория станет только убедительнее, если на основе идеи развития, отбрасывания невежественных предрассудков активно возьмемся за научное исследование жизни, ее глубинных процессов.

Иными словами, социализм должен сейчас как бы заново приобщиться к общечивилизационным достижениям и ценностям. Как к нашим, отечественным — я имею в виду не только российские, но историю, культуру, достижения всех народов нашей страны, — так и к мировым. Как к прошлым, так и к современным, от которых продолжаем еще оставаться в значительной мере в стороне. Особенно важно не отдавать процесс этого приобщения, его результаты на откуп силам, которые продолжают спекулировать на догматических стереотипах, национальных чувствах, общечеловеческих ценностях в низменных целях.

Сама жизнь поставила проблему: должен ли социализм превращаться, как иногда говорят, в нечто вроде всесоюзного собеса? Где та грань, за которой необходимая обществу и

человеку социально-экономическая защита начинает трансформироваться в иждивенчество, подрывает стимулы к труду, плодит лень, расхлябанность, депрофессионализацию и многое иное, что тормозит сейчас дело перестройки, не дает раскрепостить социальное воображение, творчество, инициативу? Ясно, что такая грань существует, что мы на практике не только переступили через нее, но и зашли очень далеко. Настолько далеко, что возвращение будет болезненным, но не возвращаться нельзя — иначе не сохраним даже имеющееся.

Вплотную подошли мы и к осознанию необходимости нового социально-философского взгляда на экономику социалистического общества. Над нашим мышлением все еще довлеет спор с капитализмом. Довлеет подход, суть которого: какие классы оказываются в положении эксплуататоров, какие — эксплуатируемых. В нашем обществе объективно этот спор давно позади, и на первый план должно выходить понимание экономики как системы жизнеобеспечения общества. И критерий оценки этой системы в ее реальном выражении очень прост: выполняет или не выполняет она свои функции? Как выполняет?

Встает проблема осмысления реальной социальной структуры общества. Уже не в противопоставлении ее структуре общества буржуазного, вообще досоциалистического: дескать, там классовые антагонизмы — у нас их нет; там классы сохраняются — у нас исчезают и т.п. Даже если все это верно — само по себе это мало что дает для практики. Важно осмыслить именно нашу, фактически существующую социальную структуру, ее закономерности, тенденции, динамику, ее здоровые и нездоровые процессы. Только тогда мы с уверенностью сможем прогнозировать, как выйти из многих нынешних тупиков, как предотвратить возникновение чего-либо подобного впредь. Пока же вынуждены действовать во многом интуитивно, полагаясь больше на здравый смысл, чем на теорию.

Перестройка выявила и еще одну проблему. Ее можно было бы назвать экономократическим подходом. Подход технократический известен, и, кажется, мы начали его преодолевать. На ближнем горизонте, однако, висит следующая угроза: преувеличенное, на мой взгляд, представление, будто решение всех проблем зависит только от состояния экономики. Сейчас, когда пусты полки магазинов, когда по стране бродит ошалевшая прорва денег, когда у нас везде, куда ни глянь, масса дыр, в это нетрудно поверить. Но кардинально экономику вперед не двинуть, если не заняться вплотную человеком и обществом. И практически, и теоретически. В конце концов, достаточно высокие экономические результаты на Западе получены не только благодаря научно-технической революции. Сама эта революция — в социально-экономическом приложении ее достижений — стала возможной

потому, что были включены механизмы социальной мотивации человека, коллектива, общества. Сюда и надо смотреть.

Современный мир, прорывы в социальной сфере и в науке, осмысление на этой основе всего опыта человечества ставят ныне под сомнение, во многом перечеркивают те исходные положения, компоненты, что две с лишним тысячи лет назад легли в фундамент нашей общей культуры. Системы, основанные на частной собственности и авторитаризме, вытесняются иными, основанными на разнообразии форм собственности и народовластии. Относительно немногочисленные общества с высоким удельным весом межличностного общения — гигантскими сообществами, немислимыми без опосредованных форм массового общения. Примитивизм средств производства, орудий труда, производственных отношений — их все растущей сложностью. Сознание, опирающееся на веру, инстинкты, религиозные формы логики и рационализации, — сознанием, все более научным по содержанию и методологии восприятия.

Таковы основные, на мой взгляд, направления перемен, улавливаемые все еще скорее интуитивно. Но улавливаемые уже на протяжении длительного времени. Притом речь идет не только о вытеснении прежнего сознания, но именно о его отрицании в философском смысле, то есть отрицании-продвижении, отрицании-развитии, отрицании-рывке вперед. Какие-то компоненты сознания уходят в историческое прошлое, уступают место новым. Но какие-то, например извечные человеческие нравственные нормы и ценности, подтверждают свое непреходящее значение.

Нашему обществу еще предстоит прозрение правды. То, что узнали и поняли мы за годы перестройки и гласности, — еще не вся правда. Это пока только острая боль от хлынувшего в глаза света, стремление одновременно и зажмуриться, и понять открывшийся нам мир. Правда придет, когда привыкнем к свету, научимся воспринимать все его оттенки, познаем все богатство жизни.

Главное — сохранить сейчас эту способность видеть, не пытаться перехитрить историю, не подменить политику политиканством. Не поддастся искушению пуститься в захватский пляс, что может отодвинуть открывшиеся было возможности или породить наивный самообман, будто первый лучик света, знания — весь свет и все знание. Но и не отгораживаться от света, не искать, подобно кроту, возможности побыстрее юркнуть в социальную и духовную норку.

Таков социально-исторический фон противоречий, в которых еще зажато советское общество, но из которых и выросла перестройка.

* * *

Вопрос: Выступая в МГУ более двух лет назад, Вы назвали общественные науки одним из форпостов консерва-

тизма. Произошли ли с тех пор перемены? Если да, то насколько они радикальны?

Ответ: Радикальные — не произошли. И не могли произойти за столь короткое время, в науке так не бывает.

Назвав общественные науки одним из форпостов консерватизма, я тогда оговорился, что это не обвинение, а констатация объективного положения дел. Перемены, конечно же, происходят. События последних двух лет далеко продвинули нас в общественных знаниях. Общественные журналы стали значительно глубже и интеллектуально веселее. Многие статьи стали просто читабельными, коими они не были еще несколько лет тому назад. Это уже достижение. Убежден, что дискуссии последнего времени продвигают нас вперед по многим вопросам: и по экономическим, и по философским, и по социальной проблематике и т.д. Так что, на мой взгляд, пока рано говорить о каком-то крутом повороте в обществоведении, но для глухого пессимизма тоже нет оснований.

Вопрос: Ваше мнение о деидеологизации общественно-политических наук?

Ответ: Нет ни одной общественно-политической науки, которая могла бы быть деидеологизирована, даже если это делать искусственно.

Вопрос: Можно ли утверждать, что уже сегодня у нас есть целостная идеология перестройки?

Ответ: На мой взгляд, можно, но с оговорками. Во-первых, с четким пониманием того, что внутри этой идеологии нормален и даже необходим плюрализм. Если воспринимать идеологию перестройки, ее концепцию как нечто застывшее, получится то же, что произошло в прошлом, когда считали неприкасаемой каждую строчку, каждое слово, идущее сверху. К идеологии перестройки, к концепции перестройки мы так подходить не можем, давайте на нее смотреть с творческих позиций: она должна не только изучаться, но и развиваться, причем творчески развиваться.

Во-вторых, как я уже сказал, мы называем наше время переходным. Насколько это правильно теоретически, я не знаю, практически — верно. Имею в виду переходный период в том смысле, что нам надо рассчитаться за грехи старого и продвигаться вперед по другому пути. Перестройке нужен оппонент для ее собственного развития. И я, например, нормально воспринимаю, когда ее критикуют и справа и слева. Главное — не впасть в идеологическую вражду, а также не создавать из тех или иных положений перестройки базы для нового идеологического фундаментализма.

Вопрос: Помогает ли перестройке нынешняя идеологическая полемика? Можно ли считать стратегической задачей достижение идейно-политического единства общества в условиях плюрализма?

Ответ: Любая полемика, если она ведется в корректных

формах, взаимоуважительно, аргументированно, полезна. Надо учиться этому. Нам не хватает культуры научных и общественных дискуссий.

О единстве. Ну прежде всего во имя чего? И может ли вообще быть единство в политической и научной жизни? Пожалуй, нет. Единый и целостный в своих противоречиях мир — это и о нас тоже. В чем должно быть единство? В понимании того, что мы хотим жить свободно в демократическом и гуманном обществе. Об остальном давайте спорить, дискутировать, давайте вместе работать на этот свободный, гуманный, демократический мир.

Вопрос: Является ли сталинизм целостной и относительно самостоятельной политикой или же он имеет доктринальные корни в марксизме-ленинизме?

Ответ: Выскажу только свою точку зрения. Надеюсь, вы понимаете, вопрос очень острый и болезненный, ибо спроецирован на жизнь многих поколений. Взгляды тут самые разные. Но мне представляется, что в доктринальном плане сталинизм — это одно из направлений ревизии ленинизма. Худшее направление, но все-таки одно из... И в этом смысле правомерно, на мой взгляд, такое утверждение: доктринально сталинизм всегда паразитировал на ленинизме — и у истоков своих, и в поздних своих формах. Заимствуя отдельные положения ленинизма, сталинизм выхолащивал главное — его суть, то есть метод, развитие. Я считаю: идеологически сталинизм — это рудимент и порождение своего рода религиозного сознания, еще сильного в процессе исторической смены первооснов сознания.

Вопрос: От какого наследства в марксизме-ленинизме в современных условиях мы должны отказаться и что надо оставить?

Ответ: Во-первых, формула «марксизм-ленинизм» идет от Сталина. Она механически соединяет между собой то, что Сталин произвольно выбрал из Маркса и Ленина, произвольно истолковал отобранное. Сюда же включается и последующая эволюция этой ревизии в систему полурелигиозных догм. Ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин ответственности за полноту, качество, интерпретацию этого отбора нести не могут. И формула сама по себе не должна нас психологически закрепощать, гипнотизировать. Нам нужна внутренняя творческая свобода, а не благоговение перед догмой.

Во-вторых, не следует ждать какого-то перечня: от чего нужно отказаться и что оставить. Такой подход возвращает нас к той иерархии искусственных ценностей, к тем догмам, от которых мы с таким трудом избавляемся. Но в свободном обществе, где можно высказать любую мысль, идею, где есть здоровая состязательность людей, институтов, школ, можно не опасаться превращения любого учения в мертвящие догмы. И надо ликвидировать всякую монополию на мысль. Критерий истины — практика, а не должность.

Вопрос: Современное видение социализма — это вновь созданная априорная модель или попытка приобщиться к общечивилизационным основам общества?

Ответ: С моей точки зрения, и то и другое одновременно. От априорных моделей нам никуда не уйти. Вспомните Маркса — самый плохой архитектор отличается от наилучшей пчелы тем, что заранее строит в своей голове картину будущих сот. И дело не в самом социализме, не в какой-то его модели. Просто так устроено сознание человека, таковы взаимосвязи его сознания и поведения, что он нуждается в априорной модели, чтобы начинать действовать. Так мы устроены. Иное дело, как возникает эта мысль. Является ли она порождением одного человека, небольшой группы или интегрирует в себе практический опыт общества. Другой вопрос: как эта модель реально воплощается — втискиваем ли мы жизнь в нее, подгоняя результаты под желаемое, творя насилие над обществом, обманывая себя и других, или же действуем с разумной волей и целеустремленностью, корректируя жизнью нашу теорию, нашу идею?

Вопрос: Не утопична ли сама идея коммунизма, не целесобразнее ли прагматический подход к нашему обществу как к социалистическому?

Ответ: Во-первых, что понимать под коммунизмом? Для Маркса коммунизм, как вы помните, это никем и ничем не ограничиваемая возможность развития и самосовершенствования человека и общества. Развития, которому не будут мешать отсталость, примитивность знаний, морали, классовые антагонизмы, переводимые во вражду и насилие. «Коммунизм» же, который доведен до вульгарного «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям», — утопичен. Его экономическая иллюзорность, несбыточность хорошо показаны еще в работах советских экономистов конца 60-х годов по проблемам оптимального функционирования экономики. Споры тогда разгорались жаркие, интересные.

Во-вторых, каковы критерии предлагаемого прагматического подхода? Если они сиюминутные, сегодняшние, конъюнктурные, узкоутилитарные, то таким прагматизмом мы сыты по горло. «План любой ценой», «оценка по валу», «ведомственные амбиции» — это тоже прагматизм. Если заменить план своего рода хозяйственной безответственностью, ведомственным эгоизмом коллектива, то ничего принципиально нового не получим. Становится ли лучше или богаче жизнь человека — вот самый главный критерий. А как все это назвать? Поживем — увидим...

Вопрос: Острую критику со стороны части обществоведов вызвал Ваш тезис о рынке как экономической основе демократии. Не могли бы Вы дать более развернутую его аргументацию?

Ответ: Критика, по-видимому, вызвана главным образом двумя причинами. Первая: неприятие самой идеи рынка при-

менительно к нашему обществу. Я считаю, что рынок у нас есть и без него не обойтись. Но идеологическим его неприятием и бюрократической травлей мы загнали рынок в такое положение, когда он работает не на общество и человека, а против них. Работает на теньевую экономику и теньевую политику. Рынок — одно из средств регулирования хозяйственной жизни. И не капитализм его придумал, он был и раньше. Это лишь средство, а не идеологическая платформа и не политический принцип. Надо его легализовать и поставить в естественные условия (политические, правовые, экономические, общественные).

Другая причина критики: в тезисе усмотрели прямую кальку с доктрины, гласящей, что частное предпринимательство, реализуемое через свободный рынок, — основа демократии. Между тем калька здесь кажущаяся. Реальная картина сложнее и глубже. Авторитаризм, тоталитарность, сталинизм стали возможны у нас потому, что все источники жизнеобеспечения человека, все средства к его существованию находились в руках государства. Экономическая вредность такого положения бесспорна. Разгосударствление собственности необходимо как воздух.

Однако дело не ограничивается этим. Демократия не может долго просуществовать, если сохранится полная зависимость человека, коллектива, даже региона от государства. Их самостоятельность основывается на том, имеют ли они свои источники существования. Если нет, то экономика задавит любые поползновения к самостоятельности. А без нее от демократии останется лишь внешняя оболочка, как это у нас получилось после XX съезда партии.

Но если экономическая самостоятельность предоставлена на деле, ее просто невозможно реализовать помимо рынка. Кто еще и как учтет сотни миллионов конкретных интересов, потребностей? Государство? Госплан? Министерство? Научное учреждение? Нет. В конце концов сама демократия — рынок, только не экономический, а политический: рынок интересов, воли, идей, концепций. Ничего несовместимого с социализмом, унижительного для него, враждебного тут нет. Мы не обойдемся без нормального, здорового рынка. Иначе невозможно движение вперед. Именно на рынке, экономическом или политическом, покупая, отказываясь покупать, влияя на цены, голосуя «за» или «против», человек реализует свои интересы, волю и осуществляет свободу выбора, что для нас сегодня и завтра самое главное.

Вопрос: Вас не беспокоит тот факт, что в руководстве страны нет умных и дальновидных консерваторов?

Ответ: Дальновидные консерваторы? Для меня эта формулировка новая. Я-то лично считаю, что такого понятия нет. Если человек дальновидный, он уже не консерватор. Консерватизм — это прошлое, а дальновидность — будущее. Хотя определенная доля условности и тут очевидна.

Вопрос: Можете ли Вы персонифицировать сегодня хотя бы внутренне, для себя, антиперестроечные силы нашего общества? Кто они? Их идейное и организационное содержание?

Ответ: Могу, но не хочу. Скажу лишь одно. В той борьбе, которая идет вокруг перестройки, распределить все по полочкам невозможно. Отношусь к спорам или дискуссиям без предубеждения. Хотя в личном плане мне иногда многие вещи неприятны. Неприятно получать разного рода листовки, обвинения во всех смертных грехах. Мы еще не научились совестливости, милосердию, не всегда относимся к человеку как к Человеку — вот наша беда.

В чем основная угроза перестройке? Я вижу ее в консерватизме. Почему? Скажу. Со мною некоторые товарищи не соглашались, дают одинаково негативную оценку и консерватизму, и радикализму. Я не ставлю эти явления на одну доску. И вот почему. Консерватизму есть что терять. Радикализм еще ничего не приобрел. Это не значит, что я оправдываю левачество или экстремизм. Нет. Я решительно против них. Но не о том речь. Сама перестройка — левое движение. Если кто-то хочет обогнать перестройку слева, значит, перестройке надо быть еще левее, но не левее разума.

То, что консерватизм упорно не хочет уходить со сцены, — факт. Не сочтите это обвинением. Сама жизнь, общественные условия сформировали те идеалы, с которыми они срослись, и личные интересы, заставляющие их действовать именно так, как они действуют. Это надо понять. Человек посвятил, допустим, сорок лет служению одному идеалу, он привык к своему положению, стилю и условиям жизни, привык к власти — этому самому развращающему явлению в истории. Нет ничего, что больше развращает человека, чем власть. И вот ему трудно, просто по-человечески трудно.

Вопрос: И все-таки, кого Вы отождествляете с этими силами?

Ответ: Обижайтесь на меня или не обижайтесь, но скажу, что с некоторых пор, с 1985 года, я дал себе слово не называть фамилий. Почему? Потому что процессы, которые происходят в нашей стране, гораздо глубже, переплетения интересов сложнее, чем отождествление их с той или другой личностью. И я склонен больше судить о явлениях, чем о личностях, их представляющих.

Хочу добавить еще вот что. Ох уж это наше желание кого-либо обвинить, поохотиться за личностями. Почему я не хочу называть фамилий? Потому что это опять возвращает нас к тем годам, когда мы преследовали Иванова, Петрова, Сидорова. Но не в них же дело. И если мы сейчас опять откроем эту огромную книгу прошлого, то нам, знаете ли, бумаги не хватит. Давайте менять явления и условия, тогда и люди изменятся. Хотя, конечно, с преодолением тех

или иных позиций должны уходить со сцены и люди, которые представляют эти позиции.

Вопрос: Ваша интерпретация событий в Восточной Европе, и какие здесь выводы для нас?

Ответ: На мой взгляд, все, что произошло в странах Восточной Европы, — это результат несвободного возникновения того или иного общественного устройства. Если бы общественное развитие в этих странах было свободным и самостоятельным, я думаю, мы бы сегодня имели совершенно другую картину. И чем с большим запозданием происходили изменения в этих странах, тем они оказывались мучительнее. А порой и трагичнее. Были ли сигналы для нас? Конечно, были. Но мы сами находились в таком состоянии, что на эти сигналы адекватно реагировать не могли. Все нам представлялось в конфронтационном виде, считали, что правы мы, и только мы.

Выводы для нас? Конечно, есть вопросы безопасности, и мы будем держать эти вопросы в фокусе нашего внимания. Есть тут и другие аспекты. Скажу лишь об одном: сколько бы нас и как бы ни обвиняли, наши солдаты больше никогда не должны участвовать в устройстве общественной жизни ни в одной стране мира.

Вопрос: Каковы, на Ваш взгляд, пути реализации концепции общеевропейского дома?

Ответ: Идея эта очень интересная, перспективная, содержательно богатая, для нас в ней заключено очень много позитивного. Сказать, что мы сейчас полностью готовы к осуществлению этой концепции, знаем, как это делать, — пока нельзя. Но постепенно нащупываем пути. Важно, чтобы не мы одни строили, чтобы в этом процессе с самого начала активно участвовали все европейские страны. Чтобы не выглядело так: вот, дескать, мы разработали концепцию — возьмите почитайте. Необходимо во всем действовать вместе, тогда это и будет общеевропейский дом. Есть ли у нас для этого возможности? Есть. Неожиданности? Будут обязательно — и с той и с другой стороны. Предстоит работать энергично, целеустремленно, хорошо продумывая каждый свой шаг.

Вопрос: Есть ли возможность сближения компартий и социал-демократий?

Ответ: Одной из крупнейших политических ошибок прошлого было резко враждебное размежевание с социал-демократией. И это принесло большой ущерб рабочему общедемократическому движению. Что касается контактов с социал-демократией, они у нас есть давно. И уж коли мы говорим об общечеловеческих ценностях, о наступлении эры мирного развития человечества, то и здесь многое должно измениться. Конечно, несогласия останутся, и мы по ним будем спорить, но сотрудничество необходимо.

Вопрос: Неизбежно ли, с Вашей точки зрения, движение нашего общества к многопартийной системе?

Ответ: Я думаю, да.

Вопрос: В связи с упразднением идеологической монополии как Вам видится будущее общественных наук?

Ответ: Я вижу очень интересное будущее у общественных наук. Обновление социализма, просто сам ход прогресса, социально-исторического развития будут предъявлять все больший спрос на эти науки, их результаты. Иное дело, что спрос будет не на схоластические рассуждения, а на исследования, имеющие практическое приложение. Но схоластика никогда и не была наукой. Свобода творчества, разрыв с догматизмом и раскрепощение мысли, да еще в сочетании с общественным спросом на науку, — разве это не прекрасные перспективы?

Даже если взять только преподавание, и только истории общественных движений, социалистической идеи во всем ее противоречии, во всем ее движении, даже только истории русской освободительной идеи с начала XIX века — это же кладезь мыслей, открытий и пророчеств. По-моему, нашу общественную науку ждет хорошее будущее, но нелегкое: работать придется много и напряженно.

Вопрос: Что такое социалистическая страна и предполагает ли новое политическое мышление новую концепцию интернационализма?

Ответ: Об интернационализме. Я не думаю, что концепцию интернационализма надо пересматривать. По-моему, она по-человечески вполне понятна и научно состоятельна. Интернационализм — это состояние, когда люди не разделяются искусственно по нациям, когда существуют взаимоуважение, взаимное доверие, сотрудничество.

Коммунистическое движение как выражение интернационализма? Думаю, что в этом смысле понятие интернационализма будет углубляться и расширяться на общечеловеческих ценностях, на принципах прогресса, мира, свободы. Повидимому, шире станет практический спектр интернационализма, его реальное содержание, будет меняться и характер его — в сторону укрепления реального, повседневного интернационализма во всех делах и отношениях. На эту сторону надо обратить особое внимание, тем более что события, которые идут у нас в стране, говорят о запущенности этой работы. Я бы сказал: новое политическое мышление предполагает реальный, крепкий, действенный интернационализм в массах — и во внутренней жизни, и во внешних сношениях.

Что же касается определения страны — социалистическая она или нет, — думаю, что политически такое определение вправе выносить себе только соответствующий народ. А общественным наукам предстоит углубить наше понимание социалистичности, задуматься о ее содержательных критериях.

Вопрос: Не пора ли нам всерьез присмотреться к концепции «третьего пути» и опыту ее реализации в странах Запада, освободив ее от ярлыка ревизионизма?

Ответ: Присматриваться надо ко всему, тем более к тому, что дает практические результаты.

Ярлык — пошлейшее занятие. Они — изобретение бездарного догматизма, панически боящегося любого иного идейно-политического направления. Не соглашаться с какими-то взглядами — дело нормальное, но отвергать то, что тебе понять не под силу, отрицать здоровое, полезное во взглядах оппонентов — наивернейший способ убить мысль.

Если же ярлык — политическое «ату его!», за которым скрывается собственная позиция нетерпимости, стремление сжить со света соперничающие теоретические направления, то впору задуматься о своем духовном и нравственном здоровье.

«Третий путь» — одно из производных от идеи двухполярности мира. Двухполярности социально-экономической, классовой, идеологической, военно-политической. «Третий путь», как и ряд других концепций, по-своему пытался вырваться из этой жесткой конфронтационной схемы и психологии.

Это все так. Но как бы сейчас, когда мы еще только начинаем сознавать всю многомерность мира, ее принципиальную несводимость к упрощенным и прямолинейным истолкованиям, не подкрепить невольно, хотя и с неожиданной стороны, эту психологию двухмерности, если начнем считать теории и подходы: «третий», «четвертый» и так далее. Многообразию развития цивилизации, на мой взгляд, больше отвечает не «арифметика», а комплекс системно связанных друг с другом концепций, научных объяснений, находящихся во взаимодействии, взаимодополнении, взаимоотрицании.

Иными словами, противоречивому, но целостному и взаимосвязанному миру больше отвечает не та наука, что разводит его по отдельным частностям, секторам, элементам, но которая отбирает из многообразия все разумное и практическое. Анализ — диагноз — прогноз — вот ключ. Здесь может найти свое место любой нравственно здоровый путь мышления и жизни.

Вопрос: По Марксу, развитие общества — это естественно-исторический процесс. Насколько правомерен в этом контексте курс на строительство общества в соответствии с заранее заданным планом? Не осуществляем ли мы тем самым насилие над реальностью?

Ответ: Я не считаю такое насилие неизбежным. Хотя в нашей практике в значительной мере так произошло.

Верно, что общественное развитие Маркс рассматривал как естественный исторический процесс. Но до исторически недавнего времени развитие шло стихийно или преимущественно

венно стихийно, хотя и этот процесс не был одномерным. А стихийно — значит через насилие, иных регуляторов, кроме силы, стихия не знает.

Ясно, что стихийному общественному развитию должен быть положен предел. Современный целостный, взаимосвязанный мир с его сложнейшими глобальными проблемами в условиях стихии просто не выживет. Развитие чем дальше, тем сильнее должно приобретать контролируемый с точки зрения выживания человека характер. Значит, должно быть и какое-то общемировое согласие на этот счет.

Что нужно для этого? Три условия: научные знания, социальные условия, материальные возможности. Понятно, что на самом начальном этапе такой работы и знания еще далеки от необходимого, и условия вряд ли будут идеальны, и материальные возможности в чем-то ограничены. И тем не менее движение в этом направлении неизбежно.

Значит, для уменьшения издержек, для сокращения времени на обнаружение и исправление ошибок надо максимум внимания уделить отладке всех обратных связей в обществе, отладке демократии. Чем больше таких связей, чем они полнее и надежнее, тем меньше вероятность насилия над реальностью.

Заметьте: до сих пор слово «социализм» я не употребил. Не случайно: все описанное, на мой взгляд, — объективная историческая необходимость для человечества в целом. Но в свое время на нас выпала доля начать новый исторический виток развития — в сторону сближения человечества, а не разъединения. И бедой нашей стало то, что возобладали автократизм, догматизм и конфронтационная психология. О системе обратных связей и речи не шло.

Прискорбно, что так случилось. Впредь надо быть умнее, прозорливее, по-настоящему ценить человека, делая все возможное для его свободы и возвышения. Одно это — уже тормоз для безнравственного экспериментаторства, что и есть насилие над реальностью, над человеком и обществом.

Вопрос: Не было ли противоречия между гуманистической традицией Маркса и выдвинутой им позднее идеей диктатуры пролетариата? Оправдана ли сама идея диктатуры одного класса в отношении другого в современных условиях?

Ответ: Противоречие, несомненно, было и остается. В развитом правовом государстве нет места диктатуре одного какого-то класса в отношении других. Хотя бы потому, что диктатура — это всегда произвол. Он, конечно, необязательно принимает всегда крайние из мыслимых форм. Но и «мягкий» произвол — тоже произвол. Сейчас, когда мы добиваемся уважения к закону, его неуклонного, верного и полного соблюдения, мы преодолеваем в том числе и психологическое, правовое наследие периода диктатуры пролетариата. Это факт.

Но факт и то, что до сих пор мы всерьез не задаемся вопросом: а что, собственно, такое «диктатура пролетариата»? Его политико-философское понятие было, по существу, использовано как рычаг командно-административной системы: от массовых репрессий до преследования инакомыслящих или просто неугодных.

Мне показались интересными опубликованные недавно соображения на этот счет Р. Люксембург. Для нее диктатура пролетариата — это «диктатура класса, а не партии или клики», причем исполнена эта воля класса может быть только в том случае, если он будет «действовать при самой широкой гласности, при самом деятельном участии народных масс, при неограниченной демократии». И написано это в 1918 году.

Я бы только добавил к этим словам следующее. Широкая гласность, неограниченная демократия, деятельное участие народных масс уже с неизбежностью исключают любую диктатуру. Но мир сложен. Переход к ненасильственным, правовым формам общественной жизни — историческая тенденция, а не свершившийся факт. Предстоит еще длинный путь к подлинной свободе человека.

Вопрос: Долгое время мы говорили об общем кризисе капитализма, о его этапах, каждый из которых, по первоначальному теоретическому замыслу, должен был стать для капитализма последним. Недавние события в Восточной Европе обнаружили острейшие кризисные процессы и в реально существующем социализме. В последнее время некоторые обществоведы заявили о кризисе современной цивилизации. Правомерна ли такая постановка проблемы?

Ответ: Какой именно? Я вижу их тут несколько. Кризис в условиях капитализма. Кризисы развития при социализме. Конкретные кризисы в странах Восточной Европы. Кризис современной цивилизации. И проблема кризиса как таковая, теория кризиса в нашей марксистской политологии.

Лично я считаю, что каждая из этих проблем не надумана. Основания, и достаточно серьезные, есть во всех этих случаях. В этом смысле сама постановка названных проблем мне представляется не только правомерной, но и остро необходимой. Готовых ответов тут нет.

Но начинать, мне кажется, стоило бы сейчас с осмысления категории «кризис» как таковой. Она пока еще пугает нас, особенно в приложении к социалистическим реалиям. Почему? Причин, на мой взгляд, две. Долгое время полагали, будто социализму вообще не может быть присущ кризис. Но здесь жизнь заставляет мыслить по-иному.

Другая причина скорее психологическая. Связывая кризис с капитализмом, мы одновременно наделяли его некоей мистической фатальностью. Действительно, общий кризис представлялся как конец капитализма. Но если переносить понятие кризиса на нас самих — значит, переносить с ним

вместе и эту фатальность? Это подспудное чувство останавливало, надо полагать, многих.

Между тем кризис, по-видимому, — нормальная и необходимая часть жизненного цикла. Естественная для всех проявлений и форм жизни, в том числе и общественных. Часть диалектическая — в ней заключено и созидательное начало, и разрушительное. Через кризис рождается новое качество, происходит обновление. Кризис — санитар общественной жизни. И надо его тщательно и непредвзято изучать.

Только тогда можно будет приступить к следующему этапу: на научной основе контролировать кризисные процессы, предотвращать их наиболее опасные, нежелательные, разрушительные проявления и последствия. И в то же время оказывать своего рода «родовспоможение», помогать кризису формировать назревшее, общественно необходимое. Иначе — застой, омертвелость, усложнение последствий, что и произошло с нами.

Кризисы — реальность жизни, в том числе и нашей. Так на них и надо смотреть. Не страшиться, не драматизировать. Кризис современной цивилизации, например, — в чем он? Если в исчерпании многих старых форм и средств, в рождении новых внутриобщественных, социально-экономических, международных и прочих явлений и процессов — согласен. В связанных с этим опасностях — согласен. В оживлении представлений о «конце света» — теоретически возможно, в формах ядерной или экологической катастроф, например. Исследование кризиса укажет возможность избежать такой катастрофы. Не верю, что избежать ее невозможно.

Вопрос: Существует ли в нашей стране угроза военного переворота или фашистской диктатуры?

Ответ: Считаю, что нет.

Вопрос: Согласно марксизму-ленинизму социализм и частная собственность несовместимы. Что Вы могли бы сказать против такого утверждения науки?

Ответ: Лично я допускаю существование и в социалистическом обществе индивидуальной собственности, включая владение средствами производства, и не вижу ничего страшного и несоциалистического в том, что у нас появится, скажем, сельский хозяин, владеющий средствами производства. Будем откровенны. Критерий социалистичности или несоциалистичности у нас перепутан. Мы исходим из книжек, из старых постулатов. А может, нам подойти по-иному: социалистично то, что хорошо для человека, что приносит ему пользу, счастье, повышает его достоинство. В конце концов человек, который живет и трудится в обществе свободы, — вот это и есть самое социалистичное.

Вопрос: Чем будет отличаться грядущий социализм от капитализма, если станет процветать частная собственность?

Ответ: Почему вы решили, что частная собственность станет процветать? Разве кто-нибудь собирает заводы и

банки передавать в частную собственность? Такого намерения нет. Но почему бы крестьянину или его семье не быть хозяином на земле, почему бы не быть частной часовой мастерской или частному ресторану? А частная собственность в базовых отраслях, в железных дорогах, в банках... Да помилуйте, такой классической частной собственности давно уже нигде нет, в том числе и в Соединенных Штатах Америки. Кстати, это тоже серьезная научная проблема — о частной собственности, ее функциях и положении, ее трансформации в мире капитализма — пока еще недостаточно изученная.

Вопрос: Ваше отношение к идее парламентской партии применительно к КПСС? Перспективна ли реализация этой идеи?

Ответ: Я коммунист и не собираюсь заниматься созданием оппозиции своей партии. Ни одна правящая партия этого не жаждет. Но демократический процесс есть демократический процесс. Если другие партии появятся и сумеют более эффективно представлять советский народ в парламенте, что тогда делать? Мы, коммунисты, должны признать естественность демократического процесса. Но ни в коем случае не насильственного и не искусственно формируемого.

Вопрос: Не считаете ли вы, что многие беды перестройки происходят от искусственного сдерживания национально-сепаратистских тенденций? Не лучше ли было дать возможность всем народам СССР выбрать свой путь в перестройке и свои темпы ее осуществления в рамках свободных национальных государств?

Ответ: Звучит вроде бы логично. Но если учитывать реальные экономические структуры, связи, отношения — а не учитывать их нельзя, — то это почти уже невозможно сделать. Если из-за одного забастовавшего где-то завода останавливаются сотни других заводов по всей стране, во всех республиках, то можете себе представить, насколько все это сложно, насколько плотно переплетено и взаимосвязано. Разделение экономики на национально-территориальные кусочки привело бы всех нас к таким экономическим потерям, которые трудно себе представить.

Вот, собственно, в чем главный вопрос. Не говоря уже о том, что десятки миллионов русских живут в других республиках, и мы не можем быть равнодушными к тому, как они будут жить. А сколько в России живет других народов? А межнациональные браки — как мы их будем делить? Все это очень серьезно и требует общей ответственности.

Вопрос: Вы возглавляете комиссию по реабилитации. Как обстоит сегодня дело с жертвами 60—80-х годов? Почему никто из них еще не реабилитирован?

Ответ: Мандат нашей комиссии определен периодом 30—50-х годов. Будет ли расширен мандат этой комиссии, я не знаю. Если появится такая необходимость, то это надо сделать. Но честно вам скажу: чем больше я вникаю в дела,

которые связаны с реабилитационной работой, тем больше вижу, что конца им нет. И может быть, стоило бы решиться и принять какую-то декларацию о реабилитации всех, кто пострадал по политическим мотивам.

Вопрос: Вы подчеркиваете, что все, что Вы говорите, это Ваша личная точка зрения. Насколько она совпадает или расходится с преобладающей в Политбюро?

Ответ: Я свое выступление ни с кем не согласовывал.

Вопрос: Какие действия ВКП(б), КПСС наиболее отрицательно повлияли на ее авторитет?

Ответ: Наиболее отрицательно — репрессии. Я думаю, это самое страшное. Давайте мысленно «вынем» из истории этот фактор — многое выглядело бы по-другому, обо всем другом можно было бы спорить. Но по этому вопросу дискутировать невозможно. Так я считаю.

Вопрос: Будет ли идти процесс пересмотра итогов второй мировой войны? Будут ли меняться границы? Ваше отношение к восстановлению Германии в границах 37-го года?

Ответ: Никакого пересмотра, тем более в германском варианте 1937 года, быть просто не может. Это было бы чревато серьезными, возможно кровавыми, последствиями, и этого мы допустить не можем. Об этом говорим прямо и откровенно на всех уровнях.

Вопрос: Что Вы думаете сегодня о доктринальной основе еврокоммунизма?

Ответ: Я не считаю, что в доктрине еврокоммунизма было нечто демоническое, что делало необходимым ее столь энергичное «разоблачение» в свое время. Было бы полезнее разобраться тогда в ее реальном содержании и мотивах.

Вопрос: Есть ли реальная, а не только декларируемая готовность партии передать власть в руки Советов?

Ответ: Да, есть, совершенно реальная.

Вопрос: Складывается впечатление, что наверху существует какой-то своеобразный иммунитет к любой критике. Неужели время от времени в Политбюро не возникают сомнения, что оппоненты, хотя бы некоторые, бывают правы, что другие люди лучше бы справились с делом?

Ответ: Если речь идет обо мне, то я совершенно убежден, что в нашем 300-миллионном народе есть люди, которые умнее и талантливее меня и способны решать сложнейшие проблемы жизни.

Вопрос: Как Вы относитесь к Ленину и ленинизму? Не считаете ли, что очень многое в оценках деятельности Ленина и его соратников нужно пересмотреть? Что сегодня можно противопоставить оценкам Солженицына, Солоухина?

Ответ: Я отношусь к Ленину сверххорошо, если не сказать больше. Человек высочайшей культуры, высочайшей степени ума и в особенности способности к анализу. А главное, что для меня лично является очень важным в характеристике Ленина, — его умение самому пересматривать

позиции, когда того требует жизнь. Это и есть диалектика, это самое достойное в Ленине.

Вопрос: Каково, по Вашему мнению, основное содержание современной исторической эпохи?

Ответ: Если коротко, то с точки зрения международной мы вступаем в период длительного мирного развития, а это должно изменить и нашу психологию, и наше сознание. Второе. Все человечество, в том числе и мы, становится ближе и ближе к осуществлению принципа свободы человека. Вот два фактора, которые будут, на мой взгляд, определять наступление новой эпохи. Собственно, она уже наступает.

СУДЬБА И СОВЕСТЬ

Памяти А. Д. Сахарова

Ушел из жизни Человек, а человечество потеряло Личность. Много, слишком много камней пришлось на его долю. Одни отвергали его по неприятию непреклонного в своей независимости характера. Таких было малое число, но были они влиятельны, во многом программировали общественное мнение. Они знали, в чем опасность «вины» того, кто в своей искренней любви к Родине и человечеству не уступал ни лести, ни наградам, ни угрозам, ни публичному улюлюканию, ставя совесть превыше всего.

Другие в своих суждениях об Академике и его деятельности стали жертвами чужого мнения, чужих и предвзятых оценок. В который раз в нашем трагическом столетии естественное для здравого смысла желание испытывать гордость за свою страну, свой народ и дела его, но соединенное с нескритичностью суждений, с готовностью слишком легко полагаться на мнение других, с неинформированностью, по существу, лили горькую воду на лопасти несправедливого дела.

Самостоятельность суждений и поступков еще нередко и сегодня продолжает обрекать человека на острые испытания в жизни, порождая и разочарования, и обиды, и мучительные боли от злой нетерпимости социума. Что же говорить о временах иной давности! Но по-настоящему А. Д. Сахаров впал в немилость тогда, когда осмелился выступить против идеологии цинизма и безверия, спесивой посредственности и некомпетентности, против постыдного безвременья, когда авторитаризм отбрасывал от себя все живое и творческое.

Не так уж много в стране трижды Героев Социалистического Труда, неоднократных лауреатов высших премий и наград. Но, пожалуй, только один пожертвовал ими, не желая поступиться убеждениями. Многие ли оценили по достоинству этот поступок, задумались над его значением и мотивами?

А. Д. Сахаров защищал страну силой создаваемого им термоядерного оружия, но и силой разума, своего обостренного нравственного чувства. Кажется непостижимым, что в

одном человеке неразделимо слились мощь теоретика, размышления о глубинах Космоса и атомного ядра, о том, что несут они человеку и что сам человек ждет от этих загадочных глубин. И думы о нелегкой судьбе своего народа, общей цивилизации в драматически меняющемся мире — размышления, вылившиеся в гражданское мужество Поступка, мужество Позиии.

Только скорбеть о безвременно оборвавшейся жизни — мало. Припоминать ошибки, заблуждения, зигзаги, в которых он тоже был искренен и честен, — мелко и пошло. Нравственный императив в другом: чему учит нас эта нелегкая судьба?

Патриотизму, который цель и задачу свою видит в возвышении страны, народа, достоинства личности. Ответственности каждого за само течение Истории. Способности видеть свое конкретное дело в целостном сплаве всего движения цивилизации, оценивать его критериями высшей общечеловеческой значимости. Верности своему нравственному чувству, своим убеждениям, итогам собственных духовных исканий, добытых муками разума. И мужеству бороться, порой в одиночку, порой с наивной распахнутостью, но упрямо и бескорыстно, за справедливость обретенной истины, что и движет вперед человека и человечество.

Уроки стары как мир. Но повторение их обогащает справедливость и мудрость. И жаль, что только уход настоящих личностей обостряет общественное сознание размышлениями о глубинах бытия и вечных ценностях, Добре и Зле, болезненными прозрениями... и пониманием, сколь многим может быть наполнена одна-единственная жизнь, способная сеять милосердие и после того, как растворилось последнее ее дыхание.

Ровно три года назад в горьком для А. Д. Сахарова городе Горьком раздался телефонный звонок от М. С. Горбачева.

Вернувшись в Москву, бывший ссыльный отдал себя служению идеям, в которые столь беззаветно верил.

Великий ученый и гражданин — таким останется в памяти людей Андрей Дмитриевич Сахаров, имени которого суждено стать в летописи нашей страны рядом с именами самых достойнейших представителей отечественной интеллигенции.

«СИНДРОМ ВРАГА»: АНАТОМИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БОЛЕЗНИ

— *Откуда, на Ваш взгляд, у немалого числа наших соотечественников столь неистребимая потребность в создании «образа врага»?*

— Причин, наверное, несколько. Но в том числе — и от долгих столетий жизни государства, входящих в него народов в условиях авторитарности.

Ищут спасения в авторитарности и бедность человека, и бедность государства, которые заставляют собирать «в кулак» то немногое, что есть, чтобы выжить, осуществить желаемое. Толкают к ней и дефицит знаний, информации, растерянность перед характером и масштабом проблем, требующих решения быстрого, энергичного. И, разумеется, внешняя угроза, реальная или потенциальная необходимость быть в готовности к отражению нападения.

Обратимся к той же России.

Она всегда была то осаждаема, когда ее рвали ключьями. То сама она упорно раздвигала просторы, упрямо рвалась к морям и океанам, от Московии до Балтики и Черного моря, до тихоокеанских и арктических берегов. Страна не раз почти распадалась на куски, раздираемая то междоусобными, то социальными распрями, а затем вновь становилась на ноги. А с кем только не воевала?! И все это в памяти. Все это формирует сознание, остается в генофонде. И когда тебя бьют, и когда ты победитель — в любом случае ты сражался с врагом.

Всего этого в российской истории было всегда в избытке. Психологически — наследие отягощающее. И, конечно же, десятилетия сталинщины, когда миллионы были втянуты в поиски и уничтожение «врагов». Сколько в этой мерзопакостной охоте за инакомыслящими погибло людей, а сколь многих постигло духовное растление через ненависть, доноительство, подлую жажду власти! А сколько разуверившихся и потерявших себя в жизни, изъеденных страхом, утративших мужество, достоинство и порядочность!

Вот цена той «охоты за черепами», которая и до сих пор

не дает покоя тем, кто еще надеется повернуть жизнь вспять, а себе возвратить власть, почести и привилегии. Они беспринципны и безнравственны. Норвят, словно осенние мухи, ужалить побольнее, перед тем как уйти под снег. Но реакционная волна, торопящаяся сейчас устранить препятствия для правого поворота, в конечном счете обречена на клоунаду, на кликушество.

Время жестоко и безжалостно. К сожалению, ко всем. Но оно и благотворно, ибо человеческая память хранит и само время, и поведение людей, их подвиги и предательства, гениальность и невежество. Оно помнит и мелкую суетность ничтожеств, травящих — по зависти или угодливости — своих современников. Так было в прошлом веке. Да и в последние 70 лет мы все время боремся — если нет врага реального, то выдумываем его.

К исторически наследственному прилипают факторы субъективные. Чья-то злая воля, непомерные амбиции, тщеславие. Да еще глупость, недомыслие, чванство. Тут замешано не только общеисторическое и общесоциальное, но и предельно конкретное — фактические взаимоотношения людей, людей разных — подлых и злых, добрых и порядочных, эмоциональных и равнодушных.

Таково бытие. А оно лепит сознание. Порой разрушительное: тем, что создает социальные группы и силы, которым выгоден «образ врага» — неважно какой. И тем, что калечит душу новых поколений, которые тоже в определенных обстоятельствах начинают испытывать потребность в таком «образе».

Кому и зачем нужно все это? Да всем тем, кто зол, ленив и завистлив, кто готов растоптать любого ради своей карьеры, своей корысти. Плохо работающему производству удобно винить смежников. Не способному или не желающему организовать работу — искать «заговорщиков» и «интриганов». Отдельному человеку — винить в своих неудачах и неумелости кого угодно, только не себя.

Конечно, есть намеренность всякого рода. И подножку ставят человеку, обрекая его на жизненные неурядицы и муки душевные, и травят попусту, и слухами колют. Но есть эта потребность во «враге» и внутри гомо сапиенс. Отечественная литература, особенно Достоевский, Толстой, Гоголь, Чехов — да только ли они? — видела эту гадость и презирала ее.

Авторитарный образ жизни забивает в человеке самобытное, самостоятельное, свое. Забивает тысячами путей и способов. Начиная с детского сада и школы, где впервые нивелируется личность, о чем давно уже с беспокойством говорит общественность. Продолжается в институте и производственно-техническом училище, в армии и на работе. И все это в условиях, когда остро не хватало демократизма. Не хватает и сегодня. Не будем обманываться на этот счет.

В результате человек не обретает многого, чему мог бы научиться: в профессии, быту, общении. Нехватка культуры — это дефицит умений. Вот и приходится компенсировать его избытком самолюбия, самомнения, чванства, поисками недостатков и пороков у других, поисками «объективных причин» и всевозможных «врагов». Во многом отсюда и тяга части людей ко лжи, к ярлыкам, топтанию неугодных и прочим «подвигам».

Поправима ли ситуация? Да, безусловно. Если мы, конечно, развернемся в сторону культуры — общей и личной культуры человеческих отношений. Иначе нас ждут плохие времена, ибо слишком много засуетилось людей со спичками, заболевших пожароманией.

— Почему именно сейчас по многим признакам эта социальная болезнь прогрессирует?

— Да потому, что перестройка — это действительно революция, приносящая в общество огромные объемы нового, порой непонятного, часто неожиданного, для многих — неприемлемого. Все это нервирует, будоражит, толкает либо к постижению, либо к отторжению. Но что особенно важно — перестройка требует созидательного поступка, на что способны далеко не все, ибо слишком долго учились обратному.

Как только продемонстрировали несостоятельность прежние подходы и методы — сформировались прослойки людей, причем во всех социальных группах, включая интеллигенцию, заинтересованных по тем или иным мотивам в компрометации нового.

Как только взяли курс на ограничение всевластия экономической бюрократии, развитие самостоятельных, в том числе кооперативных, форм — посмотрите, как все получилось. Сначала райисполкомовский чиновник открыл «зеленый свет» спекулятивным кооперативам — более денежным и «сговорчивым». Известны десятки, сотни случаев, когда такого рода кооперативы оформлялись за день-два, а производственные месяцами преодолевали пороги согласований, тренируя свое терпение. Но после того как поднялось народное возмущение против спекулятивных кооперативов, выкуривать стали всех, а производственные — в первую очередь. Это один из примеров саботажа перестройки со стороны чиновного люда, да и очередного поиска «врага».

Как только, хотя и слегка, прижали махинаторов, коррумпированные элементы, теневую экономику и политику, появились всевозможные социальные провокации. И все эти люди, группировки нуждаются в оправдании своих эгоистических, иногда и преступных интересов и действий. И тут нужен какой-то «враг», а в условиях опасности — острее, чем раньше.

А нормальный, честный, работающий человек, который сталкивается с пустыми полками магазинов, стоит в очередях, отягощен многими заботами и бедами повседневной

жизни, давлением бюрократизма, бездушия, преступности, — ему необходимо хоть какое-то объяснение или видимость правдоподобного объяснения. Сложность тут в том, что реальный злоумышленник изворотлив, хитроумен, он все делает для того, чтобы отвести гнев от себя и направить его против перестройки, демократии, гласности, всякими путями создает нервозность, а иногда занимается и прямым подстрекательством, пользуясь доверчивостью людей.

И, наконец, проблема неумех, людей, слабо подготовленных к самостоятельной жизни. Мы говорим: перестройка принесла свободу. Но свобода — дар лишь для тех, кто умеет использовать ее для созидательной реализации самого себя. А если нет, то свобода может обернуться для человека наказанием, дестабилизировать его внутренний мир. Больше того, для ленивых и безвольных это путь к люмпенизации, анархическому поведению, к преступности.

То же самое с гласностью. Для человека думающего, ищущего, самостоятельного гласность — великое благо. Но если человек привык петь с чужого голоса, доверяться ходячим стереотипам — для него гласность с ее водопадом непривычной доселе правды тоже источник нервозности, недовольства. Вот почему велик поток писем, в которых говорят об «утрате веры», «потере идеалов», спрашивают, «как жить дальше?». Простая мысль — жить вековыми категориями добра, порядочности, справедливости, добросовестно трудиться — не всегда приходит в голову. И снова общество наталкивается на разрушительную магию догм, уже не раз дурачивших человека.

Иными словами, пока ломается старое и еще только утверждается новое, неурядицы в хозяйстве и сумятицы в умах как бы стимулируют эту болезнь на всех уровнях: и общественном, и индивидуальном. И полагаю, что критическую точку мы тут еще не прошли. Искушение прибегнуть к социальной демагогии, попытки найти «ведьм» перестройки — все это может нарастать по крайней мере до тех пор, пока социально-экономическая обстановка остается неблагоприятной, пока закон не стал законом.

С развитием благосостояния, культуры, демократических форм жизни авторитарные черты национальной и индивидуальной психологии будут, очевидно, стираться. Хотя, если судить по некоторым статьям и выступлениям, есть люди, как бы обреченные жить в пещерах и с дубинками охотиться на других.

Надо быть реалистами и понимать: речь идет о процессах инерционных, медленных, которые развиваются через механизмы смены поколений. Собственно, становление демократического общества — это становление нового образа жизни, наработка демократической психологии, воспитание людей, открытых новаторству, людей раскрепощенных, незакомплексованных.

— *Насколько эта болезнь опасна для хода перестройки?*

— Чрезвычайно. Я сказал бы, что основная и наиболее замаскированная опасность перестройке исходит именно отсюда, будучи методом возбуждения недовольства, идеологической базой социального взрыва того или иного масштаба. Основная, потому что другие опасности мы худо-бедно видим. А вот то, что таится в собственной душе, очень часто не понимаем и оцениваем далеко не беспристрастно.

Во-первых, в социальном плане потребность в «образе врага» толкает на путь неверных, порой просто трагических решений. Пусто в магазинах, неразгруженные вагоны, неотправленная продукция на заводах, гниют товары и продовольствие на базах — что это, как не саботаж? Межнациональные конфликты. Падение дисциплины и ответственности. Вопиющая бесхозяйственность. Все это и накапливает простой ответ: нужна «твердая рука». В подобных рассуждениях есть своя логика. Потому что есть и намеренные саботажники, и конкретные виновники безобразий. И твердая рука нужна, но рука закона, а не рука произвола.

Но если под давлением объективных обстоятельств и сознательного нажима вернемся к «закручиванию гаек», то упустим, не увидим главные, глубинные процессы и причины. Скользнем по поверхности, не затронув сути. Загоним болезни внутрь, подготовим почву для кризиса, тяжелого и, может стать, катастрофического. Было все это, было. Перестройке нужны реализм, ясность мысли, спокойствие разума, взвешенность оценок и мер.

Во-вторых, план исторический. Мы стоим сейчас на развилке дорог. Одна — вернуться к старому, тупиковому. Вторая — решительное преодоление сковывающего, ограничительного, увечающего душу наследия авторитарности. Именно радикальность перемен отвергает соблазн прибегнуть к испытанным, знакомым, но трагитворящим рецептам.

Как часто мы говорим сегодня: изменить подходы, мышление, преодолеть стереотипы в сознании, поведении. Но насколько трудно это дается на практике! Сопротивляется психология, возможности, проблемы и трудности которой мы еще знаем плохо. Как и опасности, в ней таящиеся.

Конечно, здесь есть и более глубокий срез проблем. И центральный — а чем в действительности продиктовано наше стремление уйти от авторитаризма к демократии? Где доказательства, что история движется именно в этом направлении?

Что ж, доказательства, на мой взгляд, имеются убедительные: это прежде всего непрерывное, несмотря на оргии насилия, развитие демократической и гуманистической тенденции — во все времена, у всех народов, при всех формациях. Идеи демократии и гуманизма биты многократно, но никогда не умирали. Больше того, цивилизация, социальный прогресс — это и есть наращивание демократического и

гуманистического потенциала личности и общества, государства и культуры, политического строя и конкретных его институтов и законов.

Саморегулирования и самоуправления, высокой меры демократизма требуют и современные экономика, наука, творчество. Сложными и сверхсложными системами невозможно управлять по жестким схемам и правилам. Необходимы принципы самонастройки системы.

При некоторой снисходительности к аналогиям можно, наверное, сказать, что если отношение духа к природе является высшим вопросом всей философии, то отношение демократии к авторитаризму — коренной вопрос политики, общественного развития человечества и человека.

Если представить себе некое идеальное, условное общество, наверное, оптимальным будет сочетание разных схем и типов управления в разных его секторах для выполнения разных по характеру задач и в разных условиях. Потребуются и демократия, и административное дирижирование, и умение сочетать их друг с другом, согласовывать их применение в смежных секторах в одно и то же время. Теоретически должно быть, видимо, так. Да и современная жизнь требует гибкости и умения маневрировать.

Но не следует забывать, что человечество при всех его потрясающих достижениях основную часть своей истории прожило в обстановке бедности, невежества, неравенства, крайней ограниченности возможностей самореализации. А потому и в обстановке насилия, войн и их неизбежного спутника — авторитаризма. И сегодня стоит задача научиться демократии, прочувствовать и осознать на деле всю самобытность и самоценность каждой человеческой жизни, каждой личности. То есть стать действительно гуманным обществом — в бытии и сознании, базисе и надстройке, без лихорадочной, параноидальной жажды крови ближних.

Придет такое время, придет! Во всем мире, как и в нашей стране, диктаторы, как и их идеологи, терпят крах, хотя мутный след в сознании и на практике остается. Но я верю: овладеем демократией, войдет она в сознание и привычки — тогда, наверное, и рассуждать станем в чем-то иначе, и проблемы будем видеть в иной социально-исторической и философской перспективе, чем сегодня.

Демократия для нас не только средство, но и самоцель беспримерного значения. И препятствия на пути убавляются медленно. Но самые серьезные завалы — те, что скрыты в глубинах культуры и сознания, которые даже и не осознаются пока как препятствия.

Всем нам придется пройти по утренней росистой тропе.

— Чем объясняется разделение нашей интеллигенции, особенно литераторов, на противостоящие группы? Можно ли тут провести аналогию с полемикой, которая была в прошлом веке между славянофилами и западниками?

— Смотря какую аналогию и в чем. Вообще-то споры по наболевшим вопросам общественной жизни, по проблемам творчества, его форм, стилей, методов нормальны и естественны. Без них попросту умрут и наука, и искусство, и литература. Ну а где споры, там и деление на какие-то группы, объединения. У каждой свое притяжение, свои пророки и антихристы, знамена и лозунги. Все это, повторяю, естественно, такова жизнь, так было во все времена.

Речь, видимо, не об этом. А о том весьма печальном явлении, когда разногласия творческие, методологические, содержательные опускаются до групповщины, доноительства, готовности уничтожить оппонента, приклеить любой ярлык, оболгать. Все это действительно гнусно. Это унижает самих творческих работников, их труд, вызывает неприязнь общественности, тормозит распространение подлинной интеллигентности во всех слоях общества, демонстрирует нравственной антипример.

Конечно же, далеко не все творческие работники — научные или художественные — участвуют в подобных распрях. Людям действительно с «искрой божьей», одаренным талантом и достоинством, это, как правило, не свойственно. Но что явление околотворческой групповщины есть, что в последнее время оно принимает мерзопакостные формы, питает реакционные силы и темные инстинкты — это факт. На фоне перестройки все это и более заметно, но и более нетерпимо, чем раньше. Заметно — ибо изменения в духовной жизни общества высветили всю несуразность и нравственную ущербность того, что было фактически «нормой» на протяжении десятилетий. Нетерпимо — ибо вся эта возня объективно служит антиперестройке, тормозит обновление, тянет назад.

Духовные искания и разногласия здесь вторичны. Дело не в западниках и славянофилах. Дело, на мой взгляд, в сочетании, взаимоусилении на протяжении многих десятилетий серьезных извращений и ненормальностей самой жизни: исторических, экономических, политических. Они, конечно, не снимают вопрос о личной ответственности художника за свою позицию, нравственный и гражданский облик. Но все же, коль скоро мы говорим о явлении, имеющем общественное звучание, надо и в причины заглянуть с сущностной стороны.

Одна группа причин — историческая. Об этом я частично сказал. Руководство партии и ее чиновный аппарат на протяжении долгого времени взращивали именно противостояние в среде интеллигенции. Многих честных, неподкупных так или иначе оттесняли как неудобных, неуправляемых. Не один раз репрессировали, в более близком прошлом создавали неприемлемые условия для работы, а затем зачисляли в диссиденты. Понятно, что попытки управлять творчеством, тем более явно не чистыми руками, социально и духовно

разрушительны. Но многие привыкли к таким порядкам, они им нравились, за почести и блага они травили и своих инакомыслящих собратьев.

Хуже того: определенная часть творческих работников еще во времена Пролеткульта осознала, что можно манипулировать позицией партии через групповщину, личные связи, демагогическую спекуляцию на острых вопросах общественной жизни. Какой это нанесло урон обществу, до сих пор понимают, к сожалению, далеко не все. Некоторыми аппаратными манипуляторами все это поддерживается и до сих пор.

Я еще понимаю — в прошлом, но сейчас-то, в эпоху гласности, демократии, чем объяснить, что некоторые ученые, литераторы, чуть несогласны с кем-то — и тотчас пространные идеологические доносы в ЦК, КГБ! И таких, знаю по опыту, немало. Казалось бы, выступи открыто и аргументированно, изложи иную точку зрения, докажи и обоснуй ее — ведь можно же! Нет, предпочитают доносительство. Да и статьи подчас больше похожи на доносы, чем на попытки познать истину. А некоторым интеллигентствующим холопам застоя ох как хочется забыть, о чем и как они сами писали тогда, а взамен покопаться в архивах других! Потеря чувства юмора, а вместе с ним и стыда всегда ведет к конфузу.

Есть, считаю, причины политические. Долгие века страна была лишена нормального внутривнутриполитического процесса. Но жизнь-то все равно бьется, ее остановить нельзя, как и мысль. Вешняя вода всегда прорвется: не прямо, так в обход, не сверху, так подо льдом, не в реку, так в подземное русло. Так же и в обществе: мысль, у которой не было дороги открытой, прямой, искала обходные пути.

У нас колоссальная нагруженность науки, литературы, искусства общественно-политическими проблемами. В каких-то случаях это хорошо, в каких-то, видимо, — не очень, но это факт. Если не хотят высказаться в лоб — рождаются контекст и подтекст, ассоциации и аллегории, аллюзии и исторические параллели. А кто-то наивный или оченно уж хитрый принимает их подчас за чистую монету и открывает новую линию споров, дискуссий, столкновений.

Но если десятилетиями политическая жизнь была загнана в извращенные формы, она нередко паразитировала и на художественном процессе. Поэтому стоит ли удивляться, что сам этот процесс обретал все характерные признаки политической возни, политиканства? С идейными размежеваниями, острыми столкновениями амбиций, надуманными сварами, со всеми теми нравами и особенностями, что еще присущи нашей политической культуре в целом. Не брезговали прибегать и к политическому уничтожению — так в свое время было с М. Булгаковым и А. Платоновым, А. Твардовским, В. Вернадским и А. Сахаровым, В. Некрасовым и Б. Пас-

тернаком, Н. Вавиловым и А. Тарковским, да и многими другими.

Конечно, перестройка вносит свои коррективы, но все и сразу выправить она не в состоянии. По мере того как в стране будут развиваться демократия, нормальная политическая жизнь, общественные демократические движения, обстановка — верю — начнет продвигаться к здравому смыслу. Из художественной, творческой, литературной жизни уйдет болезненная сверхполитизация. Придут навыки большей терпимости, готовности уважительно дискутировать. Жажда крови не станет доминировать. Истинные художники займутся своим делом, ну а околовертящиеся будут продолжать свои интриги — другой профессии у них просто нет.

Я бы через эту призму оценивал и те острейшие споры, что идут сейчас в художественной среде вокруг перестройки. Поскольку перестройка — революция, никого не оставляющая равнодушным, она и тут — и особенно тут — вызвала взрыв страстей. Я — за эмоциональность жизни, за столкновение идей, оценок, подходов. Перестройка от этого только выигрывает. Ей нужен умный и острый оппонент: и справа, и слева, и в центре. И в среде консерваторов и неоконсерваторов, радикалов и сверхрадикалов. Но при одном условии — при общем отрицании ненависти, ведущей к насилию. Нормальный демократический процесс предполагает соревновательность во всем, творческую состязательность, а не базар тщеславий или литературный вариант вышинских.

Чего я категорически не приемлю в этих дискуссиях, с какой бы стороны это ни шло, — так это унижения человеческого достоинства оппонента. Можно спорить с любой позицией, любой точкой зрения. Но нельзя травить человека только за то, что он не разделяет твои взгляды, убеждения, а тем более науськивать на него других жульническим цитированием, ярлыками и домыслами. Это уже признак нравственного распада личности. Подобные методы возрождают дух «особых совещаний».

Слишком часто на некоторых собраниях последнего времени ищут, скорее, жертвы, нежели пути и средства решения наших общих проблем. За риторикой теряется, что же должен сделать каждый уже сегодня, чтобы все мы реально продвинулись к лучшему будущему. Пора бы понять, что таким образом в обществе воспитываются не только ненависть и разобщенность, но и равнодушие, беспринципность, отсутствие вообще каких бы то ни было убеждений, моральных устоев. Пора бы и остановиться.

Да, споры ожесточенные, хотя это дело и не новое, если не сказать, старо как мир. Это потом историки искусства и литературы облагораживают споры и распри, выбрасывают из них суетное, унижительное, амбициозное, оставляя лишь содержательное, художественное. Вспомним, какой высокой степени нетерпимости отмечались порой дискуссии в рус-

ской литературе XIX века. Это сейчас, спустя полтора столетия, отсеялись зерна от плевел, и в сознании, памяти народной остались только подлинные великаны слова, мысли, гармонии и кисти. В их поисках истины мы находим такие прозрения духа, что становятся мучительно горько за сегодняшнюю возню в литературных подъездах по принципу: «не укусишь — не уснешь», «не твякнешь — не заметят». Обо всем этом можно только сожалеть. Возня эта — свидетельство упадка нравственности, интеллигентности.

Да и люди тут толкутся разные, и злы они по разным мотивам. Одни — по природной жесточечности; другие — из-за утраченных начальственных почестей; третьи — из-за комплекса неполноценности; четвертые — из-за непомерных амбиций на гениальность.

Но порой вступают в групповые схватки и люди достойные, поистине талантливые, несущие своим творчеством добро и милосердие. У них нет ни личной корысти, ни жажды власти. Но их давит, грызет какая-то боль, чаще всего обоснованная, жгучая, безысходная, вызванная, к примеру, экологическими бедствиями. Они впадают в растерянность оттого, что не могут найти исцеление, утолить эту боль. И постепенно замыкаются на ней, тоже подвергаются искусству поискать врага. Может быть, покажется парадоксальным, но идет это от искренности, да и доверчивости.

Поиск «врага» — социальный недуг. Особенно он опасен сегодня, в годы столь нам необходимого общенационального согласия. Нетерпимо все это и безнравственно, ибо корни явления питаются психологией 1937 года. Но особенно омерзительно, когда такой поиск выстраивается на национальной почве, когда межуют нации, когда занимаются генеалогическим гребкопательством, с садистским сладострастием отыскивая имена отцов и матерей. Подлинно русская интеллигенция всегда была совестливой, высоконравственной, терпимой, отзывчивой к чужим бедам, интернационалистской по духу. И сейчас мы вновь для себя это открываем, погружаясь в глубины мысли русских философов конца XIX — начала XX века, тех, кому, к великому нашему несчастью, не оказалось места в развитии советского общества.

Что же касается спора между славянофилами и западниками, то считаю его в нынешнем виде искусственным и упрощенным, его поразила идеологическая спекулятивность и атмосфера враждебности.

Не только в литературе, но и во всей культуре, общественной жизни, в истории российского самосознания спору этому принадлежит большое и самобытное место. Его возникновение, содержание predeterminedены самим положением России. Замечу, кстати, что эта принципиальная полемика велась на высочайшем морально-этическом уровне, который, к сожалению, утрачен сегодня.

Суть спора вращалась вокруг того, развиваться ли России

по своему особому пути или же заимствовать некоторые цели, ориентиры, формы развития у Запада. Думаю, на этот изначально искренний и естественный вопрос ответила сама жизнь. Ответила диалектически: идти своим путем, жить своей головой, самим определять способы продвижения. Но при этом не чураться всего того, что доказало свою ценность в опыте других стран и народов. Не тащить механически то, что ярче блестит, а брать с умом, что действительно может быть полезно и необходимо, приспособлявая к нашим условиям и потребностям. Казалось бы, о чем спорить? И почему именно славянофилы и западники, а не, скажем, славянофилы и восточники? Разве нам нечего взять у Японии, Индии, Китая, других древних восточных культур?

Со славянофильством дискутировали, научную характеристику ему дали не только революционные демократы, но и такие известные философы, как Н. Бердяев, В. Соловьев. Оно искало истину, а не людей, подлежащих удушению.

По моему мнению, нынешние споры на эту тему являются спекулятивной вывеской, посредством которой хотят придать видимость глубины и респектабельность низменным инстинктам. Славянофилы были людьми порядочными, патриотами России, искали какой-то особый путь ее развития — да, усматривая угрозу такому пути с Запада, хотя объективно сами во многом испытали западное влияние. Искренне боролись против загрязнения русского языка, считали, что «прилепа» звучит лучше, чем «карниз», а «мокроступы» лучше, чем «галоши». Не будем спорить.

Они идеализировали допетровское прошлое — но все же не опрочину Ивана Грозного. По-своему понимали российскую, славянскую самобытность — но не подстрекали ради нее к погромам и поискам «врагов». Их размышления можно по-разному оценивать политически, идейно, практически. Но им нельзя бросить упрек в аморальности призывов. Это были честные мыслители, летописцы и собиратели, исследователи культуры своей страны. К сожалению, мы очень плохо их знаем: будь то славянофильство А. С. Хомякова и Ю. Ф. Самарина или позднее — Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Н. Н. Страхова, да и других. Их идеи не утратили поучительности, кое в чем даже актуальности и поныне.

И конечно же, кощунственно даже подумать, что идеология славянофильства — любви к славянам и их культуре — может служить политической базой охотничества, антисемитизма, о котором даже Сталин писал: «Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма».

Достоинно самого большого сожаления то, что к очень серьезной идее российского возрождения сегодня нередко прилипают авантюристы, отпугивающие своим кликушеством тех, кто действительно на практике всеми своими помы-

слами и делами — за процветание России. Не оздоровить Россию расколом и бунтом. Ей нужно единство и новое понимание своей объединяющей, консолидирующей силы, уходящей в глубь веков, а не возбуждение ненависти; необходимо воспитание достоинства нации и милосердия, а не нагнетание подозрительности; нужен свободный труд на свободной земле.

— *Что необходимо сделать для того, чтобы любую полемику — и политическую, и литературно-критическую — превратить в конструктивный диалог?*

— Нужда в этом становится все острее. Но без желания диалога, без общего стремления к нему, без осуждения неизжитого «людоедства» ничего сделать в условиях демократии нельзя.

Нужно работать и над перестройкой общественных условий. Именно они определяют и степень отчужденности, и нравственную обстановку. Надо возрождать высокую культуру общения. В сущности, спроса на конструктивный диалог, на действительно нравственную продукцию у нас попросту не было. Десятилетиями. Был иной спрос: на управляемость, на согбенность, на готовность прислуживать. На имитацию кипения жизни и искусственной монолитности. На обострение любой борьбы. Вот это надо менять, и сделать это можно только через общесоциальные условия, через культуру, не иначе.

Взять хотя бы такой вопрос, как отношения между социальными и профессиональными группами, национальностями. Кому-то стало выгодным сталкивать нации, нагнетать рознь. Кому-то не терпится вырыть ров между властью и массами. Кто-то начинает упрекать крестьян, что они не могут прокормить страну. Хотя ясно, что крестьяне тут ни при чем. Любой крестьянин понимает, что при наших пространствах и вековой ухабиистости дорог хлеб и картошку нужно хранить в основном у производителя, а не устраивать ежегодные «битвы за урожай», соревнования по головопятипству. Рига, ток, амбар всегда были предметом наипервейшей заботы крестьянина, да и занятие давали ему от осени до весны. А мы со времен Сталина и поныне трясем колхозника и совхозника, кричим круглосуточно «давай-давай», словно крестьянин есть сам себе злодей и на уме у него — до зазимков весь хлеб извести.

Кто-то продолжает видеть все зло в интеллигенции, которая все делает не так, как надо, ничего путного сотворить не может — ни в науке, ни в литературе, ни в искусстве. И ее надо «свергать». Есть и такие, которые просто убеждены, что, не будь гласности, и полки были бы полны товарами, и трудились бы все лучше.

Как видите, снова поиск злых духов.

Конструктивный диалог немислим без подлинного профессионализма, иначе откуда же взяться конструктивности.

Но все ли ее хотят? Ведь конструктивность убьет некоторых — и морально, и материально. До сих пор не могу, читая газеты, отделаться от впечатления: неумение и нежелание работать приписывается кому угодно, только не себе.

Нужно работать над климатом наших взаимоотношений в большом и в малом — все одинаково важно. Интеллигенция, особенно творческая, особенно литературная, нравственно обязана тут лидировать, давать пример обществу. Я не призываю полюбить того, кто глубоко антипатичен и чьи взгляды и поведение субъективно неприемлемы. Но человеческие нормы общения должны соблюдаться!

Конструктивный диалог — не отдельный какой-то спор или дискуссия в специально отведенном помещении и в назначенный час. Он должен стать повседневным состоянием общества, его психологией и практикой. Только тогда почувствуем отдачу и в делах, и в душах, и в облике людей, и в образе жизни. На это и нацелена перестройка. Но какой же конструктивный диалог может быть без настоящей свободы! Какой же конструктивный диалог без гласности, когда общественность — на голодном информационном пайке! Какой же конструктивный диалог без демократических процедур и демократического мировоззрения!

К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ СОГЛАСИЮ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе уже дал оценку событий в Восточной Европе. Я согласен с этим анализом.

Едва ли можно оставаться равнодушным к тому, что происходит в этих странах. Процессы там разные и результаты разные, но закономерность одна: чем глубже кризис в той или иной стране, тем тяжелее оказываются последствия. Значит, преобразования серьезно запаздывали. А тревожные сигналы были — и в 1953-м, и в 1956-м, и в 1968-м, и в 1980-х годах. Особенно сложен германский вопрос, вопрос для глубоких размышлений по многим причинам. Здесь нужна особая ответственность.

И все же, товарищи, если у себя провозглашаем принципы свободы и демократии, то как же можно отказывать в этом другим!

Если хотим, чтобы советские республики были свободными и самостоятельными, то с той же логикой надо подходить и к другим странам.

Если еще в 1985 году мы провозглашали принцип свободы социального выбора, то бессмысленно изобретать сегодня некие магические рецепты остановки событий в этих регионах, да это и невозможно, и не нужно. *Это первое.*

Второе. О Платформе ЦК КПСС к съезду. Время сжато до предела. Перестройка фактически выросла из противоречий, в которые было зажато советское общество. Противоречий в общественных отношениях. Их разрешение возможно было либо на путях социального взрыва, либо через всеохватные радикальные перемены.

История фактически подарила нам шанс на мирную созидательную революцию. Политическая суть момента — сумеем ли мы этот шанс использовать. А это зависит от нас.

Но и в этом случае разрешение противоречий не может быть безболезненным, идти без издержек, без ошибок, без перехлестов. Все это мы видим сейчас в достатке, если не сказать — в избытке. И сколь бы ни было прискорбно, даже трагично, мы обязаны отдавать себе отчет в том, что в

переходный период это столь же естественно, как температура и боль при болезни, хотя, конечно, созерцательность врача тут недопустима и вредна.

Третье. Я поддерживаю проект Платформы. Если внимательно вчитаться в него — это серьезное продвижение в понимании принципов и норм социалистического общежития. На самом деле по-новому поставлены вопросы о свободе человека, свободе творчества и слова, о собственности и товарно-денежных отношениях, рынке, новых производственных отношениях на селе и социальном переустройстве деревни как приоритете политики на ближайшие годы, трудовой собственности, о политическом плюрализме, изменении всех структур власти, проблемах самоуправления. Я поддерживаю эти предложения.

Все перечисленное и многое другое еще вчера считалось злоумышленным отвинчиванием гаек на дороге социализма, а сегодня оно — в Платформе, практически входит в жизнь, потребует от нас качественных изменений в работе. Все это будет очень трудно и болезненно входить в сознание, нервировать и будоражить, ибо интересы у людей разные и надежды у них разные. А главное, потребует высочайшая компетентность, ибо только знание избавляет человека от предвзятостей, в то время как незнание — от ответственности.

Здесь говорилось, что проект Платформы делали одновременно как бы правая и левая рука. Я бы поставил это не в минус, а в плюс документу. В нем нащупана та политическая равнодействующая, на которой возможно создание здорового политического центра партии, заложены возможности для согласия и сотрудничества со всеми перестроечными силами и движениями в обществе.

Четвертое. Перестройке сейчас очень трудно. Второй день речь идет именно об этом. И сама она противоречива.

Провозгласив и начав радикальные реформы в экономике, политике, во всем образе жизни народа, она попала под огонь критики справа и слева. Для правых она недопустимо революционна, для левых — невыносимо консервативна и медлительна.

Перестройка сформулировала теоретические концепции прорывного характера — и натолкнулась на живучесть догматических настроений, на доперестроечный идеологический фундаментализм.

Она призывает к преодолению вскормленного гражданской пассивностью взаимного отчуждения — и натывается на новые волны людского ожесточения.

Она провозгласила необходимость новой нравственности, норм достоинства, чести, порядочности — а на поверхность выплеснулись аморальность, эпигонство, злобность, эгоизм.

Все это находит свое отражение в Платформе. Но, голосуя сегодня за выход с предлагаемой Платформой на

XXVIII съезд, надо в уме записать, что ее содержание не максимум, а минимум, ниже которого нельзя опуститься. Иначе будет плохо.

Пятое. Считал бы целесообразным поддержать предложения об укреплении высшей власти в стране. Или, как иногда говорят, идею президентства, встроенного в политическую систему.

Причин для такого шага более чем достаточно. И дело не только в поддержании законности и порядка, государственной и общей дисциплины, хотя это является сегодня очень актуальным. Весь мировой опыт показывает: есть всегда специфическая сфера наиболее острых и неотложных проблем внутренней и внешней политики, носящих подчас кризисный характер. Есть дела, требующие инициативы и необходимости быстрого и широкого маневра. В этом и состоит суть оперативного политического управления, которое по своим функциям, задачам, формам отличается и от того, чем призваны заниматься Съезд народных депутатов, Верховный Совет, правительство СССР.

Повторяю, потребность в такой организации высшей власти я лично вижу не в сегодняшних, а в грядущих нуждах, в требованиях нормальной жизни и нормальной, не кризисной организации политического процесса.

Шестое. Хотел бы высказаться и по такому вопросу. Нам как воздух нужны реализм, трезвость оценок, полная правда во всем. Но я не разделяю настроений паники в характеристике происходящих в обществе и партии процессов. Паника — всегда предвестник беспорядочного бегства и поражения, только в мирной жизни в этом сложнее разобраться, чем, скажем, на фронте. Как бы нам не нагнать страху на самих себя, что может привести к параличу в действиях. Опасна, конечно, политическая слепота. Но не менее опасна мистификация кошмаров. Бывает кризис перед катастрофой, но наш кризис иной. Он сродни родовым схваткам нового. Слов нет, он труден, мучителен, болезнен. При всей серьезности положения, при всем грузе проблем в экономике, межнациональных отношениях и других я не разделяю мнения, будто общество стоит сейчас перед перспективой катастрофического кризиса. Но он наступит, если сами будем опаздывать, ограничиваться половинчатыми решениями, колебаться или, упаси Господи, дрогнем.

Седьмое. Но в этих сложных условиях нам надо больше товарищества, понимания и взаимоуважения. И вообще, не кажется ли вам, что на наших последних Пленумах наряду со всесторонним анализом обсуждаемых вопросов появились крикливость, подозрительность?

Хотел бы в этой связи выразить свое несогласие и с содержанием, и с тональностью выступления товарища Бровикова. Не понял я Вас, Владимир Игнатьевич! Я Вас давно знаю. То есть понял, но это меня как раз и огорчает. Вы

хорошо ориентируетесь в делах международных, но вот так, походя, на эмоциях, а не на аргументах, по существу, перечеркиваете все то, что сделано на международной арене. Вы знаете по Польше как член ЦК, сколь трудны идущие сейчас процессы.

Конечно, едва ли целесообразно говорить о внешнеполитических результатах перестройки только в восхитительных, некритических тонах. Но то, что произошел огромный скачок к мирному будущему человечества, это — факт, признанный во всем мире. И видеть в нем чьи-то амбициозные притязания, согласиться, несправедливо, а слышать — по-человечески больно.

Если мы сейчас начнем делить партию по признаку: кто истинный, правверный сторонник подлинного социализма, а кто якобы хочет этот социализм извести, — исход очевиден. «Охота за черепами», поиски или искусственное создание «врагов» никогда не вели ни к чему хорошему.

Специфика момента в том, что перестройка, ее духовные и политические результаты ускорили процесс распада всего отжившего. Но наши медлительность, раскачка, просчеты вкупе с усилиями инерционных сил затормозили создание нового. Этот разрыв и предстоит ускоренно преодолеть. С наведением порядка, с опорой на законность, но и с форсированным введением в жизнь нового и революционного.

Помогут ли нам в таком конструктивном созидании открытия новых фронтов — будь то с интеллигенцией, рабочим классом, крестьянством или друг с другом, когда уже не раз доказано: корень проблемы в системе сложившихся отношений?

XXVIII съезд должен стать съездом сплочения и рывка вперед на базе перестройки, а не съездом раскола; съездом революционного преодоления накопившихся, чреватых взрывом противоречий.

Проект Платформы открывает нам такую возможность, возможность демократического согласия на демократической основе, а не разброда. Не упустить бы, дорогие товарищи, эту возможность. Вот в чем сейчас главный политический вопрос.

К ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Прежде всего должен ответить на вопрос, который здесь задал Сергей Павлович Залыгин: «Зачем мы сюда собрались?». Не будем лукавить: мы собрались сюда не для того, чтобы в чрезвычайном порядке внести некоторые изменения в Конституцию. Мы собрались, чтобы избрать первого Президента страны, исходя из нашего нынешнего положения, равно как и из перспективы, с тем чтобы наш демократический процесс, перестройка двигались вперед. В сущности, сегодня, в эти часы, в эти минуты мы определяем направление, по которому может и должна развиваться страна.

Сомнения, которые здесь прозвучали, и рассуждения о том, какую форму должно принять избрание Президента, у меня лично создают ощущение, что колокола нашей судьбы могут дать трещину. Я боюсь, как бы расчеты не превратились в просчеты, которые могут дорого обойтись народу и государству. Кажется, все мы убеждены в том, что встали на правильный путь, что решаем задачи стратегического характера, что страна и ее народ взялись за ломку тысячелетней российской парадигмы несвободы, решились на поворот к свободному развитию. Одновременно не жалеем самых острых обличительных слов, когда говорим о тяжелом состоянии общества, о заболевании организма, который надо лечить экономически, социально, нравственно, лечить сегодня, не потом.

Идея всенародного голосования звучит очень привлекательно. Да она и верная, эта идея. Но мы политики, законодатели, и потому обязаны отдать предпочтение конкретным, а не абстрактным размышлениям, ибо промедление может отбросить нас назад. В самом деле, зададим себе простой вопрос: необходимо ли это промедление? Какое содержание вкладывается в весьма демократическую форму всенародного голосования — поиск нового лидера или что-то еще? Всенародные выборы сегодня, я подчеркиваю — сегодня, сделают ненужным, неэффективным Съезд народных депута-

тов. У Президента исчезнет противовес, а он нужен в условиях нашей еще хрупкой, эйфорической, я бы сказал, демократии. Нужно ли это?

Не станем забывать столь быстро забываемое прошлое. Надо принять во внимание и то, что всенародное голосование будет гораздо демократичнее при многопартийной системе, а пока, по моему убеждению, логика перестройки торопит, подталкивает нас. В сущности, борьба между силами, твердо стоящими на позициях перестройки, и антисилами вошла в решающую фазу, она далеко не окончена, и этот фактор должен быть ответственно взвешен.

Говорят о нежелательности совмещения должностей. Вопрос здесь есть. Но стоит ли нам сегодня вставать на путь противостояний, подозрений, особенно в условиях необходимости объединения здоровых сил общества в целях его перехода в новое качество?

Далее. Не будем играть в прятки: сегодня речь идет об избрании Президентом страны конкретного лидера — Михаила Сергеевича Горбачева. Кажется, с этим согласны почти все. Тогда по какой же шкале справедливости и нравственности мы сегодня сначала как бы примеряем эту тяжелейшую «шапку Мономаха», а потом хотим засунуть ее в пыльный чулан? Дважды умереть и дважды родиться нельзя, давайте вместе подумаем и об этом. Но если кто-то занят поисками нового лидера, то и здесь нам следует серьезно подумать как о мотивах, так и о последствиях такого шага.

Пути назад у нас нет, а если есть, то он губителен. Введение президентства — это принципиальный переход от коллективной размытости к личной ответственности. Для каждого из нас это историческая возможность продемонстрировать личную ответственность и личную мудрость.

ГЛОБАЛЬНАЯ МОРАЛЬ И ПРАВА СУБЪЕКТА В ПОЛИТИКЕ

С загоризонтных далей истории идет непрерывная борьба за права человека, права народов. По сути дела борьба за выживание человека и борьба за его права — императивы исторического процесса в его человеческом измерении. Конечно, в разные времена она приобретала различные формы, одевалась в самые разные одежды.

Героизм и фарс, трагедии и подлость, самопожертвование и предательство, равнодушие и сострадание, жестокость и милосердие, трусость и жертвенность, лицемерие и благородство — все сплелось в этом мучительном марше человека к свободе, в трагической борьбе с самим собой.

И пока человек не сможет победить самого себя, Добро и Зло будут играть с ним в прятки, подсовывая ему химеры, иллюзии, самообманы, а правда о Человеке и его Надежде останется постоянно удаленным миражем.

Но что же тогда стоит на пути этого вечного похода в будущее? Что мешает? Почему же, с одной стороны, если брать цивилизационные измерения, мы вправе констатировать несомненный прогресс? А с другой, бесспорно и то, что у нас еще хвагает и дикости, и произвола, и насилия, и безнравственности. И наш мир — тесный, целостный, взаимосвязанный и взаимозависимый — делает эти проблемы общими, ощутимыми для всех.

Что мешает достичь радикального успеха в борьбе за достойную жизнь человека? Только ли та противоположная сторона, кем бы она ни олицетворялась, что выступает в каждом конкретном случае оппонентом свободы личности? И только ли диалектика жизни, когда, завершив один виток исторической спирали, мы выходим на следующий, новый, отличающийся, но в чем-то и похожий?

Меня не надо убеждать, что права личности, как и права народа, — вещь святая, основополагающая. Это аксиома. Более того: продвижение в этой области определяет и нако-

пление культуры, плодородного слоя цивилизованности, человечности.

Тем более не ставлю своей задачей поразить кого-либо парадоксами, которыми богата всякая борьба, имеющая свои ловушки, свои опасности. Я лишь призываю поразмыслить над вопросами: а что же такое по природе своей права человека? Не конкретное право на работу, свободу, что-то еще. А право как явление, так сказать, «право на право». Что означает борьба за это право тоже как явление, независимо от конкретной политической формы?

Хочу высказать на этот счет сугубо личную точку зрения.

Не потому ли борьба за права оказалась бесконечной и довела нас до практической возможности самоуничтожения человечества, что «право на право» — это по природе своей всегда раздел и передел?

Скажут: да, передел, но во имя большей справедливости, во имя равенства людей, во имя восстановления справедливости, попранной когда-то ранее. Не стану возражать, тем более что в большинстве случаев это так и есть. Хотя стоило бы повнимательнее присмотреться к тем не редким ситуациям, когда на самых священных и бесспорных правах спекулируют далеко не самые чистые люди.

С новым политическим мышлением, новыми процессами в Европе и в отношениях Восток — Запад в целом совершается сейчас переход к гораздо более естественным отношениям, ставится крест на «холодной войне» и ее политико-психологическом наследии. Уходит — хотелось бы верить, что навсегда, — сама возможность какого-либо серьезного военного конфликта на континенте. Это гигантский прорыв общечивилизационного значения.

Но нельзя не учитывать, что происходит все это в мире, во многих отношениях перегруженном бедами и проблемами, еще весьма несовершенном. И таким он останется на всю видимую перспективу. Законных, но неудовлетворенных, необеспеченных прав в этом мире еще слишком много. Пожалуй, в глобальных масштабах человечество никогда еще не стояло одновременно и перед такой концентрацией проблем и таким грузом фактического бесправия сотен миллионов людей, целых народов.

К чему все эти рассуждения? А к тому, что здесь я хочу затронуть достаточно деликатный, с моей точки зрения, вопрос.

Я против *борьбы* в области человеческих отношений, ибо она принесла столько горя, крови и страданий, что человечеству не под силу дальше удерживать эту тяжесть. Социальная и экологическая инфраструктура планеты может не выдержать в дальнейшем последствий насилия. Последствий и культурного, общественного плана, и чисто физических или биологических.

Говорю об этом с такой мерой убежденности и уверенности потому, что моя страна прошла через длительный и

крайне обостренный период такой борьбы. Мы и до сих пор, уже в процессе перестройки, в условиях демократизации и гласности, с трудом сдерживаем волны взаимной нетерпимости, расходящиеся еще от революционных и предреволюционных времен — а прошло почти три четверти века. Наверное, для какого-то этапа истории борьба такая была и неизбежна, и продвигала жизнь вперед. Но сегодня мы знаем ее цену, издержки, должны суметь найти эффективные и гуманные альтернативы.

Говорю и потому, что на общей нашей памяти — судьба и история советского диссидентства, во многом давшая толчок правозащитному движению. Здесь мы еще только приступаем к осмыслению этого явления. И говорить о нем трудно и из-за нервноста проблемы. И потому, что протест нашей совести в своей очистительной работе пока что ограничен трагическими судьбами одиночек, тех, для кого Добро было не только нравственной исповедью, но и смыслом жизни.

В явлении диссидентства справедливо упрекают официальную политику как первопричину. Политику, осознанно направляемую на подавление свободо- и инакомыслия, осуществляемую всеми средствами, кроме физического уничтожения. Морального оправдания преследования инакомыслящих быть не может — это политика, повернутая против всего свободного, ищущего, талантливого в своем деле. Против человека и всего человеческого в человеке. Время показало: не может такой курс не отозваться рано или поздно и глубочайшими нравственными потерями, и стратегической, долговременной угрозой для общества, народа, государства.

Но есть и другая сторона: на протяжении десятилетий репрессии, преследования инакомыслящих получали достаточно широкое одобрение в обществе. Могут получить еще и ныне. И на это нечестно было бы закрывать глаза. Причины не только в дезинформированности. Но и в исторически обусловленном уровне общественного сознания, определенного его типе. Не поняв этого, не сумеем разорвать духовные и политические цепи, еще многими и прочными связями приковывающие нас к прошлому. И думаю, что это не только наша проблема.

Просто мы сегодня необычайно открыты и самокритичны. Просто опыт наш повернут к нашему сердцу и сознанию всеми гранями сразу, и он таков, что заставляет прийти к выводу: политика не может в наше время обходиться без этического компонента. Притом такого, который играл бы в ней одну из важнейших образующих ролей. Этика политического мышления и курса в конце XX века — не гарнир к политике. Не придание ей какого-то внешнего лоска, особенно «благородного» стиля. И уж тем более не средство замаскировать ее цели, интересы, намерения.

Этичность политики — это прежде всего самая действен-

ная форма ее внутреннего самоконтроля: на какие цели направлена, какими методами действует. Этичность политики — это показатель ее человеческого содержания: не может быть этичной политика, хоть в чем-то бьющая по человеку. Этичность политики — это универсальный ключ к внутреннему и международному общению, это способность проходить через самые конфликтные узлы и противоречия, не задевая и не оскорбляя ничего достоинства, не рискуя скатиться к силовому противоборству и потокам взаимных унижений. Этичность политики — это, наконец, и средство воспитания людей, медленного, но благотворного воздействия на всех, кто соприкоснется с таким курсом. Ибо она и вводит на практике в политический оборот общечеловеческие ценности не как нечто декларативное, но как неотъемлемую часть самой политики, ее содержания и формы.

Мышление в категориях борьбы неминуемо рождает двойные стандарты. В игре с нулевой суммой любая борьба одной стороне представляется как защита ее прав, другой — как посягательство на те же права. Одно и то же явление будет представляться как тенденция международной жизни или вмешательство во внутренние дела. Как враждебная оккупация или братская помощь. Как свободная торговля или экономическая экспансия.

Мышление в категориях примитивно понятой борьбы непременно выводит и на поиск виновных. Если есть угнетенные и ущемленные, обиженные и непривилегированные — есть и их антиподы, есть и виновники такого положения. И, к сожалению, лишь тогда, когда реальные виновники или мнимые ведьмы несут наказание или даже уничтожаются — лишь тогда приходит понимание, что за острым социальным противоречием стоит не только чья-то злая воля, но и серьезная объективная проблема, подход к которой требует знаний, возможностей, времени.

Мышление в категориях прямолинейно понятой борьбы непременно выводит и на конфликт. От военных до судебных. Будем реалистами: в современной жизни мы еще долгое время не обойдемся без конфликтов. И политические, правовые пути их разрешения явно предпочтительнее всех остальных. Но и вполне реальны опасности того, что конфликты одного уровня, накапливаясь быстрее, нежели разрешаясь, способны переливаться на другой уровень, приводя к нагнетанию напряженности.

Во всех этих отношениях современный мир остается достаточно взрывоопасным. Выход, разумеется, не в отказе от прав личности и прав народов, но в том, чтобы предельно реалистически оценить: чего же именно хотим мы добиться через систему таких прав и их защиты?

Сама необходимость определять содержание и границы прав, отстаивать их родилась в мире насилия. И об этом

существенно помнить. Многое от культуры насилия еще с нами и останется с нами в предстоящие годы и десятилетия. Но мы уже вступили и в новый мир, в котором в целых регионах война ушла или уходит в прошлое, а на первый план выходят задачи развития, социально-экономического прогресса, здоровья человека, общества, природы. И тут прежние традиционные подходы могут оказаться опасно неадекватными.

Нужен мозговой штурм новых проблем — свободный, недогматический, вне системы заданных убеждений. Нужен их научно-политический анализ, объективное рассмотрение доступных вариантов поведения и решений. Нужна социально-экономическая инженерия, способная сплавить воедино и демократическое развитие, и профессиональное знание, и национальные особенности, и целенаправленное историческое творчество.

Мы не можем позволять себе и дальше плыть по течению событий. Ни бросаться в утопическое экспериментирование. Ни вести религиозные, идеологические войны. И мы обязаны направлять, насколько это возможно, все мировое развитие на благо личности, на ее защиту и утверждение — только тогда мир станет пригоден для обитания в нем человека.

Именно в этом контексте, на мой взгляд, можно рассматривать и наши рассуждения о морали в политике и глобальной морали. Если говорить не о фактической стороне дела, но о соотношении категорий, то мораль не тождественна праву, а в чем-то и противостоит ему. Право — это утилизация морали в конкретных интересах и целях. Мораль же, напротив, — попытка самоограничения своих притязаний. Она не отрицает, а предполагает права. Но предполагает и ответственное владение ими: всяким ли из имеющихся у меня прав я всенепременно должен воспользоваться при любых обстоятельствах? Всякое ли использование этого своего права я должен доводить до максимума, до крайности?

Могут возразить: рано говорить об использовании прав, если во многих и многих случаях сами эти права еще не существуют либо не гарантированы должным образом. Думаю, что такое рассуждение, как и многие другие, было вполне правомерно до того самого момента, пока горизонты нашего миропонимания не расширились. Но как только мы увидели новые взаимосвязи, пусть даже и не поняли их суть, но осознали реальность, не считаться с этими новыми обстоятельствами было бы легкомысленно. И не случайно. мне кажется, именно в контексте разговора о гарантиях прав человека как неотъемлемой части строительства общеевропейского дома и возник вопрос о глобальной морали.

Болезненность, сложность и беспрецедентная трудность единого глобального мира не нуждаются в доказательствах. В самом общем виде сложность эту можно определить так:

мир не станет стабильным, безопасным, достойным человека — тем паче гуманным и процветающим, экологически гарантированным, — пока в нем будет столь же велика, как сегодня, концентрация нищеты, болезней, бедствий, разрыва в уровнях и качестве жизни. Пока все это есть — вспышки насилия, острые кризисы и многое иное нам гарантированы. Думаю, все согласны с тем, что решать эти проблемы необходимо безотлагательно.

Но, даже оставляя в стороне крайне существенный вопрос о том, как совместить их решение со всем многообразием существующих в мире интересов, мы не можем не признать сегодня: строго говоря, у нас нет пока представлений о том, как подступиться к такому решению. Ни адекватных политических, юридических, правовых, да и подчас практических возможностей. Хотя в отдельных сферах международного сотрудничества — например в здравоохранении — накоплен очень важный и результативный опыт.

Как же подходить к этой труднейшей проблеме мирового развития? Наверное, прежде всего избегая тут каких-то механистических и фаталистических суждений, мышления и оценки в штампованных категориях, скажем, Север — Юг или чего-то подобного. Очень многое будет определяться нашими общими действиями, нашей реакцией и поведением. Будем ли мы возводить вокруг глобальных и иных проблем конфликты и размежевания или же станем разумно, рационально искать на деле доступные решения.

Наверное, однажды полученные исторические уроки должны побуждать к здравым ассоциативным выводам. Когда-то классовое деление общества, мира в целом, родившись на стыке научного анализа и житейского сословного размежевания и прямолинейно перенесенное в политику, раскололо нас на Восток и Запад. Потери и издержки от этого, которые понесли все мы — материально, духовно, да и в жизнях людских, — известны и понятны. В Европе мы, кажется, коллективно прозрели и уходим от этой конфронтации, ее последствий.

Необходимы, однако, выводы не только узкополитические. Я абсолютно уверен в том, что категорические не следует создавать психологическую почву для облегчения новых расколов и противостояний. Тенденции к тому и другому заложены в жизни, такие расколы и противоборства в какой-то степени неизбежны. Но моральные императивы в политике проявляют себя прежде всего в создании, активном использовании психологических преград враждебности, отчуждению, озлоблению.

Я бы сказал и о другом. Лишь на уровне биологических инстинктов позы соперничества, готовности к борьбе, демонстрации силы могут восприниматься как проявления решительности, мужества и чего-то подобного. На деле же ими не являются. Путь противостояния, конфликта, противоборства, насилия — это всегда путь наименьшего интеллектуаль-

ного, духовного и душевного сопротивления. Он требует самого минимума знаний, понимания, сочувствия, сострадания. А иногда не требует и этого.

Все, что составляет основы современной цивилизации, — все это рождено только на путях преодоления. Через работу души и сердца, через накопление знаний, обретение положительного опыта. Моральность политики в этом смысле — не отвлеченная проповедь добра и ненасилия. Она — в призыве к раскрытию творческого потенциала человека и человечества, в создании для этого должных политико-психологических и иных условий.

Права всегда так или иначе регулируют отношения с другими, а такое регулирование может быть успешным и гуманным только при учете позиций и интересов других. И только в отношениях с другими проявляется важнейшее внутреннее противоречие любого права: между тем, чего хочет субъект, и тем, что он реально может не в силу внешних по отношению к нему обстоятельств, но по своим собственным данным и качествам.

Притязания чаще разрушительны, нежели созидательны. А разумное, общественно приемлемое использование прав требует самодисциплины, усилий и ответственности. Призывая к моральности политики, отыскивая пути и средства обеспечить их единство на деле, мы предполагаем следующий шаг к гуманизации международных и общественных отношений.

Ибо мораль по природе своей — это прежде всего обязательство. Обязательство перед самим собой. Добровольно — что крайне важно — взятое личное обязательство перед другими. И ненасильственно утверждаемое — что тоже важно — требование общества по отношению к его членам, идет ли речь о народе или о международном сообществе. Думаю, лишь в контексте общечеловеческой морали возможно такое отстаивание прав, которое не будет выливаться в воинствующие эгоизмы.

Многому научила и продолжает учить нас перестройка. Сейчас мы острее, чем когда-либо, ощутили сугубо практическое значение нравственных ценностей, того, насколько разделяются они обществом, насколько глубоко укоренились в его сознании, психологии, культуре. Нет необходимости доказывать, что возможности свободно формировать и высказывать свое мнение, отстаивать свою позицию демократическими средствами у нас ныне на порядок выше, чем 4—5 лет назад. И как же трудно, оказывается, пробивается через эти вновь обретенные свободы конструктивное, созидательное, нравственное начало! И как, напротив, легко и быстро приспособились к демократии и гласности качества и явления, далеко отстоящие от нравственности. Как легко на проблемах, которые вчера еще удерживались под спудом административно-командной системы, вспыхнули конфлик-

ты вплоть до насилия. И слова о значимости общечеловеческих нравственных ценностей, о том, что их нельзя и недопустимо сводить к ценностям более узкого порядка — классовым, идеологическим, конфессиональным, национальным или иным, — слова эти опираются сейчас у нас на весьма богатый, непосредственный и подчас горький опыт перестройки.

Потребность в общечеловеческой морали и ценностях не требует, на мой взгляд, доказательств. Но я разделил бы это огромное поле теоретических исследований и практики на три сектора.

Во-первых, как близко или сколь далеко стоим мы от действительно глобальной морали, подлинно общечеловеческого понимания одних и тех же ценностей? И вообще, движемся ли мы тут в сторону планетарного сознания или же в противоположную ему?

Во-вторых, если такое единство хотя бы в какой-то степени уже есть — а на мой взгляд, оно существует, — то как перевести ценности общечеловеческой морали, нравственности в практическую политику, экономику, культуру, не насилья при этом их собственной природы, не впадая в опасный и в конечном счете искусственный радикализм?

В-третьих, как вести воспитание в духе общечеловеческих ценностей, глобальной морали, не ущемляя при этом чувств и интересов никаких меньшинств, поскольку каждый из нас, каждый народ и каждая религия или культура в глобальной системе отчета превращаются в меньшинство.

Думаю, мы гораздо ближе на деле к общечеловеческому пониманию нравственных ценностей, чем сами считаем. Да, в мире огромное число идеологических, религиозных систем, национально-культурных комплексов. Верно и то, что разрыв между моралью на словах и моралью в поступках может быть значительным. Например, мало людей, которые открыто считали бы благом ложь, убийство, насилие, грабеж, бездеятельность, воровство. По-разному видим мы пути к совершенству общества и человека, по-разному расставляем многие акценты. И различия эти не стоит затушевывать, преуменьшать. Но в некотором наборе базовых ценностей мы едины и всегда были едины.

Но движение к глобальной морали мне лично видится не в том, что все мы станем поклоняться одним и тем же иконам, но во все большем осознании себя одной планетарной семьей. И в сближении наших конкретных представлений о том, что и как должно быть сделано для обустройства нормальной жизни на планете.

Такое движение вряд ли окажется однонаправленным. Можно говорить, что в нем ждут нас взлеты и падения, достижения и кризисы, — и такое предположение будет справедливо до банальности. Но я бы говорил о цикличности этого процесса, обусловленной его внутренней диалекти-

кой. Не случайно же и в прошлом, и ныне процессы формирования, консолидации наций всегда шли через укрепление и рост самосознания этнических, конфессиональных групп. Понимая природу и характер процесса, мы окажемся гораздо лучше подготовленными теоретически, психологически, политически к трудным его моментам, кризисным точкам. Окажемся менее податливы на поиск виновных и более способны к отыскиванию конструктивных решений.

Мне представляется, что, обсуждая сегодня тему и перспективы глобальной морали, ее отражения в политике, надо быть самокритичными и признать, что как род людской мы еще очень мало знаем о самих себе, о мире, в котором живем, об обществе и его механизмах, о социально-историческом процессе. Развитие естественных наук за последние 200 лет, подготовившее и осуществившее все промышленные и научно-техническую революции, создало у нас мощную иллюзию богатства наших знаний, всемогущества науки, безграничных практических возможностей человека.

Это так и не так. Да, мы способны летать в космос, но десятки миллионов регулярно умирают от голода. Да, мы производим технологические чудеса, но рядом живет еще нищета в самых вопиющих формах. Да, мы поражаемся гению ума и высотам нравственных прозрений, свершившихся еще за сотни лет до нас. Но одновременно слишком часто бываем и свидетелями жестокостей, от которых содрогнулось бы самое мрачное средневековье. И нередко все это сочетается не только в одном и том же мире, но даже в одной и той же стране.

Достижения естественных наук и техники с особой контрастностью показывают всем нам, сколь большой и трудный путь предстоит еще пройти наукам об обществе и человеке. Но они же и предупреждают: нельзя на этом пути полагаться только на облагораживающую роль знаний, умений. Они — не более чем инструмент. В какие руки он попадет, на какие цели окажется направлен? И если сегодня человек безнравственный способен вызвать тяжелейшие последствия через войны, аварии, безответственность, то какие социальные, духовные разрушения сможет он произвести, окажись в его распоряжении более сильная и прикладная наука о человеке и социуме, чем сегодня?

Вот почему воспитание общечеловеческой нравственности, утверждение глобальной морали не может быть оставлено на потом, на какие-то позднейшие этапы — после того как справимся с проблемами нищеты, развития и другими хорошо известными бедами. Напротив, такое воспитание должно начинаться уже сейчас, оно должно непременно опережать другие практические дела. Опыт всей истории, который уже есть в нашем распоряжении, говорит: не преуспеет здесь — не справимся и со всеми прочими глобальными проблемами.

Не думаю, однако, что, обращаясь лишь к душе отдельно

взятого человека, мы сумеем добиться многого. Историческая роль церкви не должна недооцениваться. Но все же за две тысячи лет она не вырвала человека из греховности во многом еще и потому, что нравственное воспитание для каждого поколения начинается всякий раз как бы заново. К человеку обращаться необходимо. Но этот призыв должен опираться на соответствующую политику. Отправной точкой таких перемен должны все более становиться соображения морали. Не абстрактной, не пуританской, не дидактической. Морали, поставленной на твердую основу жизненных реалий и возможностей. Но все же морали.

Мы уже пережили, в историческом смысле, упор на интересы как мотивацию политики. И знаем, что с интересами необходимо считаться, но их абсолютизация приводит либо к политике баланса сил, либо к эгоистическому меркантилизму, равно дегуманизирующим и человека, и общество. Мы подходим, мне кажется, к порогу здравого смысла и в политической канонизации идеи прав личности, прав народа. Не защитив личность, невозможно построить нормальное человеческое общество. Равно как не защитив основные права народов, трудно рассчитывать на стабильность и безопасность международной системы.

Но и здесь абсолютизация может породить исторический миф, ибо мотивы, движущие человеком, куда многообразнее интересов и стремления к самоутверждению. Самые глубокие и сильные мотивы, самые плодотворные творческие порывы, неукротимое стремление к самосовершенствованию связаны с моральными убеждениями. И в практике, и в понимании ее конец XX века выводит нас на этот уровень рассуждений, задач, действий. Сегодня этот момент — важнейший в историческом движении по пути к возрастающей свободе личности. Той свободе, которая определяется возможностями самореализации человека: сочетания того, в чем он хочет самореализоваться, и того, что доступно ему на практике.

В мире авторитарности самореализация возможна преимущественно через насилие. Все остальное может в любой момент оказаться раздавленным, обрекая на разрушение и личность, ее стремление раскрыть себя. Отсюда и импульс к правоборческой деятельности. Но в этих условиях правоборчество — лишь попытка противостоять Злу его же собственными средствами. Если нет в данный момент других средств, можно действовать и так, понимая, однако, их природу, внутренние, органические пороки этих средств.

Но чтобы человек реализовал себя как личность не в насилии, не в погоне за властью реальной или иллюзорной, нужны такие возможности в обществе, которые вели бы к постоянному возрастанию чувства собственного достоинства, которое одно голько и рождает и потребность, и способность к осознанной самореализации, а не к слепому следо-

ванию инстинкту. Личное достоинство — это и гражданское самосознание человека; и его внутренняя свобода; и способность испытывать причастность ко всему происходящему в мире, сопереживать и соучаствовать в нем.

Такова или примерно такова цепочка главных связей и зависимостей, как она мне представляется. И закончить хотел бы еще одним тезисом: во всем, что касается вопросов морали, нравственности, реальных и подлинных ценностей, мы должны не терять времени в делах. Но при этом и настраивать себя на очень долгий и кропотливый труд, на самые долговременные процессы, ход и результативность которых определяются поколениями. Попытка как-то идеологизировать эти процессы не просто неэффективна. Такая попытка была бы разрушительна для самих целей наших общих начинаний. Разрушительна потому, что и моральные императивы, и нравственные общечеловеческие ценности превращались бы в своего рода моду, в расхожие политические одежды, которые легко сменить при малейшей перемене погоды. Такие нормы и понятия окончательно освобождали бы человека от всякой ответственности за свои слова и дела — ответственности внутренней, перед своей совестью, своим самоуважением и достоинством прежде всего. А нужны-то как раз внутренняя самодисциплина и ответственность.

Иными словами, каким будет наш будущий дом, зависит только от нравственного облика его хозяев. Мы входим в воду, глубины которой даже не представляем себе. Но плыть необходимо, и я желаю всем оказаться хорошими пловцами.

БОРЬБА СУЩЕСТВУЕТ РАДИ МИРА, НО НЕ МИР РАДИ БОРЬБЫ

— *Реальный социализм не выдержал проверки временем. Говорят даже о его крахе. Как считаете вы: есть ли будущее у этой идеи?*

— Проблема сложная, до крайности запутанная. И в теоретическом, а особенно в практическом плане. Да и схоластические споры о дефинициях мне изрядно претят, ибо уводят от проблем реальной жизни.

Но поскольку вопрос задан, попробую ответить, а вернее высказать свою точку зрения. Начну с вопроса: а был ли тот «реальный социализм» социализмом? Без честного ответа на него мы будем еще долго блуждать в потемках, в лабиринтах схоластики, находиться в плену искаженного сознания, в плену идеологии, а не фактов, обманывать друг друга.

Конечно, если называть социализмом то, что хочется так называть, — тогда другое дело. Ну а по совести?

Думаю, нужно говорить об ином. То, что потерпело разные формы неудачи, социализмом, конечно же, не было.

Но означает ли этот факт «смертный приговор» самой идее? Думаю, нет! Социалистическая идея у начала ее — не что иное, как попытка переосмыслить вековечные общечеловеческие идеалы и ценности, пути их осуществления, воплощения в жизни в контексте общественного формирования человечества, особенно в контексте промышленной революции, глобальной индустриализации, новой социальной структуры общества и так далее.

И надо признать, что многое из этого переосмысления вошло и в мышление, и в практику XX века. Что-то — под влиянием нашего опыта. Что-то помимо нас, или даже вопреки нам, но вошло.

Но многое было отвергнуто жизнью. Например, Маркс говорил, что революция одновременно произойдет в нескольких развитых европейских капиталистических странах. Этого не произошло. Революция случилась в России, да и то по удивительному стечению обстоятельств. Маркс говорил,

что капитализм — это гнивающее общество, которому противоестественны научно-технический и социальный прогресс и все другое. Ничего такого нет. Маркс выдвинул утопию бестоварного производства. Жизнь доказала, что только на основе закона стоимости в условиях конкуренции эмпирически определяются общественно необходимые затраты труда при производстве того или иного товара. И не только это.

Но не здесь главное. Жизнь многое поправляет. Проблема в другом — с Россией проделан социальный эксперимент, как говорится, на скорую руку. Совершена попытка на ходу сконструированную модель нового общества втиснуть в условия, явно для социализма неподходящие. Недаром потребовались средства террора для насильственного насаждения нового уклада жизни. Отсюда выросли сектантство и монополия на толкование социалистической идеи.

В сущности же, вывод, исторический урок, на мой взгляд, очевиден: социалистическая идея принадлежит всему человечеству, а не какой-то отдельно взятой стране, обществу, партии, вождю. Здесь нет места чьей-то монополии на предписание пути прогресса, на утверждение его критериев, на суждение о том, есть он или нет. Каждый, кто разделяет его идеалы и цели, вносит в их достижение что-то свое. Мы попытались быть монополистами и сектантами — жизнь нас за это жестоко наказала и наказывает до сих пор.

Послушать некоторых нынешних партийных идеологов, произрастающих на борьбе с общественными преобразованиями, то получается, что лучше того общества, которое было, и быть не может. Да в этом и нет их вины, если отложить на минутку в сторону личную мораль. К такой системе мышления привело то, что общественная наука была превращена в партийную идеологию, которая служила целям коллективной психологической мобилизации в борьбе за власть.

Демагогическая идеология — это религия всех тоталитарных режимов. Она не терпит диалектики, ибо не признает никакого диалога, только монолог, диктат, диктатуру идеи, издевательства над свободной сущностью человека. Любая идея, даже-просвещенная, если ослепляется догматизмом, то обращается в идеократию, т. е. в диктатуру идей, в инквизицию, преследование инакомыслия. Только свобода диалектична. Только она признает диалог, разговор. Кстати, и слово «парламент» означает разговор. Признает оппозицию и нуждается в ней. То есть постоянную и обязательную свободу сказать «нет», свободу тезиса и антитезиса, дабы договориться.

У самой идеи будущее есть. Но для понимания этого нужно честно взглянуть на самих себя, разобраться во всех перипетиях нашего сложного и трагического пути, в нынешнем своем состоянии. Разобраться по-научному строго и

нравственно безупречно. Никакие клятвы в верности неким принципам такого понимания не заменят, они лишь еще больше дискредитируют социалистическую идею.

— *Теория и практика социализма оказались далеки друг от друга. И все же, что, на ваш взгляд, дала человечеству практика социалистического строительства в разных странах мира? Чем обогатила общемировой опыт?*

— Прежде всего, победа социалистического экстремизма, сталинистско-троцкистской его версии, которая жива еще и до сих пор, заставила всерьез задуматься те правящие классы на Западе — а также и социал-демократическое, рабочее движение, — которые раньше каждый по-своему стояли на позициях собственного твердолобого сектантства. Результат известен: многое из теории, этики, конкретных предложений и требований, идущих от социалистической идеи, воплощено там в жизнь. И сами эти процессы, тем более результаты, на мой взгляд, необратимы. Думаю, от этого выиграет опыт мирового развития в целом.

Далее, считаю существенным то, что практика социализма, к сожалению, через трагический опыт, вывела нас на понимание роли и значения нравственного, этического начала в общественной жизни. Опытом продемонстрировано, что теория, равнодушная к нравственным вопросам, практика, отбрасывающая их как досадный пережиток слабохарактерности, в конечном итоге не только вопиющим образом обращаются против человека, но и разрушают, взрывают изнутри то самое общественное здание, которое вроде бы строили из лучших побуждений. Исторически нежизнеспособны любая практика, любой общественный порядок, фактически не служащие человеку. Как бы они при этом себя ни называли, какими бы побуждениями и теориями ни руководствовались.

Но что всего больше дискредитировало практику социализма, это насилие, которое было признано «повивальной бабкой» истории. Вытекало это из довольно прямолинейного изображения процесса борьбы противоречий как преимущественно антагонистического.

Нет ни одного произведения Маркса, в котором категория противоречия и закон противоречивости вещей, процессов и явлений не находили бы своего отражения. Но, к сожалению, он всякое противоречие в той или иной степени понимал как антагонизм. В частности, ему и принадлежит термин «антагонистическое противоречие» (во втором черновом варианте «Капитала»). Это значит сильноразвитый конфликт, требующий своего хирургического разрешения.

Гегель при всей своей любви к античным символам и аллегориям и при глубокой симпатии к Гераклиту не увидел глубочайшего символа лука и лиры, в котором Гераклит показывает, как из противоположностей рождается гармония.

Лук есть система противоборствующих сил, и чем сильнее напряжение отталкивающих полюсов, чем туже лук, тем он лучше. Уменьшить или уничтожить сопротивление обоих концов лука — значит уничтожить и сам инструмент, но тетива лука может превратиться в струну лиры. Лира построена на том же принципе, что и лук. Она есть многострунный лук, как и всякий струнный инструмент, преображенный и сублимированный лук.

Принцип лука применяется во всяком строительстве, и прежде всего в архитектуре. Она строится на противодействии сил, на контрформах и арках, и само слово «арка» означает лук. На том же самом принципе гармонии и противоборствующих сил построена вся техника и в сущности все наше бытие, начиная от атома и кончая Солнечной системой, Вселенной. Еще Плутарх писал о том, как многозвучна и многообразна, согласно Гераклиту, гармония космоса, подобно гармонии лиры и лука. Лук и лира в своем принципе тождественны и все же противоположны, как жизнь и смерть, ибо лук несет смерть, а лира — радость жизни.

Маркс предпочел только лук. В «Коммунистическом манифесте»: «...Угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов».

Ничего себе! Или революционное переустройство, или общая гибель борющихся.

Борьбу противоположностей марксизм абсолютизировал, а гармонию противоположностей он просто-напросто игнорировал. В конце концов цель борьбы противоположностей есть мир и гармония, без этого борьба губительна. Конечная цель и смысл противоречия есть разрешение самого противоречия, и без этого получается просто бессмыслица, ибо борьба существует ради мира, но не мир ради борьбы. На этом важнейшем диалектическом принципе покоится вся античная и христианская этика гармонии мира и любви.

Вошла в практику идея той самой перманентной революции Троцкого, которой всегда следовали большевики. С тех пор, когда они вышли на баррикады первой русской революции, они все время воевали. Сначала с царизмом, потом — с либерально-буржуазным Временным правительством, а затем — с собственным народом. Итоги этой борьбы ужасны: уничтожен класс крестьянства, аристократия, купечество, интеллигенция, целые нации. Беспредельна глубина экологического разрушения.

Практика сталинизма породила антиценности: физические расправы вместо соревнования идей; жесточайшие репрессии; внедрение примитивнейшей идеи уравнительности, убивающей творческое начало в человеке; разрушение нравственности ложью; целенаправленное воспитание раз-

двоенности личности как способа ее существования; мифологическое сознание, основанное на массовом идеологическом шаманстве; предельное унижение достоинства личности условиями ее существования; эксплуатация надежды на будущее, обернувшаяся бесконечной чередой обманов; доносительство, возведенное в ранг государственной морали.

Все это и породило непереносимость, постоянную жажду найти виноватых, прощтрафившихся перед властью, партией, патологическую ненависть любого аппарата к «так называемой демократии». Все это возрождает и старые средства: проработки, доносы, заушательство, ложь, слухи, угрозы и прочие прелести сталинизма. Конечная цель — вернуть людям страх и удерживать власть.

Впрочем, оставим вопрос о том, какова была практика, — тут в принципе многое ясно. Понятно сейчас, что в основу ее была заложена наиболее примитивная из всех возможных моделей грядущего. Понятно, что критерии социалистичности были выбраны на основе скорее прямолинейного отрицания, известного ранее, нежели на базе каких-то действительно глубоких размышлений. Очевидно сегодня, что не может быть науки о том, чего еще нет в природе, — о коммунизме. В противном случае наукой пришлось бы признать и астрологию, и хиромантию.

И все же мы все — и наша страна, и мир в целом — обрели новый опыт. Если выделять в нем главное, я бы вычленил три аспекта.

Первый: не доводить дело до конфронтации и противоборства, до гражданских войн. Реформы должны стать неотъемлемой частью жизни. Возможная плата за новые всплески и волны консерватизма и реакции человечеству уже не по силам.

Второе: не спешить с великими планами социально-исторической инженерии. Для них у рода людского еще слишком мало и знаний, и средств. Такие планы сегодня — гадание на кофейной гуще. Делать то реальное, что можно и нужно сделать для действительного улучшения жизни человека.

Третье: не отказываться от назревших социальных начинаний. Но руководствоваться заповедью «Не навреди!». Знать и использовать все накопленное человечеством богатство опыта, науки, решений.

— *Крупнейшие умы современности называют социалистическую идею одной из самых новаторских и перспективных в новейшей истории. Разделяете ли вы это утверждение или нет? Почему?*

— Когда речь идет о самой идее, разделяю. Но на этом не останавливаюсь. И вот почему. Исторически социалистическая идея очень многое взяла из прошлого. Прежде всего гуманистическую направленность, цивилизационную устремленность. Когда Энгельс сравнивал социализм и раннее

христианство, за этим стояли не только отдельные, хотя и существенные сходства. За этим — и определенное родство в качественных этапах исторического развития человека, его сознания. Тут огромное поле для очень плодотворных размышлений и исследований. Это первое.

Второе. В чем, собственно, новаторство идеи? Для времени ее рождения — в первую голову в том, что она вручила судьбу человека самому человеку. Социалистическая идея сказала: общественная жизнь подчиняется своим законам. Познай их, научись ими пользоваться. В этом — новаторство идеи. Нравственный, этический ее заряд — это возрожденные идеалы раннего христианства, поднятые на уровень знаний и понимания XIX века.

Третье: а в чем ее перспективность? На мой взгляд, в том, что она открыта приращению социального и общего знания, опыта человечества. Открыта развитию. В том, что она психологически, теоретически и практически готовит к новому положению человека и цивилизации: тому, когда все мы полностью и окончательно осознаем себя мирсогражданами, пассажирами Земли, но творцами своей судьбы, которая и дальше будет противоречива и не свободна от дураков.

Я думаю, пора все больше и тщательнее задумываться над перспективой мирсогражданства и через нее смотреть на сегодняшние наши проблемы, на пути и средства их решения. Давайте вспомним, как антиклерикально настроены были все передовые умы Европы на протяжении двух последних веков. И в России эти настроения тоже были сильны. В атеизме виделось средство духовного раскрепощения, освобождения человека.

Но атеизм воинствующий, государственный, разрушающий церкви и старую культуру, убивающий ее носителей, — такой атеизм обернулся еще худшим порабощением — и духовным, и практическим.

Не получится ли так и с некоторыми сегодняшними процессами? Демократия — путь освобождения от произвола тоталитарной власти. Но и она не свободна от авторитарных поползновений. Любые претензии на универсализм решений опасны.

Перспективность социалистической идеи в том, что она побуждает мыслить во всех направлениях прогрессизма. Но, конечно, никак не предопределяет ни того, что такое размышление состоится, ни его результатов. Человечество проходит сложнейший путь от какого-то предысторического «стада» до цивилизации — то есть становления личности как исторического явления, осознания обществом самоценности и значения личности, — и далее к обществу, построенному на основе внутренне и социально свободных, ответственных и просвещенных граждан.

Если взять мир начала XX века и мир конца столетия, нельзя не видеть, что элементы социалистичности в той или

иной степени утверждаются повсеместно. Коллективная и общественная собственность. Социальная защищенность человека труда, разных слоев населения. Права личности, права народов. Развал колониализма. Ограничение всевластий монополий. Нормальные социалистические ценности проникли и в духовный мир современников, и в практику, но только не по рецептам догматизма. Мировая практика подтверждает постепенное нарастание социалистичности как общечеловеческой ценности.

Иное дело, что социализм — не тот или иной набор формул и решений, но прежде всего результат. И мерить его надо свободой человека, его возможностями реализовать себя, уровнем и качеством его жизни. А главное, чтобы такую оценку выносил сам человек, сам народ, а не кто-то от их имени.

— *Как вы относитесь к преобразованиям в Советском Союзе? Как оцениваете идею гуманного демократического социализма и принципы нового мышления?*

— Считаю такие преобразования абсолютно необходимыми, запоздавшими на десятилетия. Они спасительны.

В то же время сегодня пора уже разделять идею обновления и практику преобразований. Практика никогда не может быть оживлением «чистой идеи». На мой взгляд, преобразованиям сопротивляются сегодня два качественно разных слоя прошлого.

Один очевиден: это все те люди и структуры, которым преобразования невыгодны. И то, что во главе фракции сопротивления перестройке встали отдельные лидеры КПСС, закономерно. Потерять авторитет голой власти без ответственности и не суметь приобрести власть авторитета — это трагедия политического движения. Но гонимые страхом очень опасны, они не ведают, что творят.

Другой слой прошлого не на поверхности. Но тем сильнее и опаснее. Сталинистская система законсервировала, а во многом и оживила многие худшие стороны самодержавия. И сегодня они, к сожалению, с нами — выросшие, окрепшие, набравшие сил, опыта, ума-разума. Имперская психология и мышление. Чванливое, коррумпированное, презирающее людей чиновничество. Обезличка всего и вся, ведущая к общенациональной утрате чувства личного достоинства человека, коллектива, фирмы. Многое иное.

Потому-то практический ход преобразований и поставил страну перед кризисом, заставил многих засомневаться, даже ужаснуться: то ли делаем, что надо? Но если из вскрытой раны вытекает масса гноя, это не аргумент защитить ее и отказаться от лечения. Доходят же некоторые функционеры до обнаженного аморализма, сравнивая результаты перестройки с фашистским нашествием. Можно, конечно, долго спорить, как бы пошло развитие в ином случае, доказывать, что исторически страна все равно вышла бы на обновление,

но все это теперь разговоры, не более. Начиная реформы, М. С. Горбачев взвалил на себя не только тяжелейшую задачу, но и груз неблагодарности, раздражения, мишени для публичного поношения со стороны многих бездельников и бесталанностей. Мне кажется, можно не разделять в чем-то или даже во всем подходов Президента. Можно критиковать, но нельзя не уважать лидера, избравшего путь демократического обновления, возрождения страны. Все это — тоже необходимая часть возрождения политической культуры.

Принципы нового мышления почему-то были восприняты в нашем обществе как очередная внешнеполитическая доктрина. Это так, но и не так. Они приложимы не только к внешней, но и к внутренней политике. С точки зрения принципов, общих подходов, политической философии здесь вообще не может быть разрыва. И они — не нечто законченное, а именно принципы мышления, политического миропонимания, которые нуждаются в продолжении и развитии.

Мы вообще стоим на пороге большого теоретического прорыва в том, что касается общества, истории, социальных процессов, судеб мира и человечества.

4. Стратегический выбор

ПЕРЕСТРОЙКА В ЗЕРКАЛЕ ПРАКТИКИ

Готовясь к этому выступлению, долго размышлял над тем, какие слова способны вобрать в себя, отразить, верно охарактеризовать политико-психологическую специфику времени, реакцию людей, коммунистов на текущий этап перестройки, на сложности работы сегодня. Думаю, что такими словами могут быть «непривычность и сложность ситуации».

Непривычна сама центральная задача перестройки, которая впервые встала в мировой практике именно как всеобъемлющее обновление общественных отношений. Непривычно признание острейшего кризиса, охватившего экономику и общество, социальную сферу и партию. Непривычно осознание, что после десятилетий словесной тухли, автославословия, высокомерного отношения к опыту, подходам, взглядам других обнаруживается, что и по объемам производства мы уже третьи, а не вторые в мире, а по качественным социальным показателям входим даже не в первый, а в пятый-шестой десятков государств. Непривычно и откровенное неприятие определенной частью общества начатых преобразований.

Нет, далеко не однородно наше общество, далеко не едины наши помыслы. Много еще людей, привыкших к уравнилельно-иждивенческому, безличностному и бездуховному существованию. Тех, кому не нужны ни свобода, ни инициатива, ни возможность самовыражения и самореализации. Непривычно и то, как ищем мы ответы, решения в нынешней бурлящей и кипящей жизни, то, как всколыхнулась основная масса населения, как растеклась она на ручьи, ручейки и потоки, какие конфликты и водовороты страстей и идейных столкновений породила при этом.

Непривычна реакция внешнего мира, где друзья и союзники вдруг за считанные дни становятся внешне трудноузнаваемыми, а те, кого мы по традиции склонны считать еще

противниками, заявляют о поддержке перестройки. И, наконец, непривычен весь облик партии, атмосфера в ней и вокруг нее. Не просто партии в целом, но именно нынешнего поколения коммунистов, нынешнего состава руководства всех уровней, которым выпало на долю нести моральную и политическую ответственность за все издержки давнего и недавнего прошлого. Кому поделом, кому незаслуженно, но выпало всем. КПСС и ее штабы оказываются под огнем, а в самой партии, как всегда бывает, когда встает вопрос об ответственности, обозначается несколько течений, крыльев и подходов. Такова картина непривычного, таковы его масштабы, его, я бы сказал, всеобъемлемость, такова недолимаемая мощь жизни. Что же делаем в этой обстановке мы с вами, как себя ведем, как говорим и действуем, чего ожидаем?

Психология привычного еще не преодолена. Слишком часто стремимся мыслить в прежних подходах и категориях, лишь минимально, нередко механически, приспособлявая их к нашим условиям. Слишком часто ждем, что кто-то «умный и авторитетный» даст магическую формулу, ответы на все вопросы, указания на любые случаи жизни. Этот разрыв между революционностью, непривычностью нового и тяготением психологии к привычному в общем-то естествен для человека и объясняет многое в текущей жизни. Ясно проявился он и в реакции коммунистов, общественности в целом на предсъездовскую Платформу ЦК КПСС, принятую февральским Пленумом.

Идеальна ли Платформа именно как программа действий? Конечно же, нет. И не только потому, что ничего идеального вообще не бывает. Платформа — один из результатов перестройки, в этом ее сила, но в этом же и первопричина ее недостатков. Платформа выросла на информационном поле перестройки, откровенного анализа положения дел, из новой общественной атмосферы, что стала возможна тоже благодаря перестройке. И, разумеется, из ее практических дел, из всего, что удалось сделать, как и из того, что пока не получилось или вышло не лучшим образом.

Иногда говорят: пять лет — немалый срок, почему же практические итоги перестройки пока скромнее, чем ожидали? Но давайте спросим себя: ожидалось кем, когда и на каком основании? Ясно, что многие такие ожидания формировались еще под определяющим воздействием психологии, представлений, атмосферы доперестроечного времени, когда многим совершенно искренне казалось, что достаточно внести кое-какие коррективы в существующую практику, и дело пойдет. При тогдашней информированности, тогдашних представлениях такие ожидания были хотя бы понятны. Но сегодня мы обязаны отдавать себе отчет: болезни экономики и общества запущены слишком сильно, серьезных проблем накоплено чересчур много. Вопрос стоит так: сохра-

нить и приумножить достигнутое — уровень жизни, социальные завоевания и гарантии, социальную защищенность человека. Сделать это сможем, только если в корне перестроим всю организацию самой жизни. И лишь когда создадим экономический фундамент нового качества общественных отношений, только тогда сможем двинуться вперед. Такова реальность.

Если бы не перестройка, эта реальность обрушилась бы на нас социальным кризисом небывалой остроты и интенсивности. Когда и как именно, сказать трудно: дело прошлое, но чем позднее, тем разрушительнее был бы такой кризис. Думаю, что в иных обстоятельствах без перестройки мы оказались бы не готовы к нему ни политически, ни интеллектуально. Теперь мы получили выигрыш во времени, исторический шанс, позволивший не только выработать адекватный ответ, но и предотвратить сползание к худшим для человека стадиям самого кризиса. И мы обязаны этот шанс использовать.

Чуда не будет. Только компетентная и кропотливая работа способна продвинуть нас вперед. Вера в чудо, ставка на него способны обернуться только одним — насилием. От желания насадить это чудо, которое никак не желает появляться, или же от досады, что оно не приходит.

Изначальная социалистическая гипотеза, с которой предки наши шли в 17-й год, в какой-то и в очень немалой степени была верой в такое чудо и ставкой на него. Именно верой, потому что очень скромны еще были и знания людей, и материальные возможности общества. Но сегодня достаточно знаний хотя бы для того, чтобы понимать их ограниченность. Сегодня иные возможности, иные условия — внутренние и внешние. Есть уже опыт. Если в этих условиях мы предпочтем знанию — догмы, честному взгляду на вещи — лгущий самообман, личной ответственности — очередной поиск виновных, на будущее рассчитывать трудно. Нас обойдут другие общественные силы.

Главная формула сегодня — объединить все здоровое, трезвое, ответственное, работающее и совестьливое, что есть в стране.

Да, не закрывая глаза на расхождения во взглядах и подходах.

Да, допуская, что в одной партии и даже в одной организации окажутся рядом консерватор и радикал, сталинист и перестройщик.

Да, понимая, что наше общество во всех направлениях прорезали межи несогласия, противостояния и конфликтов.

Не наивен ли такой призыв? Не отдает ли он в какой-то мере маниловщиной? Нет, убежден: он отражает острейшую потребность общества, потребность в единении на основе многообразия.

Мы должны научиться жить, работать, сотрудничать друг с другом. Уважать чужое мнение, искать цивилизованные формы ведения и разрешения наших споров и разногласий.

Но нельзя же быть вместе с антиперестройщиками, с консерваторами, как утверждают некоторые. Да и заработало индивидуальное честолюбие, иногда и тщеславие. Однако не сомневаюсь, отпусти мы в своей душе последние регуляторы — и размежевание пойдет куда быстрее самой перестройки, ибо психологическая атмосфера для него сейчас весьма благоприятна.

Искушение объяснить беды и проблемы людские деятельностью каких-то лиц велико, у него мощные исторические, психологические корни, да и виновные на самом деле были и есть. Но мы не вправе забывать: судьба перестройки в самом прямом смысле слова сегодня зависит от того, насколько энергично пойдут за ней все те, кто действительно составляет опору общества. Насколько поверят в необходимость преобразований не единицы или тысячи, но десятки миллионов людей — профессиональных, компетентных, инициативных, из самой гущи жизни, тех, за чьими спинами семья, кто, следовательно, научен хорошо и реалистически просчитывать все жизненные варианты.

Разумеется, я не призываю лобызаться с теми, чья взгляды и поведение не вызывают симпатий, но если рамки закона соблюдены, все остальное должно строиться в цивилизованных формах, а уяснение каких-то разногласий можно отложить. В этом в конце концов и заключается искусство компромисса, без которого невозможно строить нормальное человеческое сообщество.

Для меня было очевидно, что проект Платформы подвергнется критике с обоих флангов, но в данном случае такой политический баланс скорее плюс, указывающий на возможность широкой общественной консолидации. Что же касается конкретного содержания документа, естественно, он открыт для конструктивной доработки. Главное — научиться сотрудничать со всем обществом, взаимодействовать со всеми его частями.

Вопрос стоит так: все, что есть в обществе здорового, все, что в нем рождается нового, перспективного, — все это должно находить отражение и выражение в партии. Иное просто невозможно. И поскольку сегодня мы понимаем, что общество будет завтра сложнее, а не проще, способность интегрировать все новое, предвидеть и предвосхищать его появление становится важнейшим политическим условием консолидации.

Думаю, проект предсъездовской Платформы КПСС предоставляет возможность широчайшего конструктивного диалога, практических дел на его основе, консолидации общества в процессе самообновления.

* * *

Вопрос: Не кажется ли Вам, что М. С. Горбачев потерял «волшебную палочку» — веру народа в него? Он сегодня не мил и правым и левым, и консерваторам и демократам, и верхам и низам. В таких условиях человек обречен на поражение, даже будь семи пядей во лбу. Так не лучше ли уйти самому, пока история не «уйдет» его?

Ответ: Не думаю, что дела так уж плохи. Мне кажется, нет оснований так говорить. В стране идет сложный процесс. Нашу психологию корежит жуткое состояние народного хозяйства. И не только, может быть, положение в магазинах, но и безхозяйственность, ставшая, видимо, еще больше, чем раньше. Мы начали с экономической реформы, полагая, что, когда она пойдет, на каком-то этапе подключим реформу политическую. Так и было сделано, но в экономике, к сожалению, ничего не произошло. И разрыв между ходом политической реформы и отставанием экономической образовал ту «черную дыру», в которой оказались и теневая экономика. и безхозяйственность, и разгильдяйство, и лень.

Вторая серьезная ошибка допущена в финансовых делах. Сбесившиеся деньги пожирают все. И не только товары, но и власть. Производство товаров не уменьшилось, а даже увеличилось. Но все съедает денежный монстр.

Правительство сделало крупную ошибку и в законе о предприятии, о его самостоятельности. Поторопились и с выборами руководителей заводов и фабрик. Групповой эгоизм повел развитие в сторону: к падению дисциплины, стремлению получать незаработанные деньги и т.д. Не были достаточно продуманы экономические регуляторы и стабилизаторы, которые должны предохранить страну от сползания вниз и появления огромных средств, не обеспеченных товарами.

Думаю, запоздали мы и в реализации аграрной политики. Преобразования здесь надо было сделать, как только родилась идея перестройки. Было ясно, что сельское хозяйство находится в кризисе, но решение проблемы откладывали со дня на день.

Считаю, что раньше следовало бы провести реформы закупочных и розничных цен. Нигде нет таких дешевых продуктов питания, таких дотаций в сельскохозяйственную сферу для поддержания низких цен за счет государства, как у нас. Нечего ждать какой-либо эффективности от народного хозяйства, пока используются такие дотации. Они ведь и порождают теневую экономику, и безхозяйственность, и прочее. Если же прибавить к этим ошибкам то тяжелое наследие, о котором мы, клянусь Вам, не знали, — имею в виду не только финансовое состояние, но и всю экономику, — то представьте, сколь тяжел доставшийся клубок проблем.

Вопрос: Что нового, точнее, опережающего содержит проект Платформы?

Ответ: Само признание политического плюрализма — огромный шаг, первый в нашей истории. А разве признание разнообразия форм собственности — не продвижение? А признание необходимости новых производственных отношений в деревне, включая и семейное хозяйство? Что касается опережающего, его иногда путают с выдуманным. Это оратор может выдвинуть ряд опережающих идей, а в серьезной политике так не бывает. Надо все соотносить с реальной ситуацией.

Вопрос: Обсуждался ли на Пленуме резерв на Генерального секретаря ЦК КПСС?

Ответ: Нет.

Вопрос: Какой видится роль Председателя КПСС?

Ответ: Вижу на этом посту лидера, отвечающего за стратегическое направление партийной деятельности. А повседневной организационной работой должен заниматься Секретариат или Президиум ЦК, как решит съезд. Хотя в Платформе сказано о роли Председателя, но это тоже может быть предметом обсуждения.

Вопрос: Какой должна быть перестройка в системе подготовки партийных кадров?

Ответ: Выскажу свою точку зрения. Думаю, что Академия общественных наук (АОН) в обновленной партии должна стать центром исследовательской работы, мыслительной деятельности. Общество должно иметь серьезную прогностическую службу, а значит, и социологическую. АОН должна работать по заказам, направлениям, как это делается во всем мире. В ИМЭМО, где я раньше трудился, для каждого проекта создавался свой коллектив, привлекались ученые со стороны. Мне кажется, все должно строиться на принципе конкретной личности и ее творческой способности. Нужно, скажем, иметь в институте не 300 ученых-философов, а всего 20 организаторов, которые должны объединять научные силы для выполнения тех или иных задач. Почему у нас один журнал «Вопросы философии», один «Вопросы экономики»? В США, например, десяток философских или экономических журналов. Конечно, тираж у них не очень большой, но это и неважно. Не обязательно получать прибыль от научных изданий, это даже нелепо. И в этой связи я категорически против того, чтобы науку, особенно общественную, ставить на хозрасчет, как и культуру. По-моему, это несусветная глупость.

Вопрос: Какой смысл Вы вкладываете в понятие «доперестроечный идеологический фундаментализм»?

Ответ: Это — догматизм. Он, по моему глубокому убеждению, является одной из самых серьезных причин деформаций, которые мы пережили. Наши отцы и матери шли на Октябрьскую революцию со святыми чувствами справедли-

ности и свободы. Но теория была создана до Октября 1917 года. Свершилась революция, и В.И. Ленин показал примеры того, как нужно применять методологию на практической почве. Он быстро менял те или иные положения, не страшаясь, что его обвинят в ревизионизме или еще в каком-то «изме». Потом мы стали канонизировать учение, сделали его неподвижным, объявили абсолютно и вечно верным. И тем самым нанесли огромный ущерб общественной теории. Омертвили, задогматизировали ее на долгие годы. Сейчас для нас главное — если хотим социалистическую идею сохранить и развить — очень четко разделить утопическое и реальное в марксизме, усвоить основное — идею развития, методологию, анализ.

Вопрос: Каково Ваше отношение к тому, чтобы заменить принцип демократического централизма в построении партии так называемым демократическим единством?

Ответ: Дело в том, что централизм был, но демократия отсутствовала. В Платформе ЦК говорится о том, что акцент надо сделать именно на демократичности данного положения. Однако как избавиться от такого принципа с ходу, не очень представляю.

Думаю, следует принять такой порядок: можно и надо критиковать, спорить, иметь платформы, защищать позиции меньшинства и считаться с этим, идти на компромисс в выработке решений. Словом, должно быть самое широкое многообразие мнений. Иначе не выживем. Но коли приняли решение, его следует выполнять всем.

Что касается демократического единства, то даже лексически это очень уязвимое понятие. Тем более что в последние годы мы все время только и говорили: единство, единство, единство... А на практике оно выродилось в искусственную монолитность и монополизм власти, это провозглашаемое всеми дружно единство.

Вопрос: Недавно в газете «Московский комсомолец» один американский советолог говорил о тотальной некомпетентности руководителей высших эшелонов власти нашей страны. Есть ли основания для таких суждений?

Ответ: Я бы не стал говорить «нет», как и «да». Все-таки в высших эшелонах власти люди разные. Если говорить о хозяйственной сфере, тут, на мой взгляд, очень много некомпетентности, и вовсе не потому, что плохи персонально какие-то личности. Дело в том, что они жили и работали в совершенно другой среде. Я, например, знаю, что у нас нет крупных специалистов по кредитно-финансовой системе, работе коммерческих банков и т.д. А мы ждем компетентных решений в этой сфере.

Утверждать, что в политической сфере все одинаково компетентны, тоже нельзя. На всех «этажах» люди, обладающие разными знаниями, разной компетенцией.

Вопрос: Какой предполагается модель президентства в СССР? Каковы функции президента и его взаимоотношения с Верховным Советом и правительством?

Ответ: Когда была единоличная власть, подобного вопроса не возникало. Но начался бурный демократический процесс, и оказалось, что в общем-то у нас безвластие, нет гаранта законности, конституционного строя, целостности государственности. Глава государства фактически является спикером парламента.

Какое решение может принять Председатель Верховного Совета в соответствии с Конституцией? Да никакого. Пожалуй, собрать Президиум. У него нет права вето, скажем, на решения законодательных или исполнительных органов. Управлять государством, по сути, некому.

Думаю, в нашем обширном, многонациональном, очень сложном Союзе институт президентства необходим как символ государственности, пост, который может внести стабилизирующий момент в развитие страны. Надо еще учесть, что мы децентрализуем не только экономическую, но и политическую жизнь по республикам. В этом процессе обязательно консолидирующее ядро, объединяющее и в спокойные, и в сложные периоды жизни.

Совет Министров должен осуществлять исполнительно-распорядительную власть, непосредственно заниматься социально-экономическими проблемами.

Вопрос: Предполагается ли введение соответствующей должности, аналогичной президентской, в республиканских и местных Советах?

Ответ: Думаю, надо дать право союзным республикам решать, какую форму правления избрать. Что же касается областей, выскажу свою точку зрения: видимо, мы придем к тому, чтобы на определенный срок выбирать там, попросту говоря, хозяина, который бы отвечал перед гражданами за все дела.

Вопрос: Допустима ли частная собственность для «лечения» нашей экономики и в каких размерах?

Ответ: Если скажу допустима, то завтра опять листовки появятся: Яковлев к капитализму зовет. Давайте все-таки разберемся, существует ли частная собственность в том виде, о котором писал К. Маркс? Нет, она сейчас другая. Сейчас, создавая акционерные общества, продадим акции рабочим. Кого они будут эксплуатировать: других или себя? Будет ли это частная собственность или смешанная? Возьмем совместные предприятия — это дело у нас будет развиваться, и думаю, что оно — прогрессивное. Кто кого там эксплуатирует? Возникает вопрос: что такое эксплуатация, частная собственность в наших условиях и вообще в мире? После 1917 года, когда грянула революция, буржуазия оказалась умнее нас и быстро начала приспосабливаться к новым условиям, потому что земля у нее стала гореть под ногами.

Она поняла, что если немедленно не начнет социального переустройства и не сделает серьезных уступок трудящимся, то пропадет.

Другое явление. Почему в Европе почти все страны были пропущены через социал-демократический вариант правления? Думаю, что это был серьезный компромисс, шаг в борьбе за выживание.

Существуют десятки различных вариантов развития, но мы об этом прежде не знали. Только сейчас начинаем серьезно изучать, как, например, регулировать отношения труда и капитала. На японских заводах я видел знакомые плакаты, призывающие повесить производительность труда, фотографии передовиков, результаты работы. Это у них есть, как и у нас. Только там все всамделишное, а у нас занудно-формальное.

Иными словами, когда мы подходим к реалиям современного общества, рассуждая об эксплуатации, частной собственности и прочих явлениях, за которые все время ругали капитализм, следует тщательно разобраться: а что они представляют собой сегодня на самом деле? А потом решать, понадобится это нам или нет. Думаю, если бы мы признали разнообразие форм собственности, то только бы выиграли от этого. Разумеется, речь не идет о частной собственности на банки, транспорт, базовые отрасли производства. Но может ли государство учесть интересы каждого из 280 миллионов? Конечно, нет. Почему бы их не учитывали часовая или обувная мастерская, кооперативы, семейные предприятия. Не вижу ничего страшного. Капиталистом не станешь, приколачивая подметки к ботинкам.

Вопрос: Где та мера сочетания плана и рынка, которая обеспечит прогресс экономики в рамках социализма?

Ответ: Ее нет и быть не может, это понимает любой экономист. План — лишь определение тех параметров, на которые должно ответить народное хозяйство с точки зрения удовлетворения интересов человека. Другой разговор, как его формировать? Почему мы все зацентрализовали? Гонка вооружений, огромные программы мелиорации и др. поглощали миллиарды и миллиарды рублей, и все надо было планировать и увязывать.

Если же перевести эти процессы на разумную основу согласно потребностям республики или региона, на хозрасчет, то у плана останется только регулирующая роль и выполнение общенациональных программ, а также поддержка основных направлений научно-технической революции.

Вопрос: Ваше понимание сути политического плюрализма?

Ответ: Многообразие мнений. Раньше мы считали, что мыслим одинаково. Но начался 1985 год, и оказалось, что думаем все по-разному.

Что такое политический плюрализм для нас? Свобода

творчества, подходов к толкованию тех или иных явлений, а главное — к восприятию их. Следует терпимо принимать любое мнение, отличное от собственного.

Вопрос: Какие меры планирует предпринимать ЦК, чтобы локализовать митинговую, насильственную демократию?

Ответ: Насильственная — это уже не демократия. Надо разбудить спящие у нас законы, направленные против насилия, против владения оружием. Этот вопрос обсуждался и на Верховном Совете, внесен проект постановления о запрещении деятельности любых организаций, проповедующих насилие, расовую нетерпимость, межнациональную рознь, экстремизм. Думаю, что, если у нас не встанет на ноги закон, ничего с демократией не выйдет. Мы вернемся в старые, недобрые времена. Только закон и наша с вами ответственность может сохранить демократию, пока еще робкую, находящуюся в детском возрасте. Я уже говорил и хочу повторить — беда наша в том, что последнюю тысячу лет нами правили люди, а не законы. Впервые в истории мы пытаемся создать правовое государство, чтобы властвовали законы, а люди их исполняли.

Вопрос: Какие политические силы будут в перспективе конкурентами КПСС?

Ответ: Думаю, ни один из вас, наверное, не решится сказать в точности, кто может быть соперником КПСС. Судя по некоторым наблюдениям, силу набирает, скажем, социал-демократическое мышление, наверное, не обязательно в том виде, в каком оно существует в Испании, Западной Германии, других странах.

Вопрос: Как относитесь к Демократической платформе в КПСС, к программе, которую предложил на Пленуме ЦК Б. Ельцин?

Ответ: В принципе, не считаю невозможным любой группе коммунистов выступать с какой-то платформой. Думаю, каждая точка зрения должна быть внимательно рассмотрена, взвешена, обсуждена и т.д. Это, кстати, не единственная платформа, которая пришла в ЦК, их много, как и проектов уставов, — их порядка сорока.

При внимательном чтении этой платформы мне показалось, что там много совпадений с Платформой ЦК. Думаю, однако, что Демократическая платформа посвящена партии, и только. Если говорить об общественном движении в принципе, то оно должно обращаться и к общественным проблемам. Ограничивать любую платформу только проблемами партии — значит обречь ее на определенное сектанство. Мне показалось, что в формулировках платформы есть какая-то червоточина раскола.

Как предмет для обсуждения, дискуссии считаю ее приемлемой. Не следует заранее ориентироваться на противостояние. Я бы приветствовал включение этой платформы

составной частью на основе дискуссий на съезде в общую Платформу партии.

Нам, как никогда, нужно единство. Нужна сплоченность в рядах партии. Мы переживаем очень сложный момент. Но чувствую, что настанет время — и ожесточенность, злоба исчезнут, как и желание «перекусать» друг друга. Все упирается в экономику, в пустые прилавки, в безгласие семидесяти лет, когда мы жили в молчании и страхе. Мы должны довести святое дело преобразований до конца. И здесь надо чувствовать локоть друг друга.

Вопрос: Каковы перспективы взаимоотношений КПСС и неформальных движений на современном этапе? Возможен ли консенсус, если учесть, что в условиях фактической многопартийности борьба за политическую власть день ото дня обостряется?

Ответ: С самого начала рождения некоторых неформальных организаций определенное число партийных комитетов и их руководителей взяли неверный курс — на отторжение. Партия не может действовать таким образом. Она может работать только на притяжение и убеждение. Есть люди, имеющие другие точки зрения, но старающиеся помочь перестройке, их следует пытаться привлечь на свою сторону. И работать вместе с ними. А мы иногда то ли боимся, то ли ленимся это делать.

Вопрос: В последнее время участились выходки со стороны «Памяти» и других националистических организаций с призывами и угрозами к насилию и расправе с лицами еврейской национальности. Почему Политбюро не дает политической оценки этому?

Ответ: Я и сам листовки за подписью «Памяти» получаю каждую неделю. В них меня оскорбляют на все лады по той лишь причине, что публично выступаю везде и всюду против любых проявлений национализма, в том числе и антисемитизма. Считаю позором для русского интеллигента и любого русского человека исповедование идеологии расовой вражды. Впрочем, занимается этим непотребством сравнительно узкая группа людей.

Вопрос: До какой степени вероятно перерастание поляризации, конфронтации в обществе в гражданскую войну?

Ответ: Не вижу такой опасности.

Вопрос: Есть мнение Дж.Гэлбрейта, что эпоха социализма и капитализма заканчивается. А что думаете Вы?

Ответ: По-моему, Гэлбрейт говорил о том, что и в этом, и в другом обществе серьезно проступают элементы прагматического подхода ко всем сторонам жизни. Думаю, этот фактор имеет место.

Вопрос: Какой смысл Вы вкладываете в понятие «мировая система социализма»?

Ответ: Видите ли, с научной точки зрения не очень понимаю смысла разделения на системы в наше время. Скажем,

что такое мировая система капитализма? Ведь капитализм в Латинской Америке совершенно иной, чем в Соединенных Штатах, — это день и ночь. Возьмем Японию и опять-таки США. У них различные подходы к труду и капиталу, отношение к регулированию рынка. Понимаете, мир изменился до неузнаваемости, а мы — в этом наша беда — застыли, создали определенные стереотипы явлений, понятий, категорий и привыкли к ним.

Некогда мы считали определяющим, сколько выплавляли стали и чугуна, выпустили тракторов. Но разве можно так определять прогресс? Социализм надо мерить социальной эффективностью общественной организации.

Вопрос: В Платформе ЦК КПСС к XXVIII съезду партии говорится, что в русле общего прогресса цивилизации возрождаются и будут приобретать большее влияние идеи социализма. Не является ли югославская концепция социализма единственным адекватным пониманием идеи и теории, которая может спасти их в наше время? Суть в том, что социализм — не мировая система, а мировой процесс. Весь мир движется к социализму. Каково Ваше мнение об этой концепции?

Ответ: Следует разобраться, что мы построили и как дальше будем формулировать теоретическую платформу. Думаю, пока для этого не созрели. Надо пережить этап перестройки, обновления общества, прежде чем сформулировать точную систему взглядов и планов строительства. Вот почему в Платформе очень осторожно сказано об этом. Мы в последние 70 лет после Ленина развивали социалистическую идею в очищенном, а это значит — в сектантско-догматическом виде, будто она находится вне общественных движений, окружающих ее. Предстоит внимательно изучить весь арсенал социалистических идей, и не только в их теоретическом изложении, но и в практическом преломлении.

Вопрос: Почему ЦК не дает оценки деятельности бывших членов Политбюро — Гришина, Романова, Алиева, Кунаева?

Ответ: У нас наблюдается какая-то страсть: ушел человек, и начинают призывать оторвать ему голову. А может быть, следует изменить психологию в условиях демократического общества?

Пытаемся создать новую нравственность, новую мораль, и в то же время не хватает милосердия, товарищества. Мы же люди, и больно, когда о нас говорят несправедливо или с подозрительностью или видят в тебе чеховского злоумышленника, который так и пытается от социализма «отвернуть гайку».

Давайте стремиться к одному: ни одного шага назад. Идти вперед, и только на основе высочайшей ответственности людей за свои действия и слова.

Вопрос: Вы отметили, что в партии существует кризис,

есть виновные за это. Почему тогда выступаете против размежевания и наказания виновных?

Ответ: Время тяжелое, и возможность каких-то провокаций или столкновений реальна. Возбудить людей на обещаниях очень легко.

Поэтому считаю: надо консолидироваться. Призываю к этому и всех согласных с Платформой ЦК КПСС, и тех, кто не согласен. И Межрегиональную группу народных депутатов, и Демократическую платформу. Не время сейчас идти в штыковые атаки. Не время! Это слишком большая роскошь для страны в настоящий момент.

Вопрос: Не так давно в США появились материалы, будто в 1932 году между Троцким и Зиновьевым было заключено соглашение о блоке. Что можно сказать об этом?

Ответ: Поскольку являюсь председателем Комиссии по реабилитации, пришлось изучить много материалов и уже не верю никаким подобным сообщениям. Это страшный период нашей жизни. «Блоки» сочинялись на бумаге. Видел на одной четвертушке листа и донос, и заключение следователя, и решение «тройки», подменявшей законный суд, и сообщение о том, что смертный приговор приведен в исполнение.

Хорошо бы разом реабилитировать всех осужденных по политическим статьям и закончить на этом. Это был бы и законный, и милосердный акт.

Вопрос: На днях один товарищ в этом зале давал политическую оценку членам Политбюро. Вам он отвел место правее центра, рядом с М. Горбачевым.

Ответ: Меня как-то мало волнует: правее, левее — лишь бы делать дело честно.

Вопрос: Как работаете над научными публикациями? Как все или?..

Ответ: Я не понимаю «или». Беру ручку, бумагу и начинаю писать, если, конечно, что-то знаю по данному вопросу. Если нет, то и не сажусь. Вот и все.

Вопрос: Каково Ваше отношение к православной церкви?

Ответ: К религии — одно отношение, к церкви — другое. Менять мировоззрение не собираюсь. Что касается разрушения церкви и других памятников, всегда выступал против.

Вопрос: Как и где Вы проводите свободное время?

Ответ: Не хочу рисоваться, но его у меня нет.

ВРЕМЯ СЖИМАЕТСЯ...

Последние месяцы и дни насыщены чрезвычайно важными событиями в нашей стране. Время сжалось и бежит совершенно незаметно. Уже перестаешь ощущать месяцы, недели, дни и ночи.

Перед тем как ответить на ваши вопросы, мне бы хотелось очень кратко остановиться на событиях, которые сейчас определяют нашу внутреннюю и международную жизнь.

Первое — это пятилетие перестройки. Современная наука утверждает, что пятилетний ребенок — это уже сформировавшаяся личность, к этому возрасту в детскую душу заложено все, что определяет его дальнейшую жизнь: свобода, гуманизм, достоинство, а возможно, и что-то противоположное. И в перестройку заложено немало такого, что будет определять цивилизационную сторону нашего развития: свобода, гуманизм, демократия, достоинство человека. Какие бы трудности и опасности мы сегодня ни переживали, а они есть, все же, на мой взгляд, есть все основания смотреть в будущее с оптимизмом. Разумеется, не только смотреть, но и работать на это будущее.

Я сейчас не стал бы заниматься политической бухгалтерией, приводить конкретные данные о том, что перестройка дала за эти годы, а что еще не успела или не смогла дать. Все эти оценки много раз высказаны и хорошо известны. Скажу только, что по-настоящему отчет перестроенным процессам надо было вести с одного апреля — 1985 года и с двух июней — 1987 и 1988 годов, когда были сформулированы, а следовательно, и начали действовать две главные реформы — экономическая и политическая. Работают ли эти реформы сегодня? Работают, но политическая реформа значительно активнее, чем экономическая. Между ними образовался опасный разрыв, порождающий дестабилизацию в обществе.

Второе — что определяет обстановку в стране — разра-

Выступление и ответы на вопросы на встрече с сотрудниками дипломатического корпуса в Москве, представителями зарубежных фирм, советскими и иностранными журналистами в пресс-центре МИД СССР 4 мая 1990 г.

ботка проекта перехода к рыночной экономике. Это шаг исторического значения, способный решительно улучшить экономическое кровообращение в стране, что неизбежно приведет к повышению качества жизни людей. Взаимоувязка политической и экономической реформ изменит обстановку в государстве, в значительной мере снимет напряженность, снизит уровень нетерпимости, которая сейчас захлестывает сознание, сузит возможности деятельности разного рода ультра как справа, так и слева.

Третье. На многие мысли наводит и 45-летие Победы. Когда завершилась война, во всех странах антигитлеровской коалиции говорили об одном: «Минувшая война должна быть последней, новые мировые войны, войны вообще более недопустимы. Не только Европа, но и мир в целом должны наконец обрести надежную структуру безопасности». Похоже, что только в эти годы и месяцы мы вплотную подошли к возможности осуществить эти надежды на практике, справедливо считая, что не только межгосударственные отношения, международная система сама по себе, но и каждый из нас должен в чем-то измениться, измениться к лучшему, чтобы мир стал безопаснее, человечнее и чище.

Сейчас, когда во многих регионах мира идут глубокие, подчас резкие повороты и не до конца еще понятные преобразования, кое-кто поддается искушению мыслить в привычных категориях побед или поражений или чего-то в этом роде. Продолжают говорить о военно-политическом и социальном соперничестве, о конфронтации. Понять психологическое содержание таких искушений в общем-то можно. Но хотелось бы высказать и такую, возможно, но бесспорную мысль. К современному диалогу, к его первым практическим результатам все мы пришли через трудную эволюцию общественных систем, через их сложные, противоречивые взаимодействия. Думаю, что и дальнейший прогресс в конструктивном направлении определяющим образом зависит от совместной способности сохранить такое взаимодействие.

Победный 1945 год в военно-политическом отношении стал победой держав коалиции, но в социально-историческом отношении он стал общей победой человечества, ибо открыл продолжительную полосу краха авторитаризма и диктатур, освобождения народов и государств, накопления плодов мира и созидания, торжества демократии и прав личности. Дальнейший прогресс человечества, само его выживание прямо зависят от того, как мы сумеем сохранить, взрастить эти многообещающие всходы будущего. В современном целостном и все более взаимосвязанном мире каждая его часть нуждается во всех остальных, именно нуждается, не только из-за утилитарных соображений безопасности, которая лишь одна на всех, но и в силу более перспективных, существенных потребностей предотвращения любого моно-

полизма как единственно действенной гарантии развития рода людского.

Наконец, *четвертое* событие — приближающийся съезд КПСС. Подготовка к нему идет в сложной обстановке, в дискуссиях, в требовательной, взаимно требовательной атмосфере.

* * *

Вопрос: Чем новая программа, новое направление деятельности партии будет отличаться от других партий социалистического направления, которые возникнут, скажем, социал-демократических?

Ответ: Если вы имеете в виду программу КПСС, то о ней сейчас речь не идет. Мы считаем, что в настоящий переходный период нашего развития необходима лишь платформа действий на ближайшее время. На какое время — будущее покажет. Не берусь предсказывать. Чрезвычайно редко кто-то мог верно предсказать те или иные серьезнейшие политические события будущего. Повторяю, о программе сейчас речь не идет, а значит, нельзя и сказать, что в ней будет, какие понятия, какие утверждения, чем она будет отличаться от программ других политических партий, в частности от программ упомянутых вами партий социал-демократического направления. Время продиктует.

Вопрос: Как Вы относитесь к возможному созданию Российской коммунистической партии? Второе. За 4 месяца текущего года не публиковались решения Комиссии по реабилитации, которую вы возглавляете. Чем это вызвано?

Ответ: О создании Российской коммунистической партии. Здесь нет и не может быть, на мой взгляд, однозначного ответа. Есть, конечно, категорические «за» и не менее категорические «против». Все это подлежит обдумыванию. То, что Россия нуждается в более точном и самостоятельном государственном, политическом и ином оформлении, — это бесспорно. То, что Россия должна самостоятельно решать свои экономические, политические, культурные и другие вопросы, — это тоже верно. Особенно если учесть остроту социальных и иных проблем именно в России. Это еще один из аргументов в пользу такого подхода.

Но, если смотреть на вещи трезво, не менее важны и такие соображения, как единство партии. Определенные опасения на этот счет имеются. А как с целостностью государства? Я говорю о Союзе Советских Социалистических Республик. Не подвергнется ли он в связи с этим нежелательным деформациям? Это тоже серьезное соображение, которое должно быть учтено при обдумывании всех этих вопросов. Как мне представляется, этот сложный вопрос должны решить сами коммунисты России. 19 июня они соберутся на конференцию и решат, как строить им свою дальнейшую жизнь.

Второй вопрос. Верно, что уже в течение некоторого времени Комиссия, которую мне приходится возглавлять, не собирается. Сейчас тщательно продумываем вопрос о том, как подойти к оценке сталинского правления с более широких позиций, т.е. с позиций возможности полной и однородной реабилитации всех пострадавших, невинно осужденных, всех, кто подвергся каким-либо репрессиям по политическим мотивам, особенно крестьянства.

Вопрос: На встрече Президента СССР с Президентом Сирии Х. Асадом М. С. Горбачевым было отмечено, что иммиграция советских евреев в Израиль должна решаться не только в плоскости прав человека, но и с учетом интересов и прав арабов. Как Вы, один из главных архитекторов советской внешней политики, расшифровали бы это высказывание М. С. Горбачева?

Ответ: Я бы расшифровал его очень просто. Сейчас нет каких-либо искусственных препятствий эмиграции евреев в Израиль. Но мы против того, чтобы их расселение осуществлялось на оккупированных территориях.

Вопрос: Советское правительство ничего не делает против волн антисемитизма. Хотелось бы получить оценку ситуации с антисемитизмом в Советском Союзе.

Ответ: Я не хочу лукавить и не буду отрицать наличие антисемитских проявлений. Впрочем, не только антисемитских. Проявились и монархические, и анархические тенденции, и целый спектр всякого рода других крайностей. Но я не стал бы преувеличивать значения всего этого, безусловно, дурного. Знаю и убежден, что чувства шовинизма, национализма русскому народу приписываются или навязываются. Этим занимаются отдельные лица, как правило, или в основном — из несостоявшейся интеллигенции или люмпенской прослойки. Лица, не уважающие русский народ.

Мне представляется, что если говорить о мерах правительства, то оно должно принимать их по всему спектру ультраправых течений — и монархических, и анархистских, и антисемитских, и шовинистических, и националистических. Если из всего спектра вычленять какое-то одно явление, то, думаю, что мы не решим этой проблемы, вредящей демократическому процессу, дискредитирующей его. Все надо решать в комплексе и на основании закона.

Я согласен с теми, кто сейчас говорит, что у нас закон в этом отношении как бы заснул, он очень боязлив, робок. Видимо, здесь сказывается «синдром 1937 года», который сковывает правоохранительные органы, неоправданно тормозит действие закона. Понятно, если «синдром» сдерживает беззаконие, но при чем здесь закон? Он должен действовать.

Вопрос: Как Вы относитесь ко все чаще появляющимся в прессе требованиям об отставке правительства, поскольку сейчас уже ясно, что его программа не состоялась и ни о

каких дополнительных товарах народного потребления на сумму 65 млрд. рублей речи быть не может?

Ответ: Считаю, что правительство должно иметь шанс, чтобы выполнить предложенную им же программу. Время еще не истекло, но сегодня ее выполнение должно быть связано с переходом к рыночной экономике. Разорвать эти два процесса просто нельзя, ибо движение к рыночной экономике многие вопросы ставит по-другому, требует новых решений, новых подходов, новой психологии. В настоящее время правительство как раз и занято конкретной разработкой проблем введения рыночной экономики — проблемами жизнеобеспечения этого перехода, антиинфляционного и антистрессовского законодательства, социальной защиты трудящихся и многими другими.

Сейчас в общественный обиход пущены идеи, утверждающие, что в стране сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т. д. Думаю, что это пока относится к разряду неподкрепленных предположений. Пока что еще никто не проводил подсчетов, какая будет безработица, будет ли она вообще. Лично я считаю, что при разумной организации дела безработицы быть не может, ибо у нас одна лишь сфера услуг может поглотить более чем те 10 миллионов человек, которым сулят безработицу. То же самое можно сказать об аграрном секторе. Да и промышленность в среднем работает в одну смену. И вообще рыночная экономика вводится не для того, чтобы ухудшить положение трудящихся, а для того, чтобы поднять жизненный уровень народа.

Вопрос: Хотелось бы знать, какие политические выводы сделаны из случившегося на Первомайской демонстрации на Красной площади? Разъясните, пожалуйста: Политбюро и руководство покинули трибуну Мавзолея по политическим соображениям или из соображений безопасности?

Ответ: Считаю, что в этой демонстрации, в целом прошедшей по-новому, неофициально и потому человечно, были, в общем-то, две несравнимые части. Основная, которая задала и масштаб, и тональность всему, была критической, но по основному содержанию — конструктивной. Что же касается другой... Мне вначале даже показалось, что по площади пошли какие-то ряженые, как это бывало на ярмарках и на сельских праздниках в старой России. Но нет, оказалось, что это вовсе не так, замелькали черные флаги анархистов, трехцветные — монархистов, портреты Николая II, портреты Сталина. Чего, например, стоят лозунги, скажем, «Из кресла — на нар!»? Это уже было, было в 1937 году. Или угрозы участию Чаушеску? Хотел бы решительно подчеркнуть: подобные лозунги и транспаранты оскорбительны в любом цивилизованном государстве. Кроме того, они подстрекали к насилию. Конечно, переоценивать значение подобных выходок не стоит. Но и проходить мимо такого рода явлений, конечно, нельзя.

По моему убеждению, это была вылазка «ультра» и тех, кто за ними стоит. Для нас — с нашей трудной и трагической историей — просто недопустимо, чтобы кто-то захотел повернуть историю вспять, а значит — в бездну. Против кого направлены были эти лозунги и призывы? Кому грозят нарами, монархией, анархией и т.д.? Грозят перестройке, обновлению, их лидерам и сторонникам, тем, кто избавил людей от страха. Кому-то, видимо, хотелось видеть на тюремных нарах, а еще лучше — на том свете — все новое, что вошло в нашу жизнь за последние пять лет. И тех, кто способствовал приходу, утверждению свободы, человеколюбия, демократии, новой нравственности, новых идеалов. Подобные лозунги всем своим содержанием неопровержимо свидетельствуют, что исходят от крайне реакционных и ультраконсервативных сил и движений, от тех, кого, видимо, более чем устраивала обстановка произвола, беззаконий, рабской забитости и покорности народа. Понятно, что эти силы недовольны перестройкой, они сегодня не могут скрыть свою ненависть к демократическому процессу и готовы, судя по их же лозунгам, к любым формам насилия.

Уверен, что демократические силы и движения, все нормальные, порядочные и здравомыслящие люди должны среагировать на происшедшее, насторожиться, разглядеть вполне реальную опасность и продемонстрировать, что в условиях возросшего чувства достоинства и свободы личности действительно здоровая часть общества в состоянии правильно оценить замыслы сил реакции и их действия, ибо эти вышолзающие из углов «ультра» наглядно демонстрируют всем, какое будущее желали бы они советским людям. Поэтому, отвечая на ваш вопрос, я сказал бы так: да, руководство покинуло трибуну из политических соображений, будучи несогласным с той позицией ультраправых, которая была выражена людьми, вышедшими на площадь в конце демонстрации.

Вопрос: Как Вам представляется будущее развитие международных отношений в Советском Союзе? Настаиваете ли Вы на соблюдении закона о выходе из СССР или в переговорах с Литвой возможны какие-то подвижки?

Ответ: Мне уже не раз приходилось высказываться по национальному вопросу. В соответствии с Конституцией СССР любая союзная республика имеет право на самоопределение, вплоть до отделения. Форма эта известная, мы стоим на этом. Но всякое решение, затрагивающее судьбы народа, всех людей, населяющих ту или иную республику, судьбы и интересы народов других республик и всего Советского Союза — экономические, политические, социальные, культурные, — требуют, чтобы такого рода вопросы решались конституционным путем, на основе диалога, консультаций, на основе референдумов и тех демократических процедур, которые общеприняты в цивилизованном мире. Одно-

сторонние, а тем более насильственные действия неприемлемы.

Вопрос с Литвой состоит ведь не в том, чтобы силой держать республику в составе СССР. Вопрос состоит в том, чтобы все происходило на основе закона. Сейчас литовские руководители утверждают, что они готовы к диалогу, к разговору и т.д.

Но дело все в том, что нельзя же вести переговоры о независимости, когда все решено в одностороннем порядке. Объявить независимость, а потом пригласить Москву для переговоров?

Аргументы у нынешнего литовского руководства такие: они, мол, не признают вхождения в СССР. Да, не признают. Но прошло 50 лет, прошла война, осуществлено послевоенное устройство, были хельсинкские соглашения, было, в конце концов, всенародное принятие Конституции СССР, в которой зафиксированы права и обязанности всех республик. Сложилась реальность, от которых не уйти. Это — разветвленные экономические, политические, культурные связи. Никто не отказывается обсуждать любые вопросы, которые могут возникать между той или иной республикой и центром. Но это надо обсуждать в нормальном, цивилизованном порядке. Вот в чем состоит проблема.

Вопрос: Каково «расписание» экономической реформы? Что будет объявлено и в чем это будет заключаться? Каковы этапы реформы?

Ответ: Об этом, к сожалению, еще рано говорить.

Что касается этапов, то здесь еще нет достаточной ясности, кроме одного: мы, разумеется, не станем на путь «шоковой терапии», это в нынешних условиях просто исключено, если учитывать финансовое положение в стране, дефициты и другие трудности. Стать на путь «шоковой терапии», наверное, было бы политически недалеким, а практически невозможным.

Ясно, что реформа будет проводиться по этапам, с наращиванием отдельных мер. Может быть, сюда следует отнести более широкое распространение коммерческих банков, акционерного капитала, принятие предварительных антиинфляционных мер, антитрестовского законодательства, законодательства по социальной защите. Короче говоря, нам надо создать такой фундамент, чтобы наступление периода свободного предпринимательства и нормального ценообразования проходило в уже подготовленных для этого условиях. Идея состоит в том, чтобы четко определиться с приоритетами: что проводить вначале, что и без рыночной экономики все равно надо проводить.

Насчет сроков существуют разные мнения. Все следует тщательно подсчитать. Надо быстрее проводить земельную реформу, не дожидаясь периода, когда полностью заработает рыночная экономика. Необходимо дать дорогу аренда-

торам, создать законодательство, по которому арендаторы, если захотят, смогут выходить из колхозов, совхозов. Такого механизма пока нет. Одним словом, очень многие меры надо проводить уже сейчас, но они явятся как бы подготовкой, как бы подступом к рыночной экономике.

Вопрос: Можно ли перейти к рыночной экономике равномерно во всей стране? Я имею в виду большие различия в уровне экономического развития и в поддержке перестройки со стороны отдельных республик. Как объяснить такую ситуацию?

Ответ: В Ваших вопросах, конечно, содержится большая доля истины. Верно, что в разных республиках в разной степени поддерживаются идеи перестройки. Верно, что республики находятся на разных уровнях развития. Но рынок нельзя разорвать на части. Не может быть так, что в России действует рыночная экономика, а в Туркмении — какая-то другая. Речь идет о ценообразовании, о свободном потоке товаров, о взаимозависимости экономик. Мы полагаем, что именно рыночная экономика должна поставить все на свои места; каждый должен жить по труду, зарабатывать и руками, и головой.

Вопрос: Известно, какое влияние на общественную жизнь оказывают литературные журналы. Они неодинаковы, придерживаются разных направлений. Намерены ли Вы вступить в полемику с некоторыми российскими изданиями, в частности с «Литературной Россией», «Нашим современником», где часто оспариваются концепции, которые Вы отстаиваете?

Ответ: Нет, не буду.

Вопрос: Вы являетесь членом высшего государственного и высшего партийного руководства. Нынешняя система безопасности в Европе исходит из наличия двух военно-политических союзов. Мне кажется, что дни их все-таки сочтены. Не считается ли Вы, что нужна новая система безопасности в Европе, исходящая из новых реальностей? И не опасаетесь ли Вы после уничтожения военных блоков создания нового политического объединения вокруг Германии?

Второй вопрос как члену высшего партийного руководства. Сейчас в стране полным ходом идет создание новых политических партий. Есть серьезные, есть несерьезные. Нет ли у руководства КПСС желания сесть за «круглый стол» с представителями новых партий, чтобы обговорить какие-то принципы общественного согласия?

Ответ: Мы расцениваем ситуацию в Европе как новую, и было бы неверно отрицать, что там ничего не происходит или что мы должны равнодушно смотреть на то, что там происходит. Неизбежное объединение ГДР и ФРГ привнесет свои новые аспекты в общую систему безопасности и расстановки европейских сил, да и не только европейских. В конеч-

ном счете, наиболее оптимальный и позитивный выход из ситуации, которая сейчас складывается, я вижу в строительстве «общеевропейского дома». Эта идея, о которой мы говорим уже примерно два года. Будучи сама по себе позитивной, она содержит в себе очень много обещающих моментов, она может решить многие национальные и экономические проблемы, вопросы культуры и безопасности.

Было бы крайне нежелательным и, на мой взгляд, просто неприемлемым, если бы вокруг объединенной Германии начала образовываться какая-то группировка сил, если бы эта группировка стала приобретать вооруженные черты. Хотя, мне кажется, Германия уже навоевалась. Она тоже сыта войнами, как и все мы. Могут, конечно, появиться какие-то реваншистские силы, но, я думаю, Европа, «общеевропейский дом» сумеют справиться с этим.

Наше общее политическое и нравственное пожелание, чтобы с немецкой земли никогда и ни при каких условиях не пришла война, чтобы с нее исходил только мир. Это первое.

Во-вторых, необходимо, чтобы немецкая территория никогда не была использована третьими силами для нападения, для ведения военных действий против кого бы то ни было. Мы хотим мирного прогресса и в этом направлении. Хотя мне уже приходилось говорить журналистам, что у советского народа сохраняется определенная и психологически вполне понятная настороженность, ибо слишком уж много трагедий произошло на нашей земле. Однако мы все-таки исходим из того, что в Европе сложатся новые отношения, и любые реваншистские, агрессивные или подобного рода поползновения могут быть предотвращены или устранены общими усилиями.

В связи с вопросом о переговорах с другими партиями скажу, что для этого, как минимум, нужны партии. Пока я не вижу, с кем, о чем, когда можно обсуждать серьезные вопросы. Дискуссии идут, и хорошо, что они идут.

Вопрос: Какими Вам видятся отношения между руководящими органами КПСС и средствами массовой информации в условиях политической реформы, которая идет в стране?

Ответ: Есть разные средства массовой информации. Одни из них принадлежат непосредственно партии, и партия является их издателем. Здесь, я полагаю, должны быть и соответствующие отношения.

Что касается других средств массовой информации, то я лично считаю, что они должны служить интересам народа, страны, способствовать ее развитию на основе обновления. Отдельным журналистам, особенно молодым, обязательно хочется конфронтации. Никто не отрицает права на собственную точку зрения. Можно и надо критиковать. Но при условии, что все факты, которые сообщаются, правдивы, соответствуют действительности, что они не унижают человеческого достоинства и не направлены против интересов

народа. Можно возразить, что каждый понимает эти интересы по-своему. Но сегодня в обществе есть основополагающая программа для согласия, для общенационального согласия, для примирения, для стабилизации, прекращения той нетерпимости, которая сейчас бушует. Это — перестройка и обновление общества.

Вопрос стоит ясно: или мы возвращаемся назад, или движемся вперед. Мы только начали перестройку, не добились пока реальных результатов. Но они придут. Вот почему платформа движения вперед — это и есть платформа всеобщего согласия, общенационального согласия, если хотите, всеобщего всенародного примирения. Понять это, думаю, обязаны прежде всего наши журналисты, ответственные представители средств массовой информации.

Вопрос: Партия согласилась с тем, что в условиях многопартийности она не будет требовать каких-либо правовых или иных преимуществ. Каково, например, Ваше отношение к выводу партийных органов из армии? Как это может быть осуществлено?

Ответ: Вопрос о деполитизации армии пока не стоит. Возникнет ли он в дальнейшем, в условиях многопартийности, — никто, пожалуй, не ответит. Почему сейчас он не стоит? У нас в армии миллион коммунистов. Право каждого — состоять в партии или нет. Искусственно создавать ситуацию деполитизации или что-то в этом роде — я не думаю, что это будет демократическим шагом. Давайте, как говорят, поживем и увидим, как будет складываться обстановка.

Вопрос: Не считаете ли Вы, что плюралистский состав Президентского совета задерживает принятие решений?

Второй вопрос. Мы видим исключения из КПСС, добровольный выход из партии, видим, что некоторые члены партии не хотят быть делегатами съезда. Не считаете ли Вы, что такая тенденция могла бы привести к консолидации консервативных сил на съезде? Допускаете ли Вы, что в определенной ситуации на съезде может проявиться неоконсерватизм?

Ответ: Пока что я не заметил, чтобы при всех нюансах мнений в Президентском совете серьезные вопросы не решались серьезно. В конечном счете по основным, коренным вопросам приходим к согласию. Но опыт пока невелик. Подобное происходит впервые в истории нашей страны, да и в мировой истории я не знаю аналогов. Будем накапливать опыт, будем продвигаться в этом направлении. Считаю, что нововведенная система президентского правления при правильном ее развитии содержит в себе серьезные перспективы.

Что касается КПСС, то трудно сейчас гадать. Утверждать, что съезд будет консервативным, либеральным или центристским... Все не так просто. Я считаю, что столь жестко детерминировать будущее направление решений съез-

да, его работу просто нельзя. Нельзя и упрощать обстановку. Идут действительно острые дискуссии, иногда с крайних позиций, иногда для кого-то неприемлемых, но обстановка настолько сложна, что подчас и крайний консерватор по какому-то вопросу вдруг неожиданно высказывает здравые мысли. А иногда человек, которого чуть ли не обвиняют в левацких загибах, встает на другую позицию. Так что не только по группам, но и по лицам не все складывается однозначно. Бывшие друзья становятся противниками, бывшие противники становятся друзьями.

Короче говоря, идет нормальное политическое демократическое развитие, пока еще не оформившееся полностью, еще не вставшее на твердую почву, но этот процесс выкристаллизовывает определенное направление в нашей жизни. На данном этапе надо всячески избавляться от всяких «ультра» с той или другой стороны, хотя, когда я говорю «ультра» с той или другой стороны», мне сразу хочется уточнить, что нет у «ультра» ни той ни другой стороны. Есть просто «ультра».

Вопрос: Когда можно будет провести свободные многопартийные выборы в стране и какие будут условия для таких выборов?

Ответ: Выборы у нас закончились. Очередные состоятся через 5 лет.

Смотрите, сколько групп организовалось в Моссовете: и «Москва», и «зеленые», и «Демократический блок», и независимые. Чтобы завтра вводить, так сказать, «директивным путем» многопартийные выборы, надо, чтобы сначала были партии. А потом уже многопартийные выборы.

Согласно Конституции СССР, следующие выборы пройдут, как я сказал, через 5 лет, и что на них будет, зависит от содержания демократического процесса. Я смотрю на многопартийность, на создание системы многопартийности как на процесс формирования народовластия.

НАЙТИ СИЛЫ И МУЖЕСТВО НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ

Слово в канун XXVIII съезда

— **В**ы возглавляете Комиссию ЦК КПСС по вопросам международной политики. Представьте на минуту, что Вы отчитываетесь сейчас перед коммунистами о проделанной работе. Что Вы выделите в этом отчете? Довольны ли Вы работой комиссии, Международного отдела ЦК КПСС? И еще: не «мешали» ли ваши международники МИД СССР?

— Думаю, мне не следует брать на себя оценку работы комиссии и Международного отдела — это прерогатива ЦК, его Политбюро, съезда партии. А вот отчет о работе — другое дело.

Как мне представляется, внешнеполитическое направление в деятельности партии, ее руководства достаточно известно, оно принесло весомые результаты, заслужило признание и поддержку в стране и в мире. В сущности, с советских инициатив начался отсчет качественно иного, мирного периода в жизни человечества. Начинается строительство цивилизации нового типа — без войн и оружия. Теперь главное — удержать эту тенденцию. Я уже не говорю о том, что начатый процесс разоружения обещает дать народу немалые материальные выгоды.

В этой деятельности, ее обеспечении есть и вклад Комиссии по вопросам международной политики — и в том, что касается идейно-теоретического, концептуального ее обеспечения, и, естественно, в практическом осуществлении нового курса.

Нынешний Международный отдел в корне отличается от того, каким был он прежде. Резко сокращен, в нем ликвидирована так называемая выездная комиссия. В рамках нового разделения ответственности, изменившихся функций надо было наладить соответствующие контакты и со Съездом народных депутатов, Верховным Советом СССР, его комитетами и комиссиями, государственными внешнеполитическими ведомствами. Полагаю, в целом нам удалось. Сущест-

ует тесное и плодотворное сотрудничество с Мининделом СССР.

Бывают, конечно, различия в подходах к каким-то вопросам, и это естественно. Но исчезло то мелочное бюрократическое «перетягивание каната», которое только вредило делу.

Что сделано Комиссией ЦК КПСС по вопросам международной политики? Для обсуждения непосредственно на заседаниях комиссии выделялись действительно наиболее принципиальные, долговременного значения вопросы — такие, например, как перспективы международной деятельности партии в свете инициатив, выдвинутых в выступлениях М. С. Горбачева в ООН, во Владивостоке и Красноярске; концепция развития межгосударственных и межпартийных советско-китайских отношений в условиях их нормализации; идеологические, политические и военные аспекты развязывания второй мировой войны; перспективы советско-американских отношений после встречи на высшем уровне 1990 года, перемены в странах Восточной Европы и советские интересы и другие. Немало вопросов и документов обсуждалось в рабочем порядке, и по ним принимались решения ЦК КПСС.

Главный итог всей этой работы — лучшее понимание сути сложных проблем, с которыми мы сталкиваемся во внешней политике. Притом не только проблем содержательных, но и тех производных, прикладных, без которых не бывает практики.

— *Вы — председатель Комиссии Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30 — 40 — 50-х годов.*

— Да, это тяжелое поручение — и политически, и нравственно. События тех лет, кто бы и как бы их ни пытался приукрасить, замешаны на человеческой крови, доносительстве, страхе, разрушении человеческих отношений и растлении самого человека. Покаяние перед миллионами погибших неизбежно. И если хоть частичку такого покаяния комиссии удастся исполнить, этим уже свершается совестьное дело.

Естественно, что задачи комиссии не ограничивались реабилитацией невинно пострадавших жертв репрессий. Она пыталась вскрыть сам механизм репрессий, определить степень ответственности Сталина и его окружения. Такой подход позволил преодолеть непоследовательность и недоговоренности 50-х годов, в значительной мере обнажить суть этого социального катаклизма, хотя все это изучать науке еще долгие годы.

Если говорить коротко, комиссия установила, что все без исключения процессы второй половины 30-х годов были сфальсифицированы, построены на показаниях, добытых преступными методами, пытками и шантажом обвиняемых

и членов их семей. Кроме четырех публичных, только по Москве проведено более 60 процессов, тщательно скрываемых до недавнего времени от общественности. Вообще трагедия, постигшая тогда народ, поражает и масштабностью, и жестокостью, и особым цинизмом их организаторов, равно как и непосредственных исполнителей. На основе изучения этих материалов в практическую плоскость переведена и проблема изучения политических процессов и массовых репрессий 20-х — начала 30-х годов, в том числе в отношении инженерно-технической и научной интеллигенции, и особенно крестьянства в период коллективизации.

С сотен тысяч людей сняты клеветнические обвинения. Отменены внесудебные приговоры. И когда сегодня мы говорим о демократии и гласности, об обновлении партии, — за этими вопросами, конкретными рекомендациями, кроме всего прочего, незримо стоит и горько оплаченное понимание того, что все начиналось, по сути, именно отсюда: с удушения внутривластной демократии, с разрывов нормальных и естественных для здорового общества обратных связей в его политической, экономической, социальной структуре. Однако при любых обстоятельствах надо просто следовать нравственности и здравому смыслу.

— *Какими лично Вы видите обновленную КПСС, ее роль и место в жизни общества, ее руководящие органы и ее международные связи?*

— Полевешую, нацеленную на обновление общества, внутренне свободную, раскрепощенную, демократическую, открытую людям, жизни, страстно заинтересованную во всем новом, передовом, перспективном. Вижу ее как партию людей дела, пытливого ума, совести, гражданской и профессиональной компетентности. И — реального, живого дела.

Истоки переживаемого сейчас партией кризиса, на мой взгляд, в том, что партия, взяв на себя властные функции, в общем-то чуждые ей как общественно-политической организации, не смогла своевременно передать их по принадлежности: народу, Советам, государству. Напротив, втягивалась в эти функции все глубже. Поддалась искушению непосредственной и, по сути, неконтролируемой власти. И при этом застыла, потеряла динамизм. Уже одно то, что партийная практика фактически защищала неизменность сложившегося порядка вещей, было плохо, обрекало партию рано или поздно на потерю своей сущности, перерождение.

Командно-административная система, застойная экономика, самоуверенный антидемократизм, бюрократизм и коррупция. Партийные органы, фактически подменяющие собой все другие, не неся за свои распоряжения и указания никакой экономической и юридической ответственности. Выросло же поколение людей, членов партии, которое все происходившее искренне воспринимало за норму! Кто с цинизмом, кто заблуждаясь, кто возмущаясь, но за норму. И сейчас это

проявляется в дискуссиях вокруг революционных перемен.

Извращения естественного демократизма жизни — это всегда криминогенная зона. Мы знаем, что в ряде мест происходило сращивание партийных перерожденцев высокого ранга с экономической преступностью и с той частью правоохранения, которая фактически превратилась в неправоохранение.

Но дело даже не в отдельных наиболее вопиющих примерах. Гораздо опаснее, на мой взгляд, была и пока еще остается та ржавчина ставших уже привычными мелких и средних нарушений, повседневной безответственности и беззаконности, обыденной бесхозяйственности, что глубоко разъедала наши структуры. Разлагала ум, губила души, в равной мере питала апатию, самоотстраненность одних, агрессивность и презрение к закону других.

И нужно не просто избавиться от этой ржавчины — это само собой разумеется. Нужно еще во все партийные структуры, во всю внутреннюю жизнь и политическую деятельность партии заложить такие нормы, правила и принципы, которые максимально затрудняли бы появление подобной ржавчины в будущем. Никаких открытий тут не нужно — это правила и принципы демократии.

Партии нужны сейчас самые широкие международные связи, самый широкий и конструктивный диалог со всеми, особенно демократическими, прогрессивными силами и движениями современности.

— *Может ли, на Ваш взгляд, возникнуть потребность в координации действий при решении насущных проблем у суверенных и равноправных коммунистических и социал-демократических партий? Что ценного мы могли бы сегодня заимствовать у западной социал-демократии?*

— Не только может — такая потребность уже давно возникла. И давно уже вызвала консультации, контакты, встречи. Лично я не вижу ничего ни странного, ни тем более противоестественного в том, чтобы координировать какие-то действия и на двусторонней, и на многосторонней межпартийной основе, если и когда в этом возникает необходимость.

Что сдерживает такую координацию? Прежде всего то иррациональное взаимоотрицание, взаимоотторжение, взаимное неприятие и подозрительность, которыми на многие десятилетия оказалось отравлено рабочее, социалистическое движение. И которое до сих пор дает себя знать. Тут нет иного пути, как последовательно, целеустремленно, с обеих сторон выжимать из себя, преодолевать это психологическое наследие прошлого. Я думаю, оно все-таки больше психологическое, чем политическое.

Взять непримиримость, бескомпромиссность. Она нужна, когда речь идет о непримиримости ко злу. Но из истории известно, что у социалистического движения был определенный «перебор», который переносился и на взаимоотношения

внутри нашего же движения. И как жестоко пострадали от этого! Возвращаешься сейчас к литературе конца XIX — первой трети XX века: лучшие тогдашние умы видели и понимали все это! И в том числе умы социалистические — Р. Люксембург, Н. Бердяев, да только ли они... Не прислушались к их сомнениям и предупреждениям, недооценили, а с началом возвышения Сталина и вовсе вывели их из своего интеллектуального кругозора.

Позаимствовать у западной социал-демократии? Ну механически заимствовать в любом случае ни у кого и ничего не следует. Но для нас представляет, особенно в новых, перестроечных условиях, большой интерес и несомненную пользу изучение, например, парламентского опыта социал-демократических партий. Опыт, накопленный ими в практике государственного управления, особенно на местном уровне. Отношения с другими партиями, с профсоюзами, общественными организациями, работа в средствах массовой информации. Опыт Социнтерна. Вообще надо, я бы сказал, заново открыть для себя социал-демократию.

— *Какой Вам видится взаимосвязь внешнего и внутреннего факторов в политике Советского государства на нынешнем этапе перестройки?*

— Иными словами, не поможет ли нам внешний фактор, не сгладит ли он в какой-то мере трудности перехода? Нет, серьезным образом не поможет и не сгладит.

Имею в виду в данном случае не столько политику, сколько собственно экономику. Политика свое слово уже сказала. Слово весомое и драгоценное. Новое политическое мышление позволило прежде всего нам самим отбросить психологию «осажденной крепости». Оно позволило нам достичь исторических договоренностей с Западом, обеспечило понимание и поддержку перестройки мировой общественностью.

Начинается действительно самое трудное: экономика. И тут наших проблем никто за нас не решит. Нам могут не мешать. Нам могут попытаться помочь — вдвойне спасибо. Но масштабы нашей страны, объем проблем такие, что решить их в конечном счете под силу только нам самим.

С чем мы наверняка столкнемся, так это с необходимостью осваивать внешний рынок. И тут возможны и просчеты, и ошибки. И надо будет не устраивать по этому поводу публичных истерик, а по-настоящему приложить голову и руки, чтобы свести издержки обучения до минимума, а главное, воспользоваться этим опытом в переходе к рыночной экономике у себя дома.

— *После апреля 1985 года состоялось немало встреч нашего политического и государственного руководства с руководителями стран Восточной Европы, которые с тех пор попали в категорию «бывших». Были ли в какой-то форме*

высказаны с нашей стороны предостережения, что их ждут трудности?

— Предвидел ли лично я? Знаете, не хочу казаться ни умником, ни дураком. А потому отвечу так: время мемуаров еще не пришло. Что некоторым руководителям грозят политические неприятности — было видно. Что все это может обрести такую форму и такие темпы — нет, не представлял себе.

Откровенные разговоры, конечно же, были, и неоднократно. Только мне лично, например, пришлось вести такие разговоры не по одному разу. Так что предостережения с нашей стороны были. Тактичные, сдержанные, но ясные.

Когда нами было сказано о свободе выбора каждого народа, о том, что мы не намерены вмешиваться во внутренние дела других партий и стран, навязывать собственные представления и подходы, это были слова, сказанные честно и всерьез, даже если поначалу кто-то и воспринял их иначе. Да и горький опыт прошлых вмешательств, его уроки у нас тоже есть. Мы ведь понимали уже, что август 1968 года задержал, отбросил на два десятилетия развитие не только Чехословакии, но и наше собственное, поскольку на годы укрепил позиции наиболее консервативных сил в нашей же партии и стране.

И все же я верю: социалистическая идея в этих странах еще скажет свое слово. Социализм немало дал народам. И когда снимутся эмоциональные наслоения, когда будут исправлены наиболее вопиющие несуразности — социалистические ростки в образе жизни народов опять начнут прорезываться. Время рассортирует подлинное, ценное, перспективное и все иное.

— Нет ли противоречия в том, что внешнеполитические достижения СССР за годы перестройки заметно перевешивают результаты социально-экономических и политических реформ внутри страны?

— Нет, никакого противоречия здесь нет. Перестройка направлена на то, чтобы сделать жизнь советского народа во всех отношениях лучше, достойнее, здоровее. Способствуют ли этому окончание «холодной войны», нормализация, снижение военной опасности, конверсия ресурсов и мощностей на гражданские цели? Противоречит ли такой жизни, ее налаживанию и развитию расширение наших международных связей, общения, возможность широко использовать международный опыт?

Да, внутри страны перестройка идет сложно, приносит отдачу медленнее. Отчасти потому, что перестройка задевает многие утрамбовавшиеся интересы, наталкивается на растущее и все более осознанное сопротивление. Это факт, от которого не уйти. Но я лично не разделяю утверждения, что внутри у перестройки меньше результатов. Просто тут меньше объективности, потому что ближе всех касается.

Но в конечном счете внешняя политика — это продолжение внутренней. И если бы перестройка ничего бы не изменяла в стране, не было бы результатов и на внешней арене.

— *Каким Вам видится мир первого десятилетия XXI века? Что в нем будет преобладать: соперничество или партнерство? Какую роль в международных отношениях будет играть идеология? Предвидите ли Вы тенденцию к конвергенции двух общественных систем или же она уже прослеживается?*

— Не хочу гадать. Пятнадцать лет в современном мире — срок очень большой. Особенно сейчас, когда на планете заявляют себя долговременные и качественно новые процессы, ход и эффект которых проявятся в полной мере еще даже не завтра.

Хотелось бы видеть в мире начала XXI века гораздо больше партнерства и сотрудничества. И мы ради этого работаем. Совсем от соперничества, по-видимому, уйти не удастся, да это и вряд ли нужно. Но вот придать ему цивилизованные, даже конструктивные формы необходимо, иначе просто не выжить.

Думаю, все это в пределах реального, достижимого.

О конвергенции. Признаюсь, с 60-х годов мои взгляды в этом плане существенно изменились. Думаю, процесс конвергенции объективен, он давно уже идет и будет нарастать. Нельзя недооценивать ни самого этого факта, ни его практического и политического значения. Но и переоценивать, трактовать неоправданно расширительно тоже было бы ошибкой.

Процесс конвергенции затрагивает главным образом вопросы «технологии» общественной жизни. Это организация и функционирование современного рынка. Это техника и технология демократии. Это информационно-научное обеспечение вообще всей жизнедеятельности человека и общества: свобода доступа к знаниям и информации. Это регуляция общественной жизни в социальных, экологических, разрушенческих, правоохранительных, иных целях. Во всех этих областях законы функционирования больших социальных и экономических систем диктуют много общего, причем по мере развития общества, его гражданской организации, по мере накопления знаний и технологий это общее будет, судя по всему, возрастать. Тут конвергенция очевидна, predetermined самой жизнью и в целом носит, на мой взгляд, положительный характер. Да и столь характерная для нашего времени тенденция к интернационализации экономики, науки, техники, информатики, коммуникаций может, совершенно очевидно, развиваться только на какой-то общей для всех или большинства стран материальной основе.

Но чем сильнее, глубже развиваются процессы конвергенции, тем больше и значение выбора: как, ради чего, в каких целях эти возможности используются. Во благо или во вред

человеку, окрашен ли делаемый выбор социальным, групповым, национальным эгоизмом или же стремится по мере сил оптимально отразить, учесть разные интересы и устремления. Это все самоочевидно. Но главное, на мой взгляд, — конвергенция создает базу для нарастания социального, политического, духовного многообразия мира.

Правда, на ее почве могут прорасти и настроения в пользу унификации мировой культуры, приведения ее к некоторому общему знаменателю. Я лично убежден: любые тенденции к унификации, если бы они возобладали, обернулись бы трагедией для народов, а может быть, и для человечества.

Один пример уже давно с нами — масскультура. Вот уж где максимально продвинутая конвергенция технических средств, приемов, инструментов. Унификация форм и методов, даже содержания. Интернационализация распространения. Яркость, красочность, привлекательность упаковки — этого не отнимешь. А в совокупности убивается духовный потенциал культуры. Потому что духовность всегда индивидуальна, уникальна, неповторима. Убежден: всю мощь технических средств надо бросить на поиск, тиражирование, распространение действительно духовного, ценного, вечного.

— *Читатели убеждены, что Вы относитесь к числу активных участников поворота во внешней политике. Тем не менее, замечают они, Вы часто стараетесь как бы оставаться в тени. Почему?*

— Отчасти, конечно, тут «виноват» мой характер: очень не люблю гарцевать на переднем плане. И все же мне кажется, что считать кого-то одного или двух-трех «творцами политики» могут только те, кто очень упрощенно представляет себе процесс ее формирования и осуществления. Политика всегда коллективное творчество, иной она не может быть. А в условиях перестройки, демократии — более чем когда-либо.

Что касается меня лично и моей позиции, я всегда высказывал ее откровенно. О необходимости свободы человека и свободы творчества. Об экономическом раскрепощении, переходе к рыночной экономике. О демократии как непрременном условии здорового, жизнеспособного, процветающего общества. О настоятельной потребности разрушения мертвящего догматизма в теории и практике. О противостоянии национализму, шовинизму всех мастей, защите подлинной культуры, нравственной экологии общества. Все это — и в моих выступлениях, в статьях и интервью, в недавно вышедшей книге.

Но, вообще говоря, я за то, что и здесь надо уходить от сталинского наследия, расставаться с ним безжалостно. За то, чтобы каждый персонально отвечал за свое дело, чтобы общественность знала государственных и политических лидеров «в лицо».

Модель абсолютного, монолитного единообразия, которого в реальной жизни не бывает и быть не может даже среди самых близких единомышленников, — модель эта насаждалась Сталиным и после него вовсе не ради единства. Сегодня мы хорошо знаем, что единства-то настоящего очень часто и не было.

«Ценность» этой модели была в ином. Надежно замуровать от общественности любые взгляды, мнения, оттенки, которые хоть в мелочах отличались бы от высочайших. Намертво заварить крышку, изолировавшую джинна гласности от общества. Лишить кого бы то ни было самой возможности вынести свою точку зрения на обсуждение масс, на суд совести.

А параллельно был создан и еще один крайне полезный режиму неограниченной личной власти ритуал — ритуал критики и покаяния. Когда массы информированы и действительно знают все и обо всем способны судить сознательно, тогда такой ритуал существовать не может. Тогда возможна дискуссия, полемика, споры, но не судилище, цель которого — сделать человека смиренным, согнуть и сломать его, подчинить его волю, вырвать из его души самую потребность в своем мнении. Заставить его публично каяться, подвергнуть своеобразной психологической инквизиции. И не только одержать над ним победу, но и тем самым утешить тех, кто ищет виноватых, скрывая тем самым либо собственные грехи, либо свою же неспособность и нежелание заниматься решением проблем но-настоящему. Въелось это в нашу кровь, наше сознание настолько, что не замечаем порой скрытого иезуитства.

— *Какими вопросами Вы занимаетесь в Президентском совете? Какой Вы лично видите его работу?*

— Президентский совет пока еще лишь штаб советников при Президенте СССР. Видимо, по мере развития политической реформы его функции и полномочия будут меняться.

Я считаю, что надо быстрее запускать на полную мощность механизмы президентской власти.

— *Ваши планы на будущее? Каким Вы его видите после съезда?*

— Да, съезду предстоит решить очень многое. Пожалуй, не было на нашей памяти съезда одновременно столь значимого, столь драматического по обстановке в стране, столь определяющего и в то же время труднопредсказуемого.

Проблема сегодня — не противоборствовать друг с другом, а делать дело. Хватит спорить об отвлеченных вещах и понятиях, равно как и искать виноватых. Всем нам нужна революция мышления. Необходимо начинать думать предметно, конкретно, системно. Пора действительно начинать работать по-новому. Иначе речь может пойти о неспособности партии ответить на вызов времени. И никого не будет интересовать, раскололись мы, перегруппировались или кон-

солидировались. Народу нужен результат, а не бесконечные демонстрации, кто кого и как критиковал, кто первый сказал то-то и то-то или против чего возражал, а его не послушали.

По существу, съезд будет решать не судьбу перестройки, она пойдет и дальше, а судьбу самой партии. Партии, которую в последний год захлестывает волна ретроградства, притом нескольких разновидностей: от плохого до худшего. Конечно, все имеют право на позицию. Но у нас достаточно причин утверждать: если партия не найдет в себе сил и мужества на действительное обновление в духе перестройки, новые трудности могут оказаться непреодолимыми, и жизнь пройдет мимо.

МОНОПОЛИЯ НА ИСТИНУ СМЕРТОНОСНА

Судя по всему, и меня ждут нелегкие минуты. Пять лет жизни и работы в 20 минут не уложить. Да и не в этом, видимо, смысл требований об отчетах, — скажу откровенно, неоднозначный для восприятия, но все-таки дающий возможность каждому еще раз прояснить свои позиции. Дело это непростое, но облегчается оно тем, что положения и выводы доклада товарища Горбачева я разделяю полностью. Это и общий отчет членов Центрального Комитета и его Политбюро. Так что главное — там.

Судя по накаленности эмоций, убежден, что наступило время истины, время говорить и на съездах коммунистов о благородстве и милосердии, чести и совести, стряхивая с ног своих накопленную десятилетиями грязь вражды и подозрительности. Пора кончать гражданскую войну, из которой мы никак не можем выйти. Для партии самое время брать инициативу и в нравственном очищении бытия и сознания.

Именно поэтому убежден в исторической правоте выбора 1985 года, в его глубокой нравственности. Без всеохватывающего обновления нет будущего ни у страны, ни у партии. Не будет и достойного места в мире. Это надо понять, чтобы оценить происходящее по достоинству.

Что же случилось с нами? С партией, некогда поднимавшей народ на революцию во имя справедливости и братства?

Случилась беда, ибо партия идеи, революционной идеи, превратилась в партию власти. В сущности, они всегда сосуществовали: партия служения народу и партия непрекословия, комчванства и комбарства. Именно партия идеи и начала перестройку, чтобы отвести погибель Отечества. И если говорить об основном противоречии острых процессов сегодня, то оно — в жесткой сшибке вдохновляющей идеи народовластия и разлагающей практики народоподавления.

Можно понять, сколь тяжело укладывается мысль — а череп человеческий самая неприступная крепость, — мысль о том, что монополия на истину смертоносна.

В этих условиях считаю, что только обновленная, поле-

вевшая и помолодевшая партия способна будет повести страну и дальше по пути серьезных преобразований. Движение это неостановимо, оно пойдет — с партией или без нее. Консервативные настроения и тенденции, которые выразительно заявили о себе в последнее время, — следствие и свидетельство того, что партия еще в значительной степени остается пленницей системы общественного застоя, порожденной режимом личной власти.

Именно этот хребет авторитарного организма пытается переломить перестройка. Но по этой же самой причине она вызывает у определенных слоев жгучую к себе ненависть. Судить теперь перестройку, которая, конечно же, не безупречна, или разобратся всерьез, чем она вызвана, что ей мешает и противодействует? Вот дилемма съезда, как я ее вижу.

Такова краткая информация о моей позиции, с которой я никогда не играл в прятки. А теперь конкретно.

Первое. Как председатель Комиссии по международной политике, считаю себя причастным к разработке и практике утверждения нового политического мышления, хотя и не собираюсь преувеличивать тут свою роль.

Мы прожили целую эпоху «холодной войны», противостояния систем, противостояния блоков, постоянной ядерной угрозы. Не будем сейчас разбираться, кто первым начал и кто больше виноват, — это потеряло практическое значение. Главное в другом: эта страшная эпоха поставила вопрос о смертности рода людского. Передовые умы нашего века — Эйнштейн, Капица, Рассел, Сахаров — указывали на это давно. Политики осознали куда позже, а действовать практически начали только с перестройки.

Все это надо было переосмысливать. И на старте перестройки, когда новое мышление еще только выдвигалось как гипотеза. И особенно в последнее время, когда стало ясно: путь наш верный и конструктивный.

Комиссия по международной политике работает недолго. Но через нее практически прошли все основные концептуальные проблемы. Большое число документов рассматривалось и обсуждалось в рабочем порядке, и по ним принимались решения. Это относится к подготовке визита товарища Горбачева в ФРГ, к вопросам, связанным со столетием Интернационала, различным аспектам сотрудничества с развивающимися странами. Комиссия обсуждала перспективу развития международных отношений в свете инициатив, выдвинутых в ООН. Надо было продумать, проанализировать не только конкретные вопросы, но и дать прогноз, к какому состоянию эти инициативы приведут международную систему.

Такая же, со взглядом вперед, дискуссия прошла и по концепции развития межгосударственных и межпартийных отношений с Китаем в условиях их нормализации. Обсужда-

лись пути реализации идей и инициатив, выдвинутых во Владивостоке и Красноярске; перемены в Центральной и Восточной Европе с точки зрения советских интересов; вопросы развития контактов и сотрудничества с социал-демократией и другими левыми силами. Обсуждались различные аспекты отношений с ФРГ, Италией, Китаем, США.

Комиссия стремилась строить свою работу так, чтобы не вторгаться непосредственно в сферу компетентности государственных и законодательных органов, в частности Верховного Совета СССР. Работа с Мининделом СССР шла в тесном контакте, на творческой основе.

Думаю, что опыт работы комиссии позволяет мне высказать несколько рекомендаций ее будущему составу. Исхожу из того, что такая форма работы оправдала себя и должна, на мой взгляд, получить развитие. Главный резерв видится в более тесной и непосредственной работе с законодателями. Комиссия должна выступать стимулятором и инициатором широкого и ответственного обсуждения в партии, в стране важнейших вопросов, связанных с нашим взаимодействием с внешним миром.

Мне пришлось в эти годы принимать непосредственное участие в подготовке и проведении многих из важнейших внешнеполитических инициатив, встреч и визитов на высшем уровне, участвовать в них как в Москве, так и за рубежом — в Женеве, Рейкьявике, Вашингтоне, Бонне, Риме, Париже, Пекине и в других городах. Конечно, труд этот коллективный. Говорю о нем просто потому, что такая работа занимала заметное место, поглощала немало времени и сил.

Но что считаю тут главным? Через нормализацию внешних условий, через свою открытость целостному сегодня миру мы меняем и нравственный климат дома. Спокойствие, уничтожение страха, уменьшение душевной потребности в поиске врага, реалистический взгляд на мир и на свои возможности — все это способствует утверждению в обществе здоровой духовной атмосферы.

Второе. Особая сфера в моей работе в последние годы — Комиссия по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями. Скажу вам честно — работа тяжелая, изнуряющая душевно, когда прах миллионов постоянно преследует тебя.

Доброе имя возвращено за это время почти миллиону человек, возвращено без сомнений и натяжек, в твердой уверенности, что вершится справедливость, торжествует правда.

Но нужна еще и правда общественная, социально-историческая. Сотни и сотни тысяч реабилитированных, согласитесь, — достаточная цифра, чтобы сделать вывод: такие масштабы фальсификаций, репрессий не могли быть делом случая, не могли быть и следствием только злой воли.

Кем и как создавался и запускался механизм репрессий, как он функционировал, как смогли его организаторы подмять под себя партию, государственные органы, общество? Почему ничто не встало на его пути? Насколько и как было в итоге искалечено наше развитие? Почему кровавое обличье сталинизма пытались реанимировать и потом?

Все это не праздные вопросы. Но ответ один: правда о сталинизме — это приговор созданной им системе.

Работа комиссии была связана с процессом обновления социализма, постижения характера того общества, в котором мы живем.

Было установлено, что, кроме широко известных четырех публичных процессов, в 30-е годы были проведены и тщательно скрываемые от общественного мнения еще более 60 процессов только в Москве. Среди них — так называемые «Кремлевское дело», «Московский центр», «Ленинградский центр», процесс «Рабочей оппозиции» и так далее.

Бедствия, постигшие тогда народ, поражают и масштабностью, и бессмысленной жестокостью.

Комиссия пришла к выводу о противозаконности действующей внесудебных органов. Имеется в виду принятый по инициативе ЦК КПСС на основании работы комиссии Указ Верховного Совета СССР от 16 января 1990 года об отмене внесудебных решений, вынесенных в то время.

Дальнейшее изучение материалов политических репрессий позволит подойти и к новым решениям. В частности, встает вопрос о крестьянстве в период коллективизации. На мой взгляд, это было самое чудовищное преступление, когда сотни тысяч крестьянских семей изгонялись из деревень, не понимая, за что же выпала им такая судьба, погибель от власти, которую они сами установили. Никто не принес столь массовых и трагических жертв на алтарь сталинизма, как российское крестьянство. Погибших не вернуть. Но пусть их доброе имя будет восстановлено в истории.

И здесь вновь возникает вопрос о нравственности. Не продвинемся вперед с непосильным грузом. Эта трагическая полоса истории не допускает недомолвок, умолчаний и двусмысленности.

Третье. Теперь еще об одном, очень важном для меня. Я знаю, что острый интерес, как и острое неприятие, вызвала моя причастность к деятельности, связанной с развитием гласности и демократии. Было бы непомерной самоуверенностью приписывать это себе, но коль критики продолжают охоту, то скажу так: да, я активно способствовал, когда занимался этими вопросами два года назад, тому, чтобы живительные воды гласности, как важнейшей части демократии, вырвались на поверхность, омыли наш лик, утолили духовную и нравственную жажду.

Были опубликованы десятки художественных произведений, дотоле запрещенных, а на экраны вышли фильмы,

годами лежавшие на полках. В сущности, началось оздоровление творчества, мы вышли из позора, связанного с подавлением свободы художника. Критикую себя только за то, что был недостаточно настойчив в этом плане в интересах перестройки...

Да, в средствах массовой информации, в творческих поисках есть сегодня и перехлесты, и некомпетентность, и безответственность, и серость. Но при всех издержках наша интеллигенция проделала огромную очистительную работу, сыграла неопценимую роль в становлении перестройки.

Да, шок. Да, больно. Да, непривычно и неприятно. Да, кому-то и поперек горла. Но разве не здесь у нас образовалась бездонная пропасть между словом и делом?!

Все это было далеко не просто. Не просто и сейчас. Последние пять лет это подтверждают. Поворот к демократическим преобразованиям в экономике, политике, духовной и общественной жизни опоздал на десятилетия. Болезни общества еще можно «перехватить», но надо осознавать: мы делаем это на критическом рубеже.

С историей не спорят. К сожалению, на протяжении 70 лет мы слишком часто позволяли себе игнорировать все, что нам не нравилось. Да и сегодня, положа руку на сердце, нередко продолжаем и лукавить сами с собой, и лицемерить. Общественная жизнь в стране еще перенасыщена осложнениями былых обманов.

Перестройка сумела колоссально много преодолеть. Но еще значительны иррационализм сознания и практики, недоверие к словам, намерениям, к обещаниям власти, цинизм и люмпенская психология, иждивенчество и карьеризм.

Противоречие перестройки и в том, что объективная потребность в радикальной модернизации общества, его институтов наталкивается на высокий уровень консерватизма.

Зашоренность сознания сказывается по-разному. Догматизированное прошлое каждого держит за ноги по-своему. Шаблонным стало обвинение ЦК, руководства партии в том, что они запаздывают с разработкой и принятием мер. Многое в этой критике справедливо. Но, не снимая ответственности с ЦК, в том числе и с себя лично, хотел бы сказать слова, вероятно, невпопад. Конечно, опаздываем. Но лет так на 50. Вот это затянувшееся опаздывание и лихорадит нашу перестройку.

Отвлекусь немножко. Христос, как известно, в свое время изгнал торговцев и менял из храма, предназначив свою религию бедным. Было это почти 2 тысячи лет назад. И лишь полтора года тому назад, через несколько веков после Реформации, Ватиканом было публично признано, что только заработанное богатство помогает очищению души и ведет в рай, что предпринимательство надо поддерживать, ибо оно облегчает положение человека на этом свете, дает ему средства к возвышению.

Неужели и мы своими схоластическими спорами вокруг рынка повторим эти рекорды запаздывания?

Время идет быстро, перед ним мы все равны. Для меня это, конечно, последний съезд. И я считаю, да простят мне эту некоторую сентиментальность, себя счастливым человеком, ибо оказался современником и активным участником великого обновления великой страны, ее исторического похода в мир свободы.

Многое сегодня зависит от меры мужества и меры совести, ну и от способности достойно пройти муки нового прочтения нашего бытия. А в нем есть что прочитать заново, если избавиться от психологии перманентной гражданской войны, от хлесткости обвинений, от людской нетерпимости, от идеологии послушания, коленопреклоненного состояния как нормы жизни, для воспитания которой Сталин столь настойчиво культивировал критику и самокритику.

Вспомним: не только пустеющие прилавки, но и пустеющие души вызвали перестройку, потребовали революционных перемен.

Есть, конечно, люди, которые хотели бы свести счеты, отыскать «виноватых», подсуетиться насчет еретиков. Можно, наверное, заняться и этим. Но за окнами разбуженная жизнь с ее реальными проблемами, печалью и радостями, с надеждами, амбициями, равнодушием. И все это рядом, всего лишь за двойными каменными стенами Дворца съездов и Кремля. Люди устали от наших слов, споров и обвинений. Треск слов — еще не гул истории, не поступь времени. И будет очень неловко, если мы предадим эти надежды и эти возможности, утонем в омуте ожесточенности. Будет неизменно стыдно, если, отыскав пару-другую «нечистых», станем заниматься самоедством, потирать вспотевшие от возбуждения руки, забывая о том, что в самопоении этим занятием рискуем судьбой и партии, и страны. Побольше бы нам товарищества. Догмы на какое-то время отстоять можно. Но остановить жизнь еще никому не удавалось.

И еще одно, последнее соображение, возможно, уязвимое по нынешним временам. Но поскольку у меня нет никаких политических амбиций, это позволяет мне задать вопрос вслух: а не слишком ли легко мы обходимся со своими лидерами? Через десять дней вы выберете совершенно новое руководство. И это будет правильно. Но уже завтра партия не будет одинокой в бурном политическом море, появится еще больше критиков. Вот тогда особенно будут необходимы, особенно понадобятся и единство, и доверие, и сплоченность. Учиться им надо сегодня. Давайте все вместе подумаем об этом.

ПОХОД В МИР СВОБОДЫ

...Подводить итоги съезда еще очень рано. Но хочу отметить, что многое показывают не только речи, но и табло голосования. Это тоже политический акт, и очень серьезный. Поэтому я не берусь делать какие-то выводы, но поделюсь некоторыми размышлениями, мыслями, которые родились еще перед съездом. Мне кажется, что мы все подошли к очень серьезному порогу, когда надо определить, куда мы пойдем: достанет у нас мужества на движение вперед или все-таки, как остроумно написали в одной газете, «рвануть назад, к светлому прошлому». Правда, сказать, что идет процесс полного размежевания, нельзя. Мне представляется, что существует еще масса людей как в зале, так и вне его, которые еще не определились. Я не говорю о тех равнодушных, которые определяться не будут никогда. Я говорю о политически заинтересованных людях, которые пока что не заняли внутренне четкой позиции.

Не определились, наверное, потому что трудно иногда это сделать. С одной стороны, вроде идет перестройка, которая провозгласила очень благородные цели, носящие исторический характер. Судите сами — ведь страна переживает перелом от несвободы к свободе. И это коренной вопрос. Что бы мы ни говорили, но суть именно в этом.

Но с другой стороны, мы то ли не сумели, то ли не повезло, то ли еще что-то, но именно в этот ломкий момент — когда ломается судьба страны, когда идет действительно качественный переход от небытия в бытие — нас захлестнули сложности социально-экономической сферы. И этим сцеплением экономических неурядиц очень ловко — и в зале съезда, и до него, еще раньше, — очень энергично пользуются те силы нашего общества, которые хотели бы все повер-

Ответы на вопросы молодых коммунистов — делегатов XXVIII съезда КПСС (из стенограммы агентства Интерфакс 8 июля 1990 г.). Во встрече участвовали молодые коммунисты, объединившиеся в группу «Демократическое единство» — представители Демократической и Марксистской платформ.

нуть вспять. Странники консервативных сил стали сейчас свои устремления просто выдавать за здравый смысл.

Я тоже агитирую — и печатно, и устно — за здравый смысл, но какой здравый смысл? Здравый смысл двигаться вперед или тот здравый смысл, который спрашивает: «Не вернуться ли нам назад? Вроде там было и получше».

Таким образом, социальные напряженности разного плана, особенно социально-экономические, плюс к ним, конечно, межнациональные вызвали неустойчивость психологии общества. И как бы при этом демократическим силам, которые искренне хотят серьезных изменений, поворота в наших судьбах, — как бы им не обмишуриться. Мне думается, что этот переломный момент происходит именно сейчас.

Я бы, пожалуй, на этом и закончил. Если у вас есть вопросы, рад буду ответить, если смогу.

* * *

Вопрос: Как Вы оцениваете оации Егору Кузьмичу Лигачеву?

Ответ: Ну, товарищи, кто хочет, тот хлопает. Зачем из этого делать историю? Я хотел попросить вас не требовать от меня персональных оценок. Я бы не хотел этим заниматься.

Вопрос: На съезде Компартии Украины и на нашем съезде, на котором мы сейчас работаем, меня лично убивает крайне низкий интеллектуальный уровень выступлений. Ведь есть в партии прекрасные люди, которые понимают всю величину, всю значимость того, что происходит. Мы их читаем, мы их слышим, так почему же на съезде мы не можем добиться, чтобы звучал голос этих людей? 19-я партконференция в какой-то мере выиграла потому, что там эти люди получили возможность сказать правду нам всем: и партии, и обществу.

Ответ: Вы знаете, меня самого тревожит низкий интеллектуальный уровень некоторых выступлений. Не всех, конечно, но надо, наверное, торопиться с оценками. Ну ладно, Бог с ним, с интеллектуальным уровнем. Но хотя бы отличались практической сметкой, практицизмом, каким-то серьезным взглядом на путь вперед или какой-нибудь интересной догадкой, практическим предложением. Но нет ведь этого! Никто не вышел, не поразил нас чем-то, чтобы мы с вами ахнули: вот это да, вот это здорово, догадался же мужик!

В чем тут дело? Трудно ответить. То ли за время застоя вымерли кадры, потому что два поколения проскочили. Из них не выбрали то, что можно было выбрать. Часть из них напрямую попала в диссиденты. Часть — кое-куда отосланы, часть — после, так сказать, определенных нагоняев просто сникли и прекратили борьбу. Вы же знаете, какая обстановка была у нас в аппаратах, да и сейчас — не думаю, что я кого-

то из партийных работников обижу, — она остается еще во многом такой, что не каждый решится что-то сказать супротив, далеко не каждый. Атавизм проклятого старого сознания еще остается.

Но я большую надежду возлагаю на молодежь. По-моему, мы недооценили людей 40-летних. Насколько я знаю, в этом слое очень много интересных людей. Мне они немножко знакомы по писательской сфере. Я вижу, как старшие наши боги на Олимпе не пускают этих 40-летних писателей, держат их в стороне всякими путями. Я все-таки надеюсь на молодежь. Вы знаете, я встречался с несколькими делегациями комсомольцев. Вот когда интересно было разговаривать. Ребята 20—23-летнего возраста, непосредственные и умные, образованные, и смотрят как-то по-другому, подмечают все в жизни, как писатели. У молодежи есть, по-моему, сейчас глаз. И нам бы надо эту молодежь как-то подтянуть к себе, естественно, на демократической основе.

Вопрос: Известно, что 20 процентов членов партии после съезда могут выйти из партии. Это люди, разуверившиеся в возможности перемен, а молодежь только подрастает. Не кажется ли Вам, что всем течением, стоящим влево от центра, надо заявить о существовании дилеммы: либо медленная агония, либо радикальные изменения?

Ответ: Я вчера с рабочими встречался и тоже слышал о предложениях о выходе из партии. Что меня настораживает? Сейчас уходить левому крылу, демократическому крылу, — это сослужить самую худшую службу и перестройке, и партии, и себе. Выход только обрадует тех, кто в общем-то в судьбе партии особо не заинтересован. Человек, заинтересованный в судьбе партии, по-моему, не должен сейчас сдавать позиции и уходить.

Вдохновляет меня то, что все-таки ультраконсервативное крыло исторически обречено. И та реваншистская волна, которую можно сейчас наблюдать, по-моему, больше похожа на конвульсии, нежели на политическую линию или на политические позиции, хотя недооценивать ее тоже не следует.

Представьте себе, что при этом здоровые, нормальные демократические силы в партии возьмут и уйдут. И что? Партии не будет. Не будет же! Создать с нуля новую, противопоставить ее партии, за которой столетняя история, — стоит ли, можно ли? Ведь действует и ностальгия, и партийная лояльность. Это благородные чувства. И в общем-то у каждого человека своя судьба. Просто сломать ее, по-моему, не решение вопроса. В борьбе преобразовать и обновить партию, чтобы она была совершенно другой и психологически, и нравственно, и политически, — разумнее, да и благороднее.

Больно, конечно, когда тебя бьют, но что же делать-то? По-моему, надо бороться. А не заикливаться на расколе, не

вести дело к нему. Это самое крайнее средство из всех, которые могут быть. Мне кажется, все это проявление нашей интеллигентской рефлексии — эмоционально реагировать на какую-то частную неудачу. Допустим, избрали не того, кого хотелось, — и сразу долой все! А может, это и полезно иногда: чтобы глаза яснее видели, чтобы понять, кто ты сам, левый или нелевый, надо знать, по крайней мере, что за взгляды у правого. Иначе себя потом не поймешь.

Вопрос: В настоящий момент программное заявление и Устав резко расходятся. Если программное заявление пошло и дает какой-то шанс тому же демократическому крылу объединяться по платформам и принцип демократического единства вроде бы там есть, то в Уставе пока в настоящий момент все это отсутствует. Как Вы считаете, возможно ли все-таки на данном съезде привести Устав в соответствие с программным заявлением, хотя бы по части демократизации партии? На мой взгляд, это единственная возможность предотвратить выход из партии.

Ответ: Тут я пессимист. Но скажу, что московская делегация дельные предложения внесла к Уставу. По-моему, очень дельные. И они могут серьезно помочь. Я тоже за формулу «демократическое единство», но боюсь, что на съезде просто не проголосуют.

Но если вы спросите, сильно ли я буду бросаться на стенку из-за этого, — нет, не буду. Потому что верю в общую демократизацию. А будут проводить ее новые кадры. Какой бы централизм ни записали в Устав, вы же все равно будете демократически действовать, правда?

Вопрос: Вы руководитель комиссии, которая занимается реабилитацией невинно осужденных в годы сталинского террора. Уже реабилитировали миллион честных людей. Почему до сих пор не исключен из партии Сталин?

И второе. Вы сказали, что для Вас это последний съезд, но не рассматриваете ли Вы свою кандидатуру на пост Генерального секретаря или, в крайнем случае, заместителя Генерального секретаря?

Ответ: Документ о деятельности Сталина и его окружения комиссией подготовлен. Сначала было намерение сказать обществу обо всех сразу. Но потом остановились только на Жданове. Преступления чудовищные. Во что мы сейчас уперлись? Дважды-трижды обсуждали вопрос о Кирове. А вообще наша комиссия — четвертая специальная комиссия. Я написал записку по Кирову со своими возражениями по работе предыдущих комиссий. Пусть она лежит в архивах.

Я лично не убежден в тех доказательствах, в которых говорится, что к смерти Кирова непричастно высшее руководство, в частности Сталин. Многое в таких доказательствах не сходится. Комиссия исследовала все, но сколько в этих исследованиях дырок! Хотя и очень сложно довести это дело до конца, людей живых уже не осталось, документы

уничтожены, но сделать это необходимо. Можно уверенно сказать, что окружение Сталина — мерзавцы первой степени и все в крови.

Какие еще есть противоречия? Например, с Хрущевым. С одной стороны, он так же действовал, как и все другие. И жертв на его совести не меньше, а по сравнению с кое-кем и больше. Но с другой, и об этом молчать-то мы не можем, — ведь это человек, имя которого связано с XX съездом КПСС, который проявил смелость, мужество в тех условиях.

Кто посоветует из вас, как в этом случае надо поступить? Наверное, сказать и то и другое.

Да, я действительно сказал, что это мой последний съезд. И я хочу вам сказать откровенно, честно: считаю, что если я могу сыграть еще какую-то роль, то лучше всего это сделать в Президентском совете. Там есть и серьезные возможности для того, чтобы делать дело без бюрократических проволочек, не спрашивая ни у кого ни о чем, не обсуждая ни в каких коллегиальных органах, против которых я, хотя и считаю себя демократом, но в данном случае в принципе возражаю, так как считаю, что за коллективной ответственностью порой скрывается коллективная безответственность. Каждый человек должен отвечать за свое дело.

И поэтому я твердо для себя решил, это я сказал и до съезда. Как только я был назначен в Президентский совет, я подал официальное заявление об освобождении меня от обязанностей секретаря ЦК. Я вообще считаю, что люди, которые являются членами Президентского совета, не должны быть в Политбюро, кроме Генерального секретаря ЦК КПСС и президента. Я не знаю, как думают все члены Политбюро, но часть из них, насколько я знаю, считают такую позицию правильной. Нам нужно иметь Президентский совет, представляющий все слои общества и политические направления, а не представителей одной, второй, третьей, четвертой партии.

Я думаю, по крайней мере надеюсь, что этот орган в конечном счете сможет играть важную роль. Вот почему я считаю, что полезнее мне быть в Президентском совете. И я заранее хочу сказать, что при любых предложениях и выдвижениях я все равно возьму самоотвод.

Вопрос: Почему Горбачев и другие члены Политбюро решили не излагать собственное видение концепции перестройки в идеологии съезду прямо, без иносказательности? Что останавливает?

Ответ: «Перестройка в идеологии». Вы, видимо, что-то другое имеете в виду, не идеологическую работу? По-моему, мы запутались в этом деле окончательно и бесповоротно. Никто себе и не представляет, что это такое, но все говорят о запущенности, о падении, разложении и т.д. Но, повторяю, при этом четко не представляют предмета.

У меня лично сложилось твердое убеждение, что идеоло-

гия — это всего лишь социальный опыт, прошедший через каждого человека, дающий ему возможность выбора.

В этом отношении сделаны только первые шаги, но уже какие битвы они вызвали, какие идут схватки! Для всего надо созреть. У меня лежит том из 250 страниц анализа моего видения марксизма. Я его написал шесть месяцев назад, но пока никуда не отдал, потому что знаю, что если я эти страницы *сейчас* опубликую, то, как говорят, повесят на первой осине.

Хотя я считаю, что это подлинная защита марксизма. Только я о конкретных положениях говорю: вот это неверно, нерационально, это — талантливая литература. А вот это уже посушественнее. Все мы говорим, что Маркс создал учение о человеке. Это у раннего Маркса. Маркс создал теорию классовой борьбы, причем гениальную теорию классовую борьбу, от которой, увы, нам надо отказываться. Нельзя не считаться с общественным мнением, с его настроениями.

Я себя считаю романтиком, за что себя корю. Но и я не ожидал, что существует такой консерватизм. Это даже трудно себе представить. Мы забили, окончательно затюкали сталинизмом и идеологию, и людей. Вы почитайте выступления на X и XI съездах партии. Многие выступления интеллектуально красивые, интересные, а сегодня? Формальные. Произошел скачок назад, на целое поколение.

Вопрос: Если бы все-таки размежевание между Демплатформой и КПСС произошло, на чьей стороне вы бы оказались и почему?

Ответ: Я все же считаю, что кроме демократизации общества другого пути у нас нет. Это моя твердая позиция.

Что же касается партии, то хочу сказать, что есть такое понятие — лояльность. Я вступил в партию в войну. Постарайтесь понять, что для меня это фактор огромной важности. Я помню обстоятельства, как все это было, при какой обстановке, какие были тогда коммунисты. И я не могу это забыть.

Вопрос: В своем выступлении Вы сказали, что результат перестройки будет зависеть от того, кто победит на арене экономики: «деструктивные или конструктивные силы».

Не считаете ли Вы, что есть огромная опасность для перестройки и с другой стороны, со стороны межнациональных отношений?

Ответ: Я сказал в выступлении, что перестройка все равно будет развиваться — с партией или без нее. Но если деструктивные силы придут к власти, какая же перестройка.

Второй вопрос. Да, действительно, межнациональные отношения в широком плане могут очень серьезно помешать перестройке. Очень серьезно. Тут перемешиваются, конечно, искреннее желание наций получить самостоятельность, повысить самосознание, но и деструктивные явления.

Что касается других сторон межнациональных отношений. Я свою позицию не скрываю, откровенно везде выступаю: и в печати, и публично против шовинизма во всех его формах, против любой формы национализма, против антисемитизма. Надо очень не любить русский народ, чтобы приписывать ему чувство антисемитизма, какой-то нелюбви к инородцам и так далее. Очень не любить.

Определенными средствами массовой информации этот вопрос сейчас разжигается, по-моему, до какой-то отвратности. Я статей пять прочитал с упреками в мой адрес за то, что я разделяю как два разных явления сионизм политический и религиозный. Я действительно об этом сказал в ответе на вопрос в Черемушкинском районе Москвы.

Ну и что? Я просто знаю, как это движение исторически возникло. Есть люди, которые считают себя сионистами, не имея при этом ни малейшего отношения к политике. Они просто верующие и называют себя сионистами, поскольку они верующие евреи. Если кто-то спекулирует на этом деле, то это уже другой вопрос.

И вокруг этого у нас идет, по-моему, просто недостойная возня. Будучи русским, я обращаюсь прежде всего к русским людям. Кстати, знаю, что в моей родной деревне была делегация одной из ветвей «Памяти», которая изучала вопрос — русский ли я? До этого писали, что я еврей, но после этой экспедиции кончили писать.

Мне лично даже противно, стыдно говорить на эти темы, делить людей по нациям. Делить людей надо по тому, порядочный, хороший человек или нет? Мне кажется, что демократические силы в этом не всегда активную позицию занимали, а могли бы.

Господи, стыдно все это и противно. Но кому-то это надо, товарищи, а? Кому? Есть какое-то такое мощное давление, которое даже нашим законникам не дает возможности применить закон. Во всех эшелонах есть люди, которые заявляют о себе как об интернационалистах, но вот только евреев при этом интернационализме надо бить.

Вопрос: У меня такое впечатление, что зал, который сегодня решает судьбу партии, вынужден определять, куда идти и как называть тот строй, который грядет.

Считаете ли Вы, что Л. И. Абалкин прав, когда говорит о том, что социализм у нас не построен, со всеми вытекающими логическими последствиями?

Ответ: С моей личной точки зрения — да. И я считаю, что социализм не построен, хотя некоторые товарищи за это ругаются. Но действительно не построен. Моя точка зрения, и она была отражена в «Известиях», что у нас создан ведомственный феодализм. С теоретической точки зрения никакой законченности в построении любого общественного уклада быть не может. Тем более неверно говорить о построенном социализме. Говорят о коммунистической пер-

спективе. Ну, видимо, коммунистическая перспектива в разных формах, может быть, стоит перед всеми нациями.

Для того чтобы строить нормальное здоровое общество, людей надо хотя бы накормить, одеть. А все остальное развивать на этой базе. Давайте сейчас займемся земными практическими делами. И просто без «измов» накормим людей, наведем какой-то порядок.

Вопрос: Какие практические шаги, Вы считаете, необходимо сделать для достижения экономического суверенитета граждан нашей страны?

Ответ: Я не экономист, но я считаю, что основная и тактическая и стратегическая ошибка, связанная с переходом к рыночной экономике, состоит в смешении двух совершенно разных понятий — рыночной экономики и повышения цен. Потому что движение цен — это результат работы рынка, действия его внутренних закономерностей. А уж понизится или повысится цена, это как рынок решит.

Поэтому и на Президентском совете, и сейчас я выступаю за создание сначала, как я ее назвал — удачно или неудачно, — «мягкой подушки» для введения рыночных отношений. То есть тех предварительных условий, которые должны быть в экономике в любом случае — хоть с рынком, хоть без рынка. Скажем, акционерный капитал, продажа мелких предприятий в частные руки, например парикмахерских. Зачем Совету Министров брить или стричь людей? Далее: расширение фермерского хозяйства, предоставление им возможностей работы, введение разных форм хозяйствования, совершенствование кредитно-финансовой системы, процентной системы и многое другое, что все равно надо вводить.

Сделаем мы это, тогда рынок будет логичным продолжением, нормальным, а не так: гром раздался, молния сверкнула, о ужас, все побежали в дом, закрыв уши.

Вопрос: Есть ли противоречия между общечеловеческими и классовыми интересами?

Ответ: Я не вижу неприменных, неизбежных противоречий. Хотя отдельные и возможны.

Но тут иногда — вольно или невольно — происходит существенная подмена понятий. Путают «интересы» и «ценности», пользуются этими двумя словами как синонимами. А они обозначают существенно разные вещи.

Ценности — категория нравственная. Если у каждого человека ли, народа, класса своя нравственность — значит, в совокупности мы имеем ситуацию общей безнравственности. Когда-то так и было. В ядерный век, в век глобальных технологий это верный и скорый путь к катастрофе. Нравственность у человечества должна быть одна, единая, всеобщая, выше нее не может быть ничего. И потому общечеловеческие ценности выше любых иных. Почему тут должно быть противоречие ценностям классовым? Напротив, возможно теснейшее совпадение, к нему надо стремиться.

А вот конкретные интересы могут отличаться, даже существенно. И могут возникать противоречия, когда класс, группа хотят чего-то такого, что пойдет или может пойти во вред интересам общечеловеческим. Как быть?

Здесь-то общечеловеческие ценности и должны диктовать и содержание решения, и его форму, и путь к нему. С тем чтобы все это носило цивилизованные формы, не оборачивалось бы против человека, не вело бы к его дегуманизации, моральной деградации. Почему такая логика, такой подход некоторых не устраивает — понять не могу. Или и впрямь насилье лучше?

Вопрос: Вы сказали, что независимо от желания кого-то придется почти полностью обновлять ЦК и Политбюро. Не получится ли это обновление чисто механическим и надо ли на него обращать серьезное внимание?

Ответ: Обращать внимание на выборы, конечно, надо. Потому что все-таки 19-миллионная армия коммунистов.

Партия может выжить, только если она будет действительно работать на общество, а не на себя. Здесь мы и спотыкаемся. Создали «Орден меченосцев», забрали власть. Очень удобно, очень хорошо: могу распорядиться, могу дать указание, а ответственности никакой, если, правда, к соседке не сходил или не напился сильно. Тогда выговор. А больше никакой. А если указание дал и на миллионы убыток нанес, то никакой ответственности вроде бы и нет. Кто понес ответственность за то, что у нас каждый год тридцать — сорок процентов потерь в сельском хозяйстве, а мы все грохаем деньги в сельхозпроизводство? А за последние 15—20 лет процент выполнения планов строительства перерабатывающих предприятий колебался от 17 до 40.

Мы привыкли ордена давать только за производство. Но никому не дали орден за то, что сохранил зерно в элеваторе. Все эти нелепости надо устранять.

И партия должна понять, что должна быть другая партия. А даже на этом съезде некоторые все время выступают с позиции шестой статьи. Выступающий при этом, может быть, даже и не думает о ней, он, может быть, даже голосовал за отмену шестой статьи. А выходит на трибуну и говорит с позиции этой статьи... Видимо, должны пройти годы, чтобы эта психология как-то переменялась.

Вопрос: Как Вы считаете, надо обсудить вопрос об ответственности бывших членов Политбюро ЦК КПСС?

Ответ: Я был на вашей позиции, до того как стал председателем комиссии по реабилитации. И эта работа принесла мне нравственный надлом, у меня появилось чувство глубочайшего сострадания ко всем, кто и руководил, и жил до нас. Несчастные люди. Я не оправдываю их, они, скорее, все жертвы. Нам легко сегодня сказать, что они такие-сякие. Но может быть, товарищи демократы, хватит нам хвататься за

мертвых? Может быть, подвести под все это черту и идти вперед?

Вопрос: Для перехода к рыночной экономике надо посылать на стажировку специалистов за рубеж. Делается ли это?

Ответ: Этот процесс начался. Скажем, договорились с американцами обмениваться студентами — тысячу на тысячу. Это, по-моему, приведет к реальным результатам. Японцы готовы на такие акции, ФРГ готова, и сейчас наши студенты туда тоже направляются.

Мы просто не готовили специалистов многих сфер. У нас нет, например, специалистов по кредитным отношениям. У нас никто не знает, кроме ученых, что такое акционерный капитал. Но и ученые знают об этом теоретически. У нас мало людей, знающих, как практически работают за рубежом финансы. Допустим, фермер: он ведь не с местной властью имеет дело, как мы пытаемся его заставить, а с банками. И ни с кем больше!

Я немного знаю канадское сельское хозяйство. Оно тоже на дотации, но делается это через процентную ставку. Если процентная ставка везде скачет вверх-вниз, то в агробанке она составляет 6 процентов, и хоть убейся: ни больше, ни меньше. А если банк получает от этого убытки, то правительство их возмещает. А мы этого не знаем, и у нас нет соответствующих специалистов.

Вопрос: Сейчас мы начинаем разбирать ошибки перестройки, но я сам пришел к выводу, что главная ошибка была совершена в мышлении, особенно в начале перестройки. Был нарушен здравый смысл в решении некоторых вопросов, то есть при подходе к устранению проблемы надо было определить как это делать, когда и с чего начинать. Не надо ли вообще заявить о виновности партии за все?

Ответ: Вы знаете, целесообразность покаяния обсуждается давным-давно. Действительно, партия виновата, но особенно — в репрессиях. И опять-таки, вся ли партия в целом? Я думаю, при той системе диктатуры виноваты действительно Сталин и его ближайшее окружение. Мне, конечно, о своем личном опыте трудно говорить. В 1941 году мне было 17 лет. Что я понимал тогда? Но сейчас, когда начинаешь разбираться, видно, что там нет ни ангелов, ни дьяволов. Мы сейчас многих реабилитируем — и правильно делаем, разумеется. Но они ведь и сами доносили. И прежде чем решать вопрос о покаянии, давайте посмотрим, каким было наше общество. Ведь 80 процентов людей погибли по доносам соседей, товарищей — хотя слово «товарищ» тут не подходит.

А как быть с теми, кого это не коснулось? Я лично верил и в идею, и в партию, и сам в атаку ходил «За Родину, за Сталина». И честно верил. И честно выполнял свой долг. Такая была ситуация. Кто же жертвы все-таки? Мы тоже жертвы: все те, кто жил в то время. Более того, я считаю, что

и партия — жертва. Вот почему я в своем выступлении сказал, что были две партии — партия идеи и партия власти. Длительное время во главе была партия власти. Вот если бы нам удалось превратить ее в партию идеи, мы бы действительно совершили исторический подвиг. Не знаю, удастся или нет?

Вопрос: Не противоречит ли принципу демократизации партии и общества предложение о том, чтобы выводить первичные партийные организации из трудовых коллективов? Не приведет ли это к административному диктату? Не приведет ли это к тому, что трудовой коллектив потеряет противовес этому диктату в лице первичной парторганизации? И не противоречит ли это тезису о том, что партия должна работать в обществе?

Ответ: Моя точка зрения такова, что Коммунистическая партия или партийная ячейка, как и организация любой другой партии, имеет право работать там, где люди прислушиваются к ней и идут за той или иной партией.

И в законодательном порядке, если говорить о трудовых коллективах заводов, фабрик, я думаю, было бы неправильно выводить партии с предприятий. Это недемократично. А если люди хотят иметь свою парторганизацию, будь то социалистическая партия, социал-демократическая, коммунистическая, народно-демократическая или любая другая? Пусть имеют.

Вопрос: Правовое государство предполагает равенство всех граждан перед законом, а потому непременным условием создания правового государства должны быть деполитизированные правовые органы. Произойдет ли такая деполитизация? И если да, то когда?

Ответ: Пока такой перспективы нет, и я думаю, к решению этих вопросов мы сможем практически подойти только тогда, когда образуется вторая — нормальная, серьезная, жизнеспособная партия. Я лично стою за существование двух партий. Считаю это наиболее целесообразным. Но как общество решит, как судьба распорядится, это уже дело другое.

Вопрос: Я вас не буду агитировать за деполитизацию Вооруженных Сил. Я одно прошу — займитесь-ка опросом, реальным опросом. Мы проводим его самостийно, у нас есть данные по этим самостийным опросам, что до 90 процентов за деполитизацию. Причем не только демократы, но и консерваторы. Они не хотят заниматься межпартийными склоками. Армия — это инструмент президента. Иначе она станет инструментом партии.

И еще. В проекте нашего программного документа и в Уставе сказано, что можно разрешить создание в партии платформы, течений и запретить формирование фракций в организационном плане, но в то же время разрешить им отстаивать позицию, организационно не оформляясь, не вы-

бирая себе лидера и т. д. В чем же разница между фракцией и платформой?

Ответ: Я понимаю. Ну там написано, по-моему, фракция с внутренней, именно со своей внутренней дисциплиной. Я вас уверяю, что в ближайшие десять лет такого вопроса стоять нигде не будет, никто не возьмется определить, что есть что, где платформа, а где фракция.

Вопрос: Кто лишил всех почестей и разжаловал Олега Калугина? Партия? Президент?

Ответ: Я, честно говоря, не знаю, как этот вопрос решался. Хотя знаю Калугина. Так случилось, что вместе учились в Колумбийском университете. Я был в то время аспирантом Академии общественных наук. Давно это было, в годы молодости. Ничего плохого о том времени я сказать не могу. И все же я полагаю, что когда человек поступает на работу в такие довольно деликатные органы со своими специфическими законами и порядками, то он вынужден иногда выполнять функции, о которых так просто не расскажешь. При этом он должен до конца жизни держаться определенной лояльности, своей внутренней чести. И четко различать свою общественную деятельность в пользу демократии или против демократии и никогда ее не спутать с тем, что он знал в прошлом.

Мне методы работы Комитета госбезопасности не известны. Не знаю всех их тонкостей и правил. Но я на своем примере скажу. Я работал десять лет послом. И, как вы сами понимаете, я знал не только дипломатов. Но вот что бы со мной ни случилось, я не своей информацией ни с кем никогда делиться не буду. Это не моя информация. И я думаю, что у Олега Даниловича есть информация не его. Вот свою — пусть о ней говорит сколько хочет, а не свою — нельзя.

Вопрос: Он же раскрывал не какие-то военные государственные тайны, он показал механизмы работы КГБ в идеологической области, в области борьбы с общественным движением... И наказали его скорее всего за это. Здесь речь идет о том, под чей контроль попадают органы?

Ответ: Я лично считаю, что ни министр обороны, ни председатель КГБ не должны быть членами Политбюро.

Вопрос: Не считаете ли Вы, что у нас сейчас нет более или менее ясной концепции строительства нашего общества и первое, что нужно партии сделать, — это начать разработку такой концепции?

Ответ: Конечно, теорией заниматься надо, но я лично, как человек, немного знакомый с научной деятельностью, все-таки считаю, что, пока нас жизнь не научит, новой теории нашего общества не создадим. Надо от многого отказываться, товарищи, а мы еще к этому не готовы.

Вопрос: Каково Ваше отношение к Ленину?

Ответ: Я уже отвечал на этот вопрос. Мое отношение

очень хорошее. Это не значит, что я его считаю идеальным, как это принято. Есть у него работы действительно очень крупные. Но, скажем, некоторые положения такой книжки, как «Материализм и эмпириокритицизм», где-то устарели. И ничего в этом особенного нет. Есть у него противоречивые работы. В конце концов, если сравнить работу «Государство и революция» с работой «Очередные задачи Советской власти», то увидим несовпадения, противоречия. Изменилось время, одна написана до революции, другая — после. Я к чему это говорю? У Ленина была величайшая черта политика — умение менять свою точку зрения в зависимости от сложившихся обстоятельств. Этой способностью он обладал с блеском. Но он многого не доделал, не успел. Если в марксизме очень ценен ранний Маркс, то Ленин — поздний. Он шел к переосмыслению своей точки зрения и не успел. Это чувствуется по его последним работам: не успел!

ЗАЯВЛЕНИЕ НА XXVIII СЪЕЗДЕ

Не думал, что мне придется снова подниматься на эту трибуну, но ничего не поделаешь.

Позавчера среди делегатов распространена анонимная листовка о моей встрече с молодыми коммунистами из Демократической платформы и Марксистской платформы. На нее не стоило бы обращать внимания, если бы вопрос не был поднят на встрече с рабочими и крестьянами. Да и здесь он возникает.

В связи с этим хочу сделать следующее заявление:

«Политическая борьба приобрела на съезде по некоторым аспектам мерзкие формы, что подтверждается следующими фактами.

В анонимке:

Вопрос: Как бы вы могли прокомментировать итоги первых дней работы съезда?

Якобы ответ: Итоги обобщить трудно. И я за это не берусь. Но повторяю, что перестройка пойдет вперед, независимо — с КПСС или без нее.

Но сегодня ясно видно: многие еще не определились, за кем идти — то ли за Демократической платформой, то ли за консерваторами?

Ответ на самом деле (по стенограмме):

...Подводить итоги съезда еще очень рано. Не берусь делать какие-то выводы, но поделюсь некоторыми размышлениями. Мне кажется, что все мы подошли к очень серьезному порогу, когда надо определить, куда мы пойдем: достанет у нас мужества на движение вперед или все-таки, как остроумно написали в одной газете, «рвануть назад, к светлому прошлому». Сказать, что идет процесс полного размежевания, нельзя. Мне представляется, что существует еще масса людей как в зале, так и вне его, которые еще не определились. Я не говорю о тех равнодушных, которые определяться не будут никогда. Я говорю о политически заинтересованных людях, которые пока что не заняли внутренне четкой позиции.

В анонимке:

Вопрос: Как Вы оцениваете оации на съезде т. Лигачеву Е. К.?

Якобы ответ: Кто хочет, тот пусть хлопает, но надо бы сделать все, чтобы он не был избран в руководящие органы.

На самом деле (по стенограмме):

Ну, товарищи, кто хочет, тот хлопает. Зачем из этого делать историю? Я хотел бы попросить вас не требовать от меня персональных оценок. Я бы не хотел этим заниматься.

В анонимке:

Вопрос: Ваше отношение к выходу Демплатформы из КПСС?

Якобы ответ: Уйти сейчас демкрылу из партии — значит сослужить самую худшую службу себе, это на руку консерваторам.

Реваншистская волна на съезде, поднятая реакционной частью делегатов, — это предсмертные конвульсии.

Если вы уйдете, новую партию так просто создать вам не удастся. Надо в борьбе внутри партии бороться за возрождение партии.

На самом деле:

Вопрос: Известно, что 20 процентов членов партии после съезда могут выйти из партии... Это люди, разуверившиеся в возможности перемен, а молодежь только подрастает. Не кажется ли Вам, что всем течениям, стоящим влево от центра, надо заявить о существовании дилеммы: либо медленная агония, либо радикальные изменения?

Ответ по стенограмме: Я вчера с рабочими встречался и тоже слышал о предложениях о выходе из партии. Что меня настораживает? Сейчас уходить левому крылу, демократическому крылу, — это сослужить самую худшую службу и перестройке, и партии, и себе. Выход только обрадует тех, кто в общем-то в судьбе партии особо не заинтересован. Человек, заинтересованный в судьбе партии, по-моему, не должен сейчас сдавать позиции и уходить.

Вдохновляет меня то, что все-таки ультраконсервативное крыло исторически обречено. И та реваншистская волна, которую можно сейчас наблюдать, по-моему, больше похожа на конвульсии, нежели на политическую линию или на политические позиции, хотя недооценивать ее тоже не следует.

В борьбе преобразовать и обновить партию, чтобы она была совершенно другой и психологически, и нравственно, и политически, — разумнее, да и благороднее.

В анонимке:

Вопрос: Ваше отношение к кандидатуре Полозкова И. К.?

Якобы ответ: Выбор сделан неудачно.

Отвечаю: Вопрос о Полозкове не задавался, а значит, и не было никакого ответа.

В анонимке:

Вопрос: Удастся ли сформировать на съезде качественный состав ЦК?

Якобы ответ: Нет! Обновление произойдет только механическое.

На самом деле:

Вопрос: Вы сказали, что независимо от желания кого-то придется почти полностью обновлять ЦК и Политбюро. Не получится ли это обновление чисто механическим и надо ли на него обращать серьезное внимание?

Мой ответ: Партия может выжить, только если она будет действительно работать на общество, а не на себя. Здесь мы и спотыкаемся.

И партия должна понять, что должна быть другая партия. А даже на этом съезде некоторые все время выступают с позиции шестой статьи. Выступающий при этом, может быть, даже и не думает о ней, он, может быть, даже голосовал за отмену шестой статьи. А выходит на трибуну и говорит с позиции этой статьи... Видимо, должны пройти годы, чтобы эта психология как-то переменялась.

В анонимке:

Вопрос: Да или нет первичным партийным организациям в трудовых коллективах?

Якобы ответ: Другого решения на этом съезде провести не удастся.

На самом деле:

Вопрос: Не противоречит ли принципу демократизации партии и общества предложение о том, чтобы вывести первичные партийные организации из трудовых коллективов? Не приведет ли это к административному диктату? Не приведет ли это к тому, что трудовой коллектив потеряет противовес этому диктату в лице первичной парторганизации? И не противоречит ли это тезису о том, что партия должна работать в обществе?

Ответ: Моя точка зрения такова, что Коммунистическая партия или партийная ячейка, как и организация любой другой партии, имеет право работать там, где люди прислушиваются к ней и идут за той или иной партией.

И в законодательном порядке, если говорить о трудовых коллективах заводов, фабрик, я думаю, было бы неправильно выводить партии с предприятий. Это недемократично.

В анонимке:

Вопрос: Ваше отношение к деполитизации армии, КГБ, МВД?

Якобы ответ: Надо работать в этом направлении, но сегодня эту идею реализовать не удастся.

На вопрос такого рода я вообще не отвечал.

В анонимке:

Вопрос: Должна ли партия покаяться перед народом?

Якобы ответ: Партия виновата в главном — в организации репрессий. Должен сказать, что 80 процентов репрессировано по доносам.

На самом деле:

Вопрос: Сейчас мы начинаем разбирать ошибки перестройки, но я сам припел к выводу, что главная ошибка была совершена в мышлении, особенно в начале перестройки. Был нарушен здравый смысл в решении некоторых вопросов, то есть при подходе к устранению проблемы надо было определить, как это делать, когда и с чего начинать, не надо ли вообще заявить о виновности партии за все?

Мой ответ: Вы знаете, целесообразность покаяния обсуждается давным-давно. Действительно, партия виновата, но особенно — в репрессиях. И опять-таки, вся ли партия в целом? Я думаю, при той системе диктатуры виноваты действительно Сталин и его ближайшее окружение. Мне, конечно, о своем личном опыте трудно говорить. В 1941 году мне было 17 лет. Что я понимал тогда? И прежде чем решать вопрос о покаянии, давайте посмотрим, каким было наше общество. Ведь 80 процентов людей погибли по доносам соседей, товарищей — хотя слово «товарищ» тут не подходит.

А как быть с теми, кого это не коснулось? Я лично верил и в идею, и в партию, и сам в атаку ходил «За Родину, за Сталина». И честно верил. И честно выполнял свой долг. Такая была ситуация. Мы тоже жертвы: все те, кто жил в то время. Более того, я считаю, что и партия — жертва. Вот почему я в своем выступлении сказал, что были две партии — партия идеи и партия власти. Длительное время во главе была партия власти. Вот если бы нам удалось превратить ее в партию идеи, мы бы действительно совершили исторический подвиг.

В анонимке:

Вопрос: Почему Вы ясно, внятно не говорите о своем выборе, по какому пути идти: к социализму или к коммунизму?

Якобы ответ: Я выбор сделал. Я за акционерный капитал. Надо немедленно продать все мелкие предприятия частным лицам.

На самом деле:

Вопрос: У меня такое впечатление, что зал, который сегодня решает судьбу партии, вынужден определять, куда идти и как называть тот строй, который грядет.

Считаете ли Вы, что Л. И. Абалкин прав, когда говорит о том, что социализм у нас не построен, со всеми вытекающими логическими последствиями?

Ответ: С моей точки зрения — да. И я считаю, что социализм не построен, хотя некоторые товарищи за это ругаются. С теоретической точки зрения никакой законченности в построении любого общественного уклада быть не

может. Тем более неверно говорить о построенном социализме.

Для того чтобы строить нормальное здоровое общество, людей надо хотя бы накормить, одеть. А все остальное развивать на этой базе. Давайте сейчас займемся земными, практическими делами.

И наконец самый гнусный пассаж в анонимке.

Вопрос: Многие считают инициатором перестройки М. С. Горбачева. Но мы-то знаем, что отцом перестройки являетесь вы?

Якобы ответ: Ну уж прямо так! Но я не отрекаюсь от этого, от того, что М. С. Горбачев озвучивает мои идеи.

Ни вопроса такого, ни ответа такого с кокетливыми ужимками не было. Это прямое оскорбление, провокация. Автор подметного письма мог бы и посерьезнее поработать.

Вот до какой мерзости мы дошли!

Иными словами, я как коммунист, а в партии я 47 лет, и как делегат съезда прошу поручить Секретариату съезда расследовать все это дело, истоки его и найти организаторов.

На встрече молодых коммунистов-демократов присутствовало более 400 человек. Есть стенограмма.

А теперь второе, логически, внутренне связанное с предыдущим. Вот что распространяется на съезде от имени Объединенного фронта трудящихся:

Поставить и решить вопрос об ответственности нынешнего руководства КПСС во главе с М. С. Горбачевым и А. Н. Яковлевым за экономический и социальный кризис в стране, межнациональные конфликты, подрыв ее безопасности, развал Варшавского Договора и всей системы социализма, о соответствии деятельности М. С. Горбачева и А. Н. Яковлева занимаемым постам в партии и о пребывании их в ней.

Третье. От имени московского общества «Единство» распространяется на съезде листовка, в которой написано: «Горбачев — паралич партии и государства», окончательное разрушение социализма «по ревизионистским рецептам соратника Горбачева Яковлева». Дальше идут откровенные оскорбления.

Четвертое. На съезде распространяется ксерокопия статьи из газетенки «Русский голос», продающейся, кстати, в московских киосках. В ней призывы: «Нам нужен новый Гитлер, а не Горбачев. Нужен срочно военный переворот. В Сибири у нас еще много неосвоенных мест, ожидающих своих энтузиастов, проваливших дело перестройки». Упоминается и моя фамилия. Так что, сибиряки, ждите новых эзков.

Вот что происходит, товарищи. Идет массированная атака, травля всеми средствами, вплоть до уголовных.

Конечно, все это оставляет рубцы на сердце, но я хотел бы сказать организаторам этой скоординированной кампании, тем, кто стоит за их спиной: укоротить мою жизнь вы можете, но заставить замолчать — никогда!

КОНВЕРСИЯ — ТВОРЧЕСКИЙ ВЫЗОВ НАУКЕ И ОБЩЕСТВУ

Только на рубеже XXI века человечество набралось мудрости и достигло той ступени цивилизационной зрелости, чтобы начать практически и добровольно процесс реального разоружения. Именно практически, ибо как лозунг, как нравственный постулат идея разоружения выдвигалась еще века и тысячелетия назад. Но противоречия интересов были на предыдущих стадиях истории настолько непреодолимы, что надежды так и оставались надеждами, а человечество продолжало свой безумный марш к краю пропасти.

Сегодня появился свет в туннеле. Хочу особо отметить, что разоружение начато добровольно. Не только потому, что в этой добровольности, в ее возможности материализоваться немалая заслуга принадлежит философии и политике перестройки. Но и потому, что пока еще стартовый процесс — один из немногих, но крайне важных примеров того, что человечество не только должно жить по разуму, но и способно это сделать.

Повторяю, мировое сообщество спохватилось вовремя. Разум впервые взял верх. Верх, я бы сказал, исторического значения.

Ибо впереди один, и только один путь: вначале коллективно думать, просчитывать варианты и последствия, договариваться на основе баланса интересов, а уже потом вместе действовать. Иное поведение — игра с огнем, в пламени которого сгорит земная цивилизация. Вот почему в этот хрупкий переходный период так важно всемерно утверждать рациональные формы мышления и нравственности, социального и личного поведения, политическую ответственность. Только так возможно прийти к цивилизации без войн и оружия.

В этом общецивилизационном, социально-историческом, духовном контексте, мне кажется, надо рассматривать и конверсию. Не конкретный набор ее задач и целей, но именно

единую, общую, стратегическую и глобальную «сверхзадачу» конверсии как явления. Как ростка того нового, что рождено вековечной мечтой, что получило шанс стать реальностью, что способно облегчить и облагородить нашу жизнь.

Хорошо известна старинная притча о двух каменщиках: один просто укладывал кирпичи, другой сознавал, что строит храм.

Сознавал!

Можно и нужно искать разумное, достойное применение всему тому, что будет высвобождаться из военной сферы. Но только одного этого недостаточно. Необходимо понимание: конверсия — не самоцель и не вынужденная плата за былые просчеты, прежние политические цели и приоритеты. Она даже — не просто требование жизни. Конверсия военных производств и сфер деятельности может и должна стать составной частью созидания лучшего мира — и в национальных, и в глобальных масштабах.

Сегодня человек не только сокращает оружие, но освобождает себя от страха, от груза милитаризованной психологии, политики, философии.

Но происходит это в мире далеко не идеальном. Концентрация зла еще весьма велика. И призраки прошлого, как мне кажется, способны воспрянуть, вернуться с легкостью куда большей, чем удалось их потеснить. Иными словами, вступая на путь конверсии, нельзя идеализировать перемены к лучшему, но и недооценка их будет несправедливой.

Конверсия — детище нового мышления, а коль так, она и строиться должна в соответствии с новым пониманием целей и средств общего развития.

Речь не только о том, во что переплавить вооружения или какой продукцией загрузить производства, работавшие на милитаризм. Конверсия требует и переосмысления всех взаимоотношений между гражданским и военным направлениями в экономике, всех отношений и взаимосвязей между обществом и военно-промышленным комплексом. Переосмысления в сторону большей рациональности, эффективности, хозяйственной и политической ответственности. Это конверсия — максимум.

Задача специалистов — определить конкретное содержание конверсии, ее формы, организацию. Но в любом случае она должна органично вписываться в общие социально-экономические преобразования, в рыночные отношения. В противном случае на этом стыке возникли бы противоречия, способные нанести ущерб и самой конверсии, и перестройке, а значит, и народу. Между тем речь должна идти прежде всего о том, как включить в созидательные процессы и отношения огромный материальный потенциал, воплощающий многие наивысшие научные, технологические, организационные достижения.

Думаю, справедливо будет сказать, что пока, на данный момент, еще нет, по большому счету, ни программы конверсии, ни ее научно обоснованной практики. По-своему логично и естественно, когда на первых порах после возникновения какой-то задачи идет скольжение по поверхности. Наверное, тут есть и своя неизбежность. Но постепенно затрагиваются глубинные слои проблемы.

Что касается Советского Союза, то для нас конверсия — это важнейший потенциал экономики. Причем такой, состояние и использование которого целиком и полностью зависит от нас самих. Если мы не сможем «послать в десятку» этот «заряд», будет невероятно трудно переломить ход общенационального развития. И потому уже сейчас, на солидной научной основе необходимо определиться: какие приоритетные цели структурной перестройки экономического организма нашего государства, его социальной политики могут наиболее эффективно быть решены с помощью конверсии.

Отдадим должное отраслям оборонного и космического комплексов: они во многом успешно выдержали мировую конкуренцию. Иной вопрос — какой ценой, но актив тут есть. И чтобы наш в муках рождающийся рынок с самого начала базировался на хорошей, современной технологической основе, чтобы экономический интерес со старта увязывался с научно-техническим прогрессом, — для всего этого крайне, на мой взгляд, важно, чтобы «звезды» оборонной технологии получили бы возможность стать лидерами новых экономических отношений. Оставить все как было значило бы не только имплантировать в рыночную экономику опухоль командования и администрирования, но и по той же причине обречь самые передовые научно-технические заделы на вырождение, охватившее многие другие отрасли — бюрократические, централизованные, начисто оторванные от рынка и потребителя, порабощенные ведомственностью.

Все сказанное — не претензия на собственную концепцию конверсии. Это лишь попытка поразмышлять о сути явления, его взаимосвязях с другими сферами жизни. Лично меня такие размышления приводят к выводу, что концепция конверсии может быть создана лишь на самых передовых рубежах современной научной мысли. Свой вклад в нее призваны внести все науки об обществе и человеке.

Да и осуществление конверсии — задача не одних только мировых оборонных ведомств. Так или иначе участвовать в конверсии предстоит всему мировому сообществу. Значит, с самого начала — и на теоретическом, и на практическом уровнях — она должна разрабатываться и проводиться в жизнь как программа гласная, демократическая, открытая идеям, предложениям, инициативам, критике.

В этом контексте конверсия — еще и выход на новое

качество в общественных отношениях внутри страны и во внешних делах и связях. Ее нельзя сводить лишь к экономическим и техническим аспектам, самим по себе важным. И сегодняшние ее проблемы и масштабы — не более чем репетиция, даже пока не генеральная, перед грядущими гигантскими многосторонними изменениями в этой сфере. А они придут, придут неотвратно. По-новому встанут вопросы контроля, инспекции — не как своего рода разведывательно-полицейские функции, но как сотрудничество, в котором только и возможно максимально достижимое согласование интересов, преодоление недоверия и подозрительности. И тут конверсия призвана готовить нас — практически и психологически — к наступлению следующего этапа строительства новой модели международного сообщества.

В социальной психологии есть понятие «самосбывающегося пророчества». Если человек боится других людей и потому или по иной причине воспринимает их «в штыки»; если во всех словах и поступках других он ищет только скрытую угрозу, двойной смысл, козни и опасности в свой адрес; если в отношениях с другими он пользуется только конфликтными формами поведения, — то рано или поздно он встретит соответствующую реакцию. Она «убедит» его, что мир «плох», он лишь прикидывается «хорошим».

Но и внешний мир постепенно сформирует собственное представление о таком человеке и отношении к нему. Вряд ли оно будет благожелательным.

Милитаристское мышление, милитаристская психология формировались тысячелетиями. Их след в сознании, в политике чрезвычайно силен. Но на их демонтаж в нашем распоряжении нет ни тысячелетий, ни веков — максимум десятилетия. Путь разоружения и конверсии ни для кого не застрахован от ошибок. И я уверен: случись такое, прозвучит немало голосов, смысл которых будет: «А мы с самого начала предупреждали, что из этого ничего не выйдет». Кто-то станет так говорить из корысти. Но гораздо больше будет тех, кто скажет это под грузом исторических предвзятостей и предрассудков.

Думаю, все мы — и теоретики, и практики, и политики — должны видеть эту опасность, реалистически оценивать ее. Она весьма вероятна. Она способна задержать, отбросить назад утверждение новой философии общественной жизни. И чтобы этого не произошло, конверсия с самого начала должна стать примером широчайшего международного сотрудничества — и в разработке ее общих целей, ее концепции, и в проведении в жизнь.

И потому в конверсии необыкновенно важно человеческое ее содержание, наполнение. Только тогда десятки миллионов человек во всем мире — сегодняшних солдат и офицеров, работников военных институтов и заводов —

станут заинтересованными союзниками и участниками конверсии, а не просто исполнителями политических решений. И это придаст самой конверсии мощные дополнительные силы.

Мы начинаем коллективную работу в важнейшем для человечества направлении с того, с чего она и должна начинаться: с нравственного осознания задуманного, с теоретического поиска.

Пожелаем друг другу в этом успеха, выдержки и целеустремленности. И удачи!

ЛОВУШКИ ДЛЯ НАШЕЙ ДЕМОКРАТИИ

Не говорю о сопротивлении консервативных, антидемократических сил. Оно есть и будет. Но, кажется, — очень боюсь ошибиться — если в делах внешних мы подошли с Западом к признанию бессмысленности и недопустимости войны, то и в делах внутренних мы подползаем к тому же рубежу, когда все политические действующие силы должны признать категорическую неприемлемость гражданской ошибки как средства решения внутриобщественных конфликтов. Думаю, надо не пугать друг друга возможностью, тенью гражданской войны, но всячески утверждать в обществе мысль и мораль ее абсолютной неприемлемости при каких бы то ни было обстоятельствах.

Отсюда и разговор о тех ловушках, которые должен избежать каждый из нас, чтобы спасти общество в целом. Нет, речь не пойдет о ловушках случайных, единовременных, попадаясь в которые мы оставляем политические кляксы. Хотя и такие ловушки перестройке расставляют и, несомненно, будут расставлять. Особенно наименее искушенным ее силам, деятелям, институтам. Но главная опасность сегодня — в тех ловушках, оказываясь в которых мы обрекаем утверждение демократии в нашем обществе на поражение — долговременное и стратегическое.

Истоки такой опасности

— в обществе: его истории и состоянии, достоинствах и недостатках;

— в проблемах дня: насколько они вообще поддаются демократическим решениям, сопутствующим им методам и средствам;

— в инструментарии демократии: нормы, законы, процедуры, институции; но и достоверное представление об общественном мнении, каналы приемлемого воздействия на него;

— в природе самого народовластия: как и все остальное,

демократия не абсолютное Добро. В руках человека она может быть направлена и на Добро, но и на Зло. И чтобы не произошло последнего, надо хорошо отдавать себе отчет во всех недостатках, диктуемых природой этого любимого дитяти.

Демократии у нас пока нет. В этом надо отдавать себе отчет и не бояться признаться.

Что есть? В чем-то осознанный, а во многом и стихийный отход от прежней авторитарной практики. Понимание того ущерба, который нанес нам тоталитаризм. Хотя здесь эмоции пока доминируют над рассудком и трезвого, рационального анализа авторитаризма мы еще не сделали. А напрасно. В управлении всегда и неизбежно должны будут сочетаться и сильные элементы демократии, но и своего рода авторитарные моменты. Важно только, чтобы это делалось осознанно и честно, а не стихийно и насильственно.

Есть понимание того, что без серьезнейшего, глубочайшего демократического переустройства всей нашей жизни мы не выберемся из вязкой полосы, в которую угодили. Есть стремление немалой части общества (но мы пока не знаем, какой именно) к демократии.

Все это — хорошие и достаточные предпосылки к тому, чтобы движение в сторону демократии началось. И оно началось, уже достаточно продвинулось. Но не стоит путать это движение с самой демократией, точно так же как переход к рынку еще не рынок.

Демократия в идеале — это единство соответствующим образом построенных свобод и политических институтов; это примат личности над государством — иное однозначно ведет к авторитаризму; это развитая система «правил пользования» демократией, принятых обществом законов, норм, обычаев, морали; и что самое главное — люди, для которых демократия стала внутренней потребностью, привычкой, они умеют, хотят и могут жить в условиях демократии, не иначе.

Всего этого у нас сегодня нет. И когда заходит речь о движении к демократии, надо отдавать себе отчет, что все это и предостой создавать в процессе такого движения.

Как быстро это можно сделать? Нельзя обманывать себя: только за поколения. Стремление непременно, во что бы то ни стало из самых лучших побуждений форсировать приход к демократии обернется ее дискредитацией — как леваческая гонка к коммунизму скомпрометировала социалистическую идею.

Задача момента — не построить храм демократии, каким бы красивым он ни выглядел. Но закрепить демократический процесс как таковой. Сделать все, чтобы стартовавший на наших глазах этот процесс уже никогда не повернул вспять. Добиться того, чтобы в него поверили, научились его ценить и реформаторы, и сегодняшние антиреформаторы, которым демократия по законам нормальной жизни нужна

не меньше, чем всем остальным. Конечно, демократический процесс будет идти рывками, неровно, со взлетами и падениями. К этому надо быть готовыми. Но альтернатива ему — авторитаризм, перманентная гражданская война против инакомыслящих, кто бы ни стоял у руля власти.

Закрепить необратимость демократического процесса как факта жизни можно только одним — результатами. Попросту говоря, с демократией должно житья лучше, чем без нее.

Общество

Насколько готовы мы к демократии? Недостаточно готовы, это ясно. Но другого общества у нас нет. И в то же время мы уже вроде поняли, что без демократии нам не прожить и не выжить. Поэтому разговор «готовы — не готовы» беспредметен, а в чем-то и безнравствен: пока не наступило прояснение сознания, общество нельзя упрекать в том, что оно такое, какое есть. Мы многого не знали, не понимали, жили мифами. Иное дело теперь: отсчет пошел заново, теперь уже формируется ситуация собственного выбора. И дети наши будут иметь право на такую нравственную оценку.

Вопрос должен ставиться иначе: какие качества в себе мы должны развивать, а какие, напротив, приглушать и изживать, чтобы успешнее и быстрее идти по пути демократии? Уже приелись оценки: «не хватает политической культуры», «не хватает общей культуры». Давайте поставим вопрос иначе: а есть ли у нас задатки для нормальной демократической жизни? Есть. Есть ли у нас хоть какая-то культура? Есть. Так что же конкретно мы должны еще освоить, чему научиться? Вот это совершенно иная постановка вопроса — возвышающая человека, мотивирующая его, подлинно гуманная.

И здесь ловушка первая — испуг перед жизнью как она есть. Это начало начал. Испугались чего-то, страх господствует и управляет — человеком, обществом, государственными институтами. Рассудок отключается, заработали инстинкты. А они, известно, воспитаны тысячами лет истории: бей, дави, сажай, стреляй, запрещай, не пушай. Болезненное пристрастие к догме — неважно, религиозной ли, идеологической, административно-бюрократической — это и есть испуг перед жизнью.

Ловушка вторая — «комплекс институтки». Дескать, все в жизни должно быть по идеалу. А что еще не так, надо во что бы то ни стало довести до идеала. И желательно уже сегодня, в крайнем случае — завтра. Нормативный подход, доведенный до психоза! Но жизнь никогда не будет идеальной по многим причинам. Нас пугают конфликты, пугает то, что процессы гласности, демократизации сопровождаются пока

ростом конфликтности. Не стану гадать, что впереди — телега или лошадь. Не стану говорить и о том, что иного и быть не могло, коль скоро со всех сфер нашей жизни сняты свинцовые грузы и пар вырывается наружу со свистом и ревом. Не стану говорить и о том, что конфликты — это материализованные противоречия, которыми движется жизнь. А следовательно, без конфликтов невозможны ни движение, ни прогресс. Подчеркну иное: демократия не путь к прекращению конфликтов, демократия — путь к их цивилизованному, ненасильственному, неразрушительному, созидательному разрешению.

Ловушка третья — комплекс самоуничужения. Перекос в эту сторону есть сейчас в нашем общественном сознании. Именно его используют псевдопатриотические реакционные силы. Пытаясь нажить себе спекулятивный капитал, подсовывают социальную увертку: дескать, народ обижают. Скажем так: народ не оскорбляют, это просто невозможно. Проблема сложнее: самоуничужение — естественная реакция на десятилетиями насаждавшееся самолюбование и самодовольство, их диалектическая противоположность. Надо освободиться от самоуничужения, но не пасуя перед честным, трезвым анализом. Если я никогда не стану чемпионом мира по бегу — это трезвая самооценка, а не повод для посыпания головы пеплом.

И еще одна ловушка — зачарованность словом, фразой. Умеем и любим поговорить. В народе издавна любили тех, кто умел складно врать, — даже зная, что врун, все равно слушали. Пора научиться мерить всех и все критериями дела, практического результата, отдавая себе отчет, когда такой результат возможен — через день, год или век. Сравнение демагога с шаманом не случайно: тот и другой оперируют словом, жестом, ритуалом. Надо вырываться из этого дурмана.

Проблемы дня

Проблемы, с которыми мы сталкиваемся, объективны, сильны, не подвластны нашему хотению. Их масштабы, характер, глубина толкают нас к недемократизму, даже антидемократизму.

Об экономике, социальной сфере любые слова уже излишни. Межнациональные отношения и конфликты. Сложность управления в стране столь же огромной, сколь и разнообразной, да еще с плохими коммуникациями. Необходимость перехода к рынку и сложности этого перехода. Объективные сложности конверсии военного производства. Социальная напряженность.

Все это, конечно, не программирует однозначно соскальзывание к жестким авторитарным формам правления и

управления, но подталкивает к ним и практически, и психологически, притом весьма сильно; делает такое соскальзывание возможным, вероятным, а для кого-то и соблазнительным, желанным.

Мы не удержим Союз из центра, но удержим и укрепим его как добровольную демократическую федерацию равноправных и суверенных государств. Мы не накормим, в самом прямом смысле слова, народ (не говоря уже о большем), пытаясь из центра планово положить пирожок на каждый зубок, вместо того чтобы дать людям свободу и возможность самим обеспечить себе достойную жизнь. Мы никогда не учтем из центра все многообразие условий и потребностей, хотя на местном уровне это может быть сделано куда менее безболезненно.

Первая ловушка в этой связке — это губительная опасность «простых», «прямых», «очевидных», а по сути популистских решений. Обратимся для аналогии к технике, где мы уже поняли бессмысленность силовой борьбы с законами природы. Сколько же интеллектуальных, инженерных, технологических ухищрений необходимо, чтобы создать даже простенькую машину, станок! Так неужели общество человеческое, его законы проще? Не усложнить искусственно, но и не поддаваться власти вещателей, которые, по существу, те же шаманы, пытающиеся словоговорением подменить знания и работу — единственное, что способно принести действительный успех.

Вторая ловушка: проблемы наши столь велики и многообразны, а условия в разных частях страны так различны, что действовать по шаблону — даже демократическому шаблону — значит обречь себя на заведомый провал. Не может быть демократия одинакова на уровне страны и сельсовета: то есть суть ее должна быть одинакова — демократична, а формы просто обязаны быть разными. Не может быть демократична форма, которая не учитывает исторически сложившиеся культурные особенности народов. Не могут быть эффективны повсеместно ни колхоз, ни ферма, ни что-то иное. И так во всем. Пора перестать бояться многообразия, оно не тождественно анархии. Анархия — это когда все сопротивляется искусственно насаждаемому или поддерживаемому однообразию, что и происходит сейчас. При этом приоритет отдается своим интересам.

Третья ловушка: привычка, даже любовь к крайностям, мышление и действия в непременных рамках «или — или». Или план — или рынок. Или демократия — или авторитарность.

Демократический процесс должен обеспечиваться и фиксироваться в главном. Очаги авторитарности возможны, неизбежны, где-то и полезны, но под контролем демократической системы в целом. Не демократизм, «вставленный» в авторитарные структуры, как до сих пор у нас происходит, а

административные подсистемы, «вставленные» в демократию и ею контролируемые, — как государство при нэпе контролировало частника. Но чтобы этого добиться, надо отойти от крайностей, научиться и мыслить, и действовать во всем спектре проблем, мнений, подходов.

Почему отношению эту ловушку сюда, в разговор о проблемах дня, а не об обществе? Да потому, что жизнь человеческая, накопление цивилизованности — это преодоление. Накопление знаний — преодоление. Накопление труда — преодоление. Преодоление — это хаос, энтропия, распад. «Простые» решения — это преодоление, это отказ от преодоления, а значит, путь к распаду. Мы отравлены примитивной, безнравственной люмпенской идейкой, будто можно будет так или иначе, но дойти все же до общества, которое обеспечит равенство в нищете, причем идеологически нищета будет выглядеть изобилием.

Инструментарий демократии

Наша оснащенность демократии низка. Что сегодня здесь способно дать максимум отдачи при минимуме затрат? Процессуальные нормы во всем. Не только в парламенте, который без них ничто, но и на митингах, демонстрациях, собраниях, в спорах и конфликтах... Нормы надо создавать и насаждать. Ловушка здесь, если относиться к ним как к чему-то второстепенному, несущественному. Свобода без норм — это нарастающий разгул стихии, которая в конце концов сметет любую демократию. Что может помешать сильному несогласию перерасти во враждебность? Культура сторон — да. Но в ожидании ее — твердая верность правилам процедуры, исходящая из понимания, что иначе будет хуже всем.

Оснащенность для демократии — это и наличие у нее прочного экономического фундамента. Пока его у нас нет. И наша демократия очень легко «ударяется» в безответственные обещания, митинговые и забастовочные страсти, политическое горлоочищение. Ловушка тут — рассчитывать, что мы сможем построить демократию, пока нет у человека возможности обычным трудом создать себе и достойную жизнь, и карьеру в широком, не служебно-бюрократическом смысле слова. Здесь гвоздь трагического отставания экономической реформы от полигической, потому что именно экономическая реформа должна была перевести карьеру из сфер политической борьбы, бюрократических интриг или аппаратного продвижения в плоскость трудовых начал, трудового соперничества.

Ловушка — верить во всемогущество закона. Демократия тем выше, чем беспрекословнее на деле сила закона. Это аксиома. Значит, предстоит воспитать уважение к закону. Но для этого закон должен действовать. А действовать будет только тот закон, который отражает реально сложившиеся в

обществе отношения. Закон умозрительный, сконструированный в расчете на то, чего мы хотим, действовать не будет никогда. Ему дано лишь насаждать формализм, лицемерие, приспособленчество, коррупцию и тем дискредитировать саму идею законности. Парадокс момента, переживаемого нами, между прочим, и в том, что нужно еще раз рискнуть и максимум возможного отпустить на свободу. Посмотреть, как будут складываться процессы, и подправлять их, но не более чем подправлять. А законотворческая лихорадка наверняка обернется дальнейшим нарастанием неуважения к закону. Закон — это выводы из накопленного опыта, а не дорога в мир демократии, огражденная с обеих сторон поспешно построенным частоколом новых запретов.

Ловушка — бояться согласия, бежать от него, самоутверждаться непременно через противопоставление себя другим. Это тоже понятная реакция на годы принудительного одномыслия, на широко распространившуюся практику так или иначе карать, наказывать любое отличие, своеобразие. Есть тут и определенная дискредитация согласия, по инерции еще воспринимаемого нередко как деспотическое единство. Ценности солидарности, ценности согласия приходится утверждать практически с нулевого цикла.

Природа народовластия

Нельзя забывать, что демократия (правда, тоже молодая, неопытная, неукоренившаяся) на совершенно законных основаниях привела к власти Гитлера. О чем говорит этот урок и этот опыт?

Ловушка — демократия, что отдает приоритет отрицанию, порождает зло. Свобода через отрицание — это минусовая свобода, которая в конечном счете, если ее не сдерживать, взорвет изнутри саму демократию. Если не откровенным и наглым насилием, то экономическим и социальным хаосом. Плюсовая же свобода — это свобода через позитивный вклад каждого члена общества. Ее и не хватает. А в достатке, увы, другое: я пришел сломать нечто. Сломать можно, но что взамен? Бессмысленно, недопустимо, опасно использовать демократию лишь как орудие разрушения.

Ловушка — отрицание управления. Наивно полагать, будто митинги и сессии способны реально управлять страной, государством, обществом. Мы привыкли воспринимать слой управления как деспотический, поскольку он и был таким. Отсюда удивившееся в обществе презрение к профессиональному управлению. И «снизу» — что понятно, и «сверху»: те, кто привык к волюнтаризму, склонны считать профессионального управленца в лучшем случае наивным чудачком, карасем-идеалистом. Сегодня очевидно: там, где сферы компетенции определены, в дело должен вступить

профессионал. Нельзя крушить аппарат — его надо пересоздавать на качественно новых началах. Демократия без профессионального и высококвалифицированного аппарата управления — ничто.

Ловушка — делегирование ответственности. Вся демократия построена и функционирует на принципе делегирования ответственности в разных направлениях. Но далеко зашедшее делегирование ответственности, особенно если оно продиктовано стремлением самому избежать принятия неприятных, непопулярных решений, чревато своеобразным отчуждением прав и ответственности. Искусством отфутболизма мы овладели в совершенстве. А кто-то, напротив, стремится права и ответственность заполучить. Эти желания вполне могут совпасть и осуществиться на совершенно естественном основании. Итогом же будет разрыв в цепи демократии. Причем вектор передачи прав и ответственности может быть направлен как «сверху вниз» — и это в наших условиях прекрасно, так и «снизу вверх», что в наших условиях чревато последствиями иного плана.

Ловушка — кажущееся неудобство демократии. Да, она нарушает психологический комфорт, сложившийся во времена прошлые. Но именно тогда формировалось мироощущение человека, который угодил вдруг в демократическую атмосферу. Демократия требует человека самостоятельного, независимого в суждениях и поступках, готового и решать, и отвечать, и действовать.

Можно перечислить и многие другие ловушки, которые жизнь и логика политической борьбы заготовили для общества.

Нужна психологическая и теоретическая готовность не только к новому, но и к неожиданному. Очень многие деформации социализма стали возможны еще и потому, что на стадии революции не были сделаны выводы и прогнозы в отношении того, что грозит ей впереди, как и с какой стороны, чем могут быть нейтрализованы эти вполне реальные опасности.

И нужно идти вперед в деле преобразований. Иного выхода, как быстрейшее наращивание делового поприща, делового содержания политической свободы, экономической свободы, создание рынка, скорейшее утверждение на практике всего многообразия форм собственности и ее использования, я не вижу. Только это поставит начавшийся демократический процесс на твердую почву практического дела и практической ответственности.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Вопрос: Перестройка оказалась в тупике. Что дальше?

Ответ: Прежде всего я не согласен с тем, будто перестройка зашла в тупик. Ничего подобного. Настоящая, призванная повернуть всю нашу жизнь к здравому смыслу перестройка еще только начинается — это создание новой государственности и формирование новых экономических отношений.

Иное дело, что немало и тех, кто хотел бы загнать перестройку в тупик. И сейчас таких людей больше, чем даже три года назад. Их действия стали напористее, ожесточеннее, организованнее. Это все так. Но задумаемся: а рискнул бы кто-нибудь вот так открыто и агрессивно, а порой и развязно, выступить — нет, не против Сталина и даже не против Брежнева, а хотя бы против Черненко? А сегодня?

Да, оппозиция перестройке активизировалась. Но если она останется в рамках демократического процесса, без поиска ведьм, без преследования инакомыслящих, без наклеивания ярлыков, без нарушений прав личности, я даже в этом сопротивлении вижу больше «плюсов», чем «минусов». Потому что, оставаясь в рамках этого процесса, даже оппозиция перестройке работает на укрепление демократии, работает на перемены. Потому что, хочет она или нет, но объективно уже участвует в запуске, в функционировании того механизма, который призван сегодня и в будущем удерживать нас от шараханий из одной крайности в другую, обеспечивать условия для сочетания разумной, необходимой стабильности с разумными же, назревшими и ответственными переменами, с реформами как постоянным качеством нашего общества, нашей жизни. А создание такого механизма и ввод его в дело сейчас — самое главное. От этого зависит, пойдет ли наше развитие дальше в формах все более цивилизованных, гражданских, правовых. Или же мы будем и впредь обречены повторять тысячелетнюю парадигму судьбы, когда периоды стагнации и застоя чередуются с периодами социальной напряженности, кризиса, взрывов насилия.

Новой спирали подобного мы просто не можем себе

позволить. Оппозиция ныне активнее, но и перестройка тоже иная. Только очень наивный человек мог представлять себе дело таким образом, будто перестройка за считанные годы свершит очередное «чудо». Нет, здесь неизбежны и накопленные опыта, и учеба, и преодоление собственных иллюзий, собственной ограниченности, которая есть у каждого, и горькие уроки недооценок, ошибок, просчетов, допущенных самой перестройкой. Но если подводить главный итог на сегодня, то он, на мой взгляд, в том, что перестройка перестала быть только лишь революцией сверху. Она пробудила, раскрепостила объективные силы и процессы в обществе. И сегодня эти силы и процессы определяют логику и ход событий, их конечные результаты, а тем самым и наше общее будущее.

Возможно, подобный прогноз покажется слишком оптимистичным на фоне тяжелого социально-экономического положения, особенно когда старые структуры не хотят слезать с теплой печки.

Почему я убежден, что настоящая перестройка еще только начинается? Да потому, прежде всего, что мы сами совершенно правильно определили смысл и содержание перестройки как необходимость глубоких перемен в политических и экономических отношениях. Таких перемен, которые отвечали бы назревшим потребностям и перспективам развития общества, учитывали бы его нынешний уровень и проблемы, весь опыт мирового развития. Таких перемен, которые распахивали бы перед нами новые перспективы и возможности, а не замораживали бы общество и экономику, причем искусственно, в формах и догмах, созданных много десятилетий назад.

Ясно, что даже только подойти к осознанию самой лишь необходимости таких перемен, к пониманию того, что без них не выживем как уважающее себя и уважаемое в мире общество и государство, — было непросто. А когда осознали, непросто выявить, проанализировать глубину и масштабы проблем. И сегодня еще мало знаний про самих себя — иногда потому, что продолжается ведомственное и местническое вранье, а иногда потому, что не созданы механизмы, которые собирали бы автоматически правдивую информацию.

Годы перестройки потрачены еще и на то, что пришлось преодолевать чудовищные и отнюдь не пассивные пласты иллюзий, мифов, въевшихся в сознание и практику окостеневших догм. Механизмы гласности, демократии, информирования общественного мнения и многое иное помогает новым процессам. Но остаются, а порой, и усиливаются необузданные амбиции и упрямство одних, нежелание других, ловко закамуфлированное или открытое сопротивление третьих. Приходится противостоять тут и изощренным провокациям, и откровенной травле, и многому иному. Кому-

кому, а журналистам эта сторона перестройки, борьбы за обновление известна, что называется, из первых рук. Им приходится есть свой далеко не сладкий хлеб и нести тяжелый крест.

Освобождается общественное сознание, хотя и тяжело. В принципе ясно, что необходимо делать. Коренная дилемма сейчас — *станем ли делать?*

Предпосылки для осознанного свершения необходимого шага созданы. Объективные силы и процессы в обществе будут с неизбежностью требовать такого шага. Мои ожидания таковы, что процессы обновления будут развиваться, идти вширь и вглубь. Непросто, неоднозначно, преодолевая сопротивление, — но будут. И в этом отношении перестройка сейчас берется за главное, центральное. Сопrotивляться обновлению — можно, конечно. Но откат назад несет невероятно трагический исход.

ПРЕЛЮДИЯ ЗАКОНЧИЛАСЬ. ВПЕРЕДИ ГОД ПОВОРОТА

— *Первые дни года, рождественские праздники — чем не время для прогнозов, для раздумий о том, что нас ждет в близком и отдаленном будущем...*

— Конечно, каждому хотелось бы провозгласить: худшее позади, а впереди — хорошие времена, успехи, согласие. Увы, гораздо реалистичнее предполагать, что год 1991-й будет тяжелым. На мой взгляд, перестройка только начинается. Завершилась прелюдия к настоящему переустройству нашей государственной и общественной жизни. Мы вступили в пору создания новой государственности и новых экономических отношений. Только с подписанием Союзного договора, с раскрепощением экономики можно будет говорить о реальных шагах на пути к цели — обществу, способному предоставить максимум возможностей для самореализации личности. А это и есть главная задача перестройки, ее революционная суть.

— *Зачастую нам приходится слышать иные толкования. Вот, скажем, такой расхожий вариант. Да, говорят, происходят революционные процессы, поскольку власть переходит от партбюрократии, от номенклатурно-административно-командной системы к подлинным избранныкам народа, к Советам. То есть от некоей элитарно-аппаратной верхушки к демократическим структурам. Но мы ведь понимаем, что это не совсем так, а кое в чем — и вовсе не так. И все же — революция?*

— Ответил бы на это утвердительно. А ключевым в этой ситуации считаю переход от неэкономических форм принуждения к экономической и творческой свободе. И если вдуматься в существо задачи, если учесть реальное состояние общества и сознание миллионов людей, искаженное, искривленное десятилетиями страха и подозрительности, тотального контроля и нетерпимости к свободомыслию, — понятнее становятся причины нынешних обострений в обществе. Увы, в истории было и так, что демократические решения осуществлялись недемократическими методами. Их и сейчас,

очевидно, многие ждут и требуют. Мы же затеяли то, что в мировой истории еще не удавалось, — перейти от несвободы к свободе без кровопролития, без всеобщего насилия. И вроде большинство в обществе — за такую цель. Кто станет во всеулышание отрицать необходимость возрождения духовности, нравственности, милосердия, кто выступит против творческого раскрепощения человека? Но методы, но пути, но пути вошедших в кровь и в плоть представлений...

Как можно, скажем, рассчитывать на быстрое преодоление синдрома врага, «вражеской руки», вколоченного в сознание человека десятилетиями целенаправленной пропаганды? Противника искали всюду и во всем. Доносительство возвели в ранг патриотизма. И можно ли сегодня удивляться, наблюдая, как даже обладающие известной культурой люди критикуют других не за идеи или позиции, а как «идейных противников», «апологетов», от дискуссии, по существу, быстренько переходят к разбору неких личных качеств и биографий. Сюда же, к атавизмам, отношу и призывы к самокритике и критике. Это — не что иное, как рецидив сталинского требования покаяния и воспитания покорности. Ну-ка, мол, покритикуй сам себя, признай ошибки, а мы потом решим, как с тобой быть.

— *Но и верим-то чаще не в идеи, не в законы, а в конкретных людей, в личности. Возводим их на пьедестал, чтобы потом свергнуть, освобождая место для новых героев...*

— И это, увы, тоже — из тех традиций, что закрепились на уровне почти генетическом. Конечно, хотелось бы иного. Но давайте не отрываться от реальности. Ее надо понимать и учитывать.

— *В таком случае не избежать малоприятного вопроса о причинах падения популярности «команды Горбачева», к которой, очевидно, вполне закономерно относят и вас, Александр Николаевич.*

— Во-первых, повторю, что программа общественного обновления архисложна, а потому ошибок, сбоев, неудач не избежать. Критикуют Президента и его сторонников нередко по делу. И такая критика только помогает находить верные решения. Но очень много и огульных обвинений, и стремления докрасна раскалить обстановку. Причины разные. Одна из них — в вековечном неумении современников адекватно оценивать настоящее, в том числе и в личностном плане, или, скажем, творческом или политическом срезе. Происходят события глобального масштаба. А мы чаще всего видим, чувствуем, анализируем лишь фрагменты этой картины.

Это, кстати, касается и поступков отдельных политиков. Привычные мерки тут неприемлемы. Скажем, волна сенсационных отставок, «самоотводов» только в нашей практике беспрецедентна и загадочна. У нас ведь привыкли, что попавший в «коридоры власти» человек держится за кресло до последнего. А тут — добровольно уходят... Это ведь тоже —

ломка представлений, серьезнейшие изменения в духовной, нравственной сфере. Человек ощущает невозможность дальнейшего пребывания на том или ином посту, в той или иной «команде» — и уходит без промедления, сознавая ответственность за судьбу дела.

— *Но мы ведь не станем идеализировать ситуацию. Тех, кто будет бороться за свои кресла до последнего и уж точно не уйдет добровольно, предостаточно на всех уровнях власти.*

— Их, думается, большинство. Их интересы перестройка задевает самым болезненным образом. Тьмы и тьмы чиновников сознают, что демократизация экономики, переход к рыночным отношениям сделают ненужными многие должности, функции. А ничего другого они в жизни не знают и не умеют.

— *Все так. Однако именно этих людей мы озадачиваем составлением важных проектов, программ, которые как раз нацелены, по идее, на ту самую демократизацию... То есть, проще говоря, толкаем их на «номенклатурное самоубийство». Стоит ли в таком случае удивляться неэффективности принимаемых решений, падению исполнительской дисциплины?*

— Знаете, я бы тут затронул еще одну «модную», многих волнующих тему — о реальности «переворота». На мой взгляд, она есть — но не в привычном для нас понимании, не в верхних эшелонах власти, а на уровне среднего управленческого звена, того коренного чиновника, который, по сути дела, и сегодня еще правит страной. Президент может принимать какие угодно решения, но если их блокирует этот чиновник, пробуксовка неизбежна. Он распределяет фонды, ресурсы, он вертит-крутит отраслями, регионами. И пока у него реальная власть — противодействие перестройке неизбежно. Вот такой саботаж и может стать реальным «переворотом».

Однако хочу напомнить о том, что именно в нынешнем году предстоит создать, закрепить новые структуры, способные вытеснить, нейтрализовать существующую систему министерств и ведомств. Должны родиться не управляющие, а координирующие звенья. Иначе не поломать сталинскую модель экономического тоталитаризма.

— *Задача, в общем-то, понятна. Но уж больно часто мы видим не реальную ломку управленческих структур, а смену вывесок.*

— Но кто же мешает ломать эту тенденцию изнутри? Однако и «сверху» меры нужно предпринимать незамедлительно. Не концерн-монополист, а несколько фирм, выпускающих родственную продукцию, а потому превращающихся в конкурентов, нужны для новой экономики.

— *Кто же мешает наконец осуществить «приговор»?*

— Защитников сложившейся системы много. Собираются директора предприятий и объединений — почти все поддерживают министерства. Им, видимо, удобнее жить «в

системе». Ни о поставщиках, ни о заказчиках голова не болит. Все привычно, все понятно. А что говорить о самих управленцах?

Кстати, не исключено, что они меньше бы сопротивлялись реконструкции системы, если бы меньше давил на них все тот же страх. И не только в житейском, материальном плане, хотя потеря высокого заработка и иных благ — удар чувствительный. Есть еще и страх «вылететь из обоймы», потерять статус. Более того — попасть в опалу.

Так или иначе, повторю, ряды защитников системы, породившей и нынешний экономический кризис, и коррупцию, взяточничество, растлившей души потенциальных работников, а ныне — профессиональных иждивенцев, — плотны и обширны. Преодолевать их сопротивление и трудно, и опасно. Это надо обязательно учитывать, критикуя Президента и его «команду» за медлительность, нерешительность и т. д.

— *Но мы ведь прекрасно помним, что поначалу Михаил Сергеевич прочно отирался на поддержку самых широких слоев общества. И прежде всего — трудящихся.*

— Главная причина перемены в атмосфере, в отношении к действиям инициаторов перестройки ясна. Представьте, что завтра вдруг заполнятся полки магазинов, насытятся товарами потребительский рынок. Все просчеты, неудачи, промедления будут прощены и забыты, не правда ли? В том-то и дело, что перестройка была затеяна в момент приближения острейшего социально-экономического кризиса.

— *Многие считают, что товары есть. И припоминают историю свержения Н. С. Хрущева. Перед его смещением тоже резко обострился дефицит продуктов, курева. А буквально через день после Пленума ЦК все пропавшее вновь появилось в магазинах. Представьте, что сейчас произойдет что-то похожее. И демократические цели отступят перед стремлением людей нормально жить, питаться...*

— Товары действительно есть. Но припрятывают их, скорее, не по политическим мотивам: ждут повышения цен, чтобы продать подороже. Да и о рыночной экономике знают мало. Одни ждут беды, другие обогащения.

Однако вопрос, действительно, гораздо острее и глубже. Недопустим такой исход, при котором революционная ситуация приведет к дискредитации гуманных целей, когда в обществе воцарится недоверие к демократическим идеям. Вот потому-то и важно сейчас возрождение духовности, нравственности. Люди должны жить достойно, но нельзя к этому стремиться любой ценой, безоглядно. Если каждый будет кричать «дай!», невзирая на положение в стране, в городе, если в человеке не возродится уважение к работе, к профессионализму — беды не избежать. Разбудить души после затянувшегося «летаргического сна» — сложная задача. Но мы должны ее решить. В том числе и пропагандой гуманизма, милосердия.

— *Схожие цели ставит перед собой религия...*

— И в этом направлении с ней нужно взаимодействовать. Нравственные постулаты, главные каноны веры будят в людях добро. А его сейчас очень не хватает нашему обществу, раздираемому враждой и подозрительностью. Честно говоря, такого разгула этих явлений мы в 1985-м не предполагали. Да и сейчас — кто возьмется точно прогнозировать развитие событий?

Но вот действовать, практически исполнять наконец то, что должно в корне изменить экономическую, социальную ситуацию в стране, надо теперь уже без промедлений и сомнений. Да, всем надоело ощущение переходности, промежуточности переживаемого периода. 1991-й может стать годом поворота.

СЧИТАТЬСЯ С РЕАЛЬНОСТЬЮ

— *Есть ли между Борисом Ельциным и Михаилом Горбачевым чисто политические разногласия, помимо личного противостояния?*

— Мне трудно ответить на этот вопрос, ибо, по моему мнению, из наших нынешних трудностей нет иного выхода, кроме тесного сотрудничества всех политических сил, включая, следовательно, и Президента СССР, и российского лидера.

Тем не менее противостояние имеет место. Это политический факт, и связан он прежде всего с развалом нашей экономики и вытекающими отсюда социальными проблемами. Люди предпочитают сегодня Ельцина Горбачеву просто потому, что, округляя цифры, можно сказать, что один из них занимает пост шесть лет, а другой — шесть месяцев. Это и составляет разницу, ибо после нескольких лет пребывания у власти от вас ожидают больше, зато на первом этапе можно обещать все, даже луну с неба. Российские руководители могут сыграть также на популистских настроениях. Однако этим всего не объяснишь. Нужно учитывать также ошибки предыдущего правительства.

— *Какие именно?*

— Историю не перепишешь. Я не буду вдаваться в подробности, но ошибки эти были достаточно серьезными.

— *В конце августа 1990 года между Ельциным и Горбачевым был зафиксирован компромисс. Речь шла о переходе к рыночной экономике по программе «500 дней». Много говорили о «левоцентристской» коалиции. Но компромисс так и не был претворен в жизнь. Что этому помешало?*

— Давление сил, окружающих правительство, военно-промышленного комплекса, всего этого механизма государственной экономики, который держится крепко. Основное противоречие состоит в том, что проводимые нами реформы — закон о предприятии, аграрная реформа, демонополизация, кооперативы, банки и многое другое — чужды

этой системе. Одобрив программу «500 дней», она пошла бы на свою постепенную самоликвидацию, ибо все нынешние экономические структуры были бы постепенно упразднены.

— *Так, значит, перехода к рыночной экономике не будет?*

— Кто вам это сказал? Реформы идут и будут так или иначе продолжаться и впредь. Законы об акционировании перевернут все. На днях директор «КаМАЗа» рассказывал экономистам, собравшимся в кабинете президента, о том, как его предприятие (одно из крупнейших в СССР) было радикально преобразовано путем акционирования.

— *Как бы то ни было, но сейчас президент вынужден был отступить.*

— Да, президенту приходится считаться с реальностью.

— *Можете ли вы описать эти консервативные силы, блокировавшие начавшийся в августе процесс? Что собой конкретно представляет военно-промышленный комплекс?*

— В СССР в данном случае нет ничего загадочного, ничего особенного. Как в США или в других странах, это и совокупность военного производственного аппарата, армии и всех связанных с ними инфраструктур. Я очень хорошо понимаю умонастроения людей из этого комплекса. Они располагают мощным научным аппаратом, высококвалифицированными рабочими и не должны бороться за сбыт своей продукции. Конверсия их заводов на выпуск гражданской продукции является не только источником трудностей, но и станет причиной перехода от привилегированного статуса к обычному. Они борются за свое выживание.

— *А сколько их? Около пяти миллионов?*

— Вероятно, а может быть, даже больше.

— *А каковы другие консервативные силы?*

— Прежде всего мы, все мы, наше общество. С одной стороны, революционный энтузиазм, с другой — догматическое болото, а тем временем личные интересы и цинизм стали законами социального поведения. Люди привыкли говорить одно, а делать другое. Говорили о человеческой жизни как о самостоятельной ценности и во имя этой высшей ценности, как вам известно, убивали и расстреливали. Человек был винтиком государственной машины, а насилие — «повивальной бабкой истории». Это не было нашей национальной привилегией, но это факт: мы живем во лжи.

— *Но что еще противостояло в августе левоцентристской коалиции, помимо этого исторического наследия? Партийный аппарат, армия?*

— Партийный аппарат внутри государственного экономического аппарата, верхние слои армии были бы недовольны осуществлением намеченных преобразований. Почитайте партийную печать. Там уже называют перестройку импортным товаром, мелкобуржуазной революцией. «Так называемые демократы» становятся там агентами теневой экономики. Начался возврат к прежнему языку, к «охоте за ведьмами».

— *Словом, партийный аппарат в целом — консервативная сила?*

— Да, в значительной части это, во всяком случае, тормозящая сила. Руководство Российской компартии объясняет, что лидеры перестройки стали объектом манипуляции закулисных сил, которые толкнули их на антисоциалистический путь. Резолюции XIX партконференции о политических реформах, позволившие либерализацию выборов, называют ошибочными. Меня самого назвали агентом ЦРУ и говорят, что, устранив меня, уничтожат сионизм. Налицо бесспорные признаки контрнаступления и ослабления демократии.

— *Чего хотят эти консервативные силы?*

— Возврата к власти. Сегодня договорились до того, что в годы застоя, при Брежнев, дела шли лучше, забывая, что продолжение застоя означало бы исчезновение государства и крах нации.

— *После провала августовского компромисса крупные реформаторы ушли из президентской команды. Зато там появились мелкие консерваторы. Означает ли это, что президент, хотел он того или нет, взял консервативный курс?*

— Я бы не стал делать поспешных выводов. Нужно смотреть не только на то, кто приходит, а кто уходит, нужно смотреть и на конкретные факты. Приняты, хотя не без трудностей, новые экономические законы, движется вперед аграрная реформа, конверсия будет ускоряться, меры, предусмотренные планом «500 дней», постепенно начинают проводиться: создается иная экономическая инфраструктура, которая потребует политических перемен.

— *Но ведь нельзя же двигать дело вперед с Павловым или Громовым?*

— Дело не во мнениях Павлова. Самое главное — решения, которые он будет принимать в ближайшее время. Если бы после повышения цен он сумел абсорбировать 150—200 миллиардов рублей, пустив в продажу государственное имущество, я простил бы ему его заявления о заговорах западных банков.

— *Но как на это надеяться? Зачем консервативные силы, усилившиеся с августа, будут содействовать сегодня тому, чему помешали вчера?*

— А что им еще остается делать? Хотя люди настроены теперь более консервативно из-за положения со снабжением, хотя слова «демократия» и «свобода» лишаются содержания, когда приходится выстаивать по четыре часа в очереди за куском мяса, общие умонастроения полностью изменились. Условия сейчас совсем иные.

— *Почему вы не ушли в отличие от Шеварднадзе?*

— Это вопрос этики. Я работаю с Президентом с первых дней перестройки и даже раньше. Если бы перестройка шла хорошо, у меня было бы полное моральное право посвятить себя науке. Но перестройка идет плохо, и часть ответствен-

ности за это лежит на мне. Уйти в трудный момент было бы морально недопустимым. Шеварднадзе занимался внешней политикой, то есть тем, что шло успешно. У него совсем другое положение. Я же занимался также внутренней политикой...

— *Шеварднадзе ушел не потому, что его долг был выполнен, а для того, чтобы разоблачить угрозу диктатуры...*

— А о чем я вам говорю? Я предостерегаю в настоящем интервью от угрозы, каковой являются консервативные силы. Кто может это сделать в рядах президентского аппарата? Бывают такие ситуации, когда хлопнуть дверью проще всего.

— *В вашей книге* вы пишете, что Горбачев «слишком хорош» для политика и не может решиться на необходимые меры, поскольку они могли бы повлечь за собой гибель людей. Однако в Вильнюсе люди погибли. Что же произошло?*

— Не знаю. Я не знаю этого до сих пор. Произошла ужасная трагедия не только для Литвы, но и для всего Союза. Михаил Сергеевич говорил некоторое время спустя о нарушении Конституции, но расследование не закончено, а версии отличаются друг от друга. Я считаю, что здесь что-то, конечно, скрывают, но что именно? Я не знаю.

— *Возвратимся к вашему мнению о нынешней ситуации. Консервативные силы господствуют...*

— Нет! Я вам ничего такого не говорил. Дело так не обстоит. Если бы консервативные силы господствовали, я не мог бы беседовать с вами, говорить вам то, что я говорю, и там, где я вам это говорю. Считаю, напротив, что консервативные силы переживают агонию. Но бывает, что перед смертью у человека наступает на два-три дня прилив сил. Впрочем, я не хочу ничьей смерти. В отличие от консерваторов я не ищущу ни ведьм, ни виновных. И не хочу предъявлять обвинения никому — ни аппарату, ни КПСС. Это означало бы опять требовать казни «врагов народа». Нет!

— *Позвольте мне продолжить: если консерваторы не господствуют, они тем не менее образуют блок, в то время как реформаторы разобщены, а недовольство народа растет. Сколько времени можно управлять таким образом?*

— Это вопрос, на который нет ответа... Вот уже 1000 лет Россия управляется тоталитарными методами.

— *Так оно и будет продолжаться?*

— Это продолжается, но именно с этим впервые в истории мы пытаемся покончить.

— *К кому вы считаете себя ближе — к Борису Ельцину или к консерваторам?*

— Я полностью против консервативных сил, считающих меня своим главным противником. Это вовсе не означает,

* Речь идет о книге «Что мы хотим сделать в Советском Союзе», изданной в 1991 году в Париже на французском языке.

что я могу одобрить или поддержать все, что делает Ельцин. С тревогой наблюдаю за тем, как течение, которое готов считать реформаторским, требует, подобно консерваторам, отставки Президента. В чем же тогда разница?

— Она огромна! Реформаторы хотят ускорения реформ, а консерваторы хотят их блокировать.

— Да. Именно этого они хотели бы добиться, но они пока ничего не остановили.

— Как! А план «500 дней»?

— Да, я согласен. Ну тогда рассмотрим дело поподробнее. Шаталин мой очень хороший друг. То же самое могу сказать и о Явлинском, который часто ко мне заходит. Словом, оба отлично знают, что на самом деле нет большой разницы между их компромиссной программой и программой Рыжкова.

Целью обоих планов были приватизация экономики, свобода предпринимательства, либерализация банковской системы, введение акционирования, аграрная реформа и т. д. Разница состояла в том, что план премьер-министра предусматривал с целью продвижения к рынку административное повышение цен, а план «500 дней» содержал другую систему ценообразования — путем свободной игры цен на рынке. Правительство считало (и Президент был с этим согласен), что объем денежной массы и нехватки товаров приведут в случае полной либерализации цен к недопустимой сверхинфляции.

Но я повторяю, что оба плана были программами перехода к рынку, и это, по моему мнению, было самым главным. В концепции «500 дней», которую я поддерживал и поддерживаю, важным было то, что она обеспечивала платформу для политического согласия. Это был основополагающий момент. Все республики, включая Россию, были согласны. Однако шанс был упущен.

— Вы хотите сказать тем самым, что непримиримость — тоже один из блокирующих факторов? Тем не менее именно консерваторы сумели воспользоваться этими разногласиями, углубить их...

— Я сказал вам с самого начала нашей беседы...

— Да, конечно. Как же вы можете тогда говорить, что консерваторы агонизируют?

— Я же не говорю вам, что они бездействуют. Я говорю лишь, что они не выиграют. Быть может, они одержат временную победу. Быть может, перестройка пойдет зигзагами. Быть может, она сделает пару шагов назад, но я уверен, что затем она будет и дальше продвигаться вперед.

— Но помимо вашего внутреннего убеждения, что доказывает вам необратимость перестройки и приверженность Михаила Горбачева демократии?

— Древние уже говорили, что нельзя войти дважды в одну реку. Если уж вода утекла, то она утекла. Большинство

абсолютно не настроено давать задний ход, и, как только улучшится ситуация со снабжением, политические условия станут снова благоприятными для перестройки. Что касается Горбачева, он есть и остается демократом всей душой. Он не имеет ничего общего с консервативным крылом, которое не признает его своим, а, напротив, отвергает.

Не судите по словам, судите по делам. Вы должны понять, что наши демократы (радикальная оппозиция) тоже далеко не безгрешны. Когда я говорю с ними, они произносят очень правильные слова о конечной цели, о демократии и о борьбе с консерваторами. Вся проблема в том, что, вместо того чтобы впрячься по-настоящему в работу, создать партию, они отвергают все, ограничиваясь лозунгами. Опять разговоры насчет того, что «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...», ради того, чтобы построить новый мир. Это небольшевизм. Я ненавижу насилие во всех его проявлениях. Я во все это не верю. Сталинизм наложил свое клеймо на демократов, как и на неосталинистов. Революция не одноактная пьеса. Она связана не только со сменой власти.

— *Так почему же так мало обсуждается подлинная проблема — темпы и условия перехода к рынку?*

— Обсуждение идет постоянно. По этому вопросу опубликовано множество статей, но никому не известно, никто и нигде еще не знает, как осуществлять подобную коренную перемену. Вспомните французскую революцию: сколько времени потребовалось для стабилизации демократии?

— *Что предпримет сейчас Горбачев с прибалтийскими республиками?*

— А что он может сделать? Есть закон. Если республики хотят остаться, пусть остаются. Если они хотят уйти, пусть уходят — но соблюдая закон.

— *Но проблема именно в том, что они не признают условия этого закона о выходе из Союза...*

— Ну, это их проблема. Почему они отвергают предусмотренную процедуру референдума — самую демократичную из форм выражения народной воли?

— *Но проблема, по существу, преодолена. Они организовали свои собственные референдумы, помимо советского закона. Результаты были столь убедительны, что если бы они осуществили это голосование в рамках предусмотренного законодательства, то законная процедура отделения уже началась бы. Не настало ли поэтому время отказаться от формализма и перейти к существу?*

— Нужно уважать юридические нормы. Я выступил в защиту прибалтийских республик, но иногда мне кажется, что некоторые их руководители делают все для того, чтобы не получить этой независимости. Разве можно называть себя демократом и вводить дискриминацию по национальному признаку? К чему направо и налево обзывать солдат окку-

пантами? Ведь эти солдаты тут ни при чем. И зачем осквернять могилы борцов против фашизма? Я был на фронте, сражался против фашистов. Такие акты меня оскорбляют. Мое сочувствие начало таять.

— *Михаил Горбачев также организовал свой референдум. Он тоже выиграл его, получив большинство в пользу подписания нового Союзного договора. Каким образом он будет использовать эти результаты?*

— Это хорошие результаты. Это голосование не имеет автоматических юридических последствий, однако имеет большое политическое значение, ибо, несмотря на масштабы социальных трудностей, люди высказались за новый союз. Теперь нужно подписать новый договор, причем как можно скорее, для четкого определения прерогатив центральных и республиканских властей, прекратив тем самым войну законов...

— *Александр Николаевич, да вы фантазируете! Так не будет.*

— Как не будет? И в чем я фантазирую? Оборона, транспорт, связь, внешняя политика, энергетика, фундаментальные исследования и крупные социальные программы останутся в компетенции центра. Все остальное отойдет к республикам. Каждый будет заниматься своими и только своими делами.

— *Это не имеет ничего общего с реальностью. Прибалты, и не только они, без сомнения, не подпишут этот договор...*

— Но если они не захотят его подписывать, то они его и не подпишут. Наши отношения будут строиться как нормальные международные связи. Мы будем покупать у них сельскохозяйственную продукцию по мировым ценам, они будут покупать у нас энергоносители по мировым ценам — и пусть живут себе на здоровье!

— *А вы выведете советские войска из заинтересованных республик, признаете их независимость? Что станет тогда с законом о выходе из СССР, соблюдения которого вы только что требовали?*

— Мы будем вести переговоры, соблюдая законы. Прибалтийские республики стали принимать меры к гарантированию равноправия национальностей. Это уже шаг в хорошем направлении.

— *Короче говоря, ваше мнение? Будут ли независимыми прибалтийские республики?*

— Они станут таковыми, если захотят. Это зависит от них, но все не так просто. Кому будут прибалты продавать свою сельскохозяйственную продукцию? Вам, французам? Это маловероятно, не правда ли? Так, значит, нам? Но если они будут продавать за доллары, так мы постараемся получить наилучшее качество за те же деньги. Почему они реши-

ли, что мы будем покупать у них, а не в Париже, Риме или Лондоне. В конце концов там качество получше.

— *Верите ли вы в возможность военного переворота?*

— Нет, не верю. В истории России не было такого прецедента. Такого никогда не происходило.

— *Если Горбачеву не угрожает государственный переворот, то на кого он может опереться сегодня?*

— На начавшиеся реформы, остановить которые уже невозможно.

НЕ ПРИНОСИТЬ ЧЕЛОВЕКА В ЖЕРТВУ АМБИЦИЯМ ГОСУДАРСТВА

— *Александр Николаевич! Рискну напомнить вам известное выражение Гиляровского: «В России две напасти: внизу власть тьмы, а наверху — тьма власти». Не потеряли эти слова своей актуальности и поныне на фоне преобразований, реформ, появления новых и новых программ? Иначе чем объяснить, что нарождающиеся властные структуры, несмотря на то что они замысливаются как новые, увы, очень скоро в представлении людей становятся похожими на старые?*

— Не будем брать тот случай, когда новая только вывеска. Здесь все ясно. Возьмем другой, когда искренность стремления к новому несомненна. Когда приходят новые люди с новыми идеями и замыслами, желающие направить жизнь в русло здравого смысла.

Результаты пока, действительно, слишком часто не соответствуют ни замыслам, ни затраченной энергии. Я вижу тому четыре группы объективных причин, не считая всевозможных частных.

Первая и самая очевидная: люди, их навыки, привычки, отношение к делу и все прочее. В общем, «человеческий фактор» применительно к поставленному вопросу. Всем предстоит еще учиться жить в условиях демократии, причем не по форме, а по существу. Демократия станет утверждаться в обществе, в том числе и на всех этажах структур власти, лишь по мере того, как в нашу жизнь будут входить новые отношения между людьми, не искореженные идеологическим дурманом, проникнутые человечностью.

Второй круг причин: характер и положение объектов управления, объектов власти. Реальных перемен здесь пока кот наплакал. Борьба чаще всего идет за то, останутся ли предприятия в подчинении центру, республике, местному Совету. Но если предприятие не хозяин самому себе, если им по-прежнему распоряжается власть, то и средства, и методы, и даже организационные структуры такого распоряжения останутся во многом теми же, что и были. Только экономи-

ческая свобода человека и независимого предприятия, объединения, треста, концерна решает проблему собственности.

Третье: психологический подход. КПСС критикуют сейчас за то, что она навязывала свою идеологию, свои рецепты жизни для всех. Что ж, критика заслуженная. Но ведь и сейчас многие новые структуры власти поступают в принципе точно так же. Правда, действуют формально через законотворчество. Но суть-то подхода прежняя — навязать что-то людям. А суть, естественно, диктует формы, средства, методы. И четвертое: новые властные структуры действуют не в вакууме и не с листа, а в определенной среде. Между тем эта среда во многом от прошлого. Новое занимает еще очень скромное место. Две тысячи фермерских хозяйств на шестую часть мира — это меньше, чем капля в море. И новые властные структуры пока тоже в меньшинстве и численно, и по практическому их влиянию.

Добавьте сюда многочисленные субъективные факторы — яростное сопротивление прошлого, чьи-то амбиции, симпатии и антипатии, культурные, политические, интеллектуальные горизонты — и вы получите весь комплекс того, что на практике противостоит преобразованиям.

Мы психологически воспитаны на крайностях. Если уж верность принципам, так до раздробления собственного лба. Если реформы, преобразования, то непременно наутро результат, и сразу по всей стране. Но так не бывает. Обновление страны — задача на десятилетия. Другое — из области политического знахарства.

Это не значит, что мы не вправе ожидать быстрых конкретных результатов и требовать их. Но чтобы преобразования пошли, за дело должен взяться человек «внизу». Он может сделать все, там давно уже не та «власть тьмы», о которой писал Гиляровский. Но надо дать ему полную политическую, экономическую, духовную свободу. И надежно защитить от произвола любой власти — старой и новой, центральной и местной.

Пока этого не будет сделано, пока человек у нас по правам и свободам своим не поднимется над государством или хотя бы не станет вровень с ним, боюсь, и новые властные структуры будут по-прежнему оказываться перед угрозой вырождения в старые.

— *Чем вы объясняете периодически возникающее сильное тяготение к чрезвычайным мерам, полномочиям, особым решениям? Ведь из истории России известно, что именно чрезвычайные меры, как правило, вели к тоталитаризму.*

— Тоталитаризм в истории России был все-таки один — сталинский. При всей жестокости самодержавия, при всей мощи централизованного государства, при всем произволе таких реформаторов, как Иван Грозный или Петр I, до тоталитаризма в современном его понимании дело все же не до-

ходило, хотя бюрократическая диктатура насаждалась упорно и последовательно. Впрочем, с центральной идеей вашего вопроса, что всякие чрезвычайные меры укрепляют антидемократические силы и тенденции в обществе, я согласен.

Да не в обиду будь сказано, но полагаю, что тяготение к чему-то чрезвычайному идет не только от врожденных пороков власти как таковой, но прежде всего от душевной лени каждого из нас. От той легкости, с которой мы перекладываем на кого-то другого решение наших же собственных проблем. Любой особый режим, чрезвычайные полномочия и тому подобное — лишь разновидность многовековых надежд на «доброе царя», на начальство, которое рассудит. Если не может рассудить по-доброму, то наделим его чрезвычайными правами и даже обяжем непременно ими воспользоваться. И будем обвинять начальника в нерешительности, слабохарактерности, мягкотелости, если он нас же кнутом не выпорол или в кутузку не посадил.

Рабская психология — вот что порождает, сохраняет, периодически усиливает тягу к чему-то чрезвычайному, насильственному. Выдавливает из себя раба — не просто красивое выражение великого писателя. Это — сверхзадача. И от того, сумеем ли одолеть себя, на многие десятилетия будет зависеть все остальное.

Да, когда был репрессивный режим, никто не был вправе требовать от человека самопожертвования. Каждый решал сам за себя, и большинство выбирало жизнь, если была такая возможность. Но теперь-то положение иное. И сохраним мы его лишь в том случае, если каждый возьмет свои дела в собственные руки и станет решать их сам, требуя, разумеется, от вышестоящих эшелонов власти гарантий стабильности закона, защиты своих прав, имущества, личности, координации в необходимых случаях общих усилий. Но не решения собственных проблем как таковых. Иждивенческая идеология — это идеология нищих.

— О преемственности и паразитировании. Не кроется ли порой в постановке задачи возрождения государственности опасность, что, черпая из опыта прошлого, мы словно переводим взгляд во вчерашний день, а не вперед? Не переселят ли известные слабости прошлого здравый смысл, вызвав своеобразную форму приспособленчества, паразитирования? Не оросят ли они замшелый консерватизм, который способен вызвать наступление противоборствующих сил?

— Конечно, опасности, которые вы назвали, есть. И многие другие тоже. Более того, я просто уверен: будут и приспособленчество, и паразитирование, и какой-то новый, но тоже консерватизм. За тысячи лет государственности не было еще случая, чтобы удалось обойтись без этих болезней. Ни у нас, ни в других странах. Специфика России, возможно, состоит в том, что многочисленные попытки реформ, порой очень

смелых и дальновидных, всегда заканчивались контрреформами. Впрочем, это не раз случалось и в других странах.

Необходимо быть крайне бдительными и на сей раз. В известной мере предохранитель от порочного исхода — изначально реалистическая постановка задачи. Не стремление к некоему идеальному, бесконфликтному и беспроблемному обществу-сиропу. Но создание уже сегодня такого общества, в котором неизбежные проблемы и конфликты решались бы законными средствами и с учетом баланса всех законных интересов. И столь же неизбежные социальные болезни удерживались бы на каком-то общественно приемлемом уровне. Такое общество гражданского характера мы можем начать создавать хоть сегодня. Выбор зависит от нас. Но определится он не тем, что мы скажем, а тем, что станем делать.

Прошлое может быть подсказкой и подмогой для каких-то действий. Но может быть и источником мифов, легенд, самоутешений, заблуждений. Это зависит от того, что мы в нем ищем, что выбираем.

— А не стоит ли за борьбой центра и мест нечто более глубокое, чем кажется при первом приближении?

— Думаю, что да. Лично у меня постепенно формируется убеждение, что в этой борьбе много реального, обоснованного, но немало и надуманного. Последнее служит искусственным прикрытием того, что некоторые структуры власти на местах не хотят поделиться властью с народом, продолжают держать его в сторонке. Сами нести ответственность за состояние дел не хотят и вместо этого подкармливают страсти и недовольство демагогической принципиальностью. Со своей стороны и центр пока никак не может разобраться в том, что же в условиях экономической и политической демократии ему принадлежать не должно, понять, что раскалывает общество, а что объединяет.

И в этой молотилке как бы исчезает народ, его реальные интересы. Вот здесь надо искать развязки, на основе системы самоуправления.

Когда человек голосует за того или иного кандидата, ту или иную партию, ту или иную точку зрения на референдуме, он, конечно, выражает тем самым и свое мнение, и свой интерес. Но выражает, во-первых, опосредованно, косвенно. И, во-вторых, одновременно. Ошибается в кандидате — жди следующих выборов.

Но чем ближе подступает политика к тому месту, где человек живет и работает, тем — при прочих равных условиях — проще и легче ему принять прямое участие в тех или иных решениях. Высказать собственную позицию, предложение, мотивировать их. Достичь договоренности с другими людьми.

В общем, именно здесь, на месте, и возможна самая

прямая, непосредственная, содержательно наполненная демократия. И именно здесь человек в первую очередь почувствует результат своих действий — и хороший, и негативный.

Сказанное не означает, конечно, будто я сторонник некоего «абсолютизма мест». Нет, нужно разумное размежевание сфер компетенции по всем уровням, разумное соотношение прав и обязанностей по отношению друг к другу. Это разумное соотношение не установить ни по какой формуле и не взять со стороны. Его подскажет только жизнь при условии разумной, рациональной ее организации.

Но сегодня-то положение такое, когда мы все еще живем в условиях фактического доминирования центра во всех делах. И не в силу какой-то его злонамеренности, а просто потому, что устоявшиеся порядки и привычки враз не изменить. А менять надо. Учитывая опыт прошлого, я бы даже искал каких-то конституционных формул и гарантий того, чтобы человек впредь не приносился в жертву амбициям государства. Чтобы правящие структуры, правящие партии несли реальную — не только политическую и моральную — ответственность перед страной за то, как живет человек, как использует правительство национальное богатство страны, ее природные ресурсы, как способствует оно преумножению этих богатств.

Конечно, за борьбой центра и мест и заурядное межаппаратное «перетягивание каната». Но это — отвлечение от главного. Суть-то, повторяю, в реальном месте народа, человека в процессах общественного управления и самоуправления. А если власть вырвать из рук одного аппарата и передать другому, то в лучшем случае человеку это ничего не даст. А в худшем — его положение может оказаться еще дальше от демократии.

Нам остро нужен сильный, разумный, социально ответственный центр. Но таким он может быть только в условиях подотчетности обществу. И нужен он там, и только там, где без него не обойтись. Но необходимы точно такие же места: сильные в пределах своей сферы компетенции; самостоятельные, независимо мыслящие и действующие, инициативные; готовые и желающие нести ответственность за положение дел в своем доме.

Я бы сказал так: где такая ответственность есть, там при всех возможных ошибках, неудачах, трудностях становления нового обновление идет, идет оно к демократии, к человеку.

— *Тема нравственности, нравственного начала во всякой деятельности человека стала в последнее время одной из постоянных и даже наиболее модных. Нет ли опасности «заговорить» и ее тоже? Что вы сами понимаете под нравственностью в политике?*

— Вообще-то «заговаривать» мы способны все что угодно. В приложении к нравственности я этого особенно боюсь.

Если это произойдет, родится особенно опасный и особенно жизнестойкий вирус цинизма и лицемерия, справиться с которым будет труднее всего. Одно дело — просто отсутствие нравственного начала или дефицит его. И совсем иное, куда худшее, — антинравственность, мимикрирующая под нравственность.

Наверное, период, когда о нравственности в общественной жизни и в политике надо было заговорить в полный голос, был нам необходим. Но сейчас разговоры должны постепенно вытесняться делами.

Нравственность в политике — это, по большому счету, завоеванное пространство у закона, когда закон становится нормой поведения, когда человек находится в гармонии с обществом и природой.

Конечно, к такому обществу еще предстоит идти. И, конечно, требование нравственного начала не отменяет нужду в законе. Его смысл — на деле поставить над всем человека. Если человек — высшая самоценность в обществе, то и нравственные критерии легко проникают во все поры политики. А нарушения видны и очевидны.

Если же человеку отводится роль инструмента, тогда-то и возникает как массовое явление противоречие законов и нравственности, политики и морали. Тогда-то и получается, что то или иное решение может оказаться обоснованным с позиций государственных калькуляций, ну а нравственным аспектом можно и пренебречь, он-де вторичен, неосязаем.

Возьмите решение о борьбе с алкоголизмом. Продиктовано было лучшими намерениями. Не будем касаться материальных потерь — о них уже много сказано. Но разве в процессе развернутой административной вакханалии наше общество стало морально лучше, чище? Да ничего подобного! И самогоноварения стало куда больше, и наркомании, и токсикомании. И спекуляции развелось невпроворот. И организованная преступность заработала на этом колоссальные средства, по сути, организационно встала на ноги.

Вот это и есть отсутствие нравственности в политике, когда считается, что достаточно благих намерений, а все остальное приложится. Нет, само не приложится. Нужен тщательный просчет вариантов, последствий. Нужен профессионализм везде и во всем.

У меня нет готовых рецептов относительно того, как создавать механизмы взаимного уважения, ответственности, умения жить друг с другом. Да их, таких рецептов, и быть не может. И нравственность в политике несводима только к тому, чтобы данный конкретный политик не принимал заведомо несправедливых решений, не допускал бы аморальных поступков, действий. Это — азбука. Надо думать о последст-

виях. О том, что принесут они человеку, возвысят или унижат его. Цивилизация — это накопление нравственного начала, духовных достижений, а не только материальных возможностей человека.

От первобытности мы отошли далеко, накопили немало. Но и мало. Ибо все накопленное еще можно утратить. А потому нравственность в политике сегодня — это стремление не только сохранить, но и приумножить накопленное.

5. Познать историю правдой

НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ЛИЧНАЯ ПОЗИЦИЯ

Историю не обманешь. Познать ее можно только правдой. Очернить — только ложью. В этом контексте особую сложность перед авторами «Очерков...» я вижу в том, что утвердившиеся в последние десятилетия трактовки истории демократического, освободительного, социал-демократического и коммунистического движения, поскольку они были не научно-историческими, а конъюнктурно-апологетическими, создали довольно прочное недоверие, причем отрицание, становясь тотальным, переходит разумные пределы.

Поэтому цель работы, как я ее вижу, — прежде всего восстановление огромных, непростительных, недопустимых пробелов в фактологической базе. Во-первых, история должна зажить фактами и быть заселена людьми. Во-вторых, необходимо проследить духовные, политические, практические истоки социалистического движения в России. Вспомнить, а для большинства современников и открыть заново многие важнейшие страницы этого движения. Воздать должное его героям, назвав их всех поименно, независимо от того, как завершилась их политическая судьба. В-третьих, скрупулезно, правдиво и честно, с максимально возможной детализацией восстановить реальное развитие нашего общества в послеоктябрьские десятилетия.

В общем, овладеть по-настоящему фактами. А это предполагает: а) подвергнуть здоровому сомнению все уже известное, проверяя самих себя снова и снова: где реальный факт, его значение, а где и в чем миф, легенда, вымысел, предубежденность; б) освободить историю от всего того, что было привнесено в нее ради оправдания содеянного, ради самовосхваления и самопревознесения; в) поднять те страницы прошлого, которые просто раньше не исследовались. Забегая вперед в оценках, скажу, что, на мой взгляд, здесь продвижение особенно очевидно и существенно.

Но знание фактов — не более чем дорога, по которой еще

предстоит продираться через буреломы и завалы, чтобы понять самих себя, свою революцию, свою трудную и во многом трагическую судьбу, свое место в сегодняшнем мире и возможности завтра. Мы еще не свободны от эмоционального воздействия и идеологического плена прошлого. Оно еще горячо и нервно дышит нам в затылок. Мы еще очень часто, обсуждая острые проблемы современности, как бы продолжаем старые споры, беря в них сторону Плеханова или Ленина, Троцкого или Бухарина, кого-то еще. Наверное, отчасти это неизбежно, и это надо делать, чтобы лучше разобраться в пройденном.

Но пора подняться над субъективным видением того или иного вопроса, решения, подхода. Не кто иной, как Ленин, не уставал подчеркивать: одно дело — субъективные намерения политиков, классов, движений. И иное, иногда совершенно иное — их объективный смысл, движущие причины, результаты и последствия. Полное, максимально детализированное знание истории социалистического движения нужно не только как правда о себе или как только удовлетворение понятной любознательности. Оно необходимо сейчас больше, чем когда бы то ни было, для ответа на самые животрепещущие вопросы жизни — партии и общества в целом. Кто мы такие? Какие нити и как связывают нашу жизнь с общемировым, общечивилизационным развитием? Тупик ли в этом последнем, как утверждают некоторые? Или же магистраль, о чем так долго говорилось? Или же нечто отличное и от первого, и от второго?

Складывается ощущение, что эта часть работы еще впереди.

Разумеется, предваряя своими вступительными замечаниями дискуссию, я никоим образом не претендую ни на полноту, ни на завершенность, ни тем паче на бесспорность своих оценок. И затрону далеко не все вопросы из числа даже ведущих для предпринимаемого исследования. Мои слова — не более чем личная позиция в рамках товарищеского обсуждения. Да и совершенно очевидно, что в истории нашей партии немало еще таких проблем и периодов, над анализом, оценкой которых еще долго будет биться наука.

В общем и целом придется, наверное, признать: отринуть, отторгнуть прошлые пособия, прошлый уровень познания истории КПСС (а точнее, ее незнания) оказалось куда легче, чем завоевать новый уровень. «Мертвые» не перестали «хватать живых» — в виде и общих схем, и накопленного десятилетиями цитатного багажа, да и элементарного незнания, а то и заведомой предвзятости, рождающей немало «фантомов прошлого» или «новых химер».

Возможно, такое положение по-своему закономерно: нельзя подняться к новому пониманию, не освоив полностью фактологию, не восстановив страницы, которые кровью изгонялись из истории. Это ясно. Но и нельзя отдаваться

искушению доспорить былые споры. Даже самые горькие сожаления сами по себе не поднимут на новую ступень теоретическое осмысление прошлого, а значит, и способность предвидеть будущее.

Социально-политический и духовный фон, от которого не может абстрагироваться научное творчество, с одной стороны, стимулирует анализ и раскрепощает мысль, а с другой — содержит опасность тенденциозности, но с обратным знаком. Образовавшийся ныне фон типичен для переходного состояния, в котором находится общество. Типичен своей противоречивостью. Сама постановка задачи качественного обновления делает неизбежными как глубокий критический анализ, так и сомнения. Созданный предыдущим развитием социально-экономический кризис побуждает к решительным действиям, но и формирует разочарование пройденным. Гласность лечит общество от застарелых и тяжелых болезней, но она же обнажает и скрывавшиеся пласты проблем, противоречий, трудностей, дает возможность высказать публично самые разные мнения и оценки, вплоть до явно реакционных.

Объективный факт нашей сегодняшней жизни — наличие в обществе искренних и честных сомнений не только в том, верной ли дорогой мы шли, но и сомнений в правильности самой социалистической идеи, ее логической и моральной обоснованности. Можно по-разному относиться к этому факту, но его нельзя ни отрицать, ни игнорировать.

Речь идет в данном случае о сомнениях искренних и честных, всегда сопряженных с поиском, с работой собственной мысли, со стремлением самому определить свою позицию. Именно они, а не спекуляции способны двигать общество вперед, поскольку и наука, и нравственность, и личность человеческая возвышаются, прогрессируют через преодоление внутренних сомнений и противоречий.

Об отказе от старых интерпретаций истории социалистической мысли и практики сожалеть не приходится.

Не только в годы «Краткого курса», но и в «подправивших» его «Историях КПСС» 60—80-х годов историческая наука использовалась как средство формирования иллюзорного, а значит, и во многом иррационального общественного сознания. Только сейчас по-настоящему идет осознание того, что среди объективных препятствий демократизации, преодолению экономической несвободы, становлению нового образа жизни заметное место занимают и засоренность нашего общественного сознания, и дефицит навыков реалистического, рационалистического мышления. Потому особенно актуальна задача выхода на научное осмысление пути, пройденного обществом. Решим мы ее — историко-партийная наука сможет внести свой вклад в достижение партией авангардной роли в обновленном обществе. В противном случае наука и общественное сознание могут пойти разными путя-

ми. Советские люди не будут мириться с уклонениями от анализа реальных и противоречивых процессов в недрах общества, с маскировкой или замалчиванием действительных проблем, с приложением марксистской методологии и теории к чему угодно, кроме собственных реальностей. Время лукавства в науке прошло.

Гласность стала наносить сокрушительные и далеко не безболезненные удары по иллюзорным формам общественного сознания. Она, прямо скажем, не только не приглушила интерес к историко-партийным сюжетам, но и резко обострила его. Но одновременно перевела этот интерес от перетряски догматических формулировок, новой инвентаризации цифр и дат, выявления различий в близких докладах в плоскость постижения сложнейших и острейших вопросов, волнующих все поколения советских людей.

А вопросов превеликое множество.

Каково было реальное значение марксизма в XIX веке и насколько оно изменилось к концу века XX? «Непримиримостью» Ленина или, напротив, «рenegатством» Плеханова и Каутского было вызвано историческое размежевание социалистического движения на социал-демократию и коммунизм, и не возвращается ли последний опять-таки к социал-демократическим позициям? Имелись ли действительно в учении Маркса и Энгельса доктринальные «изъяны» и сыграли ли они свою пагубную роль в становлении того исторического феномена, имя которому «государственный социализм»? Несла ли командно-административная система в себе что-то от теории и практики ленинизма или троцкизма, особенно периода «военного коммунизма» 1918—1920 годов? Не является ли фатальной ошибкой создание однопартийной системы вместо двухпартийной, что обеспечивало бы естественный взаимный контроль? Почему соратники Ленина проигнорировали его «политическое завещание»? Что за историческое формационное образование было создано в результате сталинской «революции» сверху? Как произошло сращивание партийного и государственного аппарата? Начались ли после второй мировой войны некие не предвиденные марксистом процессы вроде «конвергенции» двух противостоящих друг другу общественных систем? Не отошла ли социалистическая практика от общечеловеческих норм нравственности, признав насилие в качестве повивальной бабки истории? Когда и почему они были потеряны? И прочее, и прочее.

Сложнейшие общетеоретические вопросы стали «подписать» вопросы и частного порядка, но также весьма существенные: что на деле дала «сталинская реформа» России и не напрасно ли боролась против нее большевики? Не разумнее ли было остановиться в 1917 году на Феврале с его «свободами» и не толкать страну к Октябрю с его «диктатурой пролетариата»? Можно ли было избежать «сталинской коллективизации»? Действительно ли Сталин осуществлял ее

по «троцкистской модели»? В чем истоки чудовищных трагедий, организованных властью сознательно? Как получилось, что в стране и партии образовался перманентный кризис политического и государственного лидерства?

В публикациях последних лет даны ответы на многие трудные вопросы. Появились статьи в «Правде», «Коммунисте», «Вопросах истории КПСС», в массовых журналах «Родина», «Огонек», «Горизонт», «ЭКО», «Новый мир», «Знамя», «Журналист», газете «Московские новости» и др. Вышло немало интересных книг.

Выражая надежду, что публикация «Очерков...» поможет систематично и убедительно проработать все главные вопросы истории КПСС (а вместе с тем и истории нашей страны), хотелось бы высказать несколько соображений о самом методе исследовательской работы, задаче преодоления поверхностности, тенденциозности, догматичности, которые еще присущи историко-партийной науке, массовому сознанию, подпитываемому теми или иными публикациями, методологически не столь строгими, а то и просто ненаучными, не дающими адекватного представления о реальных исторических фактах, взятых в конкретном общественно-политическом контексте.

В юбилейные ленинские дни 1990 года участники диалога под вполне уместным названием «Без торжественных красок», устроенного редакцией «Журналиста», припомнили известный пассаж о стакане — из спора Ленина с Бухариным в конце 1920-го — начале 1921 года. Ленин говорил тогда, что, меняя угол зрения, можно попеременно увидеть в простом стакане то инструмент для питья, то предмет для бросания, то пресс-папье, то приспособление для ловли бабочек. А посему, чтобы оценить стакан правильно, нужен не бухаринский эклектизм, а точная Марксова метода, которая требует «всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого».

Но если даже такую простейшую вещь, как стакан, можно благополучно превратить в непостижимую «вещь в себе», заблудившись в нескольких его гранях, то что же говорить о таких гигантски сложных событиях в истории нашей партии, как, скажем, Ленин и русская революция? Или: Сталин и «революция» сверху? Разброс мнений здесь неизбежно будет огромный, и его определяют не просто тот или иной угол зрения, но и политические, а то и политиканские соображения или разгулявшиеся страсти. И сейчас иные писатели-политологи, поэты-политологи легко и бесстрашно переманивают через любые научные барьеры, пытаясь втиснуть те или иные разрозненные факты истории в доморощенные концепции конъюнктурного свойства.

В эти годы можно констатировать: в сознании появляются причудливые пласты каких-то чуждых науке мифов, до-

мыслов, структур, вроде бы уже канувших в Лету. К ним надо отнести не только измышления резвых публицистов типа Генри Форда, от которых отмежевывался и сам Г. Форд, но и попытки насадить негативизм в отношении всей российской революционной мысли и российского марксизма во всех его оттенках.

Призвание честного пера — не только по-человечески сострадать, но и дать человеку возможность понять, как и отчего произошел тот или иной поворот и переворот, произвели его на самом деле «рвавшиеся к власти» люди или само нежелание прежних властей идти навстречу народным нуждам.

Впрочем, отмечая проявившийся негативизм в отношении революционной мысли и действия тех или иных исторических сил в России XIX или первой четверти XX века, нельзя не видеть, что он является зеркальной реакцией на тот односторонний подход историков, который десятилетиями не допускал и мысли о правомерности неревolutionонных способов мысли и действия, не видел на арене истории в России всего спектра прогрессивных, демократических, революционных сил и деятелей. Историки никак не желали видеть и формирования в рамках марксизма реформаторской тенденции, той самой, которую начал разрабатывать в России с 1921 года Ленин. Недопущение мысли о правомерности и предпочтительности ненасильственного способа мысли и действия было в свое время для нашей науки столь же пагубно, как и ее постоянное стремление представить всех противников большевиков «ренегатами», «соглашателями», «ревизионистами», нежелание и неумение увидеть хотя бы маленькую живую струю в их критике большевизма, что дополнялось возведением в ранг непогрешимого и ни в чем не ошибавшегося «папы революционного прихода».

Истина есть раздвоение единого и познание противоречивых частей его; истина всегда конкретна; мера, практически неизбежная в одно время, становится практически вредной в другое; то, что было утопическим в начале XX века (к примеру, реформизм Бернштейна или теория ультраимпериализма Каутского), выглядит иначе к концу XX века — все эти диалектические парадоксы не смущали в свое время умы и души историков партии.

Как бы это ни было сожалеательно, но пересечение истории социализма и истории России оказалось куда более трагичным, чем, скажем, пересечение Просвещения и истории Франции. Причиной тому была ограниченность в начале XX века самого социализма в обеих его ипостасях — как большевистской, так и меньшевистской, цивилизационная и социально-экономическая отсталость России, многократно усугубленная мировой, затем гражданской войнами, которые и ввергли отсталую страну в состояние одичания, выбросив в сферу политики миллионы люмпенов, сознание и поведение

которых особенно опасно в поворотные моменты истории. Да и сам по себе перевод универсального, не знавшего точных пространственных или временных границ социалистического проекта на язык ограниченно практических задач отсталой и ввергнутой в состояние гражданской войны страны с необходимостью породил коллизии сознания и действительности, трудности, противоречия, тупики, выход из которых вожди находили далеко не сразу, заставляя партию (а вместе с ней и страну) проделывать порой зигзагообразный, а порой циклический путь развития. На этом пути сам Ленин, а не только его оппоненты, видел и якобинскую фазу, точнее фазу пролетарского якобинизма, задававшего общий вектор движения, но закономерно сменившуюся фазой «самотермидоризации», к сожалению, половинчатой, не затронувшей сферу политики.

Критика ошибочных построений «социологии революции», которые механически накладывали на Октябрь модель якобинской Франции и наоборот, не привела, к сожалению, к созданию научной социологии революций, где были бы проведены (с учетом качественных различий) необходимые сравнительно-исторические сопоставления — якобинизма и сталинизма, бонапартизма и сталинизма, гитлеризма и сталинизма и т.п. Тогда можно было бы увидеть и определенную применимость старых категорий к новым реалиям и одновременно необходимость их обогащения, уточнения — например, пролетарский якобинизм вместо мелкобуржуазного якобинизма. Можно было бы увидеть не только сходство таких реалий, как всеислие государства и принцип фюрерства (вождизма), но и их разнокачественную экономическую основу.

Отрыв страны и партии от общецивилизационного процесса также сыграл свою отягощающую роль. Марксистская теория в ее догматизированном варианте тщательно отгораживалась от любых общественных учений. Более того, все они объявлялись антинаучными. В результате — замораживание теоретических исследований, запрет на свободную мысль. Идея «непорочности», «чистоты» ортодоксального учения насаждалась средствами морального террора. Сомнения искоренялись, а колы так, то пустующее пространство прочно занимал догматизм, религиозный по форме, разрушительный по содержанию.

По той же схеме действовало и государство. Концепция «враждебного окружения» активно культивировалась в интересах идеологического выживания. Изоляция от внешнего мира дорого обошлась советскому народу — и материально, и духовно.

Мировое развитие шло мимо нас, шло быстро. Под натиском разнообразных общественных сил в капиталистическом обществе происходили существенные изменения. Новый смысл приобрели слова Ленина о западном мире: «Это

еще не социализм, но это уже не капитализм». Но с тем же правом можно сказать и о нас: «Это уже не капитализм, но это еще не социализм». Становление его основ было прервано отказом от нэпа, от товарно-денежных отношений, от поисков возможностей «государственного капитализма», который Ленин видел в качестве действующего фактора вплоть до полной победы коммунизма. Я бы только назвал это социалистически организованным капитализмом, стержнем которого является социально обоснованный рынок. Впрочем, и здесь не может быть универсального догмата. Прогресс множественен, но в основе своей общечеловечен.

Что должна представлять собой предыстория истории партии? Споры на эту тему начались едва ли не с переписки В. И. Ленина с А. Н. Потресовым в конце XIX века, охватывая в XX веке — по мере нарастания как успехов, так и неудач пролетарского движения в России — все больший круг лиц и проблем.

Должна ли эта история быть рассказом о внутренней жизни самого партийного организма: предпосылках его возникновения, идеологических концепциях и группах, о структуре, принципах построения, эволюции, спорах вождей, становлениях, работе «высшего», «среднего» и «низового» эшелонов и т.д.?

Вроде бы да. Без рассмотрения этих сюжетов история существовать не может, они важны — чтобы знать, как складывался, функционировал, в чьих руках оказывался политический инструмент, именуемый РСДРП, затем РКП(б), ВКП(б) и, наконец, КПСС; какой идеологией, какими установками руководствовалась партия, как они осуществлялись.

И все же — нет. Предмет истории партии гораздо содержательнее.

В методологическом отношении можно согласиться с теми историками у нас в стране и за ее пределами, которые противопоставляют сектантское и научное понимание предмета «история партии». «У сектанта, — писал еще А. Грамши, — вызывают воодушевление незначительные факты внутрипартийной жизни, которые имеют для него тайный смысл и наполняют его мистическим энтузиазмом». Что же касается научной интерпретации предмета, то, по мнению Грамши, «только сложная картина всего комплекса социальных, государственных (а также часто и международных) отношений даст правильное представление об истории партии».

Написать с позиций научных историю партии означает, следовательно, рассмотреть сквозь призму партийных сюжетов историю данной страны «в целом», в ее «международных отношениях» — с целью определить реальное влияние партии на историю страны, на ускорение одних процессов и замедление или свертывание других.

В числе проблем, которые нуждаются в более глубокой

проработке, можно было бы назвать проблему возникновение марксизма в России, столь вульгаризированную впоследствии. Здесь много вопросов. Скажем, почему столь трудно оказалось марксизму пересечь границы огромной империи и стать одним из направлений общественной мысли России? Почему знакомство русских революционеров (Лопатина, Лаврова и др.) с основоположниками научного социализма не порождало в отличие от стран Западной Европы интеллектуальной потребности перехода на позиции марксизма? Почему громадный интерес к работам Маркса и Энгельса, таким, как «Манифест Коммунистической партии», «Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих», «Гражданская война во Франции», перевод на русский язык первого тома «Капитала», идеи которого широко обсуждались, поступая в народническую и даже рабочую среду, не создавали никакого российского марксизма, а питали почти два десятилетия народническую и либеральную мысль России вплоть до 80—90-х годов XIX века?

Конечно, в России еще не было развитого капитализма и соответственно развитого рабочего движения. Но проблема коренится, по-видимому, глубже: перенос Марксова учения с европейской почвы на российскую предполагал преодоление ограниченности (конечно, во всемирно-историческом смысле) западноевропейских схем исторического процесса.

Внедрение крупнопромышленного капитализма в докапиталистические структуры порождает, если этому не предшествует глубокая вспашка социальной почвы, не просто более сложное зигзагообразное развитие, а другой путь, неведомый истории, неизученный, чреватый катастрофами, туниками и сложностью выхода из них. Октябрьская революция 1917 года и последовавшие за ней события показали, с какими громадными трудностями исторический процесс в странах, подобных России, приобретает характер прогресса.

В этом смысле, видимо, и следует понимать суждение, что Россия выстрадала марксизм, вкладывая в это понятие почти вековой «российский поиск формулы прогресса» вплоть до появления марксистской группы «Освобождение труда» и процесс выработки адекватной российским условиям альтернативы «октябристскому капитализму» и азиатско-му самодержавию.

К слову сказать, Октябрьскую революцию принято называть пролетарской, социалистической. Очевидно желание подчеркнуть, что в 1917 году произошел формационный перелом. Но эта констатация все же носит чересчур общий, а потому не вполне точный характер. Дело в том, что по своей политической форме и применявшимся средствам борьбы это была еще и пролетарско-якобинская революция XX столетия. «Рабочие-якобинцы» XX века (Ленин) оказались единственной партией в российской революции, которая на

деле выразила стремление к революционному преобразованию общества. Но внутреннее противоречие оставалось. Пролетарское совпадало с социалистическим лишь в потенции, в отдаленной перспективе. Непосредственно же, конкретно-исторически оно было пролетарско-якобинским.

НЭп должен был стать, по мысли Ленина, основой «самотермидоризации» пролетарской революции. Именно с помощью нэпа удалось привести в соответствие политический прорыв России в будущее с наличными экономическими и культурными условиями, покончить с пролетарским якобинизмом XX века — политикой «военного коммунизма». Однако нэп при Ленине оставался незавершенным, ибо так и не была коренным образом реформирована надстройка, сверхцентрализованное милитаристское образование, возникшее еще в годы гражданской войны. Смерть Ленина, единственного, кто, пожалуй, из всех вождей партии начал понимать смысл преобразований, связанных с нэпом, смысл «самотермидоризации», прервала грядущие перемены в «политическом строе» страны. В экономике Сталин и его окружение восстановят с 1928—1929 годов многое из методов «военного коммунизма», произведут насильственное «расторжение» деревни — с переброской части «рабочей силы» в колхозы и совхозы, части — на стройки в города, части — в лагеря для заключенных. Это позволит завершить незавершенный процесс первоначального накопления, создать индустрию, и все это — ценой огромных жертв, что дискредитировало саму цель развития. Уникальное образование типа «государственного социализма», с полным отчуждением трудящихся от собственности и власти, аракчеевским режимом в идеологии, невиданным беззаконием, будет поименовано Сталиным «социализмом в одной стране». Впрочем, иллюзию насчет того, что не только «низшая фаза коммунизма», но и сама его «высшая фаза» может быть построена за пару-другую пятилеток, воспримет, положит в основу Программы КПСС и Н. С. Хрущев, хотя именно он, в сущности, начал обнажать на XX съезде скрывавшийся под личиной «социализма» действительный режим с таким его экономическим базисом, «как *всеобщая* частная собственность», с бюрократией, представляющей «всеобщего капиталиста».

Только с апреля 1985 года начался закономерный крах иллюзорного сознания, процесс весьма болезненный, не всегда и не всеми понимаемый.

И еще одно соображение. Интеллектуальная потребность в антидоктринерской общественной науке, родившаяся в общем-то, вместе с появлением марксизма, приобретает, как представляется, чрезвычайное значение в наш век, когда слепое следование отжившим схемам, нежелание считаться с реалиями исторического развития вызвали серьезные кризисные явления в мировом социализме. Ныне просчеты полити-

ков особенно чувствительны, они чреватые вообще непоправимыми последствиями, а сам ход истории вынуждает всех тех, кого не оставил разум, кто думает о будущем общества, добиваться компромиссов, консенсуса, искать более цивилизованные, более человеческие, чем в прежние времена, гуманные формы общественной жизни и методы действий. Иных путей решения проблем ныне вообще нет.

О том, что принцип общечеловеческого подхода к истории, общественному прогрессу изначально присущ социалистическому идеалу и стоит выше его преходящей исторической формы (теория классово́й борьбы), основоположники марксизма заявляли не один раз. «По принципу своему коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом; он признает лишь ее историческое значение для настоящего, но отрицает ее необходимость в будущем; он именно ставит себе целью устранить эту вражду. Пока эта вражда существует, коммунизм рассматривает ожесточение пролетариата против своих поработителей как необходимость, как наиболее важный рычаг *начинающегося* рабочего движения; но коммунизм идет дальше этого ожесточения, ибо он является делом не одних только рабочих, а всего человечества» (Ф. Энгельс). И только последующие идеологические интерпретации и соответствующая практика придали социалистической идее сектантский и конфронтационный характер.

Новое прочтение современных реальностей не только ответ на глобальные вызовы жизни. Его долговременное, стратегическое значение — в интеграции марксизма с процессами мирового развития, мировой общественной мысли. Оно режет оковы сектантства, дает новые интеллектуальные и моральные силы, качественно расширяет горизонты возможностей. Но требует в ответ способности к творческой смелости, мужества реализма, гуманности, доверия к человеку и веры в него.

АКТЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПОКАЯНИЯ

Президент Советского Союза издал два Указа, имеющих принципиальный политический характер.

1. О восстановлении прав всех, кто был репрессирован в 20—30—40—50-е годы.

2. Об отмене тех Указов прошлых лет, которые лишали гражданства за инакомыслие или, точнее, за вольномыслие.

Это — акты справедливости, но, на мой взгляд, и акты покаяния.

Великий Кант рассуждал так: есть два предрассудка — не верить ничему и верить всему. Но есть и два таинства: звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас.

Так вот по нравственному закону наше общество, еще только преобразующееся в свободное, обязано перешагнуть через предрассудки нетерпимости, искусственно организованной борьбы, через законы неправды.

Правда ходит по прямой, с ней не разминешься. Но постижение прошлого — не судебный процесс, иначе это будет зеркальным отражением атмосферы страха прошлых лет.

Когда мы говорим, что реабилитируем кого-то, как бы милостиво прощаем их за некие прегрешения прошлых лет, все это отдает лукавством, лицемерием. Мы прощаем не их, а себя. Это мы виноваты, что они жили годами оболганными и задавленными. И реабилитируем мы сами себя, а не тех, кто думал иначе, имел иные мысли и убеждения. Они нам хотели добра и свободы, а руководство ответило злом тюрем и лагерей.

Нам сегодня, столь жадно вдыхающим воздух свободы, уже трудно разумом понять, что же происходило в давние и недавние времена.

Сотни тысяч искореженных судеб, расстрелянных и умерших, покончивших с собой; людей, которые не знали вины, но были уничтожены только за то, что особенно остро, острее других чувствовали боль за свою Отчизну.

Всем нам — это не упрек, но жесткое напоминание тем, кто еще болен ностальгией по прошлому, кто хотел бы шагнуть назад в испуге перед грядущим.

Особое внимание я бы обратил на трагическую судьбу нашего крестьянства, заплатившего столь кровавую цену за преступления сталинского режима. Эта неслыханная расправа над землепашцами не только подорвала устои общества, но ввергла в кризис само развитие государства.

Столь сконцентрированной ненависти к человеку история еще не знала.

Другой Указ близок к первому по сути своей — там и здесь дьявольская пляска террора. Обвинения, по которым людей преследовали, сажали в тюрьмы, изгоняли из страны, сегодня смехотворны по существу, но понуждают к множеству страшных вопросов. Ведь все это было, было — вот что ужасно!

Ну что можно найти опасного для режима в следующих строках Галанскова: «Не нужно мне вашего хлеба, замешанного на слезах, и падаю и взлетаю, в полубреду, в полусне... И чувствую, как расцветает человеческое во мне».

Но автора судили.

От 20—40-х годов и судей не осталось или почти не осталось. Но из периода диссидентства многое еще в нарывах. В нарывах совести и ответственности, подлости и трусости. Как охотно многие, еще и сегодня живущие и процветающие, фальсифицировали тогда дела, судили, отправляли людей в ссылки, рецензировали, писали разоблачительные статьи и коллективные письма, анонимки, полные ненависти.

Где они?

Они среди нас. И с совестью своей, судя по нынешней общественной активности, они в полном согласии.

Упаси меня Всевышний от зова к мести, к новому кругу нетерпимости. Но народ должен знать их имена и деяния, чтобы оценить их нравственными критериями, в которых столь сильно нуждается наше общество, сполна познавшее все мыслимое и немыслимое. Повторю — нравственными.

И еще об одном уместно сказать: как же далеко шагнуло наше общество в трудном постижении Правды, Добра, Гуманизма.

О ДЕКАБРЬСКОЙ ТРАГЕДИИ 1934 ГОДА

У меня не было намерения касаться темы убийства С. М. Кирова. Она сложна, запутана и крайне противоречива. Однако публикации в «Правде» от 4 ноября и в «Труде» от 25 ноября 1990 года, в которых содержатся ссылки на мою рабочую записку членам Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов, подвигли меня к необходимости высказаться по этой трагической проблеме.

В частности, сотрудник Следственного отдела КГБ СССР, полковник юстиции А. Я. Валетов писал:

«Сейчас у нас в стране много говорится и пишется о создании правового государства, однако отдельные вопросы решаются неправовыми способами, без достаточной компетенции и профессионализма. Сюда я отношу и дело об убийстве Кирова, которое давно можно было разрешить в установленном законом порядке. Но, увы, это не получается.

Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—50-х годов, возглавляет А. Н. Яковлев. Мы знаем его как видного политика, дипломата и историка. Но он далек от юриспруденции. В одном из документов А. Н. Яковлев пишет, что у работников Прокуратуры СССР и КГБ СССР, проводивших проверку обстоятельств убийства Кирова, отмечается «преимущественно юридический подход». Скажу прямо, именно неюридический подход и не давал возможности около сорока лет, когда причины и мотивы убийства Кирова были уже известны, восстановить доброе имя бывших комсомольских вожakov Ленинграда Румянцева, Толмазова, Котольнова и других, всего 13 человек, необоснованно осужденных к расстрелу за убийство Кирова совместно с террористом Николаевым. Нужно сказать, что родители и жены этих жертв, будучи сами репрессированными, так и не дождались справедливости в отношении их близких, хотя десятилетиями обращались в правоохрани-

тельные и партийные органы о пересмотре их дела. Так неужели дети репрессированных по делу об убийстве Кирова не дождутся правды?»

Начну с того, что 13 августа 1990 года по итогам работы указанной Комиссии Политбюро Президентом СССР подписан Указ, реабилитирующий и восстанавливающий в правах все жертвы политических репрессий 20—50-х годов. Так что вопрос: неужели дети репрессированных по делу об убийстве Кирова не дождутся правды? — несколько запоздал.

А теперь по существу моих личных сомнений.

Рабочая группа, состоявшая из сотрудников КГБ СССР, Прокуратуры СССР, Верховного суда СССР, архивных учреждений, пришла к выводам, что, судя по имеющимся материалам, террористический акт в отношении С. М. Кирова был задуман и совершен одним Николаевым Л. В. В 1933—1934 годах в городе Ленинграде не существовало контрреволюционной террористической организации и так называемого «Ленинградского центра». Нет доказательств и для обвинения бывшего консула буржуазной Латвии в городе Ленинграде Бисенекса Г. Я. в подготовке убийства С. М. Кирова. Отсутствуют доказательства и о наличии заговора с целью убийства охранника Кирова Борисова М. В., который погиб в результате автомобильной аварии. И, наконец, в справке содержится утверждение о том, что в уголовном деле Николаева, Котольнова и других, а также в материалах проверок 1956—1967, 1988—1989 годов данных, подтверждающих причастность И. В. Сталина и органов НКВД к организации и осуществлению убийства С. М. Кирова, не имеется.

Могу сказать, что какой-либо нарочитой пристрастности в записке рабочей группы я не усматриваю.

Но, с моей точки зрения, выводы и их обоснование не воспринимаются с безусловной достоверностью, возникают вопросы, на которые пока нет убедительных ответов. Как мне представляется, все проводившиеся до сих пор проверки ставили перед собой несколько зауженную цель — найти данные, которые напрямую изобличали бы лиц, подозреваемых в причастности к совершенному преступлению.

Известно, что существует несколько версий обстоятельств убийства С. М. Кирова.

Первая. Убийство совершено Николаевым — членом контрреволюционной организации, в состав которой входили бывшие участники зиновьевской оппозиции.

Вторая версия состоит в том, что Николаев был лишь орудием в руках сотрудников НКВД, действовавших по указанию Сталина.

Третья версия утверждает, что Николаев действовал как одиночка, при этом большое значение имели личные мотивы. Органы НКВД и Сталин к убийству не причастны.

Нужно сказать, что все проверки — и 60-х и 80-х годов —

в конечном счете имели в виду только эти три версии, а в анализе обстоятельств убийства по сути дела опирались на тот круг фактов и свидетельств, которым оперировали органы НКВД в 30-е годы, комиссии Шверника и Пельше в 60-е годы. Различались лишь *оценки фактов и показаний* обвиняемых и свидетелей, причем очень часто противоречивых.

Но если сравнить выводы различных комиссий, то трудно обнаружить, что для доказательства той или иной точки зрения порой без должной аргументации отбирались те факты, которые служили подтверждением избранной версии. И в то же время отбрасывались документы, показания, которые противоречили заданной позиции. По крайней мере у меня сложилось именно такое впечатление.

В сущности, не был организован поиск новых документов, к исследованию не привлечены уже выявленные историками новые обстоятельства. Система доказательств остается неизменной.

Недостаточно критически воспринимается и то обстоятельство, что расследованием убийства Кирова занимались в 30-е годы те самые люди, виновность которых в организации массовых репрессий, фальсифицированных процессов, в уничтожении сотен тысяч безвинных людей была впоследствии неопровержимо доказана, и многие из них не ушли от расплаты. И потому особенно трудно поверить допущению, что всего за два-три года до массовых репрессий эти люди были внутренне иными, а все их действия и слова заслуживают не критического доверия.

Рассматриваются главным образом два вопроса: а) были ли Николаев убийцей-одиночкой; б) причастен ли Сталин к убийству Кирова. Причем причастность Сталина обосновывается личной неприязнью к Кирову и стремлением убрать его как соперника. Эти соображения, в сущности, и определяют выводы. Мы, к сожалению, никак не можем выйти за рамки однажды выдвинутых версий и к тому же выдвинутых еще в 30-е годы, в том числе и возможными организаторами убийства Кирова.

Нужно сказать, что в изучении отношений Кирова и Сталина в ходе расследования обстоятельств трагических событий 1 декабря 1934 года почти ничего не сделано. Все дело сводится к поверхностной оценке отдельных фактов, которые и не позволяют судить о подлинном характере этих отношений.

В декабре 1934 года с полномочиями просмотреть все документы С. М. Кирова в его служебном кабинете и на квартире в Ленинград прибыл Орахелашвили М. Д., в то время заместитель директора ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). То, что именно Орахелашвили получил такое поручение, не было случайностью. Он был близким и старым другом С. М. Кирова и его семьи. В те годы он также был близок к Орджоникидзе и Сталину. Орахелашвили известная фигура в партии.

Длительное время — первый секретарь Закавказского крайкома партии, сменил на этом посту Орджоникидзе.

Мы знаем из документов о том, что последние письма из переписки Кирова и Сталина, Кирова и Орджоникидзе были взяты М. Орахелашвили. Что это были за письма? О чем они? Проливают они какой-либо свет на случившееся? Ничего не известно.

Однако нельзя ограничиваться только личными отношениями. Необходимо широкое исследование политической обстановки в целом. Известно, например, что еще в 1933 году Ленинградское управление НКВД представило в обком партии для согласования вопроса об аресте список бывших участников зиновьевской оппозиции, проходивших по агентурной разработке «Свояки»*. Однако С. М. Киров не дал согласия на арест некоторых из этого списка. Начальник Ленинградского управления НКВД Медведь по этому поводу в 1934 году показал: «В оперативных списках, представленных мною для согласования с обкомом ВКП(б) на ликвидацию бывших представителей троцкистско-зиновьевской оппозиции, ведших контрреволюционную работу в 1933 году по агентурным материалам Секретно-политического отдела, были Румянцев, Левин и другие фамилии, коих сейчас я точно не помню. При согласовании мною оперативного списка с товарищем Кировым товарищ Киров не санкционировал арест Румянцева и Левина, в частности, он имел в виду поговорить лично с Румянцевым».

2 декабря 1934 года Сталину было доложено агентурное дело «Свояки», по которому проходили бывшие участники зиновьевской оппозиции Котолынов, Шацкий, Румянцев, Мясников, Мендельштам и другие, то есть все те лица, которые и были осуждены вместе с Николаевым как организаторы убийства Кирова.

Известно, что никто из сопроцессников Николаева нелегальной контрреволюционной и подпольной деятельностью не занимался. Однако в областном управлении НКВД они уже были объединены в группу, и таким образом были подготовлены фальсифицированные материалы для того, чтобы представить эту группу как активных подпольщиков-контрреволюционеров. Так и произошло на процессе, который состоялся через несколько недель после убийства Кирова.

В январе 1935 года в Москве Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила к различным срокам заключения бывших руководителей Ленинградского управления НКВД: Ф. Д. Медведя, И. В. Запорожца, Ф. Т. Фомина, Г. А. Петрова, П. М. Лобова и других за «преступную халатность к

* Свояками были, как известно, Каменев и Троцкий. Отсюда, очевидно, и одна из целей агентурной разработки — выяснить связь каменевцев, зиновьевцев с троцкистами.

основным требованиям охраны государственной безопасности». Обвиняемым инкриминировалось непринятие своевременных мер к выявлению и пресечению деятельности в Ленинграде террористической зиновьевской группы. Сроки заключения были разные. М. К. Больцевич, имевший по должности непосредственное отношение к делам о терроре, был приговорен к заключению в концлагерь на 10 лет. Все остальные были приговорены к заключению в концлагерь на срок от двух до трех лет.

Таким образом, если судить по документам этого процесса, руководство Ленинградского управления НКВД обвинялось в непринятии необходимых мер к пресечению террористической деятельности зиновьевской контрреволюционной группы, в халатном отношении к охране С. М. Кирова.

Однако спустя три года во время процесса по делу Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и других организатором убийства С. М. Кирова был назван Г. Г. Ягода, бывший в то время наркомом внутренних дел СССР. Им якобы с помощью своих сообщников в центральном аппарате НКВД, а также руководителей Ленинградского управления, в частности заместителя начальника управления И. В. Запорожца, было подготовлено и осуществлено убийство С. М. Кирова. В 1937 году почти все руководители Ленинградского управления НКВД СССР были расстреляны. В живых остались лишь один из заместителей начальника управления Ф. Т. Фомин и два сотрудника — Г. А. Петров и П. М. Лобов.

На XX съезде КПСС Н. С. Хрущев выдвинул новую версию обстоятельств убийства С. М. Кирова. Он обошел вопрос об участии «троцкистско-зиновьевского центра» в осуществлении террористического акта и утверждал, что убийство Кирова было организовано Ягодой, наркомом НКВД, который действовал по личному поручению Сталина. Из слов Хрущева можно было заключить, что он обладал информацией по этому делу.

В представленной рабочей группой справке отвергается какая-либо причастность органов НКВД к убийству С. М. Кирова. Однако, как мне представляется, не были использованы все возможности для более глубокого изучения всех фактов, позволяющих судить, были ли причастны сотрудники НКВД к убийству С. М. Кирова.

Почему Ягода взял на себя вину за организацию убийства Кирова? Он публично на процессе 1938 года заявил об организации и осуществлении этого убийства сотрудниками центрального аппарата и Ленинградского управления НКВД. Зачем нужно было это публичное признание? Ведь доказано, что Ягodu и названных им лиц искусственно включили в состав несуществовавшего «правотроцкистского» блока. Ни с кем из мнимых участников этого блока он не только не был связан, но у него были с ними неприязненные и часто

враждебные отношения. Мы также не знаем, о чем шла речь на закрытых заседаниях процесса, где давал показания Ягода. Были ли предприняты попытки выяснить, какие дела Ягода попросил суд рассмотреть отдельно и на закрытом заседании? У Ягоды был один и единственный начальник — Сталин. Шла ли речь о нем на закрытых заседаниях судебной коллегии?

Как вел себя Ягода в преддекабрьские дни и в первой половине дня 1 декабря 1934 года? Где он был, что делал, кого принимал, к чему проявлял интерес, был ли на приеме у Сталина?

Остались без внимания и те процессы, на которых были дважды осуждены по одному и тому же делу руководители и сотрудники Ленинградского управления НКВД. Подверглись ли проверке ход следствия, вещественные доказательства, обвинения? Если допустить, что убийство организовано органами НКВД СССР, то надо выяснить, кто мог стоять за спиной Николаева. В живых из 12 сотрудников Ленинградского управления НКВД, осужденных за халатное отношение к охране Кирова, к XX съезду партии осталось трое: Фомин Ф. Т. — заместитель начальника областного управления НКВД; Лобов П. М. — начальник особого отдела областного управления НКВД; Петров Г. А. — оперуполномоченный особого отдела Ленинградского управления НКВД.

Часть из них были реабилитированы в судебном порядке и по этому процессу. Какие факты в процессе реабилитации этих лиц поднимались прокуратурой и следственными органами? Были ли беседы с ними по существу дела? Как и на каком основании их реабилитировали? До сих пор не проанализированы документы, письма, воспоминания, свидетельства близких к оставшимся в живых сотрудникам Ленинградского управления НКВД.

Нуждается в тщательном изучении деятельность центрального аппарата НКВД СССР и Ленинградского управления в городе и области в 1934 году, в частности обстоятельства, связанные с составлением списков бывших участников оппозиции, разработкой операции «Свойки», ее программой и целями. Очевидно, необходимо проверить, были ли получены в 1934 году сведения от зарубежных резидентов о направлении двух террористов от «Общероссийского воинского союза» в Ленинград с целью совершения террористического акта против Кирова. Была ли в Ленинграде под руководством Фриновского организована операция по их поимке летом 1934 года?

Чем занималась эта большая группа работников НКВД? Какие факты, связанные с охраной Кирова, привлекли их внимание? С какими людьми они общались? Чем закончились оперативные мероприятия? Какие выводы были сделаны?

Если эта операция действительно имела место с целью пресечения террористического акта против Кирова, то как можно объяснить, что спустя несколько месяцев после их работы и произошло убийство Кирова?

Нет ли связи между деятельностью этой группы и репрессиями представителей бывших дворян, царских чиновников, осуществленными сразу же после убийства Кирова? Дела 39 арестованных в Ленинграде «белогвардейцев по обвинению в подготовке организации террористических актов против работников Советской власти» 2 декабря 1934 года были переданы на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР.

В сообщении об этом также извещалось, что руководство Управления НКВД по Ленинградской области смещено со своих постов и предано суду.

Спустя короткое время по заранее подготовленным спискам из Ленинграда, как социально-опасный элемент, была выслана большая группа бывших дворян, чиновников царских учреждений и членов их семей.

Значительную роль в расследовании обстоятельств убийства Кирова в декабре 1934 года сыграло дело об организации «Зеленая лампа». Сообщение о существовании этой организации было сделано Ленинградскому управлению НКВД секретным сотрудником М. Н. Волковой осенью 1934 года. Проверкой этого сообщения занимался оперуполномоченный особого отдела Ленинградского управления НКВД Г. А. Петров. Факты о существовании такой организации не подтвердились. Сама Волкова была подвергнута освидетельствованию специалистов-психиатров. Было установлено, что Волкова психически больна. После этого она была препровождена в Обуховскую больницу города Ленинграда. За несколько дней до этих событий Волкова пыталась попасть на прием к председателю Леноблисполкома П. И. Струппе, но его не оказалось на месте. И тогда Волкова рассказала его секретарю о том, что работниками Ленинградского управления НКВД готовится убийство Кирова. Она будто бы услышала об этом от пьяных сотрудников, с которыми отдыхала вместе в доме отдыха НКВД несколько дней тому назад. Когда об этом было доложено Струппе, то побеседовать с Волковой не удалось, так как она к тому времени уже находилась в психиатрической больнице.

2 декабря 1934 года, по словам бывшего работника Ленинградского обкома Лазуркиной Д. А., ею обо всех этих фактах было сообщено Н. И. Ежову. 3 декабря Волкову из психиатрической больницы привезли в Смольный, где она беседовала со Сталиным. Ее показания после этой беседы были признаны достоверными. На следующий день, 4 декабря, Николаев — убийца Кирова — меняет свои первые признания. Теперь уже он говорит о себе не как об убийце-

одиночке, но и называет соучастников по террористическому акту — членов подпольной зиновьевской группы.

К 1956 году оставались в живых два свидетеля, которые могли характеризовать личность М. Н. Волковой как секретного сотрудника НКВД и пролить свет на обстоятельства и характер ее медицинского освидетельствования. Это были упомянутый выше Г. А. Петров и начальник лечебно-санитарного отдела Ленинградского управления НКВД С. Мамушин. К сожалению, они не были опрошены соответствующими комиссиями, а имеющиеся у Г. А. Петрова документы до сих пор не приобщены к исследованию обстоятельств убийства Кирова. И вся история с организацией «Зеленая лампа» остается пока не в поле зрения лиц, исследующих события 1 декабря 1934 года.

Большое место в исследовании играет оценка поведения сотрудника НКВД Борисова, на которого в тот день была возложена охрана С. М. Кирова. Как известно, во время следования Кирова по Смольному Борисов сильно отстал от него. Николаев выстрелил в Кирова, когда они находились один в коридоре Смольного.

Почему грубо нарушил инструкцию Борисов? Сам ли он где-либо задержался или кто-то задержал его, каковы те обстоятельства, которые привели к тому, что Киров оказался один, без охраны?

В выяснении непосредственных обстоятельств гибели Кирова Борисов был главным свидетелем. Однако, как известно, на следующий день, когда Борисова везли на допрос к Сталину, он погиб. Как утверждает проверка — в результате автомобильной катастрофы.

Можно ли безоговорочно принять эту версию? На мой взгляд, нельзя.

Во-первых, есть разные показания водителя машины, на которой везли Борисова. В одном случае он утверждает, что действительно произошла авария, в другом рассказывает о том, как сидевший рядом с ним сотрудник управления НКВД Малий вырвал у него руль и машина ударилась бортом о стену дома. К сожалению, в справке не приводятся мотивы, по которым во внимание было принято одно показание и полностью отвергнуто другое.

Во-вторых, имеется письмо бывшего начальника лечебно-санитарного отдела Ленинградского управления НКВД С. Мамушина о том, что смерть Борисова была преднамеренным убийством, а не несчастным случаем. Мамушин сам был членом медицинской комиссии и пишет, что ее заключение о смерти Борисова было сделано вопреки фактам обследования. Вскрытие черепа Борисова показало наличие многочисленных радиально расходящихся трещин черепа, что было следствием удара по голове тяжелым предметом, тогда как в заключении было написано, что была найдена одна трещина черепа, которая свидетельствовала об ударе голо-

вой о каменную стену. Свидетельства С. Мамушина требуют тщательного изучения и приобщения к делу.

Третье. Все документы, фиксирующие автомобильную катастрофу, воспринимаются и оцениваются как достоверные, не вызывающие сомнения, их выводы безоговорочно исполняются как бесспорные факты. Между тем они нуждаются в критическом осмыслении и проверке. Несмотря на то что прошло много времени, специалисты, я думаю, могли бы высказать суждения о вероятных последствиях аварии грузовой машины, двигавшейся со скоростью около 30 километров в час с двумя пассажирами в кузове. При ударе о стену дома никто не пострадал, а Борисов получил смертельное ранение и скончался на месте. Никаких повреждений не было зафиксировано у сотрудника, который находился вместе с Борисовым в кузове.

Выяснение обстоятельств гибели Борисова — яркий пример того, как велось следствие и как спустя годы шли проверки этого дела. Как известно, в 1935 году сотрудники НКВД, сопровождавшие в машине Борисова, были осуждены за проявленную халатность к незначительным срокам тюремного заключения. Спустя два года они уже подверглись более строгой каре, их действия квалифицировались как умышленное убийство Борисова. Все оперативные работники, проходившие по этому делу, были приговорены к высшей мере наказания.

После 1955 года обстоятельства убийства Кирова рассматривались несколько раз и в этом деле гибель охранника Кирова всегда была одним из центральных звеньев. Дело об убийстве Кирова, как лакмусовая бумага, отражало изменения во внутренней политике. Если при первой после XX съезда проверке было явное желание получить объективные свидетельства, то в последующем проявилось стремление замазать очевидные факты. Имело место давление на свидетелей. Учитывая, что многие из них после долгих лет тюрем, лагерей, ссылок были неустроены, не могли добиться справедливости в восстановлении своих прав, а некоторые полагали, что не настало время говорить правду, соглашались с предлагаемыми им версиями и не задумываясь подписывали то, что еще совсем недавно отвергали. Нельзя не учитывать всех этих особенностей ведения следствия, характера последующих проверок, если мы хотим установить истину.

Для полного выяснения обстоятельств убийства Кирова необходимо дальнейшее изучение системы пропусков в Ленинградский обком и горком партии в то время. Есть свидетельство, что даже работникам секции Ленсовета, размещавшейся на первом этаже, надо было выписывать специальный пропуск для того, чтобы пройти на третий этаж, где размещался областной комитет партии. Как известно, незадолго до покушения на Кирова численность его охраны была увеличена с трех до пятнадцати человек. Однако нет тща-

тельного анализа ни системы организации охраны Кирова, ни местонахождения этих охранников в момент убийства. Очевидно, все эти вопросы требуют исследования.

Главный вывод, который сделан в результате проверки Прокуратурой СССР и КГБ СССР обстоятельств убийства С. М. Кирова, состоит в том, что террористический акт был задуман и совершен одним Николаевым Л. В., о чем и говорится в интервью газете «Правда» и в других публикациях.

Возможно, это и так. Но в таком случае самой личности Николаева, объяснению причин, побудивших его совершить террористический акт, оценке этого поступка, объяснению ряда обстоятельств, позволивших совершить убийство, — всем этим важнейшим вопросам уделено ничтожно малое внимание. Основной упор сделан на то, чтобы показать, во-первых, что Сталин не знал и не имел никакого отношения к организации покушения на Кирова. Во-вторых, полную непричастность НКВД к совершенному убийству. В-третьих, что деятельность Николаева не связана с бывшими оппозиционерами и никакой контрреволюционной террористической организации — так называемого «Ленинградского центра» — не существовало. Четвертое, что убийство Кирова было широко использовано Сталиным для организации массовых репрессий в стране.

Два последних вывода не вызывают сомнений. Однако, если действительно террористический акт был задуман и совершен одним Николаевым, то очевидно, что и его личности, и его поступкам необходимо дать более обстоятельный анализ.

Утверждается, что убийство Кирова было и актом личной мести со стороны Николаева, и актом политического террора. Если это был акт политического террора, то, очевидно, следует больше уделять внимания исследованию изъятых при обыске Николаева документов, и в частности, его личного дневника. О нем упоминает в ряде выступлений в 1935—1937 годах А. А. Жданов, который говорит, что в этом дневнике будто бы были такие фразы: «Коммунизм нам никогда не построить», «Убить кого-нибудь. Может быть, Лидака, а может быть, Гудова, нет, лучше Кирова». В справке сообщается и о том, что у Николаева были изъяты «Автобиографический рассказ», «Последнее прости...», «Дорогой жене и братьям по классу», «Политическое завещание» («Мой ответ перед партией и отечеством...») и так далее, где выражается готовность пожертвовать собой «во имя исторической миссии», содержится намек на подготовку террористического акта. Все эти документы требуют объяснения их происхождения, тщательного анализа и оценки. Нужно ответить на вопрос: в какой мере цитаты из них в выступлениях Жданова отображают общий характер документов. Нужно и обстоятельное исследование того, что привело к такой политической позиции Николаева. Его знакомые и сослуживцы

отмечали психическую неуравновешенность Николаева, его болезненное самолюбие, неуживчивость, то есть личные качества, которые характеризуют его как человека с тяжелым характером. Но никто не говорил о существовании его политических высказываний. Он никогда не участвовал ни в каких оппозиционных группах, не примыкал к каким-либо группировкам. Когда же и как появилось стремление у Николаева совершить политическое убийство «во имя исторической миссии»? Нет документов, характеризующих работу Николаева в областном комитете партии, нет анализа его окружения.

Недостаточно исследовано и убийство Кирова как проявление личной мести со стороны Николаева. Мы не располагаем текстами его заявлений в адрес различных учреждений, в которых он говорит о личном отчаянии, неудовлетворенности, тяжелом материальном положении, о несправедливом отношении к нему со стороны государственных лиц. Где написанные Николаевым апелляции в КПК ВКП(б) (июль — август 1934 года)? По данным Ленинградского партийного архива (фонд 24), они были отосланы в КПК в 1936 году. Были ли другие заявления Николаева в это время? В частности, в справке сообщается, что в июле 1934 года он написал письмо Кирову, а в августе — Сталину, в октябре — в Политбюро ЦК ВКП(б).

Остается и много других вопросов, связанных непосредственно с организацией убийства Кирова. Как мог осуществить он это преступление в одиночку? В Ленинградском партийном архиве есть документ, свидетельствующий о том, что патроны для своего пистолета Николаев достал в «Динамо» — спортивном обществе НКВД.

Как известно, в 1934 году был усилен пропускной режим Смольного. На этаж, где размещался областной комитет партии, требовался специальный пропуск. Почему у Николаева сохранился этот пропуск, хотя он уже несколько месяцев не работал в обкоме?

Мог Николаев определить путь Кирова, время его прибытия в Смольный, вызван ли был кем-либо Киров в Смольный или он сам принял это решение, сообщалось ли сотрудникам охраны о маршруте движения Кирова и о возможности прибытия его в Смольный, кто знал о том, что туда выехал Киров, сохранились ли в архивах КГБ, в Ленинградском управлении какие-либо документы, которые позволяли бы ответить на эти вопросы?

Не многовато ли в этом деле разного рода случайностей?

Как довод, исключаящий причастность Сталина к подготовке насильственного устранения Кирова, в справке приводится ссылка на сложившиеся к тому времени между ними «добрые, хорошие и теплые взаимоотношения, переходящие в приятельские».

Для принятия или отказа от версии непосредственного

участия Сталина или, по крайней мере, осведомленности его в подготовке покушения на Кирова характер их взаимоотношений не может служить безоговорочным доказательством. Кому не известны теперь хитрость, коварство и вероломство Сталина? Когда-то у него были неплохие и даже дружеские отношения и с Каменевым, и с Зиновьевым, и особенно с Бухариным. И все же он послал их на смерть. Разве не было у него дружеских отношений с Орджоникидзе (пожалуй, из всех членов Политбюро именно с ним у Сталина были наиболее близкие, доверительные отношения)? И чем закончилось это? Гибелью Орджоникидзе, его самоубийством или убийством, что еще предстоит выяснить.

Характером постановки вопроса о взаимоотношениях Сталина и Кирова хотят показать, что Киров не был соперником Сталина, что он поддерживал его во всех начинаниях и даже являлся его рупором, восхваляя его в каждом своем выступлении. И из этого будто бы следует необоснованность подозрений в какой-либо личной заинтересованности Сталина в устранении Кирова. В такой постановке вопрос сводится к личным взаимоотношениям.

В порядке обсуждения можно допустить, что провокация не предусматривала рокового исхода, но вышла из-под контроля. Может быть, было желание только инсценировать покушение, и тогда надо бы действительно показать и близость Кирова к Сталину, и его верность, и несколько преувеличить его реальное место в партии, в Политбюро. Кстати, он отнюдь не пользовался такой популярностью до 1 декабря 1934 года, как, скажем, Молотов, Ворошилов, Калинин. Его место в руководстве партии воспринимается в связи с событиями 1 декабря 1934 года и последующей пропагандой его имени, массовым переименованием в его честь городов, рабочих поселков, присвоением его имени улицам, площадям, промышленным предприятиям, учебным заведениям, колхозам и т.д.

Но наиболее существенно во всем этом деле то, что Сталин приехал в Ленинград с готовыми, продуманными идеями и они тут же начали претворяться в жизнь. Сталин сразу сказал о том, что это дело рук зиновьевцев. Бухарин в своем заявлении в ЦК ВКП(б) от 12.01.37 года писал: «... Я на второй, если не ошибаюсь, день знал о том, что Николаев — зиновьевец; и фамилию, и зиновьевскую марку сообщил мне Сталин, когда вызывал в ПБ...» На очной ставке с Радеком, проведенной 13 января 1937 года в ЦК ВКП(б) Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Ежовым, Бухарин подтвердил свое заявление и показал: «На второй день после убийства Кирова я вместе с Мехлисом был вызван в Политбюро и тов. Сталин мне сказал, что Киров убит зиновьевцем Николаевым». Сталин подтвердил содержание своего разговора с Бухариным, однако поправил, что это было «...скорее всего на восьмой день».

Выступая 3 марта 1937 года на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б), Ежов заявил: «...т.Сталин, как сейчас помню, вызвал меня и Косарева и говорит: «Ищите убийц среди зиновьевцев». Я должен сказать, что в это не верили чекисты и на всякий случай страховали себя... и по другой линии, по линии иностранной... Первое время довольно трудно налаживались наши отношения с чекистами... Пришлось вмешаться в это дело т.Сталину. Товарищ Сталин позвонил Ягоде: «Смотрите, морду набьем...».

Таким образом, в первые же дни расследования Сталин причислил Николаева к зиновьевцам и тем самым возложил на них ответственность за убийство Кирова.

Сталин, естественно, всегда стремился скрыть свою роль в руководстве машиной террора. Он много раз выступал как поборник справедливости, хотел показать, что не имеет ничего общего с арестами и расправами, которые творились в стране. Ему это часто удавалось. Тем более важно проследить тот первый акт трагедии, в котором он выступает непосредственным участником, непосредственным организатором расправы над большой группой ни в чем не повинных людей. Можно ли отбросить в сторону непосредственную роль в организации работы следствия, вмешательство, давление, стремление навязать свою точку зрения? Чем она была продиктована, к каким последствиям вела?

Взяв на себя руководство расследованием, Сталин тем самым взял и ответственность за его полноту и качество, за подмену конституционных органов — и объективно получил все возможности завести его на ложный путь, если к тому были основания. Но были ли?

По существу, вопрос прост и сложен: было ли убийство Кирова организовано по прямому и непосредственному указанию Сталина? Или же оно подготовлено по инициативе сталинского окружения, верно рассчитавшего, что рвение будет оценено? Или же оно — следствие каких-то иных обстоятельств?

Но в любом случае последствия этой трагедии оказались настолько глубокими, что породили множество политических гипотез. Одна из них гласит: сталинизм — естественное и закономерное порождение революции, социалистической идеи, к чему-то подобному революция не могла не прийти, а как конкретно — это уже детали.

Именно здесь и проходит сейчас главный водораздел политической, идейной, всей духовной борьбы. Борьбы между верой в способность человека и общества организовать свою жизнь на достойной и справедливой основе. И отрицанием такой веры.

Как входит Сталин в это историческое уравнение?

Если он прав или он — объективная неизбежность исторического зла, то надежды на гуманное общество, стремление к нему беспредметны. Но надежды эти родились не в

Октябре 1917 года и даже не с Парижской коммуной. Ими жили еще первохристиане, которые тоже, надо полагать, от кого-то их унаследовали. Выносить приговор об обреченности гуманистического начала истории — нет, не будем торопиться.

Или же открытые перед страной возможности были украдены горсткой лиц, стремившихся лишь к обладанию властью? Если убийство Кирова было организовано, значит, это наш отечественный вариант «поджога рейхстага». Значит, все остальное творилось не по неведению, не по заблуждению, не от безвыходности обстоятельств, а по злой воле. Значит, уже не о деформациях и отклонениях надо говорить применительно к прошлому, не о высотах и сложностях большой теории и неоднозначности знания, но о прикритии преступной политики.

Вот почему знание правды для нас куда больше, чем удовлетворение любознательности. Вот почему сам этот вопрос продолжает сохранять политическую актуальность, и будет ее сохранять, пока нет убедительных ответов.

Разумеется, задачу эту недопустимо решать подгонкой ответа под чье-то желание. Нельзя ни априорно оправдывать Сталина, равно как и априорно обвинять его. Нужны не сенсации, но документальная точность.

Повторю еще раз со всей определенностью: я не призываю к поискам прямых или косвенных доказательств причастности Сталина. Я — за ответственное и полное историко-политическое, историко-психологическое, историко-криминалистическое исследование нашего трудного прошлого, особенно ключевых его моментов. Я — за право на сомнения, на прямые вопросы и вразумительные ответы на них.

Но вопросов пока что больше, чем ответов, в том числе и в этом письме.

Словом, все сказанное, по моему убеждению, заставляет еще раз вернуться к исследованию всех обстоятельств, связанных с убийством С. М. Кирова.

НЕ ПРЕКЛОНИ КОЛЕНА ПЕРЕД ЗЛОМ

Проблема нервная. Нелегко писать о ней. Трудно не потому, что много уже сказано гневного и покаянного, непреклонно-обвинительного и милосердного. А также и блудливо-защитного теми, кто не покидает привычную для них глумливую стаю Зла, готовую и сегодня без жалости и раздумий вцепиться в искалеченное тело и еще больное сознание общества. А трудно потому, что протест нашей совести в своей очистительной работе пока что ограничен трагическими судьбами одиночек, тех, для кого Добро было не только нравственной исповедью, но и смыслом жизни.

Нет спору, без этого истины не постичь. Но, убежден, обществу не избежать оценки и самого себя. Конечно, расставаться с прошлым легче смеяться. Увы, нам приходится плакать. «Судьба — мытарь и меняла», — пишет Юрий Рост. Возможно, это и верно. Но будем справедливы: не каждый способен увидеть выбор и готов к мытарствам. И в этом тоже заключена трагедийность прошлых десятилетий, ибо многие верующие в наступление земного рая были в ладу со своей совестью. Это тоже судьба-мытарь. И нет ничего тяжелее, чем ежечасные муки прозрения.

Их называли диссидентами. В массовом сознании они отождествлялись раньше, отождествляются и сейчас с личностями и их судьбами. И оцениваются сугубо субъективно, в зависимости от того, как относится человек, скажем, к Сахарову или Солженищину, Ростроповичу или Неизвестному, Бродскому или Шемякину, Войновичу или Максимову, Чалидзе или Зиновьеву. Между тем любое общественное явление не может отождествляться только с конкретными его носителями, диссидентство в особенности. И уж тем более оценку личности лишь условно можно перенести на явление, как и оценку явления надо по меньшей мере весьма осторожно распространять на личность.

Достаточно задаться вопросом: можно ли, правомерно ли считать символом диссидентства только А. И. Солжени-

цына, масштабы личности и таланта которого не вызывают сомнений? Или А. Д. Сахарова — личность столь же крупную, яркую и талантливую. Если кто-то ответит на эти два вопроса утвердительно, то как у одного и того же явления оказываются два столь различающихся символа?

Ясно, что Солженицын и Сахаров соединились не по собственной воле и не логикой собственных воззрений. В свободной демократической стране они скорее были бы в разных политических объединениях. Их бросила друг к другу общая для них сила, им неподвластная. И сила эта — официальная установка на общественную нетерпимость.

Подобная идеология и психология культивировались десятилетиями. По обычной житейской логике в разные периоды они должны были давать и разные практические результаты. Уверен, что пристальный анализ явления диссидентства, когда он состоится, обнаружит его многослойность и многоспектральность. Сейчас различают «первую», «вторую», «третью» волны эмиграции. На очереди «четвертая». Различия прозрачны и по времени, и по причинам, их породившим.

Явление диссидентства, его эволюция гораздо меньше очевидны — в том числе, думаю, и для самих участников, — потому что здесь многое намеренно запутывалось. Но конкретное содержание диссидентства не может не быть по меньшей мере столь же многообразным.

Для чего все эти рассуждения? Нам свойственны шарханья из одной крайности в другую. Еще совсем недавно во время лекций, публичных выступлений часто звучали вопросы типа: «Почему Сахарова до сих пор не посадили?», «Почему он благоденствует в Горьком?». Сейчас именем этого великого гражданина называют улицы и площади, общественные объединения и движения... Спектр оценок сместился. И то, что еще вчера клеймилось как преступление, сегодня оценивается как гражданское мужество.

Да, со всеми, кто оказался за чертой официального общества из-за мыслей своих, поступали подло — тюрьмы, психушки, лишение гражданства, изгнание с работы, лишение средств к существованию. Всему этому не может быть нравственного прощения.

Но понимание быть должно. Явление диссидентства нуждается в особенно тщательном и честном, научно и граждански порядочном анализе. В нем есть свои полюса и крайности, свои прозрения и заблуждения, свои истины, но и своя ложь. Но оно необходимо нам в целости именно как богатство, как очевидный источник духовного движения. Впрочем, это вовсе не означает, что с каждой идеей тут можно безоговорочно соглашаться, каждое произведение безоглядно боготворить.

У диссидентства как явления — две стороны. Одна — конкретные люди с их судьбами, идеями, поисками и пережи-

ваниями. Люди живые и ушедшие. Люди-жертвы, но и борцы. Интересные и важные для нас не только своими взглядами, но и разрывом с конформизмом, стадным инстинктом слепого подчинения. Они заявили открыто о своей личности и отстаивали ее перед властью, да и значительной частью общества. И, как мы сегодня видим, очень часто оказывались правы в своих убеждениях.

Здесь — одна линия анализа и оценок. Урок тоже крайне существенный: и один в поле воин. Если личность. Все дела начинаются с чьего-то личного слова, несогласия, действия, находки. Популярная, к сожалению, мораль: «А что я один могу сделать?» — не просто неверна. Она — оправдание лени, пассивности, нежелания думать и действовать самому, одна из главнейших первопричин наших бед.

Но есть и другая сторона — на общество направленная, но и получающая, воспринимающая, преломляющая в себе реакцию общества. Несколько десятилетий репрессии получали достаточно широкое одобрение в обществе. И на это нечестно закрывать глаза. Было. И причина тут — не только дезинформированность людей. Причина — и в исторически обусловленном уровне развития общественного сознания. Не поняв этого, не сумеем разорвать духовные и политические цепи, опутавшие общество.

Что знает советский человек о диссидентах? Мало и путано. Знает отдельные имена, их судьбы. Но далеко не полностью, да и в том, что знает, очень много от легенд и слухов, как и от наветов и недоброго отношения. Не знает самого главного: существа их взглядов, работ и концепций, гражданских, политических, художественных позиций. Даже в отношении крупнейших фигур диссидентского мира. А за пределами 5—6 имен чаще всего не знает никого.

Поэтому самым первым шагом в познании нашей общественностью диссидентства должно стать освоение его духовного содержания. Не только отдельный человек, но и общество в целом имеет право судить, тем паче выносить оценки лишь тому, что действительно знает. Иначе страдают не только отдельные люди, но и само общество, которое при таких привычках ничего не стоит убедить в полезности комбинатов на Байкале, переброса рек и морей и других подобных начинаний. Прозрение наступает слишком поздно и оплачивается слишком дорого.

В массе своей советский человек не знает, что такое диссидент и диссидентство. Коварно и по-своему умно подобранный иностранный слово создает впечатление связанности лиц, которых так называют, с чем-то враждебным: с империализмом и сионизмом, НАТО и ЦРУ, вообще с чем-то международно-космополитически-нехорошим.

Достаточно перевести это слово, однако, на русский язык, чтобы многое автоматически стало на место. «Инакомыслящие», «инакомыслие». Но чего здесь априорно преступного?

Почему мыслить иначе — значит идти против закона и общества, как минимум совершать нечто зазорное? Кто и почему установил порядки, при которых все должны мыслить одинаково, и только одинаково? И как именно? По отношению к чему, к какой точке отсчета инакомыслящий мыслит иначе? И если эта точка отсчета вдруг меняется — а мы знаем, что она менялась со сменой действующих лиц, политической конъюнктуры, — то не следует ли отсюда, что мы воспитываем в массовом порядке людей без убеждений, без принципов, без морали? Сегодня-то мы знаем, что именно так и происходило в действительности. Остается лишь посожалеть о том, что мало кому в голову приходило попытаться развенчать этот трюк с переводом. Но еще и сегодня перестройка, гласность ведут тяжелую борьбу по ниспровержению, развенчанию самых нелепых и вредных для нас же самих мифов.

Диссидентство многообразно, но можно взглянуть на него и с таких двух сторон. На одном полюсе — творцы, мыслители, художники. На другом — местные правоборцы, чудаки, часто неуживчивые, «конфликтные» люди. Такие есть в каждом коллективе, каждой деревне или поселке и уж, конечно, в городах. С позиций начальства такие люди очень «неудобны». И в зависимости от того, насколько жестко с ним обращаются в кругах официальных, такой человек вызывает к себе и сочувствие, и сожаление; иногда, чего лукавить, и неприязнь окружающих. Но самое тревожное то, что мало кто был готов поддержать его идеи, оказать ему помощь.

Из этих разных жизненных представлений и составляется в общественном сознании образ диссидента. И выпадает из этого образа самый распространенный, наименее известный, более всего претерпевший и потенциально весьма важный для общества тип иначе думающего: не звезды первой величины, но и не деревенские чудаки. А люди, отмеченные способностями и знаниями, нравственностью и гражданской активностью. Люди, которым действительно было что сказать согражданам, но они именно поэтому и преследовались.

Предстоит еще много открытий. Любой социолог, которому дали бы прочитать перечень запрещенных к опубликованию сведений, без долгих раздумий легко сделал бы вывод, что перечень этот продиктован ведомственными удобствами, желанием скрыть от общественности неприятную для ведомств информацию. Но именно поэтому такой перечень социологам не давали. И когда мы будем читать сегодня, завтра, послезавтра статьи, эссе, книги авторов-диссидентов, мы еще сотни раз будем задаваться вопросами: «Господи, да за что же преследовали этих людей? Что антигосударственного находили в этих выводах и предложениях?»

Но именно обоснованность выводов, здравость предложений и выдавались за антисоветизм. И коль скоро сегодня

соглашаемся с очевидностью такого анализа, заключений и подходов, должны согласиться и с другим: те, кто мучительно додумывался до всего этого, с риском для себя и своей семьи высказывал, возможно, и были по-своему чужаками... и настоящими патриотами Родины. Крайне своевременное напоминание сейчас, когда зарождающуюся свободу мысли, слова, само право на такую свободу пытаются, и в который раз, вновь забить штампами вроде «подрыва идеалов и принципов».

Предстоит открыть для себя десятки имен честных журналистов и писателей, ученых и публицистов, людей практически всех направлений деятельности и мысли. Открыть и с горечью понять, как много из того, над чем мучаемся еще сегодня, было проанализировано, понято, осмыслено и десять, и двадцать, и тридцать, а кое-что и 50—60 и более лет назад. И горечь здесь не только в том, что потеряны годы и десятилетия для решения задач — потеряны в угоду чьим-то шкурным, извращенным, деформированным интересам. Куда горше и обиднее понимать, что мы сегодня зачастую открываем заново давно открытое, изобретаем изобретенное. В результате искусственно задержано духовное развитие народа. Если бы многие мысли, идеи, предложения не утаивались, не загонялись в спецхраны, а были обнародованы и проходили нормальную проверку жизнью, то и развитие приобрело бы естественный характер. И в теории, и в практике. Потерянное время не возвращается, и наши внуки выходят на тот уровень мышления, который вполне мог бы стать достоянием их дедов.

В массовом сознании диссидентов часто путают или отождествляют с эмигрантами. И это тоже качественное заблуждение. Далеко не каждый эмигрант был диссидентом. И напротив, далеко не каждый диссидент стал эмигрантом. Фактически в эмиграции оказалась лишь часть диссидентства. Гораздо большая часть инакомыслящих оставалась внутри страны. И не обязательно в тюрьмах, лагерях и психушках. Статистики тут быть не может; но очень многие были на свободе формально. Но фактически их лишали доступа к информации, аудитории, лишали возможности заниматься осмысленной работой, контактов с иностранцами и поездок за рубеж.

Но почему все-таки диссидентов называли диссидентами, а не как-то иначе? Почему в общем-то реже — особенно когда не возбуждалось «уголовное дело» — называли их антисоветчиками? Почему так велико было искушение признать их психически ненормальными, большими?

Да потому, что иначе миф и злой умысел развеивались бы незамедлительно, поскольку изначальные, как мне представляется, помыслы и намерения у диссидентов были простыми: разобраться поглубже в наших теоретических положениях; проанализировать те или иные стороны, проблемы бытия,

противоречия реальной, а не бюрократически отглаженной и причесанной жизни; выйти на какие-то практические рекомендации, предложения, решения. Иной вопрос, конечно, правилен ли в каждом конкретном случае был анализ, обоснованны ли выводы, реалистичны ли оценки и предложения. В конце концов, в свободном и демократическом обществе все это может и должно быть предметом научных и общественных дискуссий, политических споров. Но в том-то и дело, что наше общество не было ни свободным, ни демократическим. Каждый самостоятельный шаг воспринимался в нем тоталитарными структурами непременно и исключительно как покушение на власть и авторитет. А поскольку нерешенные и нерешаемые проблемы накапливались, а противоречий между словом и делом становилось все больше, то росло и число критиков, искренне не понимавших, почему нельзя попытаться изменить положение дел к лучшему. Росла и сила их аргументации. Росла объективно и степень исходившей от них угрозы всем тем, кто мог, но не хотел действовать, кто занимал государственные и партийные посты, носил научные и иные звания не по заслугам, не по квалификации и знаниям, не по человеческой порядочности, наконец.

Объективно впереди непростая задача. Диссидентство и диссидентов предстоит оценивать по их реальным словам, делам и мыслям, по действительному их вкладу в общенациональное развитие, по упущенным нами возможностям. Но для этого нужно уйти от крайностей. И от еще остающегося огульно-негативного отношения к инакомыслящим и их творениям. И от столь же огульного, некритического преследования перед всеми инакомыслителями только лишь потому, что они оказались за рубежом. По своему дипломатическому опыту знаю, что были и такие «диссиденты», которые просто компрометировали само инакомыслие.

Так что же такое диссидентство как явление нашей жизни и когда оно возникло?

В широком, историческом смысле слова — тогда, когда официальные государственные и идеологические структуры предъявили к гражданам страны требование на одномыслие. В российской истории здесь велики «заслуги» и самодержавия, и церкви. Конечно, это большая самостоятельная тема. И, конечно, правомерно возражение, что в исторической перспективе Россия тут не была исключением. Все европейские страны прошли в своем развитии через идеологические «охоты на ведьм», религиозные войны, самодурство правителей. Традиция одномыслия давняя и сильная. В самодержавном унитарном государстве ее и не могло не быть.

«Новый старт» гонениям на инакомыслящих был дан с поворотом к режиму личной власти. В едином центре концентрировалась вся советская власть, идеологическая, все притязания на высшую и абсолютную правоту по всем во-

просам. В нашем сознании сегодня репрессии вытеснили собой все другие стороны сталинизма. Но фактически сталинизм начинался с борьбы против любого инакомыслия; инакомыслия во всем — против религии в целом и любого ее направления; против любой марксистской мысли, не разделявшейся в данный момент Сталиным; против любой научной школы, гипотезы, направления, если только они не соответствовали настроениям и представлениям Сталина и его окружения.

Были ли диссидентами политические противники Сталина? По современным понятиям — безусловно. Но возможность неограниченно использовать репрессии, физические уничтожать любого делали «излишними» какие-то утонченные методы. А с другой стороны, атмосфера всеобщего страха, подозрительности, «бдительности» в сочетании с социальным идеализмом, наивностью немалой части общества, темноты другой его части — все это делало менее распространенным и инакомыслие. Проблема духовного сопротивления режиму еще не стояла так, как в 60-е, 70-е и особенно на рубеже 80-х годов. А средства для ее силового решения еще были практически неограниченными. Все факторы духовного угнетения, морального террора были налицо.

XX съезд подвел черту под физическими репрессиями. Отныне они становились политически невозможными. Но он вовсе не устранил притязаний высшего партийно-государственного руководства на собственную непогрешимость, не устранил идущего сверху импульса к одномыслию. Подувший вскоре холодный ветер затормозил «оттепель». Консервативная тенденция усилила ослабевшие было притязания. Положение ухудшилось с принятием брежневской Конституции 1977 года, впервые вводившей законодательно «руководящую роль» партии, что на практике означало усиление произвола аппарата.

Положение обостряли еще три фактора.

Во-первых, чем дольше сохранялась сталинская модель социализма, чем дольше упорствовало руководство в неизменности ее экономических, политических, идеологических, культурных форм, тем больше накапливалось острых проблем и противоречий и в жизни, и в духовной сфере. Здесь не место их анализировать, невозможно даже перечислить. Но научная, общественная, творческая мысль просто не могла пройти мимо этого очевидного разрыва между словом и делом, идеалами и действительностью. Не всегда реакция на эти процессы была осознанной. Очень часто, особенно поначалу, она носила преимущественно формы нравственного протеста — например, деревенская проза. Нередко бывало и так, что высокая профессиональная компетентность вкупе с политической неискушенностью порождала вопросы, в отношении которых люди менее добросовестные и более цинич-

ные знали, что трогать их не стоит, рискованно. Так или иначе, но объективное «пространство проблем и противоречий» рождало все больше вопросов. Нежелание решать их толкало мысль к протесту. А расширявшиеся гонения на инакомыслие — а точнее, на ростки свободо- и правдомыслия — в конечном счете способствовали укреплению, укоренению в обществе явления «внутренней эмиграции», неверия в возможность добиться чего-либо через официальные каналы и структуры.

Во-вторых, свою роль сыграли процессы, развернувшиеся с начала 60-х годов в социалистических странах Восточной Европы, в Китае в рамках течения еврокоммунизма, а также в наших отношениях на каждом из этих направлений. При всех глубоких до противоположности различиях между этими процессами смысл их был один: внутри социалистической идеи и социалистической практики нарастало многообразие. Рано или поздно оно должно было как-то перелиться и в нашу внутреннюю сферу. Нельзя было до бесконечности игнорировать и вопросы и ответы. Нельзя было до бесконечности отрицать само право на постановку вопросов внутри страны, когда они широко начали обсуждаться в мировой общественной жизни.

И здесь приверженность к догмам и иллюзиям питала свободомыслие, равно как и его отвержение.

Но был и *третий* фактор. Утвердившиеся в обществе жесткие авторитарные структуры с уничтоженными демократическими отношениями, лишённые нормальных обратных связей, стали приносить особый своеобразный «урожай». В партии и государстве, в центре и на местах, в экономике и науке, культуре — повсеместно сложились структуры и отношения, при которых слишком часто наверх выходили недостаточно компетентные, не всегда порядочные, нетворческие, да и просто не желающие подчас работать люди. Система круговой поруки, групповщины, коррупции и кумовства привела к многочисленным ситуациям, когда защищались не столько одномыслие, тот или иной идеологический постулат сам по себе. Но должность, пост, кресло, связанные с ними привилегии и возможности. Короче, интерес сугубо личный, эгоистический.

Все эти факторы в совокупности и предопределили появление и распространение диссидентства. Явление нормальное в нормальном обществе. Но в конкретных условиях нашей страны оно порождалось и стимулировалось теми, кто употребил мощь государства, партии, правоохранительных органов, их возможности на создание системы политического и духовного террора в интересах, не имеющих ничего общего с интересами народа, страны, всего нашего развития. Система духовного порабощения стала прямым продолжением прежней репрессивной организации, лишь вынужден-

но ограничивающейся иными методами подавления. Притом разрушительной для общества во многих отношениях.

Конечно, высылка в Париж, даже с принудительным лишением советского гражданства, — это не ссылка на лесоповал. Все так. Но даже заведомо меньшее зло остается злом. Морального оправдания преследованиям инакомыслящих быть не может — это официальная политика, повернутая против человека и всего человеческого в человеке. Объективно она культивировала безверие, приспособленчество, цинизм, освобождение от нравственных норм и ограничений. Она, эта политика, во многом способствовала и тому, что в высокие эшелоны власти нередко попадали люди органически непорядочные. Стоит ли удивляться, что в этой атмосфере стали возможны те научные, хозяйственные, управленческие решения, что оборачиваются сегодня Чернобылем и гибелью Арала, взрывами нефтепроводов и десятками тысяч никому не нужных танков, гибелью российской деревни и потерями культурных ценностей.

Было бы неверно считать, что политика преследований была направлена только против свободомыслящей части писателей, художников, ученых, творческой интеллигенции вообще. Она была нацелена вообще против всего самостоятельного, инициативного, самобытного, ищущего. И в числе тяжелых ее жертв — хозяйственные кадры. Трагедия новаторов экономики в том, что они просто не могли действовать, ничего не нарушая. Что, начиная работать по-настоящему, они немедленно показывали одним своим примером возможности, искусственно загоняемые под спуд. И подвести их под уголовное наказание ничего не стоило. Но в любом случае наказывалось стремление к свободе, творчеству. Экономическая глава диссидентства, в отличие от других, еще даже не приоткрыта.

Страна теряла. Не только от культивируемой безнравственности. Не только от духовного торможения. Не только от падения престижа за рубежом. Но и от того малозаметного, но грозного явления, что зрело в недрах общества. Постепенно все большее число людей приходило к выводу, что они бессильны изменить что-то к лучшему. Нарастали равнодушие, апатия, пассивность.

Но не только. Укреплялась двойная мораль: одна — по отношению человека к человеку и иная — в отношении того же человека к государству, общенародной собственности и достоянию. Шел распад общественных связей.

Удар по любым проявлениям свободомыслия и инициативы обернулся и другим грозным явлением. Равнодушие, формализм, самоотстраненность людей вели к тому, что многие болезни технологического, хозяйственного, нравственного, социального порядка стали загоняться вглубь. Не возникало необходимости и потребности брать на себя до-

полнительную или даже минимальную ответственность, кому-то что-то доказывать, пусть и без риска для жизни и карьеры. Не одно преследование диссидентства тому причиной. Но оно сыграло свою заметную и крайне деструктивную роль.

Аналогия хромает, но думается, что она все же правомерна. Вспышки народного гнева в прошлом часто были сигналом для правящих кругов, указывающим, дальше каких пределов они заходить не могут. Думаю, продолжайся застой и дальше, мы еще не скоро встретились бы с социальным взрывом. Но росло бы мелкое и крупное воровство, увеличивалась бы апатия, а тем самым и все болезни общества загонялись на такую глубину, из которой просто не могло быть быстрого и неразрушительного выхода. А возможно, и выхода вообще. Если старое, дореволюционное общество жило в постоянном страхе перед возможностью нового Пугачева или Разина, то общество, опирающееся на политику преследования и подавления свободомыслия, должно осознать: взрыв куда более жестокий, разрушительный, дегуманизирующий может дать доведенная до абсурда жизнь по официальным планам, указаниям и наставлениям в сочетании со всеобщим равнодушием и безответственностью. Да послужит и здесь нам Чернобыль уроком и предостережением.

Диссидентство — не свободо- и не инакомыслие само по себе. То и другое было во все времена, у всех народов. Диссидентство как явление — это политика, осознанно направленная на подавление свободо- и инакомыслия, и осуществляемая всеми средствами, кроме прямого физического уничтожения. И потому диссидентство — это зародыш, бактерия репрессий, это перманентная угроза их возрождения, это атмосфера и условия, в которых возврат к репрессивной практике облегчен и вероятен. И коль скоро мы прощаемся со всем тем, что было в нашем прошлом постыдного, свое место в этом ряду должно занять и диссидентство.

Думается, перестройка, демократизация и гласность продвинули наше общественное сознание уже достаточно далеко для того, чтобы выводы относительно преследования инакомыслящих представлялись самоочевидными. Но коль скоро перестрадали, переболели мы и этой болезнью тоже и неизвестно, до конца ли излечились, нужен и урок практический. А он в том, что государство не может быть фактически повернуто против творческой, самостоятельной, инициативной личности без глубочайшей стратегической, долговременной угрозы и для самого этого государства, и для общества в целом. Ни против художника, ни против ученого, ни против хозяйственника, крестьянина, политика. Ни тем более против всех вместе.

НОВАЯ ГЕРМАНИЯ И ИМПЕРАТИВЫ ЕВРОПЫ

Нераздельность судеб Германии и Европы самоочевидна. Политика не может не учитывать интересов всех участников исторической драмы. Но политика, которая строится только на интересах, — это одномерная и потенциально опасная политика. Ибо интересы многообразны и часто противоположны. А вся история восхождения цивилизации — это прежде всего история обуздания и самообуздания в разнообразных формах эгоизмов, будь то личности, класса, народа, государств. Это история нахождения, утверждения в создании и жизни общих, совместных ценностей, представлений, идеалов.

Через конфронтации и конфликты, через идеологические барьеры, при всех противоречиях тенденции к интеграции и конвергенции набирают силу, а общечеловеческие ценности все глубже проникают в массовое сознание.

Эволюция Европейского континента и европейской политики была в этом отношении и трагичной, и поучительной, и плодотворной. Через века межнационального, гражданского и религиозного насилия, но и через века движения общественной мысли Европа пришла наконец к пониманию того, что интересы всех ее стран и народов требуют умения и желания жить и сотрудничать добрососедски, что войны — это уродливая, иррациональная форма решения спорных вопросов. Еще с Венского конгресса 1814—1815 годов начали предприниматься попытки в этом направлении. Многие из них кончились неудачей в прикладном смысле этого слова. Но все в совокупности они постепенно вершили прогресс. Сейчас, через 15 лет после Хельсинки, практически сформировалась новая философия и практика общеевропейского сотрудничества.

Именно в этом контексте я склонен рассматривать возможности и альтернативы новой ситуации. Говорят, что объединение Германии подводит последнюю и окончательную черту под второй мировой войной, а также под «войной

К выступлению на европейском форуме «Германия в Европе: новое лицо, новая мощь, новые инициативы». Париж, 25 сентября 1990 г.

холодной». Это верно, если давать оценку, оглядываясь только на прошлое. Это принципиальная победа, однако нас сегодня правомерно волнует будущее.

Грех прошлого велик. Но покаяние неизбежно. Тяжкое, даже через угрозу ядерного апокалипсиса, но очистительное, открывающее новую, мирную эпоху в истории человечества. Хочется верить, что оно происходит.

Объединение Германии стало возможным лишь вследствие тех основополагающих конструктивных изменений, которые нарастали в Европе в отношениях Восток—Запад, особенно с середины 80-х годов. Эти изменения, порой драматичные, но в любом случае созидательные, связаны прежде всего с общей перестройкой международных отношений после 1985 года. Они радикально преобразуют лицо Европы, открывают перед политической культурой континента новые горизонты.

В чем их суть и смысл?

Послевоенная Европа была как бы удобна ясностью и кажущейся непреодолимостью идеологического, политического, военного, союзнического водораздела. Где враг — такого вопроса даже не возникало, настолько самоочевидной представлялась ситуация. В этой обстановке появились на свет известные военно-политические доктрины, беспрецедентная концентрация армий и оружия, психология перманентного военного противостояния как образа жизни. Все это имело свою почву, и не только в контексте тогдашних отношений между Востоком и Западом, но и шире: за минувшие столетия Европа накопила немало горючего политического, национального, психологического материала, который еще может напоминать о себе.

Так было. Сегодня эта прежняя система отношений распадается. И слава Богу. Уходят на пыльные полки архивов доктрины, на которые потрачено немало интеллектуального горючего. Уходят вместе с арсеналами вооружений.

Мне представляется, что можно говорить о трех измерениях устремленных в будущее процессов, своеобразным символом и импульсом которых выступает объединение Германии.

Первое, явное, конкретно-политическое: преодоление раскола в Европе, прошедшего прежде всего по германской территории. Раскола, отразившего не только и даже не столько противостояние двух систем, но и опыт, политические и психологические итоги двух мировых войн. Сегодня война ушла из Европы, Европа отвоевалась. Наконец-то история подарила объективную возможность строить жизнь через совместную деятельность, создающую уверенность в завтрашнем дне. Вот почему, несмотря на все тревоги, я лично не верю в оживление призраков прошлого, в то, что когда-то в будущем вновь заявит о себе та милитаристская Германия, что оставила шрамы на судьбах народов и страхи

в сознании Европы. Не верю, хотя и ношу на своем теле уже полвека следы пяти немецких пуль.

Второе, связанное с первым, но и отличное от него, выходящее за пределы Европы. Я имею в виду начавшееся и далеко продвинувшееся преодоление раскола по линии Восток—Запад. Удалось нащупать пути к доверию и сотрудничеству, стал набирать обороты процесс разоружения. Европа приобретает обновленное качество. Все мы придем к будущим рубежам не теми, какими были в прошлом. И даже, наверное, не теми, что мы сегодня. Я имею в виду экономические и политические структуры, духовную сферу, нравственное состояние, кругозор и понимание самих себя и других.

Какое значение все это будет иметь для Европы? Вот тут и возникает *третий* план: Европа получает реальный шанс на возрождение уже на новом историческом витке и в новом качестве, главная отличительная особенность которого — единство в многообразии. Эволюция полуторавекового общеевропейского идеологического и гражданского конфликта, апофеозом которого стало ракетно-ядерное противостояние, — эта эволюция подошла сейчас к той стадии, когда мы все способны увидеть в различиях не повод для конфронтации, а стимул к развитию, взаимному обогащению. Именно это и дает нам основания ставить в повестку дня европейской политики создание на континенте общего военно-политического, социально-экономического, правового и гуманитарного пространства, на котором плодотворно сотрудничают суверенные государства.

Все это позволяет не просто утверждать, но и быть в разумной степени уверенными, что объединяющаяся Германия не является и не станет возрождением Германии довоенной. Она мыслится как демократическое государство, встроенное в общеевропейский процесс. Притом встроенное не принудительно, не вопреки интересам и взглядам самой Германии, ее народа и правительства, но в полном соответствии с устремлениями и взглядами самого немецкого народа.

Разумеется, и я не хотел бы здесь лукавить, играть в прятки с правдой. В нашей стране еще живут страхи. Укорять за них кого-либо — это кощунство. Память живет, ибо ужасы и огневые шквалы войны еще не дают сна и покоя миллионам людей в моей стране. Вот почему общественное мнение у нас расколото, хотя никто не желает зла немецкому народу. Наоборот, только благополучия. Но внимание к процессу объединения крайне обостренное. Критических суждений на этот счет приходится выслушивать немало. Это тоже реальность.

В 50-е годы Томас Манн говорил о том, что «должна быть создана европейская Германия, а не германская Европа». С этим можно согласиться, но с одной оговоркой: как именно создана? И европейский, и наш собственный опыт

убеждает в том, что путь тут один — через естественную, неэкстремальную, внутреннюю эволюцию страны и народа, через общее согласие жить по законам нового мирового порядка.

Нынешнее объединение Германии — явление, строго говоря, исторически не новое. Новым является характер самого объединения, которое происходит мирным путем и при поощрении со стороны других европейских государств. Да и не только европейских. Все предыдущие формы объединения носили военный характер. Начиная с первого рейха, основанного Оттоном I и позднее названного «Священная Римская империя германской нации». Затем — второй рейх, созданный Бисмарком в конце XIX века. И, наконец, третий рейх, гитлеровский, в 30-е годы. Все три рейха потерпели крушение, поскольку опирались на военную силу, на конфронтацию немецкого государства с его соседями.

Нельзя не осознавать, не осмысливать тот факт, что в Европе возрождается на новой основе великая держава — можно сказать, региональная, да и более чем региональная сверхдержава. Влияние ее объективно и, скорее всего, будет расти, а не падать. От нее исходят мощные энергетические волны. Это новая Германия, но в новой европейской и международной среде. Советский Союз верит *такой* новой Германии, ее способности оказывать конструктивное, благотворное влияние на строительство общеевропейского дома.

При тех принятых на себя обязательствах, которые включены в Договор «два плюс четыре», объединяющиеся немецкие государства могут внести новые элементы в фундамент системы европейской безопасности, находясь в такой организации, как НАТО. Этот *переходный период*, в течение которого должны быть созданы эффективные гарантии общеевропейской безопасности, налажено сотрудничество во всех сферах, заложены и начнут функционировать первые общеевропейские институты, — важен чрезвычайно. Не только политически и практически, но прежде всего в психологическом отношении.

Трудности этого периода очевидны и неизбежны. Сложных проблем более чем достаточно. Оставаясь на почве политического реализма, нельзя исключать и возможности отдельных попятных движений в тех или иных политических позициях, конкретных вопросах. Такова жизнь. И от того, какую роль будет играть объединенная Германия в переходном периоде, будет во многом зависеть успех строительства общеевропейского дома, системы общеевропейской безопасности. Выражая веру в позитивность этой роли, в Советском Союзе исходят из убеждения, что в процессе созидания общеевропейского дома будут преобладать в перспективе центристские, а не центробежные силы и тенденции.

Конечно, не в моем положении советовать НАТО, от-

дельным ее членам, как и в каком направлении менять им свои представления и доктрины. Тем более что процесс такого переосмысления начался, и он неостановим и без советов. О том, сколь далеко он продвинулся, свидетельствует, на мой взгляд, Лондонская декларация 1990 года, значения которой в Москве отнюдь не преуменьшают. Нет необходимости подчеркивать и то, что, со своей стороны, через глубокие преобразования проходит и наш менталитет. Новые подходы — не просто совокупность новых взглядов, инициатив и предложений. Это в первую очередь действительно новая структура анализа и синтеза политических реалий.

Тем существеннее сейчас, когда каждая сторона сдвинулась с места и интеллектуально и практически, совместно наработывать понятия, концепции, теоретические и политические воззрения. Все возможности для этого есть. И прежде всего необходимо делать это в сфере безопасности. Причем первое и главное, что просто кричит, требуя изучения, — это само понимание безопасности.

Не сводя его и раньше только к военным аспектам, тем не менее на практике по обе стороны прежнего европейского политического водораздела безопасность трактовали прежде всего в военных и военно-политических категориях. «Списывать» то и другое преждевременно. И в то же время участники форума, полагаю, согласятся со мной, что в наше время безопасность не исчерпывается и уж тем более не обеспечивается лишь военными, военно-политическими и военно-техническими факторами.

Нередко можно слышать опасения насчет того, не повернется ли, дескать, что-то в обратную сторону во внутреннем развитии СССР или в отношениях Восток—Запад и не окажется ли мы в итоге перед новым раундом военной конфронтации?

При всей внешней резонности подобной осторожности мне она представляется все же механической проекцией ретроспективы на перспективу. Но ведь даже в прошлом каждый следующий раунд конфронтации был не близнецом предыдущего. Более того. Если представлять себе разного рода сценарии отступления, даже крупные повороты, то и тогда, думаю, при любой рациональной раскладке понижение уровня безопасности в Европе было бы не в интересах моей страны. Мне представляется, что в общем и целом процессы ограничения и сокращения вооружений, ликвидации целых их видов и типов, наращивание мер доверия и мер предосторожности против всяческих непреднамеренных случайностей, процессы эти уже необратимы. Они могут идти в разном взаимосочетании друг с другом и с иными политическими шагами, разными темпами и с разной результативностью. Но идти они будут, и в этом смысле они уже

обрели известный иммунитет от внутривосточных пертурбаций как на Западе, так и на Востоке.

Но один фактор имеет первостепенное значение и в решающей степени зависит от положения за пределами национальных границ. Я имею в виду фактор мира. Стабильного, прочного, надежного мира. В чем его значение?

Прежде всего мир, и только мир обеспечивает естественность и — с этой стороны — неэкстремальность всех внутрисоциальных процессов. Тем самым позволяя и помогая выявить действительные проблемы общества и увидеть пути и средства их решения.

Мир, и только мир позволяет накапливать результаты труда поколений: материальные и духовные. Без всего этого не обойтись ни в стране, ни в межгосударственных отношениях.

Мир, и только мир, избавляя всех от образов внешнего врага, позволяет по-новому переосмыслить традиционные ценности. Очевидно, патриот сегодня не тот, кто громче всех кричит о «противнике за бугром» и «обороне», размахивая флагом, а на деле отстаивая нередко весьма и весьма корыстные интересы. Но тот, кто делом движет вперед прогресс своей страны, благосостояние и духовность своего народа, не противопоставляя себя другим, а всеми силами продвигая сотрудничество между народами.

Меры по преодолению материального и политического наследия военной конфронтации должны быть продолжены — в этом нет сомнения. Но центр внимания постепенно должен смещаться все же в сторону строительства цивилизованного европейского сообщества. Гражданское общество испокон веков держалось на совместном труде, общепризнанных нормах поведения и институтах, разделяемых ритуалах — а не исключительно на полициях и солдатах, судах и тюрьмах. Хотя все это необходимо.

Несомненно, объединение Германии повышает ее роль в интеграционных процессах в Европе как в рамках Европейского сообщества, так и на субрегиональном уровне. В течение 45 лет говорили и мыслили только в категориях Востока и Запада, при этом подразумевалось — конфронтирующих друг с другом, более того, не способных в видимой перспективе на качественно иные взаимоотношения, кроме противоборства, противостояния, недоверия и неприязни друг к другу.

Обстановка «холодной войны» повлияла в свое время и на восприятие в Советском Союзе первых интеграционных позывов в Западной Европе. Наверное, тогда такую реакцию и следовало ожидать. Но, рассуждая спокойно и здраво, общеевропейский дом вряд ли возникнет вдруг. Путь к нему идет через предварительные ступени сотрудничества, через различные фазы взаимной идентификации, включая интеграцию. Через приливы и отливы, периоды притяжения и оттал-

кивания. Так, и только так складывались все социумы. Уверен, общеевропейский дом не станет в этом смысле исключением.

Организаторы симпозиума предложили к размышлению и вопрос о том, какими темпами должно идти практическое объединение после 3 октября 1990 года, с тем чтобы его скорость не вносила дополнительные противоречия ни в само объединение, ни в общеевропейские процессы, ни в создание институтов Европейского сообщества.

Не думаю, что на этот вопрос может быть дан какой-то «количественный» ответ, так или иначе предписывающий, задающий эти темпы. Но убежден, что равно разрушительными могли бы оказаться и искусственное подталкивание, ускорение объединительных действий изнутри самой Германии. И столь же искусственное их торможение, сдерживание извне, откуда бы оно ни исходило. Знаю об опасениях в ряде европейских стран. Понимаю их подоплеку. Не свободно от опасений такого рода, как я уже сказал, и общественное мнение Советского Союза. Это все так и по-своему закономерно.

И тем не менее объединение Германии — объективный процесс, темпы и содержание которого диктовались до сих пор прежде всего его поддержкой преобладающим большинством населения в обоих немецких государствах. Советское руководство, убедившись в такой поддержке — для нас неожиданной в ее остроте и интенсивности, — ни на каком этапе объединения не ставило перед собой задачу мешать, противодействовать ему или хотя бы затормозить. На собственном опыте мы могли неоднократно убедиться, сколь важно естественное течение, развитие любых процессов. Важно постараться понять его логику и смысл; и тогда противоречия общественной жизни, по природе своей неискоренимые, могут быть повернуты на благо человеку, а не во вред ему.

Объединенная — а точнее сказать, объединяющаяся Германия, потому что 3 октября процесс этот не завершится, а только начнется и продлится он, конечно, не год и не два, — может стать фактором стабильности и безопасности в Европе только в том случае, если ее внутреннее развитие будет идти в соответствии не только с интересами и взглядами, настроениями и эмоциями самих немцев, но и сообразно их практическим возможностям в каждый данный момент. Европа — и на Западе, и на Востоке — должна, мне думается, удержаться от искушения вмешиваться в ход этой эволюции, склонять ее в любую сторону. Не только потому, что это противоречило бы одному из краеугольных принципов общеевропейского процесса. Но и потому, что именно Европа имеет горькие уроки попыток подобного рода. И в связи с Германией, и не только в связи с Германией. В интересах Европы, всех ее частей и государств добиваться того, чтобы

внутренние процессы в каждой стране континента строились бы максимально естественно. Это — один из факторов стабильности и безопасности на континенте, важное условие того, что, когда драматические перемены действительно назреют, станут возможны и неотложны, они будут встречены всеми европейцами с пониманием и доверием.

Новая Европа — это и постепенное избавление от психологии и отношений политического маятника, долго бросавшего европейскую политику от враждебности к эйфории и обратно. И сейчас, когда в некоторых странах как бы оживают картины конца 40-х, а то и начала 20-х годов, стоило бы вспомнить: все, заложенное в общении, — культурные, научные и иные связи минувших десятилетий — подчинялось не только политической конъюнктуре. Это все делалось для себя, но и для других, объективно пополняло копилку общеевропейского общения в доступных времени формах. Было бы жаль обеднить или утратить такие связи сейчас в угоду преходящим эмоциям момента.

Суммирую сказанное. Есть ли скрытые проблемы, подводные камни в объединении Германии и значении этого объединения для Европы? Несомненно, есть. Сегодня, однако, слишком рано говорить о них конкретно.

Самым маловероятным, даже невероятным сценарием представляется мне тот, когда в Европе начала XXI века ожила бы милитаристская Германия. В рамках рациональной и ответственной политики я просто не вижу резонансов для подобной трансформации.

Но сегодня само объединение Германии, реакция на него на Западе и на Востоке Европы — это колоссальный прорыв к доверию, к новому мышлению и основанной на нем политике. К новой, безопасной и динамично идущей вперед Европе. Это фундамент, на котором можно и нужно строить.

Знаем ли мы — *что* строить? Не в плане общих пожеланий, они-то как раз известны. Но уже весьма конкретно, определено?

Мы считаем, что сейчас закладывается фундамент для нового этапа в развитии советско-германских отношений. Мы давно шли в этом направлении. Думаю, теперь наступает время для того, чтобы совершить торжественный акт национального примирения наших народов, как это сделали несколько лет назад президент Миттеран и канцлер Коль под Верденом. Это развитие не может и не будет строиться за счет третьих стран. Говорю об этом с убежденностью, уверенностью и ответственностью.

Напротив, новое качество наших связей с Германией органически вписывается в новое политическое мышление, в современное развитие наших отношений со всеми европейскими и неевропейскими странами. В этой связи, находясь в Париже, хотел бы особо подчеркнуть плодотворный характер для строительства будущей Европы советско-француз-

ских отношений. В свое время благодаря прозорливости государственных деятелей военного поколения, в числе которых генерал де Голль, СССР и Франция во многом предвосхитили в своих отношениях будущее направление развития европейской цивилизации, пробив первую брешь во льдах «холодной войны». На новом историческом рубеже в тесном взаимодействии с другими европейскими народами наши страны могут и должны внести свой ничем не заменимый вклад в строительство новой европейской общности, основанной на согласии и сотрудничестве.

Однако двусторонними отношениями не исчерпывается открывающийся перед всеми европейцами потенциал возможностей. А в новой европейской реальности мы стремимся видеть прежде всего возможности. От того, как интенсивно пойдет сейчас наращивание общеевропейских процессов, будет зависеть и будущее объединенной Германии.

Станет ли она катализатором общеевропейского сотрудничества и безопасности, для чего есть все предпосылки?

Или же неудобным соседом для совокупности стран, так и не сумевших преодолеть до конца разобщенности, отчужденности, взаимного противопоставления?

Разум, сопряженный с терпением и ответственностью, — наш посох, который приведет к новой жизни в Европе.

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

Может быть, парадокс, но современность для современников почти непостижима для точного анализа, если судить о событиях, переменах и сдвигах, которые имеют социально-исторические масштабы и значение. Что-то всегда ускользает, предмет изучения исходит проблемами, отторгающими вчерашние истины и весьма уязвимыми к угрозам новых догм.

Сегодня очевидно смущение и смятение извращенностью общественной мысли последних десятилетий. Истоки этого состояния — в агрессивно-насильственном характере продолжительной догматической атаки, закончившейся на этом этапе победно. Но цена исторически непомерна. Расплачиваться тяжело, особенно если признать, что все мы в определенном смысле догматики, ибо несем на себе тяжелейшие вериги личного опыта и сознания, коллективного опыта и сознания, мирового опыта и сознания. Ибо, на мой взгляд, в благородных возгласах — «Я демократ», «Я реформатор», «Я свободен в мыслях и творениях» — пока что больше греющей надежды, чем реальной правды.

Верно, что наш творческий современник свободен в своих суждениях и своем анализе, но предельно ограничен уровнем и качеством общественного знания. И это естественно. Труднее всего охватить явление в целом, во всех его взаимосвязях, в образах, связанных и с ушедшим и с грядущим. На живые, еще только пульсирующие процессы накладывается великая сила живых интересов, многообразие которых безгранично. Проявляют себя все достоинства и недостатки человеческой и общественной природы, все озарения мысли и все оковы сознания.

Именно в этих узловых моментах Времени свершается исторический выбор, смысл которого нашел свою сказочную мудрость: «прямо», «налево», «направо». И чтобы увидеть и оценить диапазон выбора, понять его смысл, прочувствовать

перспективы — годятся только исторические мерки анализа. Применительно же к процессам в Восточной Европе — тем более. Слишком уж специфично место этого региона в европейской и мировой истории; в истории социалистической идеи и практики; в международных и межгосударственных отношениях наших дней и обозримого будущего.

Тот порядок, который существовал в Восточной Европе на протяжении без малого полувека и который претерпевает сегодня драматические перемены, был создан, как мне представляется, не только по воле и силе Советского Союза. Он подводил собой черту под длительной и напряженной, в основе своей насильственной полосой европейского развития. Той полосой, когда, начиная еще с Венского конгресса и времен Священного союза, именно на Востоке Европы переплелись, столкнулись между собой и наиболее реакционная, и наиболее передовая для своего времени тенденции общественного развития. Самые авторитарные режимы, самые косные и реакционные монархии, самые непроницаемые сословные перегородки и самые вопиющие социальные контрасты — с одной стороны. Но именно поэтому — и самая восприимчивая почва для всего того, что несли с собой XIX и XX века: для идей гуманизма, демократии, равенства, прогресса, свободы, просвещения, но и анархического отрицания и люмпенского разрушительства.

Хорошо известно, что тенденции эти столкнулись буквально во всем: в мировоззрении и экономике, политике и культуре, науке и религии. По существу, с 1830-х годов вся духовная, нравственная, да и просто повседневная жизнь Восточной Европы, от которой я отнюдь не отделяю Россию, Советский Союз, проходила под доминирующим воздействием гигантского, небывалого еще противоборства квинтэссенции европейской реакции и квинтэссенции европейского же прогрессизма во всех его формах и проявлениях: культурных, идейно-теоретических, социально-политических.

Но расстановка сил, водоразделы политических ассоциаций и размежеваний никогда не пролегали прямолинейно ни внутри отдельных наций и государств, ни тем более в Восточной Европе в целом. Можно вспомнить гражданский спор двух великих поэтов — Мицкевича и Пушкина. Можно вспомнить, что великие умы рождались, действовали во всех частях политического спектра своего времени. Вот еще загадка самооценности духовного мира, включая хитроумнейшую игру реформаторства и консерватизма. Можно вспомнить и о том, что немало прекрасных общественно-политических идей, вызванных естественным ходом европейского развития, попав на социальную почву Восточной Европы, объективно оказывались там в ситуации, когда отторгались из-за острого их противоречия с реальной действительностью.

Оглядываясь сейчас в прошлое, рассматривая его во всех противоречиях, правомерно выделить направления, по которым шло полуторавековое развитие. Это самоопределение народов. Социальное и национальное освобождение. Крах деспотий и начало демократических преобразований. Продолжение и укрепление того общецивилизационного и общеевропейского культурного стержня, который заложен античностью и является общепризнанным вкладом в мировое развитие.

Убежден: только на этом фоне нужно рассматривать и нынешние перемены в Восточной Европе. Да, перемены драматические и во многом пока труднопредсказуемые. Да, несущие в себе не только черты обновления, но и социальные антагонизмы, враждебность и нетерпимость — этих постоянных могильщиков человечности. Да, политически эти перемены ударили, в ряде случаев очень больно, по многому из того, что еще вчера казалось священным порядком вещей. Да, силы консерватизма и современной реакции получили уникальную возможность петь отходную самой социалистической идее.

Скажу больше: в определенном смысле потерпели моральное потрясение все те, кто десятилетиями искренне верил в силу и действенность социалистической идеи. Кто видел в нашей практике отражение этой идеи в жизни, опору собственным поискам справедливости. Кто сейчас задается мучительнейшими вопросами: прав ли был этот человек в своем социалистическом предпочтении? Что оказалось неверным: практика или же сама социалистическая идея, ее исходные посыпки? И где та разделительная черта и насколько она непроницаема, которая отъединяет преступления власти и раковую опухоль изнуряющего догматизма от искренней веры и вдохновенного самопожертвования миллионов, переживших двукратную трагедию?

Вопросы закономерны. Ответов требует сама жизнь. И ключевые слова в поиске таких ответов — если, конечно, не пользоваться рецептами и формулами не критического происхождения — «взгляд слева». Думаю, инициаторы и организаторы конференции очень удачно выбрали ракурс для рассмотрения столь сложного, эмоционально и политически «заряженного» комплекса проблем.

Ибо, вообще-то говоря, рассматривать, анализировать, оценивать происходящее в Восточной Европе можно с разных исходных позиций. Можно, например, с позиций коммунистических и рабочих партий, даже уже — бывших руководящих звеньев и групп. Тут, очевидно, будет одна оценка. Можно смотреть с точки зрения концепции «социалистического содружества» с его известной иерархией. Это уже иная оценка. Можно смотреть и через призму итогов второй мировой войны и ее продолжения и трансформации —

«войны холодной»); это третья картина. И так далее. Наверное, каждая из таких оценок имеет право на существование, отражает какую-то часть истины.

Но только часть. Синтетическую, относительно целостную картину истории способен дать только всесторонний и требующий времени анализ. Это методологическая тривиальность. Но и тут нас подстерегает ловушка. Анализ всегда идет с противоположных сторон. Взгляд справа — как история, преломленная в сознании тех, кто твердо и осознанно, обеими ногами стоит в прошлом и хотел бы оставаться там если не вечно, то по возможности подольше. Те, для кого «золотой век» — только позади, — не важно, идет ли речь о «золотом веке» Эллады или же сталинского социализма. Тех, кому будущее представляется лишь как заведомо неидеальное, неполное приближение к чудесным грезам и сказкам раскрашенного прошлого. Взгляд справа не откажешь в целостности, во внутренней стройности, идущих от стремления видеть мир постоянно стабильным, предсказуемым, — это психология наисовременнейших консерваторов конца XX века. А психология еще более консервативных — сделать мир неизменным, а по сути, по содержанию воззрений — эволюционирующим со знаком «минус» куда-то в наркотическое прошлое.

Своя, иная целостность присуща и взгляду слева. Всегда и во все времена понятие «левого» в политическом и идейном плане правомерно связывалось с теми, кто стремился действовать общественному прогрессу, закреплению и развитию в человеке и обществе их гуманистического начала. Подчеркиваю это особо, ибо никакая качественная политическая характеристика никому не дается навечно. В теории давно замечена историческая закономерность, когда социально-политические силы, объективно прогрессивные по своей роли еще вчера, на завтра начинали выполнять иную, неоконсервативную функцию. Наивная вера, что для социализма законы жизни, общественного развития и поведения писаны на какой-то особой бумаге истории, — вера эта, хотелось бы надеяться, оставлена позади. И потому понятие «левого», как всегда и во все времена несущего в себе видоизменяющееся, эволюционирующее и прогрессирующее начало, надо отделять и, как минимум, не отождествлять с теми конкретными силами, которые на каком-то этапе, бесспорно, выступали как левые. Да и вообще этот вопрос запутан до невозможности, и анализ, и самое смелое воображение — здесь пока слабые помощники. Игра политики подчас капризнее, игривее, коварнее, чем игра даже испорченного ума, не говоря о нормальном.

Что же происходит сегодня в Восточной Европе и СССР, если оценивать эти перемены именно с «левой» точки зрения? Не хочу, да и не могу предвосхищать дискуссии, которая,

уверен, тут развернется. Несомненно, многое будет сказано о субъективных ошибках и просчетах прошлого — они были, и крупные, их не избежал никто. И если их суммировать, урок ясен: нельзя насилловать ход истории, произвольно подталкивать и ускорять ее, тем паче делая народы заложниками насилия.

Пойдет речь, несомненно, и об объективных процессах. Да, демократизация должна была затронуть не только внутреннюю сферу, но и отношения между государствами. Да, отказ от «холодной войны», новые отношения в Европе и между Востоком и Западом с такой же неизбежностью должны были привести и привели к совершенно новому порядку вещей. Да, есть законы общественного сознания, политической жизни, и за вскрытием просчетов, признанием ошибок неизбежно следует волна реакции разных общественных сил на новые духовные, идейно-политические и иные реалии. Все это так.

Но центральный для левых сил, левого будущего вопрос: куда ведут происходящие ныне перемены в историческом масштабе времени и оценок: шаг ли это вперед или же отход, отбрасывание назад?

Посмотрим, однако, на происходящее с точки зрения того, дорогу чему оно объективно открывает.

Укрепилось или же ослабло реальное, практическое право народов на самоопределение? Уверен, ответ однозначен: да, укрепилось. И в каждом из государств Восточной Европы. И в моей стране, где национальное самосознание стало мощной силой. Да, много в этом процессе сейчас торопливости, завихрений, доходит и до конфликтов. Будь мы менее зашорены, менее отравлены собственными же мифами, все это нетрудно было бы предвидеть. И какие-то ошибки делаются сегодня, будут сделаны и завтра. Но я лично не могу считать негативным фактором разбуженные сознание и энергию народов. И с этой точки зрения происходящие перемены — в активе левой социально-исторической тенденции, левых сил.

Расценивать ли эти перемены как новое звено, новый этап в развитии социального и национального освобождения, раскрепощения или же как нечто противоположное? И тут зримо возросшая свобода во внутриобщественных и межгосударственных отношениях дает, на мой взгляд, основания для вполне определенного ответа: да, мы продвинулись в деле освобождения народов и человека. Это поле — тоже потенциально за левыми. Но не автоматически и не неизменно. Отвоевано пространство — теперь предстоит наполнять его созиданием. Иначе возросшая свобода может быть обращена и во Зло; но не свобода будет в таком повороте виновата.

Продолжена ли долговременная историческая линия краха авторитарных и особенно тоталитарных форм правления,

линия исторического нарастания демократического процесса. Конечно, и здесь актуален вопрос, как распорядимся мы демократией, на что обратим ее возможности.

Нанесен мощный удар милитаризму и насилию, причем не только в региональном, а в более широком плане. Ограничение и сокращение вооруженных сил и вооружений всех практически типов. Устранение опасности войны на континенте — войны, которую Европа заведомо не пережила бы. Все это, как и постепенно начавшееся «втягивание» войск в пределы национальных границ, — не только политическое оздоровление и материальная экономия. Не просто преодоление психологических и прочих завалов, оставленных «холодной войной». Все это — и здесь-то заключено, на мой взгляд, самое главное — *в исторической перспективе ставит все европейские государства в нормальные условия внутреннего развития и внешнего сотрудничества.* В условия не экстремальные, не искаженные и не извращенные искусственными страхами, вымышленными или намеренно культивируемыми опасностями, психологией насильственного мышления и поведения. Победа это левой перспективы или поражение — вопрос, по моему, чисто риторический.

Получила мощную поддержку и развитие общеевропейская культурная линия и традиция. И не только в форме возврата к примату общечеловеческих ценностей, не только через развитие и углубление общеевропейского процесса. Это все так. Но нельзя забывать и то, что сама социалистическая идея от самого ее зарождения полностью в русле гуманистической, культурной и политической традиций Европы. И в этом смысле тупик, в котором оказались мы, — это и опосредованный, объективизированный тупик для всех передовых, прогрессивно настроенных европейцев. А выход, который коллективно нащупывается через перестройку в СССР, через перемены в других восточноевропейских странах, — это тоже выход не только для данных народов. А в долговременной перспективе, да простят меня за пророчество, и не столько для нас самих.

В общем, я убежден, что с началом перемен в Восточной Европе исторические перспективы левой альтернативы существенно расширяются. *В краткосрочном плане* — это трудный, мучительный, острый и потенциально опасный кризис развития. *В среднесрочном* — неизбежность сложных поисков, тяжелой работы, пересмотра всего того, что опровергнуто жизнью или исчерпало себя. *Но в долговременной перспективе* — это открытие новых горизонтов, обретение новых возможностей для левой исторической тенденции и общественных сил — ее носителей и выразителей.

Станет ли это живой жизнью, зависит от многих факторов, но решающими будут темпы и содержание эволюции социалистической идеи и практики; политическое и социаль-

ное пространство, в котором реализуется социалистическое начало; и самосознание, основанное на жестко добровольном выборе, тех сил, что отождествляют себя с этим началом. Остановлюсь вкратце, в порядке самых общих и предельных соображений, на всех этих моментах.

Социалистическая идея — мы заговорили о ней не случайно именно в последнее время. Это не способ замаскировать «отход от социализма», в котором упрекают перестройку, не попытка снабдить прежний залежалый товар новой этикеткой и не какое-то иное ухищрение. Иными словами, это не политическая тактика, а обращение к существу вопроса. Ибо в основе всего, что случилось в этом веке, была идея. Эта идея привлекла и массы, и лучшие интеллектуальные силы. Эта идея вдохновила на поиск, веру, энтузиазм, она давала силы в тяжелейших испытаниях.

Но социалистическая идея натолкнулась — сейчас это ясно до бесспорности — на преграды, объективную закономерность или субъективную искусственность которых еще предстоит изучать. Но так или иначе очевидны тяжелейшие общественные — политические, экономические, нравственные — условия в тех странах, что попытались осуществить социалистическую идею. Миллионы раз произносилось: цепи капитализма оказались прорванными в самом слабом их звене. Это было действительно так. Но своевременно не было понято и оценено: самое слабое звено — это значит одновременно и наименее подготовленное для осуществления задач социалистического строительства, и наиболее по отсталости своей сопротивляющееся решению таких задач. Это то сопротивление материала, которое мы остро чувствуем и сейчас, в ходе перестройки.

Ученым и техникам хорошо известно явление, когда чересчур грубые, неточные приборы не только не дают надежного измерения, но и влияют на сами измеряемые величины и процессы, искажают их. Нечто подобное произошло и у нас. Объективная сложность бытия оказала обратное, искажающее воздействие на практику и теорию социализма, позволила канонизировать догмы, поставить заслоны творчеству, паразитировать на всем этом тоталитарным тенденциям. Но особое коварство их в том, что обрядились они в одежды справедливости и демократии.

Социалистическая идея натолкнулась и на другое: на сталинскую контрреволюцию. Это была действительно контрреволюция — и в теории, и в практике, и в социальном содержании. Сегодня рушится созданная Сталиным модель общественного устройства. Но нельзя, как мне кажется, поддаваться магии и эйфории этого краха, ибо это был посттермидорианский социализм, общественное образование, пока не поддающееся определению.

Сегодня особенно важно осознать, что социалистическая

идея — не собственность социалистов, а общечеловеческое достояние. Пути сектантства должны быть сброшены навсегда. Социалистическая идея появилась на свет из-за несовершенства нашего мира, под влиянием вековечного стремления человека к справедливости и собственному достоинству.

Если социалисты не справятся с ее осуществлением — этим займутся другие. Без нас или помимо нас. В этих условиях необходимо очень тщательно, самокритично, на уровне прорывного мышления оценить и собственный опыт. И общественно-политические проблемы, и возможности современности. И конкретное содержательное наполнение самой социалистической идеи сегодня, в кардинально изменившихся условиях жизни.

Именно в этом плане можно и необходимо, на мой взгляд, говорить о неизбежности рождения «нового социализма». Социалистическая идея, выпущенная снова на свободу из-под давящего, мертвящего, сокрушающего пресса командно-бюрократической системы, имеет все возможности обрести новое содержание, новую суть, честно повенчаться с жизнью. Проблемы человечества не только не решены — во многом еще больше обострились. И решать их предстоит во имя человека и на коллективистской основе — ничто иное состояться не может. Да, сегодня мы задавлены грузом материальных лишений и трудностей. Но убежден: справимся с ними — и кардинальные вопросы смысла и качества человеческой жизни, самого существования человека снова выйдут на первый план общественных забот. И к этому общественная мысль должна прийти с новым содержанием. Но не умозрительно-гипотетическим, а накопленным в практике реальной земной работы.

На чем же будет наработываться такая практика? В первую очередь на опыте преобразований в каждой из стран. На опыте расширения диапазона социалистического влияния и действия на те или иные стороны жизни в других районах мира. Но не только.

Вопрос о политическом и социальном пространстве общеевропейского дома тоже возник не случайно. Сама жизнь показала, что тотальное противоборство социализма и капитализма, как мы его традиционно воспринимали, ведет к взаимной аннигиляции — либо через ракетно-ядерное столкновение, либо через медленное и мучительное умирание людей и планеты, умирание, обусловленное структурой, подчиненной военной конфронтации и гонке вооружений, а также экологически преступным хозяйствованием.

Единственно разумная и нравственно допустимая альтернатива этому безумию уже ясна и даже реализуется. Но, полагаю, мы еще не до конца осознали значение реализации этой альтернативы для настоящего и будущего социалистической идеи.

Не буду повторять уже многократно сказанное о том, что рождается новая Европа. Все мы видим, что это действительно так. Конфронтация уходит, как и перспектива большой войны. Но это значит, что уходит психология своего рода «общевропейской гражданской войны», оказывается преодолемым резкое идейно-политическое размежевание континента. Условия, сложившиеся 150—200 лет назад лишь для отдельных наиболее удачливых стран Европы, могут восторжествовать для континента в целом. А значит, резко расширяются границы, возможности и потенциал европейской левоцентристской тенденции.

И в этой обстановке социалистическая идея способна дать многое народам Европы. Но, разумеется, идея, наполненная современным содержанием. Идея, которая осуществляется как результат демократического творчества самих народов, учитывает, использует весь накопленный в Европе опыт подчинения всех общественных и государственных структур нуждам конкретного человека. Не всеразрушающая мифология, а практическое созидание, отражающее волю народов.

И еще — *о самосознании*. В каком состоянии силы в Европе, считающие себя левыми, подойдут к этому Возрождению социалистической идеи, которое, я убежден, неизбежно и не столь уж отдаленно во времени? Хотя самообольщением, конечно, было бы ожидать такое Возрождение уже завтра. Но все же: подойдем ли мы к этому моменту в настроении, что все пережитое, предпринятое ранее оказалось лишь обманом и тупиком? Или же взглянем на пройденное какими-то иными глазами?

Рискую оказаться «не в струе», но глубоко убежден, что всеохватывающий нигилизм по отношению ко всему социалистическому не менее вреден и опасен, чем столь же всеохватное самовосхваление и самолюбование. Нужны не эмоции, а знание реального положения дел, реального хода процессов, их внутренних причин и механизмов. И это — вопрос принципиальный и очень практический.

Перестройка родилась на развалинах нерешенных проблем, непреодоленных противоречий, непризнанных ошибок, деформации принципов, утраты социалистичности. Это все так. И перестройка, все общество платят и еще будут какое-то время платить по неоплаченным счетам прошлого. От этого не уйти.

Вот почему политическая обстановка сегодня предельно сложна. Никто из нас не изолирован от сквозняков или молний. Однако трезвый, спокойный анализ должен начинаться незамедлительно, упущенное время не наверстаешь. Впереди новые горизонты, новые возможности для социалистической идеи и для Европы.

В конце концов, «по гамбургскому счету» именно социалистическая идея — пусть и очень сложным путем, и не

всегда так, как представлялось и хотелось изначально, пусть и с драматическими ошибками, часто глупо и неумело, — но именно социалистическая идея вытащила Европу из того состояния, в каком встречала она XX век. Не социалистическая идея виновата в двух мировых войнах, столь трагически сказавшихся на судьбе Европы. И я убежден: мы сумеем разобраться во всех перипетиях, механике и причинных связях прошлого. Сумеем очиститься от коросты, столь губительно сказавшейся на возвышенных, романтических человеческих надеждах. Сумеем принять, провести в жизнь стратегию действительно левых сил — стратегию приоритета человека, его жизни, его забот и тревог, его действительных ценностей и подлинного возвышения.

МЕЖДУ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНОЙ» И XXI ВЕКОМ

Пока никто не знает с научной достоверностью, почему, по каким причинам и закономерностям исчезли с арены истории древние цивилизации, оставив нам в наследство великие материализованные достижения и неисчерпаемые духовные источники. После смутного Средневековья, последовавших за ним Реформации и Ренессанса чередой пошли взрывы технологического безумия и кровопролитных войн, экологических преступлений и разлада с природой.

Но кажется, что в конце XX столетия появилась возможность открыть новую страницу в мировой истории. Обезумевший мир просыпается, стряхивая с себя кровавые кошмары прошлого. Все очевиднее обозначаются тенденции возникновения качественно новых цивилизаций — объединенная Европа, Советский Союз, Латинская Америка.

Регион уникальных ресурсов

И все же будущее планеты во многом определится Азией, и особенно той ее частью, что тяготеет к Тихому океану — этому Средиземному морю цивилизации XXI века.

Именно в этой части мира, на островах и континентах, соединяемых Тихим океаном, живет почти треть человечества. Тут весьма очевидна контрастность нашего времени. Самые передовые научные, промышленные, управленческие, коммуникационные достижения соседствуют с немалыми проблемами развития как унаследованными от исторического прошлого, так и порождаемыми промышленной цивилизацией.

Народы этой части планеты в полной мере ощутили на себе главные потрясения XIX и XX веков, которые сформировали современный облик мира. Это — все крупнейшие

Статья написана на основе выступления в Киото (Япония) на генеральной ассамблее Международного института прессы. Опубликовано в журнале «Новое время», 1991, № 19.

революции и гражданские конфликты от Южной Америки до Европейской России. Империалистические захваты и антиколониальное сопротивление. Цунами двух мировых войн и трагедии многочисленных войн локальных. Здесь впервые взорвалось, унеся десятки тысяч жизней, грозное предостережение о том, чем могла бы стать для человечества третья мировая война.

Иными словами, народы азиатско-тихоокеанского региона сполна испили всю чашу страданий, испытаний, жестокостей, выпавшую на долю последних шести-семи поколений людей во всем мире. Они сполна ощутили на себе политические, идеологические, конфессиональные и прочие водоразделы и размежевания, что перепыхивали мир, возбуждали ненависть, предрассудки и нетерпимость.

В то же время азиатско-тихоокеанский регион обладает уникальными природными и человеческими ресурсами для развития, и в конце XX века это очевидно более чем когда-либо. Практически все виды естественных условий, полезных ископаемых, разнообразие климата рождает предпосылки для глубокой взаимодополняемости экономик.

Стремление государств и народов к прогрессу и достойному месту в мире — это стимул к энергичному созиданию, широко разделяемый в регионе. Есть и достаточно убедительные примеры того, как труд, энергия, целеустремленность в исторически короткие сроки дают ощутимые результаты.

Иными словами, и материально, и духовно регион имеет все предпосылки для того, чтобы качественно преобразиться самому и стать в предвидимом будущем одним из решающих эпицентров мирового развития не только в прагматическом его смысле, но в том, какие цели и задачи при этом ставятся, как они решаются.

Что же мешает углублению такого процесса во имя всеобщего блага?

Азиатская акварель

Можно назвать все те же причины, которые хорошо известны по другим направлениям мировой политики, и это будет верно. Наследие взаимной настороженности и недоверия. Не до конца урегулированные последствия войн и конфликтов. Все еще ощущаемое гнилостное дыхание «холодной войны». Эхо военно-политических противостояний и идеологической конфронтации. Наличие групп интересов, по природе своей тяготеющих к насильственным формам жизни, социальных и межгосударственных отношений.

И все же, думаю, проблема не только в том, чтобы до конца преодолеть политический и психологический шлейф «холодной войны». Я бы назвал и ряд других факторов,

объективно делающих задачу азиатско-тихоокеанского сотрудничества сложной, трудной, но и потенциально более благодарной, плодотворной после того, как стартовый период окажется пройденным удачно.

Среди таких факторов на первое место надо поставить тот, что азиатско-тихоокеанский регион — место встречи, общения, взаимодействия великих, исторически древних народов и цивилизаций. Значит, и во многом разных между собой, каждый со своими достижениями, но и с грузом веками накопленных собственных представлений, опыта, традиций, привычек.

До сих пор считалось, что великими оказываются обычно тот народ и то общество, которые обладают значительным природным потенциалом и силой для самодостаточности, для автаркического развития. В истории азиатско-тихоокеанского региона эта особенность проявилась в полной мере, дает она себя знать и сейчас. Пожалуй, крупнейшие страны региона еще долгое время смогут просуществовать без глубокого и разностороннего взаимодействия друг с другом. Разумеется, проигрывая этим самым в темпах и качестве своего развития, рискуя возможностью ссор и напряженности в отношениях друг с другом. Но прожить смогут.

Другая особенность состоит в том, что каждая или почти каждая из стран региона проходит сейчас через полосу серьезных внутренних преобразований. Конечно, конкретные формы этих перемен, их цели, задачи и темпы различны, хотя имеют очень много общего и схожего. Но перемены повсеместны, они вызывают острые противостояния во внутренней политике. А это, естественно, сказывается и на их политике внешней: на том, насколько свободны они от изоляционизма, каков диапазон маневра, доступный правительствам, партиям, политикам.

Все эти факторы, на мой взгляд, объективно тормозят процессы становления «азиатско-тихоокеанского дома», делают их медленно текущими, менее обостренными. У хода истории в азиатско-тихоокеанском регионе своя логика, своя система отсчета времени. И это, на мой взгляд, надо видеть и понимать.

В Европе непосредственное соприкосновение значительных военных сил *двух блоков* делало крайне необходимой нормализацию положения. Когда же эта нормализация началась, четкость блоковых, идеологических размежеваний в известной мере облегчала достижение компромиссов. Тем более что все это происходило в сфере во многом общих политических традиций и навыков.

В азиатско-тихоокеанском регионе присутствуют те же исходные факторы, но во многом они как бы расплывчатые: здесь они акварель, а не масло. Нет и четких блоковых структур, богаче все и всяческие полутона. И в то же время действуют субъекты, каждый из которых обладает высокой

мерой самостоятельности, автономности от других, собственной развитой и специфической политической культурой, не всегда и не во всем известной и понятной другим.

Москва и Токио между Сциллой и Харибдой

Человек шел к современному миру одновременно двумя путями.

Методом проб и ошибок, обжигаясь на чем-то, подчас крайне больно, извлекая уроки из обретенного, дорого оплаченного опыта. Или же пользуясь знаниями, интуицией, интеллектом, экстраполируя в будущее уже испытанное, известное.

Эволюция отношений в азиатско-тихоокеанском регионе может пойти первым путем. Думаю, не сопряженным теперь с чрезмерным риском, особенно риском военно-политической конфронтации. Но путем явно медленным, обещающим больше потерянных, нежели обретенных возможностей.

Или же такая эволюция может идти, направляемая смелым, дерзающим, но реалистическим взглядом в будущее. Не забегать вперед, не изобретать химеры или воздушные замки. Уже сегодня предпринимать необходимые шаги и меры для того, чтобы максимизировать будущую выгоду и, наоборот, свести до минимума возможные издержки для всех и каждого.

Лично мне такая формула отношений в регионе на перспективу представляется более многообещающей, чем первая. А главное, априори открытой для всего нового, устраняющей заранее потенциальные источники трений, разногласий, конфликтов.

С точки зрения приближения к этой формуле и хотел бы рассматривать и советско-японские отношения вообще, и то новое, что привнес в них визит советского Президента.

Визиту предстояло проплыть между Сциллой и Харибдой. Сциллой «территориального вопроса» в современных региональных и внутривосточных — как в СССР, так и в Японии — условиях. И Харибдой ожидания какого-то чуда, какой-то сенсации. Лично мне обе крайности никогда не казались продуктивными.

Можно ли говорить о начале качественно нового этапа в советско-японских отношениях? Сначала надо ответить на вопрос, чем они характеризовались в прошлом. Это:

— утвердившийся в течение десятилетий взгляд друг на друга как на потенциальных противников;

— двусторонняя сфера отношений не рассматривалась как жизненно важная для обеих стран. Привычным было представление, что в советско-японских отношениях «большая политика» не делается;

— поэтому территориальный вопрос приобрел самодовлеющий характер, превратился в абсолюте, принял крайне политизированные и идеологизированные формы. Это был «диалог глухих», исключавший мысль о компромиссе.

Каковы новые элементы?

— Впервые за многие годы на высшем уровне состоялись обстоятельные переговоры.

— Признано существование вопроса о территориальном размежевании и намечен конкретный путь к его решению в рамках мирного договора.

— Общественность обеих стран начала осознавать всю сложность исторического, политического и психологического контекстов отношений, включая территориальный вопрос. Сложность процесса потребует компромиссов, необходимости выйти за привычные рамки давних окостеневших формул, активизировать поиск новых нетрадиционных решений.

— Целый ряд договоренностей — по военнопленным, по демилитаризации островов, по безвизовому въезду — позволяют снять многие негативные настроения. Япония официально высказалась за широкое развитие отношений во многих сферах, в том числе торгово-экономической, параллельно с переговорами о мирном договоре. И хотя конкретных договоренностей немного, создается новая атмосфера благожелательного отношения к развитию таких связей.

— Следует обратить внимание и на вопросы *международного сотрудничества* СССР и Японии. Фактически создается стартовая база для начала координации усилий и в региональных вопросах, и в общемировых.

— Один из коренных поворотов, свидетельствующих о конце эпохи «холодной войны» в советско-японских отношениях, — это признание потерявшим смысл упоминания о «вражеских государствах» в Уставе ООН. Это чрезвычайно важное обстоятельство для Японии, открывающее ей новые возможности.

— В свою очередь, для СССР важное значение имеет согласие Японии содействовать его вступлению в Тихоокеанское экономическое сообщество, против чего она возражала долгие годы.

— Фактически впервые за многие годы Япония официально высказалась за широкое развитие отношений. 15 подписанных документов о сотрудничестве в конкретных областях знаменательны тем, что создают новую базу отношений в условиях общего благоприятного поворота к сотрудничеству. Само их осуществление будет проходить в атмосфере усиливающейся взаимной приязни между двумя народами.

Одновременно это важный шаг Японии к превращению в глобальную политическую державу с самостоятельным голосом, к преодолению разрыва между глобальной экономической и глобальной политической ролями.

Конечно, многие эти возможности еще не раскрыты, еще в потенции. Вероятно, можно ожидать и сопротивления сил, приверженных старым подходам. Причем в обеих странах.

Однако с учетом всего сложного прошлого, тяжелой внутренней ситуации в СССР можно считать, что встреча на высшем уровне обеспечила максимум возможного, означает новый прорыв в мировых делах, причем на очень существенном направлении мировой политики.

Приходится читать комментарии, суть которых в том, что Япония не пошла на вложения значительных средств в экономику СССР. Это действительно так. Я сожалею об этом, но полагаю, что нестабильность и неопределенность будут шаг за шагом преодолены. Наше приглашение честное, мы твердо намерены входить в международное разделение труда. И я бы взвесил все последствия этого процесса для всех стран, особенно для соседей.

Право, а не сила

Было время, когда в двусторонних отношениях государств вершилось главное, а международные отношения в целом как бы вырастали из совокупности отношений между государствами. Такой уровень отношений сохраняется и сегодня, останется он и в будущем.

И в то же время в самые последние годы все более самостоятельно, независимо зажила система международных отношений в целом. Зажила своей, во многом автономной жизнью. Конечно, она не может не испытывать на себе влияния всей суммы непосредственных связей и конфликтов между государствами, но имеет уже и свои проблемы, и свои структуры, и способность как-то компенсировать то негативное, даже опасное, что прорывается время от времени в двусторонних или региональных отношениях.

Решающая перемена последних лет — это признание общецивилизационного начала в деятельности человека на планете. Признание безусловного нравственного приоритета единных общечеловеческих ценностей. Признание равноправного и демократического характера отношений между странами и народами, необходимости укрепления в них правового, а не силового начала. Крайне важно то, что эти тенденции воплощаются в конкретные преобразования как в мировой системе, так и во многих ситуациях внутреннего обновления стран и общественных систем.

Я вижу за этим — как в теории, так и на практике — дальнейшее продвижение к такому миру, который бы гарантировал права человека и народов, ориентировался на разумные перемены и естественный социально-экономический прогресс, признавал бы только мирные его пути и формы,

ставил бы во главу угла не право сильного, но духовное самосовершенствование человека и человечества.

Такая ориентированная на примирение человека с самим собой и с природой новая система необходима нам всем. XX век научил нас — или, по крайней мере, должен был научить, — насколько велика цена неиспользованных возможностей.

Дальше вести себя, как раньше, неразумно, губительно. Необходимо использовать исторические возможности, подаренные судьбой, уже сейчас, непрерывно искать и отыскивать новые. Нужно еще и доверие к самим себе, и благоприятный для интеллектуального и хозяйственного риска политический климат как внутри страны, так и в регионе и мире.

Полагаю, мы начали все это создавать. По крайней мере, что касается советской стороны, это так. Да и на международном уровне перемены к рациональному и ответственности несомненны. Будущее азиатско-тихоокеанского региона представляется мне небеспроблемным, но все более избавляющимся, политически и психологически, от остатков конфронтационности. Все более отвечающим требованиям обычной — духовной и экономической — человеческой жизни.

6. Заключение

НЕ СБИТЬСЯ С ПУТИ...

Время — творец и время — палач. Оно одаривает и обкрадывает нас — и уходящих и приходящих — одинаково. Летят годы, но как трудно и надсадно проходят недели, столь щедрые на сюрпризы. Нарастающая масса событий близка к критической, наполнена грозным подспудным гулом, о необузданной мощи и масштабах которого можно только догадываться. Под тяжестью крутой ломки привычного уклада жизни быстро текущие преобразования вызвали многобальные толчки, во многом неожиданные для механизма социальной сейсмике, — толчки, которые все чаще связывают с известными только по истории картинами гражданской войны, разрухи, голода, замерзающих городов.

Хорошо, что помним об этом. Эта память окрашена содроганием, стучащим в наши сердца пеплом миллионов жертв. Общество 1917, 1927, 1937 годов не знало, что уготовано ему впереди. Можно только предполагать, что оно не могло не предчувствовать ждавшие его испытания, трагедии, но не располагало действенным противоядием от губительной тоталитарной болезни. Накопленный опыт лишил нас привилегии на социально-историческую наивность.

История государства российского, населяющих его народов издавна складывалась как-то так, что реформы и перемены основополагающего значения либо резко расходились с самой идеей демократии, либо наталкивались на антидемократические формы противодействия. В любом случае образовывалось острое общественное противостояние. Практический и моральный ущерб оказывался огромным. Реформы, что двигали общество вперед, часто запаздывали и всегда оплачивались чрезмерно дорогой ценой.

Первая ненасильственная революция в нашей стране, ведущая свое начало от 1985 года, уникальна еще и потому, что по своей демократической нацеленности и характеру пытается пресечь мрачную традицию авторитаризма — это бедствие народное. Вполне достаточен опыт, говорящий о том,

что авторитаризм, который порой кажется эффективным средством осуществления перемен, рано или поздно оборачивается против поставленных целей. А значит, и против людей, ибо никто и никогда еще не обретал счастья через тиранию.

Со ссылкой на разные первоисточники иногда приводится формула, гласящая, что революции начинают идеалисты, продолжают дураки, а плодами их наслаждаются негодяи. Вопрос не в том, верна ли цитата и ссылки на источники. Но верна ли сама мысль, пусть и выраженная нарочито цинично? Есть ли в ней хотя бы малая доля истины, хоть гран выстраданной правды?

Есть, к сожалению.

Любое действительно гуманное преобразование окрашено благородным романтизмом, рождающим искренний политический идеализм. Но неоспорим и факт, что революции подчас вершились не самым лучшим образом и не самыми чистыми средствами. В итоге на пороге храма дорого оплаченных побед нередко толпились исторические лицедеи, творящие и сеющие зло, насилие, ненависть. Корысть убивала идеалы.

Стала расхожей фраза: революция должна уметь защищать себя. Эта бесспорная мысль слишком часто понимается весьма однобоко: лишь как готовность прибегнуть к насилию или морально оправдать такое насилие. Но революция защищает себя гораздо действеннее, если сохраняет свои цели незамутненными, а средства достойными. Тем, что не подпускает к распоряжению своими завоеваниями и самой народной судьбой людей с безнравственной идеологией и разрушительно-люмпенским сознанием.

Сегодня можно встретить и высокомерные рассуждения о том, что наш народ еще не готов к демократии, что она ему и не нужна вовсе. Неправда все это. Наш народ хочет и может жить достойной жизнью свободных людей. Но сколь долго и настойчиво его кормили ложью, вбивая в сознание, что сложившийся у нас тоталитарный режим — это и есть подлинная демократия. Сегодня так не скажешь. Грубо. Но утверждается же на шестом году перестройки, что основной силой, мешающей развитию демократии, являются сами демократы. Надо полагать, что именно они приостановили то «великое шествие» к свободе и благоденствию, которым «наслаждалось» общество до 1985 года. Нет, не свобода тревожит людей, а опасность нового обмана. Они видят, как к этому святому движению прилипает, мимикрируя, всякая мерзость, лишенная нравственности, питающаяся человеческой, сеющая ненависть, нетерпимость, ложь. Власть и только власть, а не подлинные интересы народа. Их не волнует людская кровь и межнациональные раны, заживлять которые придется долго и невероятно трудно. Стоит почитать некоторые речи и статьи неосталинистов — и какая же там

бурлит ненависть к любому инакомыслию! И шекспировский вопрос — одна ли тут игра воображения! — далек от ясного ответа.

Конечно же, демократические процессы далеки от идеала. Сблазны и страхи человеческие еще очень сильны, они сдерживают возрождение достоинства. Но раскрепощение духа выплеснуло на поверхность все то, что бурлило внутри общественного котла. Он треснул и раскололся. Повторяется то, что уже было в прошлом. О подобной ситуации века минувшего А. И. Солженицын писал: «Как две обезумевших лошади в общей упряжи, но лишённые управления, одна дергая направо, другая налево, чураясь и сатаняя друг от друга и от телеги, непременно разнесут ее, перевернут, свалят с откоса и себя погубят, — так российская власть и российское общество, с тех пор как меж ними поселилось и все разрасталось роковое недоверие, озлобление, ненависть, — разгоняли и несли Россию в бездну».

История сегодня не дает нам права на легкомыслие и безответственность. Ее приговор императивен: только власть народа, т.е. демократия, прочная безупречным и беспрекословным исполнением законов, может быть естественным и эффективным путем разрешения самых сложных общественных противоречий. И ничто иное! Независимо от того, до какого предела будут искусственно нагнетаться страхи и кошмары заинтересованными людьми из партии реванша.

Демократия — не ухищрение, ведомое зломыслием. Не только система выборов, не только представительские учреждения, не только разделение властей и не что-то иное и очень важное само по себе — все это не более чем технология демократии. Но именно власть народа — всюду и всегда. Квинтэссенция нашей революции как раз в том и состоит, чтобы осуществить народоправие, но демократическими средствами и в демократических формах.

I

Впрочем, не роскошь ли для нас демократия? Отечественные «ультра» не перестают твердить: а зачем она нужна, если на прилавках пусто, а на улицах страшно? Таким путем творится фарисейство, ибо хозяйственно-экономический распад, от чего и все остальное, произошел отнюдь не от избытка демократии, а совсем наоборот.

Демократия — это когда от моего выбора что-то зависит. И не только в дни выборов и референдумов, но в самой непосредственной, мне видимой и понятной форме. Когда мое благополучие прямо проистекает из собственного труда. Отсутствие таких нормальных и естественных для челове-

ского общества зависимостей, их порушенность, извращенность — корневая первопричина всех наших бед, в первую очередь экономических.

В повседневной хозяйственной жизни свое мнение, предпочтение человек выражает прежде всего через рубль. Точнее, тем, как расходует он свой заработок. Нормален потребительский рынок — значит, есть и выбор у человека, значит о нем заботятся. Если ситуация сводится к тому, что «бери что дают», — значит, государство, экономика фактически к человеку равнодушны, сколько бы правильных слов на эту тему ни произносилось. Если нужен кому-то заработанный мной рубль — значит, хотя бы того или нет, вынуждены прислушиваться и к моему мнению, учитывать мои потребности. Если государство и его монополии бегут от собственной денежной единицы — значит, наступил опаснейший разрыв между государством и человеком, серьезный сигнал обществу о том, что оно скатывается по наклонной.

Без экономической демократии, без возможности для человека реализовать свой выбор в характере деятельности, покупательском предпочтении, без свободной торговли, без необходимости вести себя в труде ответственно — без всего этого любая иная демократия является либо сотрясением воздуха, либо социально опасным прожектерством.

Во всех этих отношениях зависимости, реально существующие сегодня, не носят пока демократического характера, что все сильнее обнажается по мере того, как сгущаются тучи социально-экономической неразберихи. Это надо видеть, об этом надо говорить прямо хотя бы для того, чтобы не потерять в процессе перехода к рынку общественно-преобразовательных ориентиров.

Перестройка застыла сейчас перед решающим, но и самым трудным шагом — переходом к рынку. Ясно, например, что необходима земельная реформа, разная в разных регионах страны, открывающая простор всем формам хозяйствования, их соревнованию, выбору оптимальных сочетаний. Но и до сих пор вместо дела — разговоры, а на местах ждут специальных инструкций, ибо до сих пор считается, что закон — это ничто, а вот инструкция — все. Ясно, что пора начать разгосударствление собственности, разрушение монополизма там, где это возможно. Но и здесь практически никакого продвижения. Перестройке навязываются все новые и новые направления дискуссий, сомнений в расчете на выигрыш времени, на то, что измотанные очередями и дефицитами, униженные борьбой за самое необходимое люди повернутся спиной к демократическим преобразованиям в экономике и политике. И подобные расчеты далеко не безосновательны.

Было бы слишком плоско объяснять эти задержки лишь нерешительностью перед самыми трудными шагами. Конечно, они непривычны, да и неизвестность пугает многих.

Опасения и страхи всегда тем сильнее, чем больше впереди неопределенностей.

С самого начала было ясно: без глубокой экономической реформы у страны нет будущего. Но на практике не был реалистически учтен потенциал организованного сопротивления хозяйственно-государственного аппарата. Перестройка слабо уловила, что именно здесь концентрируется сильнейшая институциональная незаинтересованность в преобразованиях, которые для многих устоявшихся структур неизбежно означали уменьшение или потерю власти, необходимость смириться с демократическим контролем, а то и самоликвидацию.

Видимо, недооцененным оказалось и другое. Верно, что осуществление радикальной экономической реформы, переход к рынку требовали в качестве одной из своих предпосылок реформы политической. Такая реформа могла означать только одно — демократизацию. Как только демократические формы жизни, политической борьбы стали получать права гражданства, они начали обретать свою логику развития, включая и феномен противодействия. Вот к этому политика обновления оказалась недостаточно подготовлена — и объективно и субъективно; подошла без необходимых резервов и организационных наработок.

II

Самый дальний путь начинается с первого шага. Поначалу, встреченный противодействием, процесс демократизации принес осязаемые перемены. Но иллюзий тут быть не должно.

Не было сомнений в том, что становление демократического образа жизни пойдет у нас непросто. Поворот, который осуществляется в обществе, еще пропитанном тоталитарным наследием, — в организационных структурах, психологии, привычках. В условиях, когда слишком мало соответствующего опыта. Когда крайне недостаточна законодательная база и сильны традиции правового нигилизма. Когда еще немалая часть общества не ощущает демократию в качестве личной потребности, а массовое сознание в немалой мере остается в плену догматизированных схем.

Не было сомнений и в том, что демократии придется пробивать мощную стену авторитаризма. Брак моновласти и монособственности, в социально-историческом отношении тупиковый, в практическом плане остается тем не менее крепким. Особенно когда он опирается на общественную инертность и равнодушие. Надо было преодолеть и робость общественного мнения перед начальственным, имеющую многовековые корни в психологии. Очевидным было и то,

что нарождающуюся демократию попытаются повернуть против нее самой, сыграть на ее неопытности, слабости, недостаточной информированности, на неизбежных ошибках. Можно было предвидеть, что против нее поднимут крик и те несостоявшиеся честолюбцы, которым новые условия не оставляют надежд на успех и славу и которые сегодня всю силу нерастраченных чувств направляют на обличительную деятельность против инакомыслящих.

Дает себя знать и глубоко засевшая люмпенская психология, болезненная до патологии склонность к уравнительному перераспределению, причем не только у отдельных людей, но проникшая и в общественную психологию в целом. Чем иным вызвана эпидемия коллективных эгоизмов — от предпрятий до республик; страсть к переделу.

Со всем этим перестройка столкнулась на практике. С чем-то в большей мере, с чем-то в меньшей. Сегодня люди активно спрашивают, не начался ли откат перестройки? Не отступают ли ее сторонники? А если да, то что же возродится на ее пепелище? Заговорили об исчерпании потенциала преобразований. В оценках появились драматизм, преувеличение сиюминутного, страхи принимаются за реальности.

Выскажу позицию сугубо личную, возможно, и спорную. Можно, на мой взгляд, говорить об известной заторможенности, но пока неверно вести речь об отступлении. По крайней мере, на момент написания этих строк я не вижу оснований «хоронить» перестройку.

Но правда и то, что людей, особенно в структурах власти, которые хотели бы загнать перестройку в угол, покончить с ней, сейчас, пожалуй, больше, чем два-три года назад. Их действия стали напористее, организованнее. Силы консерватизма и реакции отобилизовались и начали скоординированное контрнаступление. Причем не скрывают, что речь идет именно о наступлении, хотя и пытаются проводить его преимущественно под лозунгами самой же перестройки, борьбы за ее якобы «правильное» содержание. К тому же некоторые представители этих сил специализируются на провоцировании конфликтов, напряжения, противостояния, полагая, видимо, что только общенациональная вакханалия насилия может восстановить их былые позиции.

Спротивление перестройке нарастало не вдруг. Сегодня оно носит действительно ожесточенные формы и проявления, преуспело в формировании собственной теории и политики, сбрасывает последние маскировочные одежды. Но если все это происходит на шестом году перестройки, с риском дальнейшей дестабилизации обстановки в стране, — значит, не так уж и сильны противники обновления, вынужденные брать на вооружение его же лозунги.

Но еще раньше проявилось, сказало о себе в полный голос то сопротивление, которое шло не столько от намеренно выбранной позиции, сколько от привычных методов ра-

боты, приверженности к устоявшимся структурам. Сопротивление, которое во многом питалось распространенной в нашем обществе иллюзией, будто достаточно призвать к здравому смыслу, указать верный путь, и все пойдет как должно.

Вспомним: вначале наряду с провозглашением верных идей в отношении экономической реформы принимались меры откровенно антиэкономического и даже антисоциального характера. Начало им положила антиалкогольная кампания — нужная и полезная по цели, но начисто игнорировавшая мировой опыт в этой области, да и немалый отечественный. К настоящему времени вызванные ею только прямые потери составляют, по оценкам некоторых ученых, более 100 миллиардов рублей. Не считая потерь социальных: более чем в три раза подскочило число алкоголиков и токсикоманов.

Принимались и верные решения — о научно-техническом прогрессе, развитии машиностроения, кооперации и другие. Но они были закутаны в такие плотные бумажные одеяла инструкций, традиционных шлейфов из бюрократических ограничений, что фактически оказывались неработоспособными. Но главное даже не в том, что не работали какие-то отдельные документы или решения. Оглядываясь назад, особенно ясно сознаешь те качественные потери, которые несет перестройка сегодня потому, что фактически не готовилась почва для максимально безболезненного перехода к рынку. Не готовилась организационно, экономически и даже политически.

Да, позитивного было сделано немало. Но много возможностей объективно оказались упущенными. И дело не в том, что организовалось, консолидировалось, активизировало действия сопротивление перестройке, — рано или поздно это все равно должно было случиться. И даже не в том, что эти силы получили возможность использовать против перестройки ее демократические достижения, — и это нормально в действительно демократическом, на праве основывающемся государстве. Но в балансе привычного и новаторского последнее неоправданно часто стремилось выступать в традиционных одеждах, что объективно открывало дополнительные возможности силам и действиям контрперестройки.

Конечно, под влиянием встречного удара, точнее, серии таких ударов преобразования не могли не закачаться. Их результаты — еще далеко не базальтовая стена, способная стоять непоколебимо. А те, кто против обновления, — отнюдь не шарик для пинг-понга, недооценивать их решимости не стоит. Среди «правых», независимо от партийной принадлежности, немало таких, кто воспринимает перестройку, демократизацию исключительно через призму личных и групповых интересов и выгод. Националистическое

упорно насилует национальное. Догматизм продолжает держать в плену еще многих людей.

Конечно, силам торможения способствовало и то, что оказалась не на высоте и определенная часть демократических сил, которые есть во всех партиях и движениях, за исключением, конечно, неофашистских. Тут всякие — и примазавшиеся, и мимикрирующие. Недостает опыта политической борьбы и управления в новых условиях. Нет ярких, сильных фигур, способных поддерживать и развивать дальше демократические процессы. Все это понятно, но не это сейчас главное.

Но за что их можно и нужно винить — это за то, что поддались искушению самоутвердиться подчас через дешевое политиканство, через конфронтацию с другими силами. Увлечлись личными и групповыми амбициями, сделав их приоритетными, потеряли столь дорогое в революции время, упустили возможности организовать на основах цивилизованной демократии, не настроились должным образом на тяжелую черновую практическую созидательную работу. Многие впали в сугубо «разоблачительный» раж, занялись поиском «ведьм», чем наше общество по горло сыто. Пятилетний опыт показал, что потрясения нередко слепят людей, многие из них теряют способность видеть и правильно оценивать реальности, слушать и слышать голоса Разума. Противоборство, противостояние, призывы к мести — бесплодны и аморальны. Крики «Долой!», «К суду!» ни с какой стороны не отнести к сущности демократии — это ближайшие психологические, идеологические, политические родственники тоталитаризма.

И все же, несмотря ни на что, общество уже иное. Оно ищет истину и тем творит саму историю. И главный итог последних лет в том, что общественное пробуждение раскрепостило объективные силы и процессы в обществе, которые начинают сами определять логику и ход событий, их результаты и следствия. В этом — источник удовлетворения, но и многих «головных болей» для новых преобразований. Но в этом же — источник их силы, единственная реальная гарантия их продолжения.

Ретроспективно в процессе обновления просматриваются две разные его грани или фазы, два качественно разных этапа. Один — это начальный импульс, толчок. Все то, что сбрасывало прежнее общественное оцепенение, срывало маски лицемерия, взывало к совести, ломало тупую инерцию прошлого во всем. В идеях, представлениях, структурах, практике — во всем. Это самая видимая сторона перестройки. Это фаза перестройки захватывающая, но общество в ней засиделось дольше, чем надо бы.

Много времени потрачено еще и на то, что пришлось преодолеть чудовищные пласты иллюзий, мифов, вьевшихся в сознание и практику и окостеневших там догм. Потрачено

на осознание самой необходимости и неотвратимости перемен, на выявление и анализ глубины и масштабов накопившихся проблем. На раскрепощение общественного сознания, на утверждение естественного для человека желания самому строить свою жизнь, а не полагаться главным образом на государственные органы и структуры, будь они даже наилучшими из всех возможных. И те, кто сегодня сделал ставку на дестабилизацию, бьют прежде всего по духовным итогам перестройки, стремятся вернуть народ к апатии, равнодушию, посеять разочарование в любых преобразованиях, породить новые сомнения. Но хорошо известно, что чем больше терзающих совесть сомнений, тем меньше остается места для жизнеспособной уверенности.

И все же предпосылки для решительного шага к обновлению на базе демократии, права, рынка, свободы — созданы. Объективные силы и процессы в обществе будут требовать этого шага, и чем дальше, тем, полагаю, внушительнее. Вопрос — сделаем ли этот шаг? Мои ожидания: процессы обновления будут развиваться непросто, неоднозначно, преодолевая сопротивление, через какие-то собственные ошибки и кризисы, но будут.

Особенно в условиях, когда, на мой взгляд, сформулирована программа антиперестройки. Сформулирована в концептуальной ее части. В том, что касается ясно и четко заявленного требования «пересмотреть» практически все главные идеи, выдвинутые перестройкой как во внутренней, так и во внешней политике. Сформулирована такая программа и в том, что касается принципиальных путей и средств политической борьбы, борьбы за власть.

Но взгляды есть взгляды. Идеи развиваются в соревновании, а для этого мало только одного участника. И было бы поистине удивительно, возможно, в чем-то даже достойно недоверия, если бы новые идеи и концепции входили в жизнь легко, без борьбы, не преодолевая сопротивления. Для нормального общества естественно сочетание идей авангардных и консервативных, радикальных и либеральных, ему всегда присущ спектр позиций, подходов, политических партий и движений.

И если бы неосталинистская оппозиция оставалась в рамках демократического процесса, не занималась бы поисками «ведьм», преследованием инакомыслящих, наклеиванием ярлыков — впрочем, такие же пожелания необходимо адресовать и радикалам необольшевицкого толка, — то в таком сопротивлении лично я видел бы больше «плюсов», чем «минусов». Потому что, оставаясь в рамках этого процесса, даже оппозиция перестройке объективно работала бы на укрепление демократии, на перемены, на развитие. Потому что, хочет она этого или нет, но участвует — через сопротивление — в запуске, в функционировании того механизма, который призван сегодня и в будущем удерживать от шара-

ханий из одной крайности в другую, обеспечивать условия для сочетания разумной, необходимой стабильности с разумными же, назревшими и ответственными переменами, с реформами как постоянным качеством общества, всей жизни.

К сожалению, пока нет никаких подтверждений тому, что неосталинистская оппозиция перестройке, другие силы реакции и ультраконсерватизма хотят и готовы оставаться в рамках демократического процесса. Но есть все подтверждения прямо противоположного: нарастающей атаки с этой стороны именно и прежде всего на демократию: еще молодую, неопытную, маломощную, часто и неумно подставляющуюся, еще более того — гонимую и вводимую часто в заблуждение. Да, всякого рода недостатков, хуже того — нетерпимости хватает и на радикальном крыле нынешнего политического спектра. И они должны быть предметом критики, как и практическое функционирование демократии, ее институтов, всех политических деятелей.

Но речь-то сейчас о другом. Консолидируются силы, зримо и ускоренно возвращающиеся к осужденным, казалось бы, формулам, ярлыкам, штампам прошлого, худших его времен и страниц. Делается попытка вынести и навязать народу априорный приговор перестройке. О демократии говорится исключительно с добавлением слов «так называемая», общественность исподволь начинают готовить к отказу от любой демократизации — хотя перестройка есть революция прежде всего демократическая. Уже заинтересованно ищут связь демократии с теневой экономикой, якобы импортируемой контрреволюцией, видят в ней даже реванш империализма за 1917 год. Вдумаемся: в народовластии — реванш империализма! Нет, это страх, обычный страх перед нарастающей необратимостью преобразований — но страх опасный, способный всех нас утянуть в преисподнюю. Не будем забывать: реакция самодержавия, тоже от страха и тоже перед исторической неумолимостью преобразований, назревших перемен, в слепоте, корысти и тупоумии своем довела страну до пропасти.

И по этой причине тоже необходимо сегодня всячески укреплять демократические механизмы, процессы, процедуры — всю «технологическую цепочку» демократической жизни. Только она, демократия, способна будет обеспечить практическую консолидацию, согласие, достижение работоспособных компромиссов, равноправия людей и народов. Только демократия позволит на всех уровнях выдвинуть лидеров, способных повести работу обновления, а не толкнуть страну вспять, в анархию насилия и произвола. Без закрепления и развития результатов демократизации не смогут удержаться никакие начинания. Путь к обновлению, в будущее идет только через нее и с ней.

Кардинальная задача и призвание демократии — консо-

лидировать, а не антагонизировать общество. Только на этом пути возможно подлинное обновление.

Проблема и вопрос сейчас: удержимся ли в рамках демократического процесса, политических форм борьбы? Расходясь во взглядах, сойдемся ли в утверждении правовых норм государственной и общественной жизни? Сможем ли, да и захотим ли подчинить эмоции разуму, поставить закон выше клановых, групповых, национальных и прочих интересов? Если нет — общенациональная трагедия.

Ш

Проблема нового авторитаризма. Новая Советская власть пытается необдуманно повторить неудачный опыт прошлого, претендуя на моновласть. В свое время партия, имея социальную гипотезу, начала выстраивать жизнь в соответствии с этой гипотезой. Издержки, опасности и риск такого пути сейчас в известной мере проанализированы — это сделано в последние годы.

Тем удивительнее наблюдать истовую веру в то, что путем только законотворчества удастся добиться того, чего не достигли соединенными усилиями ГУЛАГ, административно-командная система, абсолютизм партии и тоталитарный контроль, идейно-политическое подавление. Не будет этого и быть не может! И не из-за чьих-то «происков»: если жизнь отторгает какие-то явления, она сделает это все равно — разница лишь в формах и в масштабе издержек, но не в сути.

Со всех сторон летят жалобы: «Закон не действует!». Но закон силен и эффективен лишь тогда, когда он идет от жизни, оформляет реально сложившиеся, действующие общественные отношения. Вводит эти отношения в определенные рамки, в чем-то корректирует их. Первичны здесь отношения. И только они создают формы контроля, регулирования, ограничений. У нас пока, к сожалению, чаще происходит наоборот. Бал продолжает править надежда — неверная — формировать общественные отношения только через законы.

Тьму законов принимали и раньше, в доперестроечные времена. Так что опыт есть, и немалый. Надо наконец решиться на политически и психологически крайне для нас трудное: «отпустить» какие-то процессы на волю и проследить, как они будут складываться в реальной жизни и уже потом, спустя какое-то время, начинать вводить их в законодательные рамки.

Нет, это не призыв к анархической неупорядоченности. Это всего лишь пожелание не путать действительные законы с отдельными, частными, временными распоряжениями и решениями исполнительского характера, которые устанавли-

ваются в конкретных целях и на конкретное время. Призыв не подменять одного другим.

Здесь, в этом явлении, в частности, усматриваются изначальные причины и стимулы того, что новые Советы держат в придушенном состоянии исполнительную власть. Дело не только в их стремлении к самоутверждению, которое — в каких-то разумных пределах, — конечно же, необходимо. И не в конфронтации с доперестроечными структурами — часто реальной, но нередко и драматизируемой. Порочен сам подход, при котором упор опять делается на нажим, только исходящий от новой власти, новых людей.

Нередко приходится читать и слышать слова возмущения, удивления, иных эмоций по поводу того, что перестройка, дескать, развязала не инициативу людей, а породила хаос и безответственность. А коль так, то и виноватые должны быть. Но по меньшей мере странно, когда, например, в адрес Президента страны поступают требования навести порядок в том или ином городе, поселке, районе — как будто там нет законных властей, людей, по должности и положению обязанных отвечать за поддержание нормальных жизненных условий. Разве нет, наконец, просто энергичных и инициативных граждан, способных взять вопросы повседневной жизни под демократический контроль общественности. Самоуправление очень медленно входит в жизнь. Но именно здесь корневая система народоправства.

Не потому ли это происходит, что вспыхнувшая было инициатива и самостоятельность вновь натолкнулись на столь привычные уже окрики, попытки командовать, администрировать? Сейчас из многих мест — в частности, из ряда союзных республик — потоком идут письма, жалобы, протесты по поводу нового авторитаризма, иногда куда более жестокого, чем во времена застоя. Не берусь выносить конкретные суждения. Но уверен, убежден: обращения эти требуют осмыслить явление в целом, а не только отдельные ситуации.

Что характерно и что настораживает? Снова в строю нетерпимость, ярлыки, авторитарные и тоталитарные замашки. Так очень легко, быстро и незаметно, подзуживая и «заводя» друг друга, перебрасывая мяч с края на край и возвращая его всякий раз с еще большей силой, с еще большим озлоблением, — очень просто можно дойти до драки, до неофашизма. И неважно, будет ли он «справа» или «слева» — античеловеческая и антидемократическая суть его от этого не изменится.

А пока идут подобные игры, время уплывает, убегает, уносится. Проблемы обостряются, раздражение нарастает, усталость углубляется. И ответственность за все это люди возлагают уже на новую власть Советов. И они правы — и формально, и по существу. Понять эту ответственность перед обществом и историей пока удастся далеко не всем.

IV

Новый догматизм. Демократические процедуры допускают и предполагают соперничество разных интересов, взглядов, позиций. Оно же, это соперничество, требует и ясного обозначения сталкивающихся между собой сил, групп, «команд», предполагающее достаточно развитое самосознание каждой из них. Но для всего этого не оказалось ни времени, ни воображения. В итоге политические знамена, которые сегодня используются, еще очень блеклые, неясные, а нередко и вводящие в заблуждение, дезинформирующие и дезориентирующие, откровенно «ярлыкового» свойства и происхождения. К этому можно было бы отнестись спокойно, если бы форма, внешность, клише не продолжали держать верх над содержанием, здравым смыслом.

Всегда ли каждый из нас задумывается сегодня над смыслом понятий «правый» и «левый», «демократ» и «консерватор», «радикал» и «экстремист», да и другими? Всегда ли оправданы здесь те противопоставления, явные и неявные, что стали уже новыми шаблонами, новыми стереотипами? Опасность здесь в том, что снова в сознании обустроиваются ярлыки, клише, а заимствованные оценки вытесняют собственную работу ума и сердца.

Сейчас в нашем обществе сколько проблем, столько и позиций, равно как и спекуляций вокруг них. Традиционные политические этикетки еще больше затуманивают сознание, затрудняют понимание реальной картины. Кто есть кто? Ярые консерваторы выдают себя за радикальных демократов. Демократы обнаруживают подлинно авторитарное властолюбие. Зримо противоречащие друг другу позиции и платформы сталкиваются между собой за право называться левыми. А всех неугодных, как мусор на общую свалку, зачастую норовят объединить то в категорию правых, то левых.

Между тем остаются в стороне, мало востребованными те сущностные критерии, по которым только и можно определять, где, в какой части политического спектра находится то или иное направление, движение, организация, тот или иной политик, да и каждый гражданин. Критерии эти — отношение к Конституции, закону, демократии, к политической и экономической свободе человека, т. е. ко всей сумме первооснов любого политического действия, которые и показывают, куда повернет политика: к человеку или от него, к праву или насилию, к благоустроению жизни или одичанию ее.

Было бы поистине трагично, если «правая» и «левая» демагогия, пустословие, политическое позерство, правый и новый догматизм одержали бы верх, пусть и в модернизированной упаковке. Но пока еще звучнее речи, чем реальные заботы о реальных делах.

Сколько разумных решений, крайне необходимых и возможных компромиссов уже погребено под обломками подобного политического отторжения. В итоге — не только нарастание взаимной нетерпимости, но и деловая слепота.

На самом деле, сколько времени, усилий и эмоций потрачено, например, на доказательство того, что колхозы и совхозы трогать нельзя? Но всерьез мало кто и посягает на хорошо работающие коллективы. Речь об ином: создании практических возможностей для соревнования разных форм хозяйствования и форм собственности. И если такой подход в принципе принят, вопрос может стоять только так: как конкретно это должно делаться? Конкретика же требует квалифицированной работы аграрников, экономистов, юристов, делового и аргументированного спора, а не идеологических страстей и наклеивания ярлыков. В спорах как-то исчезают реальные интересы крестьянина.

В чем-то похожая история с конверсией. Она — важнейший резерв народного хозяйства. Сейчас уже вряд ли нужны подтверждения того, что привести его в действие, однако, будет непросто; что и в этой области тоже были свои иллюзии, упрощения, что и в ней есть и свой мощный заряд инерции и консерватизма, но и свое стремление к обновлению. Что за каждым человеком, которого так или иначе коснется конверсия, стоит как минимум его семья — это судьбы миллионов человек.

К чему эти примеры? Первые в XX веке попытки демократических преобразований в нашей стране — не будем заглядывать в историю слишком далеко — потерпели неудачу в конечном счете именно потому, что начинающая демократия слишком увлеклась политической борьбой и мало заботилась о результатах практической деятельности. А потому и теряла интерес со стороны народа. А когда те или иные авторитарные силы пресекали само существование демократических институтов, то значительной части людей их судьба была если не полностью безразлична, то, во всяком случае, не слишком интересна.

Конечно, времена сейчас во всех отношениях иные. Но и для нашей молодой еще демократии было бы опасной ошибкой погружаться в саму себя, забывать, что демократия всегда — не только самоценность, но и средство. И если средство не оправдывает надежды, оно может дискредитировать и самоценность.

Могут возразить: а если надежды непомерны, заведомо раздуты и драматизированы? Если от демократии, Советов сегодня ждут того же и даже большего, что вчера ожидали от вождя, а позавчера — от «доброего царя»? Отвечу: тем более! Потому что при таких ожиданиях судьба демократии висит буквально на волоске. Настоятельно необходимо подобные ожидания приводить в большее соответствие с возможностями. А пока такие ожидания остаются, пока их уровень в

обществе достаточно высок, вряд ли целесообразно испытывать судьбу демократии на прочность без крайней к тому необходимости. Вряд ли нравственно подменять реальное дело общественными потрясениями.

V

Не скрою, меня особенно тревожат в этой связи два явления. Тот социальный мазохизм, об опасности которого мне уже доводилось говорить в Литве более двух лет назад. И притязания на суверенность, если они не подкреплены обоснованными расчетами или идут не от приоритета суверенности личности.

Социальный мазохизм выражается, на мой взгляд, в том, что до бесконечности перемываются какие-то реальные или вымышленные факты и проблемы. Вокруг них нагнетаются страсти, возбужденно отыскиваются виновные, экзальтируется общественное мнение, антагонизируется общество. Но при этом ничего вразумительного не предлагается.

За критикой должно идти предложение. В газете это желательно, в выступлении политика, законодателя — обязательно. Иначе можно довести общество до взрыва либо приучить его к полной бесчувственности. Конечно, реализация права личности и общественной потребности на критику — особая грань демократического процесса. Что жизнь без критического переосмысления действительности не обходилась и не обойдется никогда — аксиома. Там, где нет демократии, критика неизменно прорывается через явное и скрытое общественное сопротивление, политические и гражданские конфликты, дворцовые интриги. Можно, конечно, и так. Но расплата слишком тяжела.

В условиях продвижения общества к новому качеству жизни выдвигается и вопрос о существовании, смысле и характере критики. Слишком часто критические стрелы направляются эмоциями и риторикой больше, чем разумом, логическим мышлением, интересами дела. Сплошь и рядом критика метит не в проблему, а в человека, личность, в его внутреннее «Я», унижает его достоинство. А конфликты, в которых задеты самолюбие человека, его внутреннее самоуважение и самооценка, наиболее сложны для спокойного урегулирования. Если же тут примешиваются национальные, религиозные моменты, то совсем плохо.

Хуже того — давней нормой стало стремление в результате размашистого удара добиться покаяния, развенчания, разоблачения. И не задумываемся над тем, когда и как родилась такая «традиция», чем и кем была вызвана. Идет же она от сталинских времен, от чисток, «разоблачительных» собраний и процессов. Именно тогда возникла потребность

внедрить в практику моральное подавление личности, ее психологическую ломку; чтобы превратился человек из самостоятельно мыслящего в безропотного и безвольного; из инициативного и суверенного — в автомат-исполнитель распоряжений и приказов. Именно тогда требовалось создать в обществе атмосферу не товарищеского сотрудничества и взаимоуважения, а всеобщей подозрительности, перманентной готовности обнаружить врага в любом и каждом, атмосферу истерии и фанатизма. И достигалось все это не только репрессивными средствами, но и при помощи специфического ритуала «критики и самокритики».

Надо признать — это получилось. Ритуал глубоко вошел в нашу плоть и кровь. Мы и сегодня привычно им пользуемся, не замечая не только его вопиющего несоответствия духу и сути нового времени, но и того, что следование этому сталинистскому наследию сегодня буквально на глазах накачивает, насыщает общество конфликтами, недоверием, ненавистью, которых могло и не быть. Конфликтами, для которых нет иных оснований, кроме оскорбленного человеческого достоинства. А это трудно поддается лечению.

Как часто разумные, неплохие в общем-то идеи и предложения не принимаются, отторгаются, встречаются в штыки только потому, что высказаны в форме, неприемлемой, обидной или унижительной для оппонента в споре. Как часто не только забываем, но просто не знаем и не догадываемся о том, что критика непременно должна быть корректной и по фактам, и по отношению к человеку. Что спор должен быть уважительным — лишь тогда он принесет результат. Что право каждого на критику столь же естественно, как и нравственная ответственность за нее.

VI

Другой надежды нет. Много и справедливо говорится сейчас о необходимости гражданского мира в стране, общенационального объединения и согласия. Но что реально означают эти понятия? Только ли отсутствие гражданской войны, которая, по мнению некоторых, уже идет? А главное, как на деле осуществить такой гражданский мир?

Разумеется, сами слова о войне кошунственны в стране, еще продолжающей приходить в себя от той страшной войны. Это не значит, что надо закрывать глаза на опасности. К ним можно отнестись и отсутствие гражданского мира. Вряд ли можно, не кривя душой, называть «гражданским миром» положение, при котором еще продолжают преследования инакомыслящих, зажимается свободомыслие, народная инициатива. Гипотетически рассуждая, можно силой насадить внешнюю тишину и спокойствие в обществе, но гражданским

миром это не будет. Подобное лишь станет скрывать подспудное кипение страстей, борение интересов, агонию мысли. Так, собственно, и было в не столь уж давней нашей истории.

Гражданский мир — результат осознанного и добровольного решения каждого человека жить в нормальном соседстве и взаимодействии с другими. Это, если хотите, отказ от привычного, но неосознаваемого «расизма взглядов».

В тех случаях, когда чья-то исключительность, «право» на особое положение в обществе аргументируется национальной принадлежностью, цветом кожи, мы справедливо клеймим и отвергаем подобные посягательства как несовместимые с элементарными понятиями морали, человечности. Но не с тем ли самым, по существу, мы сталкиваемся, когда та или иная группа по собственному произволу пытается присвоить себе «право» быть вершителем народных судеб, выразителем воли и настроений, чаяний всех людей, единственным носителем и судьей патриотизма, справедливости, народности, прогресса?

Сколь бы ни были понятны и по-своему закономерны исторические причины, вызвавшие подобные явления к жизни, сейчас и на будущее внутренняя жизнь и политика нашего общества крайне нуждаются в собственном «общеевропейском процессе», в созидании действительно общего дома, а не потемкинских деревень искусственного одномыслия и внешней, лицедейской бесконфликтности. Излишне подчеркивать, что каждый при этом сохраняет свои взгляды, убеждения, подходы. Но признает приоритет права и законности, авторитет демократических институтов. И рационально подходит к сотрудничеству с другими в решении конкретных дел. То есть работает в интересах общих — ради сохранения и обновления страны, в интересах всех по-человечески нормальных политических сил и движений (ибо катастрофа гражданского конфликта, крах демократии сметут всех). Необходимо добиваться сейчас образования своего рода Фронта ответственности, компетентности, единства, реального движения вперед.

Самоутверждаться реальными делами — объективное требование нынешнего этапа демократического процесса, и оно же — главное условие выживания демократии, ее укрепления и развития. И здесь особенно велика роль интеллигенции. Больше того, эта роль высвечивается совершенно новыми гранями. Интеллигенция много сделала в первые годы перестройки, особенно для утверждения гласности, демократизации. Общество признало и оценило эти усилия, доказательство чему — высокая доля представителей интеллигенции в Советах всех уровней. И сегодня, когда в целом складываются условия для свободного обсуждения, изучения любых проблем, свободного творчества, — интеллигенция может и должна сделать многое для того, чтобы направлять работу новых демократических институтов в профессиональ-

но состоятельное русло. Чтобы за принимаемыми законами и решениями стояли не амбиции, а добротное экономическое, социальное, юридическое обоснование. Мне кажется, интеллигенции предстоит сейчас преодолеть внутри себя второй рубеж робости: заявить в полную силу о своих профессиональных способностях, а не только демонстрировать гражданское и нравственное чувство.

Демократический процесс — главное на сегодня завоевание перестройки. Он возвращает достоинство человеку, нравственность обществу. Позволяет объективно видеть самих себя, понимать свой всамделишный внутренний мир, видеть характер и причины своих проблем. Демократический процесс возвращает нашу экономическую и политическую жизнь, связи с внешним миром в нормальное, естественное русло. Он дает возможность выстраивать все отношения открыто и честно; в необходимых случаях бороться и конфликтовать, но средствами, укрепляющими общественное здание, а не взрывающими его. Открывает перспективы наполнения нашего государственного и общественного устройства всеми необходимыми связями и зависимостями, уравновешивающими и страхующими устройствами, безусловного подчинения его законности.

И тем самым демократический процесс — единственная наша надежда на будущее, на обновление. Авторитаризм еще может вернуться и сделать это без грома переворотов, без массовых репрессий и преследований. Он даже способен быть по-своему мягким и просвещенным. Но всегда и везде, во все времена и у всех народов чистый авторитаризм, в каких бы перчатках он ни выступал, в конечном итоге приводил к торможению общественного развития. Почему? Да потому, что авторитаризм не может не порождать вокруг себя своеволие одних и угодливость других, бюрократизм управления и бесправие человека труда, подавление творчества, не может не насиловать ум, волю, свободу личности.

Будущее лишь за тем обществом, которое на деле сумеет раскрепостить человека. Разум и нравственность вырвали его из животного мира, сделали человека личностью, позволили добиться всего, что мы называем цивилизацией. Общество, сдерживающее и закрепощающее разум, тем самым и античеловечно, и антисоциально. По-настоящему освободить, воспитать ответственность, научить не просто сосуществовать, но жить в единении с другими людьми — все это способно сделать только демократическое общество.

Устоять на курсе демократизации — значит обеспечить себе и детям достойное будущее.

7. Революция свершается

НУЖЕН НОВЫЙ ШАГ

Время крутое. И пора кончать ходить вокруг да около. Чтобы было понятнее, о чем буду писать дальше, скажу следующее: я всегда стоял на позициях многопартийности, а еще точнее, здоровой, демократической двухпартийности. Иного просто не дано, если не лицемерить, не обманывать людей, что общество идет и намерено идти по пути демократии.

В последнее время много шума о том, что кто-то когда-то где-то собирается расколоть партию. И мне, среди других, приписываются разного рода заявления, порой противоположного смысла. Во всем этом вижу недостойную игру. Правда-то состоит в другом.

Единой КПСС уже давно нет, ее нет с 1985 года, когда общественное развитие пошло по пути создания качественно новой системы, которая смогла бы вывести страну из глубокого общественного кризиса, обеспечить достойную жизнь человеку. Сегодня-то уже не секрет, что за 70 лет мы построили систему, безразличную к человеку, враждебную ему. Брачный союз (по расчету и по любви) моновласти и монособственности сделал свое дело.

Иными словами, КПСС «беременна» многопартийностью. Логично было бы осознать этот факт и продумать систему мер, которые могли бы максимально безболезненно, с пользой для общества, трансформировать это положение в систему цивилизованной многопартийности парламентского типа. Стихийно нечто подобное и происходит. Но вместо осознанной стратегии, построенной на глубоком политическом анализе, — комплекс обид и инстинктивных судорожных телодвижений в духе худших образцов старого. Сама попытка просто назвать эти вещи, явления, призвать к их обсуждению вызывает острую неприязнь, стремление наказать — как это произошло в отношении Э. А. Шеварднадзе.

Последствия подобного опасны для общества. Нежелание или неспособность анализировать реальную обстановку, привычка управлять жизнью через обманчивую магию нагнетания нового страха оборачиваются общественной поляризацией, исход которой непредсказуем.

Поэтому надо не лукавить и честно признать, что демократического возрождения КПСС, разрыва ее с диктаторским прошлым и превращения в дееспособную политическую организацию не состоялось. Что революция в обществе не привела к революции в партии.

Демократия оказалась чуждой для ее аппаратных структур. Можно отдать должное догматическому упрямству, но не способности достойно встретить ветер перемен. Опыт показывает, что организационные структуры, политическая застылость, нетерпимость, постоянная жажда искать «врагов» обрекают партию на неуклонное скатывание к конфронтации с обществом, особенно с наиболее активной и патриотической его частью.

В чем же дело?

Несмотря на все решения, призывы и клятвенные обещания, прямые и косвенные предупреждения со стороны общественного мнения, партийный аппарат оказывается не в состоянии внять голосу разума, посмотреть трезво на окружающую жизнь, отбросить пути догм, низких властных страстей и реорганизоваться, как это потребовала жизнь уже в 1985 году.

Целая череда последних пленумов, активов, публикаций, выступлений руководящих партийных работников в центре и на местах, особенно из состава руководства и аппарата ЦК КП РСФСР, показывает, что партийное руководство на всех уровнях и партийный аппарат в спешном порядке мобилизуют членов партии против демократических преобразований, против экономических и политических свобод. Вместо нацеленности на реальные дела, в том числе на демократическое развитие, ввергают общественность в бессмысленные идеологические распри, раскалывающие и общество, и страну. А кое-где ищут обходные, антиконституционные, насильственные пути и способы действий. Ультраконсерватизм навязывает «бой с тенью», изображая демократию как источник главной опасности обновления, как если бы неосталинисты были ее опорой.

Постоянно произносятся жалобы: старые структуры рухнули, новых нет. Да полноте! Старые структуры как стояли, так и стоят. Просто нет над ними прежнего кулака, встроенного в сталинско-брежневскую систему. И вот они — кто просто распустился и бездельничает, кто работает исключительно на себя, а кто и с азартом сует палки в колеса преобразований. Вот и демонстрируют, какие они на деле «социалистически сознательные», радители об интересах народа, защитники его социальные.

Особенно активны в своей разрушительности некоторые руководители РКП всех уровней. На словах они не в оппозиции, а на деле не выходят из нее ни на один день, ибо не приемлют новый политический курс на переустройство об-

щества. О ленинградцах-инициативниках и говорить не приходится.

Драматизм ситуации еще и в том, что массу коммунистов и не спрашивают, когда принимаются принципиальные политические решения. Подавляющее большинство в КПСС — честные люди, патриоты своей страны. Это они доказали на всех этапах нашей истории. Но они отодвинуты в сторону правящим слоем партии. Лично я выступаю против оголтелого антикоммунизма, который столь же разрушителен, как сталинизм и неосталинизм.

Да, в стране раздор, распад — но распад насквозь прогнивших структур. Не спасать их надо, а продолжать преобразования, по-настоящему. Иначе они утянут всех нас на дно вместе с собой. Иными словами, преобразования в стране натолкнулись на глухую стену ненависти, отторжения, идейного неприятия и реального сопротивления со стороны сил крайнего консерватизма и реакции, всего корыстного, реакционного, злобствующего, ленивого, которое всеми силами хочет удержаться за прошлые порядки. Защищая свой беспредельный эгоизм, силы эти обнаруживают все признаки исторической обреченности. Они способны крепко навредить, но не в состоянии решить ни одну из реальных проблем, которыми живет народ. Они спекулируют на интересах народа, но именно народ и отторгает, отвергает эти силы всякий раз, как получает такую возможность, и в самых разнообразных формах — и не только результатами голосований.

Политика преобразований оказалась на распутье. И при худшем обороте событий миллионы людей, поверивших в возможность изменить жизнь к лучшему, могут оказаться отданными на растерзание силам, нравственный облик которых известен по прошлому.

Вот это тревожит больше всего. Такой зигзаг судьбы на десятилетия вперед подрезал бы любые попытки и перспективы свободного, демократического развития. Он означал бы падение всего общества, хочет оно того или нет, в глубочайшую пропасть безнравственности и фанатизма на идеологической и националистической почве.

Не все, конечно, идет от злой воли отдельных людей, руководителей. Существуют серьезные объективные причины. В сущности, на мой взгляд, революция «сверху» исчерпала себя, сделав все или почти все, что могла. Ее ресурсы истощены. Она добилась многого, чтобы наша многострадальная страна, все ее народы смогли начать строить единственно достойную человека жизнь — свободную, разумную и совестливую. Уже свершенное — навеки в истории.

Но продолжение процесса — уж таковы законы развития — постоянно нуждается в перегруппировке сил, в поисках новых возможностей расширения социальной, политической и экономической базы. Пока этого не происходит.

Чем это объясняется?

На мой взгляд, *одна из причин* — тот очевидный факт, что в стране, обществе и партии «образца 1985 года» и даже позднее ненасильственная перестройка могла быть начата и получить право на жизнь и развитие только как политика, официально, в установленном порядке принятая и поддержанная КПСС. Отделение этого курса от линии партии обрекало бы обновление на разгром, а его инициаторов — на моральное и политическое уничтожение, перечеркнуло бы на годы, возможно, десятилетия любые попытки новых реформ.

Другая причина, столь же очевидная: на старте перестройки ее инициаторы не сомневались, что КПСС поддержит курс на обновление и сможет провести его в жизнь. Собственно, для сомнений такого рода и не было тогда достаточно весомых оснований. Но реальная ситуация оказалась куда более сложной, чем это представлялось в середине 80-х годов. Отношение в руководящем слое КПСС к перестройке становится чем дальше, тем неоднозначнее. Некоторые организационные качества аппарата партии объективно противодействуют обновленческим настроениям и самим реформам.

Третья причина, становящаяся все более ясной только сейчас: нельзя сбрасывать со счета возможность того, что силы правого экстремизма и реакции попытаются так или иначе расправиться с идеями преобразований и их инициаторами. И дело не в том, как технически и политически может быть осуществлена такая попытка, а в ее высокой, на мой взгляд, вероятности.

Второго эшелона, противодействующего такому повороту дел, у перестройки просто нет.

Поэтому есть все основания задать себе и другим вопрос: все ли возможное делается сегодня ради обновления жизни, обуздания корыстного и антипатриотического бунта реакции, развенчания ее подлинного облика в глазах народа? Думаю, что нет. Более того, является очевидным, что относительная жизнестойкость консерватизма — результат не столько его собственных действий, сколько недостаточной организованности, скоординированности сил демократии и обновления.

Предотвратить сползание к худшему можно только одним: созданием и отлаживанием в стране действенной системы парламентской многопартийности, в которой силы ведущих партий были бы сопоставимы друг с другом. Вот почему я убежден: в интересах общества, всех трезвомыслящих его членов и лидеров участвовать в этом направлении демократии, способствовать ему. Выигрыш — стратегический: демократия как гарант динамической стабильности в период крайне интенсивного и сложного развития страны. *Вот почему я разделяю и поддерживаю идею создания движения или партии демократической ориентации на основе закона, здравого смысла, возрождения человека, неукоснительной верности идеалу свободы.*

Уверен: то, о чем я пишу, — не умозрительная схема и не попытка навязать нечто искусственное. Все мы, и общество в целом, и все его части и институты, стоим перед водоразделом, глубину и силу которого только начинаем постигать. Перед неизбежностью проведения четкой политической границы между теми, кто за обновление и кто против. Не выскажемся решительно и делом за обновление — останемся в застое, обречем себя на нисходящее движение в мировом развитии. Не сумеем научиться ненасильственно решать свои внутренние дела — станем снова и снова сворачивать на уже многократно испробованный путь авторитаризма, насилия, несвободы. И лишь в демократическом развитии скрыта возможность соединения обновления с цивилизованными нормами жизни. Лишь в нем — потенциал подъема страны.

Демократическая реформация сверху должна слиться с демократической революцией снизу. Лишь соединившись на практике, через множество связующих каналов и нитей с широкой, повседневной, деловой поддержкой реформ демократическими массами, революция обновления откроет для себя и для общества новые горизонты. Такое их воссоединение — императив.

Невозможно развивать демократию, не сделав прежде всего сам процесс ее развития истинно демократическим, идущим от людей, коллективов, народов. Невозможно добиться экономической и политической свободы — не на словах, а на деле; не на уровне Конституции и законов, а в каждом месте, где живет и работает человек, — если сам этот процесс будет задаваться откуда-то со стороны, а не из гущи жизни народной.

Задача демократического развития должна осознаваться и ставиться как самостоятельная, притом первостепенной важности. В корне неверно уповать на то, что отдельные новые явления в нашей жизни, или даже вся совокупность таких явлений, — гласность, экономические преобразования, свободные выборы и т. д. — сами по себе, автоматически принесут демократию. Никаких жестких зависимостей здесь нет и быть не может.

Демократическое развитие — это прежде всего мощная и действенная социально-экономическая база. Когда мы ратуем за многоукладность экономики, за равноправие всех форм собственности, за необходимость демонополизации, разгосударствления и приватизации, речь идет далеко не только о соображениях экономической эффективности. Но прежде всего о создании такой социально-экономической инфраструктуры, которая максимально затрудняла бы антидемократические, авторитарные устремления и тенденции. Устранить их вообще вряд ли возможно. Здесь не надо себя обманывать кажущейся легкостью максималистских призывов и решений.

Демократическое развитие страны — это наличие широ-

кого и влиятельного общественного движения в пользу демократии, ее защиту и поддержку. Нужда в нем безотлагательна. Либо страна пойдет дальше по пути кардинальных преобразований, раскрепощения общества и подлинной свободы человека. Либо откатится к тому или иному варианту диктатуры, к несвободе и насилию, к реставрации в той или иной форме порядков, доказавших свою разрушительность. И не только реакция способна столкнуть нас в эту пропасть, но и ничегонеделание, колебания и сомнения, пассивность и лень, равнодушное лицемерие похорон народных ожиданий.

А чтобы подобного не произошло, демократическое движение должно наконец преодолеть собственную аморфность, междоусобицы, разобщенность, затянувшийся период самоосознания и самоутверждения, по достоинству оценить тех, кто готов рисковать судьбами народа, страны, лишь бы удержаться в благословенном для них прошлом.

Демократическое движение по природе своей — это движение созидателей, а не разрушителей. Это движение, из которого рождаются новые, более крупные и тесные духовные, социальные связи и общности, а не рвутся, дробятся прежние.

Оно должно вобрать в себя всех — включая и членов КПСС, — кто ставит своей целью реальное обновление общества в интересах народа и на рельсах демократии. Кто может и хочет работать ради этого.

При многих естественных и неизбежных различиях между собой его участники должны быть преданы общей для всех цели — утверждению в стране демократических основ жизни, демократической психологии, отдавая этой цели безусловный приоритет перед любыми разногласиями. По крайней мере, до тех пор, пока демократия не встанет твердо на ноги.

В заключение позволю себе аналогию. Как долго подходили мы к признанию необходимости перехода к рынку! Сколько провели экспериментов, споров и дискуссий. И как же тем не менее непросто оказывается этот переход.

Задача демократического развития — не проще. Если на то пошло, оно намного сложнее, ибо куда больше зависит от психологии людей, от многих традиционных и наследуемых, крайне медленно эволюционирующих факторов. И подходить к ней надо во всеоружии честности и научного анализа. И медлить нельзя, недопустимо: это значило бы обречь себя на испытания, для которых ныне уже не может быть оправданий.

Без демократии нет достойного будущего.

Считаю своим нравственным долгом продолжать отстаивать дело преобразований, искать и использовать все достойные формы борьбы с реакцией, за демократию.

ОБ ОПАСНОСТИ РЕВАНШИЗМА (Открытое письмо коммунистам)

Не уязвленным самолюбием и обидой продиктовано это письмо. Нет! Произошло то, что давно готовилось аппаратом партии и его верхушкой.

Мне горько писать. Но гораздо важнее задуматься над политическим и нравственным смыслом решения ЦКК об исключении меня из партии в контексте обстановки в стране.

Лично для меня смысл происходящего в последний год ясен: реакционное руководство партии (а при исключении на ЦКК присутствовали секретари ЦК) взяло курс на очищение партии от реформаторского крыла, делает это последовательно на всех уровнях; оно надеется на созыв «аппаратного» XXIX съезда, не отдавая себе отчет, что в этом случае такой съезд будет последним.

Таким образом, нынешнее руководство берет всю полноту ответственности за разрушение и устранение партии с политической арены, что я лично считаю политически близоруким.

Но в этом процессе есть своя логика. Она вытекает из практического курса руководства КПСС. Реваншистские силы в правящих аппаратных эшелонах партии и государства целеустремленно отторгают прогрессивные преобразования, отторгают саму необходимость нового мышления, травят людей, для которых преобразования общественные олицетворяют надежду на лучшее будущее нашего многострадального народа.

Но правящая элита не хочет терять власть, она мечется в безысходности, саботирует даже собственные решения, искусственно нагнетает экономическую и политическую обстановку в стране, лихорадочно ищет «ведьм», изобретает «злых духов», виноватых якобы в сложившейся ситуации.

Почва уходит из-под ног, страх гонит в бездну. Впрочем, сегодняшние «исключатели» не оригинальны. Мы знаем ныне имена сотен и тысяч коммунистов, которые были в разные времена ошельмованы, изгнаны из партии, репрессированы, а теперь выясняется, что именно они-то, а не их палачи были

правы. Именно они пытались в то время спасти страну да и саму партию хотя бы от части бед и страданий, проблем и трудностей, благоглупостей и просчетов, выпавших на нашу долю сегодня. Но нет, охранители устоев, а вернее — люди, очумевшие от власти, встали поперек жизни. Последствия общеизвестны, страдания общенародны.

Сегодня без колебаний можно говорить о том, что значительная часть партийного руководства всех уровней сознательно ведет линию на изоляцию партии от всего демократического, ищущего, думающего. В то же время эти люди не видят ничего неприемлемого для КПСС в заигрывании с деятелями и организациями шовинистического, монархистского, великодержавного, охотнорядческого и сталинистского толка.

Что ж, каждый выбирает себе спутников в дорогу сам. Но стоило бы осознать последствия выбора. Сложившийся вершущечный аппарат противостоит не только органически любому движению к обновлению, свободе и демократии. Он объективно сам становится угрозой для общества, тормозом прогресса из-за своего воинствующего самомнения, иррациональности мышления, из-за неспособности руководствоваться общепринятыми критериями нормальной морали и прав личности. Более того, этот аппарат пытается настроить народные массы против преобразований и их инициаторов. Вместо заботы о реальных делах торжествует демагогия, вместо новаторства — упорное цепляние за старое, дискредитированное жизнью, уже принесшее народу только страдания. В самом ЦК, особенно в РКП и на уровне многих местных партийных структур, ускоренно и открыто формируется политическое направление неосталинистского реванша.

Целая череда последних пленумов, активов, публикаций, выступлений многих руководящих партийных работников в центре и на местах, особенно в КП РСФСР, показывает, что партийное руководство и партийный аппарат в спешном порядке мобилизуют членов партии против демократических преобразований и их носителей, против экономических и политических свобод. Вместо нацеленности на реальные дела партгосаппарат вверг общественность в бессмысленные идеологические распри, раскалывающие и общество, и страну, и саму партию. Его принцип — чем хуже, тем лучше.

Все это грозит столкнуть страну в новый водоворот кровавых событий, оправдания которым нет.

Наступает час истины, час честного выбора. Раздвоенность сознания изнурительна, ибо совесть перестает быть нравственным властелином человека.

Не вижу причин оправдываться перед кем бы то ни было. Больше того, горжусь, что вместе с единомышленниками несу свою долю ответственности за политический курс на переустройство общества. Продолжаю считать такой пово-

рот величайшим событием в истории страны, единственно отвечающим интересам народа. Сейчас, по прошествии шести с лишним лет, когда видны все сложности и издержки начатых преобразований, убежден в этом еще более, чем у истоков революционных преобразований.

За семьдесят лет построена система, органически безразличная к реальному живому человеку, враждебная ему. Не только в массовых репрессиях, счет в которых шел на миллионы. Но и в повседневности, где личность ничего не значит, ничего не имеет, даже самого необходимого не может добиться без унижений.

Искренне верил, что КПСС сумеет преодолеть тяжелый груз прошлого, сможет превратиться из государственной, самовластной организации в общеполитическую и стать демократической силой, способной отринуть всепожирающее мещанство, лицемерие, карьеризм, безответственность и чванство.

Увы, этого не случилось.

Не страхом только — а в последние десятилетия и далеко не страхом — держался постсталинизм. Наряду с психушками, лагерями и коррупцией его поддерживало множество мифов, объединенных одним общим началом, общим качеством: они потрафляли инерции, а не критичности мышления. Самолюбованию, а не трезвой самооценке. Бесконечному повторению однажды затвержденного, а не мучительным раздумьям над новым, неизвестным. Моральной самоуверенности вместо постоянного нравственного поиска и стремления к самосовершенствованию. Ленивой привычке слепо подчиняться, а не действовать самому.

Сколько вреда нанесли эти сладостные мифы, ставшие болезнью! Как пострадала от них страна, каждый человек, как продолжаем мы страдать еще и сегодня, с трудом и болью продираясь к правде и свету, к честности и чести! Нет, не порочим мы историю, не очерняем ее и минувшие поколения, когда стремимся узнать правду о самих себе. А взрослеем и учимся, обретаем уверенность и доверие к своему опыту и суждению.

Но еще крепко, очень крепко цепляет нас духовная паутина, нами же и сотканная. *И она — тоже одна из существеннейших причин того, что демократического возрождения партии, разрыва с тоталитарным прошлым и превращения ее в дееспособную политическую организацию не состоялось.*

Причина такого драматического исхода в том, что на протяжении десятилетий исподволь, а во многом и осознанно шла селекция структур, людей, руководителей, ориентированных прежде всего на насилие — физическое, идеологическое, духовное — как правомерный и даже благотворный инструмент политики, на непомерную самонадеянность во всем, что касается собственных представлений о настоящем и будущем, своих знаний и умений. А еще — на пошлую веру

в способность, даже в историческую миссию не просто облагодетельствовать народ, но и навязать ему собственные формулы, свои средства, рецепты, свое прокрустово ложе облагодетельствования.

Причина тяготения к прошлому — и в том, что руководящий партийный и государственный аппарат оказался не в силах на деле пересмотреть свою роль в обществе и государстве, отрешиться от пагубной привычки к неограниченной, бесконтрольной, а потому и растлевающей власти. Аппарат партийных чиновников превратился в «партию в партии», по-своему весьма мощную и влиятельную, со своими специфическими интересами, средствами и привилегиями.

Шесть лет перестройки показали, что организационные структуры и действия руководства КПСС обрекают ее на неуклонное скатывание к конфронтации с обществом, особенно с наиболее патриотической, активной, дееспособной его частью. Создалось парадоксальное и предельно опасное положение. Чем дальше, тем явственнее она обнаруживает стремление и способность легко и быстро находить общий язык со всем наиболее реакционным, что есть в обществе. И, напротив, крайне трудно устанавливать взаимопонимание, налаживать диалог с людьми и силами, ориентирующимися на реформы, обновление, демократизм.

Новым и предельно опасным моментом является и такой разворот традиционных связей партийного аппарата и аппарата государственных служб, особенно армейских, безопасности и правоохранительных, при котором консервативные силы в партийном руководстве заигрывают с верхушкой армии, военно-промышленного комплекса, госбезопасности, видя в них средство сохранения собственных позиций, отстаивания собственных интересов. Симбиоз не нов исторически. Но, пожалуй, впервые он означает по сути *создание принципиально новой, теневой структуры политической власти, готовой выйти из-под контроля народовластных учреждений*. Роль еще слабых представительских учреждений выхолащивается, идет зажим гласности, усиливается давление на институты демократии как на зло, которое сбивает страну с «истинного пути». Что же касается Президента, то очевидны попытки отвести ему роль заложника теневой структуры власти.

Обескураживает то, что наступление объединенных аппаратов приводит к растерянности, а то и прямой деморализации перестроечных сил в руководстве страной, в республиках. Очевидным образом срабатывает синдром страха, вложенного в нас режимом диктатуры. Ох, как трудно выдвливается рабская психология, сформированная этим страхом, беспамятностью, идеологической нетерпимостью, постоянно и умышленно разжигаемой ненавистью.

Я отдаю себе отчет в последствиях данного открытого письма. Знаю, что поднимется новый вой политических пош-

ляков, которые постоянно ищут случай, чтобы в очередной раз пошаманствовать вокруг угасающего костра власти. Появятся «разоблачительные статьи», ярлыки, «гневные» письма, организованные аппаратом. Особенно будут активны люди, столь желающие продемонстрировать свою идейную «незапятнанность». Достанет хвастовства и тех, кто не «изменяет» своим взглядам, то есть тех, кого еще О. Бальзак называл «непогрешимыми болванами». Филистеры готовы на все. И все это лицемерие мы уже проходили и проходим сегодня.

— Я готов к этому испытанию, хотя и очень нелегкому.

Повторяю, для меня это горькие минуты. В годы войны я видел, что коммунисты действительно были впереди, являли собой зажигающий пример, без колебаний шли на смерть. Это была партия, борющаяся за святое дело. И я вступил в ту партию. И не жалею об этом.

Вырастала надежда — и мы, фронтовики, лелеяли ее, — что руководство партии и страны, которому мы безгранично верили, по достоинству оценит великий подвиг народа, встанет на путь преобразований, чтобы обеспечить всем достойную жизнь.

Увы, этого не произошло. И только в 1956 году забрезжил свет, вскоре, однако, потухший. Наступило тяжкое и долгое безвременье, которое придвинуло страну к краю пропасти. Эпоха тотального страха породила своих законных наследников и правопреемников — массовую апатию, безверие, лицемерие, безответственность и ложь!

Сегодня во весь рост встал вопрос о судьбе, самой жизни страны. Перестройка дала нашему народу исторический шанс самому распоряжаться делами государства, вступить на дорогу цивилизованной жизни, достойного, а не униженного существования в условиях духовной, экономической и политической свободы.

Но трагедия возможна, ибо преобразования сегодня затронули интересы правящей элиты, трудный процесс движения вперед начал деформироваться. Если общество пошло по пути мирной революции, то партийно-государственный аппарат в немалой его части избирает путь реванша, путь конфронтации, путь раскола, путь реставрации.

Политический опыт, отсчет которому начал XX съезд, показал, что партии уже невозможно выбраться из тяжелого внутреннего кризиса: и духовного, и политического, и организационного. Но у народа, страны нет ни времени, ни возможностей смиренно ждать конца этого кризиса и того, какими окажутся его результаты.

Действовать необходимо сегодня, действовать надо было еще вчера и позавчера.

Нужно движение конструктивной оппозиции. Такое, которое концентрировалось бы не на идеологических баталиях, политиканствующем самоутверждении и борьбе чьих-то ам-

биций. Но отстаивало бы здравый смысл, разумный прагматизм, добивалось бы принятия решений и законов, способных внести хоть грань улучшения в жизнь людей, всей страны — сегодня и на перспективу.

И при этом не было бы повязано мертвящей силой окостеневших структур и традиций, догматизма, привычки к исключительности и безопасности своего положения.

Надеюсь и верю, что им сможет стать Движение Демократических Реформ.

Этому я и хочу посвятить свою дальнейшую деятельность. Уверен, убежден: сделать это надо было бы намного раньше. Хочу верить, что не поздно и сегодня.

Полагаю, что, действуя подобным образом, я продолжаю дело всей своей жизни — работу во имя того, чтобы крепла и процветала наша Родина, чтобы счастливо и свободно жил человек.

ОНИ ХОТЯТ ВЕРНУТЬ НАС НА ПОЛВЕКА НАЗАД

— *Что вы можете сказать по поводу вчерашнего предложения Бюро президиума ЦКК КПСС исключить вас из партии?*

— Я сам хотел написать заявление. Хорошо, что они меня опередили.

— *Почему хорошо?*

— Это показывает уровень их морали, нравственности. И, если хотите, страха и безысходности. Интересно, какую статью устава они мне подберут, как будут аргументировать мое исключение? Никаких проступков я не совершал. Если бы что было, они давно бы меня исключили. Они очень искали компрометирующие поступки, это я знаю. Но никак не могли найти. Теперь вот придумали — за раскол...

— *Вы были одним из инициаторов перестройки. В том, что КПСС сейчас от вас избавляется, просматривается определенная символика: этой партии перестройка больше не нужна, она ей поперек горла. Как вы считаете, эту символику прочерчивают сознательно или ваши исключатели об этом не думают?*

— Конечно, это делается сознательно. Я думаю, что сознательно. Другое дело, что такой шаг продиктован, безусловно, недомыслием. Конечно, если бы политика строилась умнее, так бы не поступили. Тут, видимо, и страх перед своим будущим, и, повторяю, ощущение безысходности...

Но в принципе, конечно, они против перестройки. Аппарат-то всегда был против, не принимал ее. Это неприятие было лишь разной силы. Скажем, до январского пленума 1987 года — пока не затрагивались его интересы — он хоть и неохотно, недовольно бурча, но голосовал за... А когда его интересы были непосредственно затронуты, тут вступил в действие закон креслологии — абы только удержаться. Аппарат вступил в открытую борьбу, в первую очередь против тех, кто действительно начинал перестройку

Беседа состоялась 16 августа 1991 г. Должна была быть опубликована в «Литературной газете» 21 августа. Однако в числе других демократических изданий хунта запретила «Литературную газету». Беседа опубликована 28 августа 1991 г.

и отстаивал ее. Не партия же начала перестройку. Это все так, расхожая фраза, для красного словца.

Один мой хороший товарищ как-то рассказал мне весьма характерную историю. Перед XXVIII съездом партии в одной из гостиниц, где жили делегаты, собралась небольшая группа — человек пятнадцать влиятельных секретарей обкомов и крайкомов — и под выпивку...

— ...«на партийной основе»...

— ...да, «на партийной основе» говорили о том, что главное для них — отделить Яковлева и Шеварднадзе от Горбачева, а уж с самим Горбачевым они как-нибудь справятся.

— *То есть сейчас они полдела уже сделали.*

— Сделали, хотя и с некоторым опозданием.

— *Могли они не согласовывать вопрос о вашем исключении с Горбачевым?*

— Вот это для меня тоже вопрос. Очень большой вопрос. И если хотите — самый главный вопрос. С одной стороны, трудно вроде бы поверить, что они не согласовали его: я как будто человек не такой уж незаметный... А с другой — кто их знает... Если же он об этом знал и это сделано с его благословения — это будет величайшим разочарованием в моей жизни. Однако у меня теплится все же надежда, что это сделали за его спиной (возвратясь из Крыма, Горбачев подтвердил это. — *Ред.*). Это публика безнравственная, безответственная, малообразованная... Они же ставили вопрос и о его собственном освобождении. Они какой уже пленум подряд травят его. Вот только на последнем пленуме испугались. Испугались не его, а того, что вдруг он в самом деле уйдет, и они останутся голыми.

— *На что они вообще надеются? Какая у них стратегическая задача?*

— Они, конечно, тешат себя, на мой взгляд, иллюзиями, но они готовят партию реванша. Надеются, что можно совершить партийный и государственный переворот. Такие мысли бывают только в горячечном, болезненном состоянии.

— *А вы считаете, что у них нет потенциала для такого переворота?*

— Потенциал-то есть, но ведь это надо с народом драться, прибегать к насилию, проливать кровь. И я убежден: это не закончится их победой. Вот этого-то они и боятся. Я думаю, они все-таки не уверены в своей победе. Хотя попытаться затеять какую-то драку могут. Используя какую-то провокацию, какое-то недовольство. Спекулируя на этом, разжигая эмоции. Ведь любая революция — скажем, в XX столетии — начиналась с пустых кастрюль.

— *Если сравнить нынешнюю ситуацию с тем, что было год назад, как вы считаете, опасность правого, фашистского переворота больше или меньше?*

— Вы знаете, внешне она вроде меньше. Потому что все-таки выборы в РСФСР, Москве, Ленинграде испугали определенную часть этих людей, которые надеялись на совершенно другие результаты. Я ведь знаю, что наверху внушалась мысль: ну что вы, Ельцин, конечно, не пройдет; Собчак, безусловно, не пройдет — ничего в Москве не изменилось... А все получилось наоборот. Это не могло не оказать своего влияния на последующий ход событий. Но сейчас вот какое-то непонятное затишье... Может быть, связанное с августовскими отпусками. Такие затишья меня настораживают. В целом же чем ближе к концу, тем раненый зверь становится опаснее.

— *Что вы можете сказать о положении в стране? Владеет ли Горбачев ситуацией? В частности, остаются ли управляемыми армия, МВД, КГБ? Последние события в Прибалтике, Закавказье заставляют усомниться в этом.*

— Вы знаете, я не располагаю ни малейшей информацией конкретно по этому вопросу, но у меня лично такое представление, что существует какая-то сила, которая вроде бы всем этим командует. Все говорят, что это случайно... ОМОН заявляет, что он в лес уйдет, если станут его прижимать. Партизанскую войну организует, будет воевать до конца... Это вроде бы говорит об их анархистской психологии, о неподчиненности кому бы то ни было, только самим себе. Но, с другой стороны, если это так, то любая государственная власть должна их немедленно взять под стражу. И на основании Уголовного кодекса отдать под суд. Но все почему-то смотрят на это спокойно. Вот это меня настораживает.

— *Неужели вы, будучи старшим советником президента, не говорили с ним об этом?*

— Ну почему же? Почему же не говорил? Почему такое предположение?

— *И каково его мнение?*

— Ну, помните, через десять дней после вильнюсских событий он сказал, что он к этому не имел ни малейшего отношения. Но ведь это же была трагедия. Я в этот же день заявил, что это трагедия не только для Литвы, но и для всего нашего народа.

— *Литовцы заявляют, что у них есть данные о том, что это готовилось несколько месяцев, готовилось очень тщательно. Руководили подготовкой генералы Ачалов, Варенников, Овчаров, Демидов. Как же это может быть неожиданно для президента?*

— Да, литовцы действительно об этом говорят...

— *А не кажется вам, что существует заговор против Горбачева? Один из элементов этого заговора — убийство на литовской таможне, приуроченное к встрече Горбачева и Буша. Более того — к их совместной пресс-конференции. Ведь*

после этого зверства оба чувствовали себя крайне неловко, когда им задали вопрос об этом убийстве, беспомощно мямлили что-то...

— Никакими фактами на этот счет я, конечно, не располагаю, но у меня ощущение такое, что существует мощная группировка — организованная или не организованная, я не знаю, — которая ставит своей задачей свержение президента. Да они особенно этого и не скрывают.

— *Недавно «Советская Россия» напечатала очередное кликушеское «Слово к народу». Там ведь, по существу, содержится призыв к свержению Горбачева...*

— Да, конечно...

— *Это «Слово», безусловно, состряпано известными фашиствующими литераторами, литераторами-подстрекателями Прохановым и Бондаревым. Но, помимо их подписей, помимо подписи еще одного литератора — Распутина, помимо подписи певицы Зыкиной и «главного колхозника» Советского Союза Стародубцева, там стоят подписи людей «при должности» — заместителя министра обороны СССР, главнокомандующего сухопутными войсками генерала армии Варенникова и первого заместителя министра внутренних дел генерал-полковника Громова. Поскольку «Слово» призывает к бунту, к неповиновению властям, эти генералы должны бы немедленно уйти в отставку. Либо их должен был отправить в отставку президент. Между тем они остаются на своих постах...*

— В любом демократическом государстве это действительно так и происходит. Но у нас еще настоящая демократия не наступила. Ее еще нет. Конечно, в демократическом государстве надо сначала писать заявление об отставке, а потом уже подписывать подобные «слова».

— *Все-таки как это так: люди, ответственные за оборону и за внутренние дела, призывают к свержению законной власти?*

— Наверное, они думают, что власть уже в их руках. У меня такое ощущение. Я тут полностью солидаризируюсь с мужественным и блестящим ответом Астафьева. В очередной раз он показал свою нравственную цельность. Я бы перепечатал это заявление во всей демократической прессе. Удивляюсь, что этого не сделано.

— *Вы довольно долго были в составе политического руководства страны. Не было ли у вас ощущения, что нередко по так называемым спецканалам «наверх» дается ложная, поджигательская информация?*

— Иногда информация в самом деле дается в высшей степени ложная. Возьмите, скажем, то московское противостояние 28 марта. Ведь, господа, была такая информация, что где-то готовятся веревки с крюками — забрасывать на Кремлевскую стену. Глупость была очевидная. Я тогда говорил: пусть нам покажут хоть один такой крюк... Ведь их

нужны тысячи. Да и веревок в стране нет. Тем не менее были приняты, как вы знаете, чрезвычайные меры. И что в итоге? Никто никуда не лез, никто ничего не захватывал. Была мирная демонстрация. Но чего я больше всего боялся: что если какой-то провокатор взял бы и выстрелил и убил бы кого-нибудь? Как бы хоронить стали? Ведь хоронить бы пришли восемь миллионов Москвы! И что бы потом осталось от того, кто принимает такие идиотские решения! Это трудно даже предположить. Хорошо, что мирно разошлись. Слава тебе, господи! Я тогда очень боялся. Кровапролития и начала чего-то такого... Вот когда могло быть начало гражданской войны! Вот. Таких ситуаций я очень боюсь. Очень боюсь. Об этом я говорил тогда и демократически настроенным людям, и руководителям...

— *Мне кажется, в скором времени Горбачев оставит пост Генерального секретаря ЦК КПСС. К этому дело идет. По мере того как все более или менее порядочные люди покидают партию, она становится все более реакционной. Таким же должен быть и Генсек. Но президент страны, такой, как наша, в ее нынешнем положении, не может быть реакционером. Горбачев попробовал встать на этот путь, прошел по нему некоторое расстояние — от прошлой осени до нынешней весны. Не получилось. И не могло получиться. Две льдины, на которых стоит Горбачев, разъезжаются в разные стороны. С одной надо соскакивать.*

— Я думаю, они с ним расправятся на съезде. Причем больно расправятся, безжалостно. Если он не упредит их.

— *С точки зрения сохранения престижа, наверное, ему лучше самому подать заявление об отставке — не так, наполовину понарошке, как на апрельском пленуме, а всерьез?*

— Я-то вообще не понимаю, почему он терпит бесконечные оскорбления, атаки, травлю. Ведь все дело в том, что не они ему нужны, а он им нужен.

— *Но разве они совсем ему не нужны? Ведь у них все еще власть, особенно в провинции.*

— Да нет, какая там власть! Если бы он не был руководителем, никакой власти у них не было бы. В том-то все и дело. Они же спекулируют на этом: президентом страны является Генеральный секретарь аппарата.

— *Итак, вы считаете, что Горбачев давно должен был уйти с поста Генсека?*

— Я считаю, что да. Прекрасный момент для ухода был на XXVIII съезде. Уже тогда можно было предвидеть пленум, подобный апрельскому пленуму этого года. Если бы не его вторая речь — очень сильная, импровизированная, — неизвестно, как все повернулось бы. Тогда, помните, начали ставить отметки всем членам Политбюро. Я сказал, что уйду со съезда, потому что это, в общем-то, расправа — расправа за перестройку, за уход от сталинизма... Мне все это известно. Так же все начиналось на апрельском пленуме 1929 года,

когда на поверхность всплыла новая когорта политических деятелей, впоследствии сгруппировавшаяся вокруг Сталина.

— *Если Горбачев уйдет с поста Генсека, на какую политическую силу он ополчится? Может он опереться на ваше Движение демократических реформ?*

— Это уже будет зависеть от него. Мы никого не отталкиваем.

— *Вы окончательно покинули его команду или считаете, что можете еще с ним встретиться на каких-то путях?*

— Многое зависит от него. Если линия сближения с демократами, которую он сейчас выбрал, продолжится, я не вижу никаких препятствий для совместного продолжения того дела, в которое я действительно искренне верю. В конце концов должны же мы вытащить страну на рельсы демократического развития! В конце концов имеет же наш народ на это право!

— *Как вы оцениваете рокировку в руководстве компартии России? Изменится ли что-нибудь после замены Полозкова на Купцова?*

— Я всегда очень скептически относился к такой форме организации российской компартии. Уж если бы ее формировать, так законным путем, начиная с выборов в первичных организациях. А то образовали этакий аппендикс «большого» съезда. Я просидел на этом российском съезде полдня, а потом просто ушел. Слушать это все мне было — как бы лучше сказать — неудобно. Неудобно за партию, за коммунистов, которые дружно выступали за исключение пяти — шести человек, дружно выступали против перестройки, занимались демагогией. В общем-то, я их понимаю: кроме как руководить, ни за что не отвечая, они ничего не умеют делать. В этом их трагедия, беда. Но надо найти в себе мужество уйти. И заняться тем делом, на которое они способны (может, все-же отыщется такое). Но, знаете, тут уже вопрос встает такой: зарплата будет ниже, привилегий не будет, власти не будет... Это страшное дело — власть. Это раковая опухоль, метастазы.

Что касается первого секретаря — у него же окружение такое, что едва ли ему удастся это окружение сдвинуть.

— *Однако тот факт, что они все же проголосовали за Купцова — человека, видимо, более умеренного, чем Полозков, — по-видимому, что-то означает?*

— Они проголосовали не за Купцова, а **против** Полозкова. И не потому, что они не любят его — они полностью на его стороне. Просто они увидели, что партийная масса больше не может согласиться с пребыванием Полозкова на его посту. И сняли его. Это обычный цинизм. Наверное, Купцов более умеренный человек, но справиться с этой группировкой, сталинистской группировкой вряд ли ему под силу.

— *Полозков освобожден с традиционной лживой формулировкой — «в связи с переходом на другую работу». Словно*

бы снимают человека не по причине всеобщего дружного отторжения даже со стороны собственных друзей-«ястребов», а потому, видите ли, что наше несчастное, разваленное и разворованное сельское хозяйство, только что освободившееся от одного Кузьмича, никак не может обойтись без другого. Известен ли вам такой выдающийся специалист в области сельского хозяйства по фамилии Полозков? Как вы считаете, почему именно эту отрасль используют как сточную канаву для сброса бездарных партчиновников?

— Я этого не понимаю. Абсолютно не понимаю. И это тоже усиливает мои подозрения, что создается какая-то группировка реванпа. Чем он будет заниматься на посту первого заместителя министра? Развитием фермерского хозяйства? Земельной реформой? Не понимаю.

— Как вы считаете, есть ли среди людей, занимающих ключевые посты в союзном руководстве — я имею в виду президента, вице-президента, Председателя Верховного Совета, премьер-министра, министров, — искренние сторонники реформ?

— Я в их душах не копался, но думаю, что президент — он действительно сторонник реформ. Пара его помощников — действительно сторонники реформ. Член Совета безопасности Бакатин — действительно сторонник реформ... Но я бы так сказал: список очень коротенький.

— Вы являетесь излюбленным объектом травли для правых. Причем под вашим именем травят не только вас — до недавнего времени трусливо травили и Горбачева (называли ваше имя, а имели в виду его). Сейчас, когда дозволено критиковать его в открытую, вы получаете главным образом лишь свою долю нападок...

— ...Их, однако, не стало меньше...

— К какому из правых течений, которые участвуют в этой травле, вы испытываете наибольшее отвращение — неолевыхикам, инициативникам, полозковцам, «союзникам», национал-патриотам, оэфтэшиникам?.. Какое представляется вам объективно наиболее опасным?

— Отношение к ним у меня одинаковое. Я не делю их по степени моего презрения. Презрение вызывает не столько то, что они пишут, сколько то, что они делают. А делают они страшное дело для нашего народа. Страшное. Во-первых, само по себе стремление вернуть народ назад, опять его бросить в эту черноту, грязь, нищету — это позорно. Самая главная опасность — смыкание всех этих сил вокруг неосталинизма. Ведь и «Слово к народу» — это тоска по сталинизму... И «Единство», и инициативники, и правое крыло в КПСС, и Жириновский... Это все тоска по военно-бюрократической диктатуре. Все они заражены вирусом большевизма. Все их поры этим поражены. Вся психология. Ведь сталинизм — это же детище большевизма. Это логическое продолжение большевизма, его часть. А большевизм в

качестве своих истоков имеет определенные положения марксизма: диктатура пролетариата, классовая борьба, революционное насилие, насилие как повивальная бабка, презрение к гражданскому обществу, презрение к среднему слою — ремесленничеству, крестьянству... Отсюда и пошла вся наша нетерпимость, бесконечная борьба, уничтожение друг друга...

— *Во всем мире правая, консервативная, политическая ориентация вовсе не предполагает какой-то аморальности, нравственной и интеллектуальной ущербности. Среди правых вовсе не меньше порядочных, умных, интеллигентных людей, чем среди иных политических направлений. Возьмите тех же тори. У нас же правые, как правило, — это подонки и дураки. Как полагаете, в чем здесь дело?*

— Правые у них и правые у нас — это совершенно разные понятия. Нередко с правыми на Западе даже интереснее разговаривать, иметь дело. Это люди интеллигентные, как правило, образованные. Их консерватизм — в отношении семьи, элементарных моральных устоев, христианских ценностей... Не торопиться в действиях, не подталкивать события, исходить из здравого смысла... Однако ни один консерватор в Америке или в Англии не скажет: да слушайте, надо вернуть эту страну назад на пятьдесят лет! Все они считают, что надо продвигаться вперед, но при этом прочно стоят на позициях ненасилия и конституционности. А наши правые зовут нас назад.

— *Наверное, разница не только в этом. Для наших правых все средства хороши: ложь, обман, фальсификация, клевета.*

— Да, любые средства, что хотите. Как это можно, скажем, взять цитату, приписать ее совсем другому человеку?.. Я на себе это испытал: берут цитату из совершенно другого Яковлева и начинают долбать. Ну какая тут мораль! Какая тут нравственность! Или просто лгут. Откровенно. Причем ведь это все делается с надеждой на безнаказанность. Случись такое в любом демократическом обществе, пришлось бы выкладывать пять миллионов, десять миллионов штрафа. У нас же этого нет. А должно быть. Я вот думаю, что мы возбудим судебное дело против Проханова, который заявил в «Независимой газете», что наше Движение демократических реформ субсидируется иностранным капиталом...

— *Как говорил Булгаков, поздравляю вас, гражданин, сограмиш! Стоит ли связываться с этими обезумевшими шавками?*

— Слушайте, ну нельзя же все время спускать!

— *А вы по-человечески испытываете какую-то боль, какие-то страдания, когда вас вот так по-хамски, по-подлому шпыняют? Вы чувствительный человек?*

— Да, к сожалению, иногда я удар не держу. Тем не менее не срываюсь. Возможно, вы заметили, что за все эти

шесть лет, несмотря на все нападки, я упомянул только одно имя — Макашова. Один раз. Он задел мое самое святое. Я ведь инвалид войны с девятнадцати лет, и он еще смеет ковырять чужие раны! Это показалось мне настолько кощунственным! Мне захотелось обратить внимание обществу на то, что вот такого рода генералы пойдут на все — на расстрелы, на убийства, на подавление. Им любое тамбовское, кронштадтское, ярославское восстание — радость. Для того чтобы все задавить и потопить в крови. Вот это был единственный раз, когда я ответил на клевету. А так я не отвечаю. Не знаю, может быть, я неправильно делаю. Меня мои товарищи упрекают, что я не отвечаю: дескать, что ты из себя барышню изображаешь. Но настолько все это мерзко. Неохота связываться. Ощущение такое, что возмешься за перо, первое слово напишешь — и руки надо бежать мыть.

— *Все же вы должны быть благодарны правым: именно благодаря им мир впервые узнал, что вы были одним из инициаторов перестройки, благодаря их яростным наскокам на вас.*

— А что без них бы уж и не узнал?

— *Делали ли вы в своей жизни ошибки, в которых хотелось бы покаяться?*

— Таких, чтобы надо было покаяться, — нет. Я надеюсь, вы не имеете в виду случаи, когда в детстве с мальчишками дрались, друг другу носы разбивали. Наверное, не об этом речь... Видимо, можно было бы покаяться вот в чем — но это, наверное, не мне одному, — все-таки все мы были трусами! Трусами. Если бы у нас хватало мужества вовремя говорить и действовать... Понятно, что раньше за это расстреливали. Потом была создана система морального расстрела. При Андропове. Сейчас продолжается система моральной травли. Но сейчас все-таки говорим открыто. Да и то, вы знаете, я очень боюсь, что цыкни сейчас понастоящему да поставь солдата у дверей — и очень многие опять прижмут хвосты.

«Я ПОСТУПИЛ ПО СОВЕСТИ»

— *В эти дни, Александр Николаевич, в лицо страны, в лицо нашего народа реально дохнуло сталинизмом-фашизмом: группой путчистов-коммунистов был осуществлен насильственный государственный переворот. Демократические силы, даже практически безоружные, сумели дать изменникам народа достойный отпор. Но где же была в эти дни КПСС, которая раньше трубила о верности демократическим преобразованиям? Ведь отмалчиваясь в такой критический для Родины период, она, по существу, оказалась изменницей кровных интересов народа.*

— Не могу и я не спрашивать себя: а где сегодня та партия, которая по каждому поводу всенародно клялась, что она, и только она, — защитница интересов народа? В стране был осуществлен насильственный переворот — партия молчала. Отстранен от власти законный Президент и Генеральный секретарь этой партии. Но руководство КПСС молчало. Народу откровенно врили по радио и телевидению — партия молчала. Самое страшное: пролилась кровь невинных людей, душой поверивших в наступление времени Закона, Демократии и Свободы. КПСС снова молчала.

Среди защитников демократии на площади у российского парламента и во многих других местах было немало коммунистов. Но их взгляды — ничто для официальных структур КПСС. Организация и ход переворота доказывают: за ним стоял не только военно-промышленный комплекс и государственно-бюрократические кланы старого Союза. За ним — крайняя реакция в КПСС, все еще живущая в психическом поле перманентной войны против собственного народа, ненавидящая демократию. Потому для честных членов партии аморально состоять в организации, которая не выступила против государственного переворота. У рядовых членов КПСС, сохранивших верность человеческой нравственности, моральному долгу, верность идее правового и демократического государства свободных граждан и народов, нет иного выхода.

— *Откровенно сказать, Александр Николаевич, вы как-то*

Беседа была подготовлена за два дня до переворота 19 августа. Дополнительно включен лишь первый вопрос. Опубликовано в газете «Куранты» 24 августа 1991 г.

неожиданно всплыли на посту председателя Городского собрания Москвы. Просто надо как-то зарабатывать на жизнь или тут какие-то другие мотивы?

— Нет, зарабатывать на жизнь мне не надо. У меня есть достаточно возможностей для этого. Дело в другом. Меня всегда интересовала идея попробовать в нашей стране, я подчеркиваю, в нашей, с ее историческими традициями, всякого рода наслоениями, попытками прорваться в демократический цивилизованный мир, создать какой-то институт или собрание, думу из людей разных взглядов, разного положения, даже разных социальных, религиозных ориентиров. И попробовать пощупать саму возможность согласия.

Ну представьте себе на минутку, что там будут представители всех партий, организованных групп всех национальностей, проживающих в Москве, всех религиозных направлений, наиболее авторитетные представители культуры и науки, общественных организаций, профсоюзов. Ведь только сообща, коллективно можно найти верные ответы на сложные вопросы нашей совместной жизни. Собрание не будет выносить постановлений, оно не имеет никаких распорядительных функций. Это как бы объединенный канал выражения общественного мнения. Но в то же время по своему составу это такой институт, не считаться с мнением которого распорядительные, да в известной мере и законодательные, органы просто не смогут, ибо они себя поставят в двусмысленное положение.

Конечно, в нашем собрании и споры могут быть, но не такие, чтоб уж из-за каждого словечка. Не проходит вопрос, нет согласия — отложим на завтра. Пусть решают мэрия, или Совет народных депутатов, или кому это положено. Повторяю: моя идея — попробовать создать реальный институт согласия. Может, это пошло бы и по другим городам. А власть или ее уровень, престижная сторона меня никогда в жизни не интересовали.

— *Судя по вашим заместителям — народному депутату СССР А. Мурашеву и одному из секретарей МГК КПСС — работать будет непросто. Как говорится, коса на камень...*

— Все мы поступаем учиться в институт согласия. Пока что в сфере чистого сознания. Потом жизнь покажет сама, что станется.

— *Каким образом будет функционировать это собрание, смогут ли рядовые москвичи принимать в нем участие? Когда соберется первый раз?*

— Я не знаю, когда состоится первое, потому что предстоит еще оформиться. А это длительный процесс. Надо провести переговоры и с партиями, и с организациями. Ведь они в конце концов должны делегировать сюда своих людей. По-моему, надо все-таки создать сбалансированный орган, чтобы никого не обидеть. А собираться, я думаю, мы будем раз в месяц, а если понадобится, то и чаще. Обсуждать

намерены те проблемы, которые действительно актуальны для жизни Москвы. Повторяю: не вмешиваясь в функции мэрии, законодательных органов. Тут в широком плане — изучение общественного мнения, которое включает в себя и партии, и движения. Кроме тех, которые, скажем, проповедают насилие, экстремизм.

— *Александр Николаевич, помимо Городского собрания будет еще и Городская дума. В чем их отличие и не разведем ли мы общемосковскую говорильню?*

— О думе я пока ничего не знаю.

— *Как бывший партийный государственный деятель что вы думаете о происходящей в Москве реорганизации власти? Многие депутаты Моссовета считают это возвращением к чисто командно-административной системе и чуть ли не удушением демократии.*

— Давно, в общем-то с самого зарождения новых властей, меня всегда беспокоило то, что мы бросились в какую-то односторонность, поддавшись обаянию, что ли, демократического лозунга «Вся власть Советам!», недостаточно вникнув в существо дела. Ведь это лозунг. Каким Советам? А мировое развитие накопило достаточный опыт относительно того, что законодательная и исполнительная власть не может быть сосредоточена в одних руках. Раньше у нас вся власть была у партии, сегодня будет у Советов. Я имею в виду командную власть. Ну и что изменится, если некому будет исполнять? И потом, знаете, когда законодательная власть берет на себя хозяйственно-распорядительные функции, то кроме конфуза ничего не может получиться.

— *На Городское собрание, насколько мне известно, возложено осуществление в Москве указа Б. Ельцина о департизации...*

— Это не имеет отношения к Городскому собранию, это возложено на комиссию, которую возглавляет Мурашев. Вообще всеми организационными, практическими вопросами собрания будет заниматься, конечно, Мурашев. Я буду отдавать большую часть времени организации демократического движения.

— *А как вы все же относитесь к указу о департизации?*

— Я поддерживаю этот указ. Тем более что в условиях многопартийности все партии должны иметь одинаковые условия работы. Ведь указ не запрещает партии. Каждая должна искать формы и методы работы в массах. Но только не на производстве. Человек у станка, а секретарь парткома должен идти к нему и проводить политическую работу, что ли? Завод есть завод, работа есть работа. Другое дело, на мой взгляд, профсоюзы. Они тут должны быть, чтобы защитить рабочих от произвола администрации, позаботиться об охране их труда и здоровья.

— *Какой вы видите КПСС в ближайшем будущем?*

— Откровенно сказать, я просто нахожусь в растерянном

сти. Меня все-таки многие годы не покидала надежда, что КПСС найдет в себе силы и встанет на путь преобразований и станет партией демократических реформ. Реальных. Генеральный секретарь в своих выступлениях неоднократно к этому призывал, но дело кончилось тем, что на одном из последних пленумов консерваторы поставили вопрос о его освобождении. Поэтому явное неприятие с их стороны перестройки и демократических преобразований — уже очевидно, очень очевидно.

Большая беда — продолжающийся разрыв между словами и делами. На словах консерваторы твердят о демократии, перестройке, преобразованиях, консолидации. А я ведь прекрасно знаю, о чем думают про себя. О консолидации на их условиях, о демократии без демократов и остальное — в том же духе.

— *Недавно, как бомба взорвалась: Александр Яковлев отрекся от марксизма...*

— Я сказал, что я разочаровался в марксизме как в руководстве к действию. Читающая публика должна увидеть разницу. Марксизм как одно из направлений общественной мысли прошлого века имеет полное право на существование. Более того, это одна из талантливых интерпретаций, один из талантливых анализов происходящих процессов того периода, то есть периода первоначального накопления капитала. Но как только марксизм был превращен в идеологию, да еще в партийную, да еще перенесен в условия двадцатого века, он фактически потерял свою научную ценность как руководство к действию, превратился в догматическое учение. Маркс был бы, мягко говоря, крайне удивлен, что его труд стопятидесятилетней давности стал вдруг руководством для строительства социализма в двадцатом веке.

— *А как вы относитесь к ленинизму?*

— Я думаю, что Ленин, в общем-то, был достаточно верен учению Маркса и, к сожалению, перенес на нашу российскую почву идеи революционного насилия, терроризма, пренебрежения к гражданскому обществу, среднему классу.

— *То есть в этом плане насаждение марксизма все-таки начал Ленин?*

— Да, на практике с большевизма. Марксизм был им переведен на язык большевизма. Если бы он, скажем, был проработан в плехановском духе, то я думаю, что какие-то положения о развитии общества могли бы быть в научном плане использованы.

Но Ленин, если все-таки внимательно посмотреть, уже с опозданием, когда был больной, впал в глубокое сомнение по поводу верности большевистских действий. Это ведь он сказал, что необходимо пересмотреть всю точку зрения на социализм. Он же поставил вопрос о новой экономической политике, кооперации, необходимости концессии, привлечении иностранного капитала.

— Александр Николаевич, кое-кто называет тех, кто вышел из партии, пересмотрел свое отношение к марксизму, к ленинизму, перевертышами, перерожденцами. На мой взгляд, наоборот, именно люди думающие, подходящие к оценке жизненных процессов честно и диалектически, могут ступить на твердую верную дорогу. Конечно, после болезненных сомнений и метаний.

— А потом, знаете, что такое человек, не меняющий взглядов? Это человек, который не замечает движения жизни. Ведь человеческие взгляды — это отражение объективных процессов нашего бытия. А кое-кто почему-то решил, что жизнь — сама по себе, а взгляды — сами по себе. Такого не может быть.

— Вы были долгое время близки Горбачеву и, конечно же, знаете то, что другим недоступно. Как полагаете, он искренне верит в марксизм-ленинизм, в КПСС, в коммунистическую перспективу?

— Мне бы очень не хотелось вообще говорить о Горбачеве. Я вам скажу почему. Я был слишком близок, и сейчас у нас хорошие отношения. Это не мешает нам обсуждать те или иные вопросы с разных позиций. Ну а то, что мнение о нем у многих изменилось... Думаю, что ни один человек не может во время крутых перемен держаться на одном и том же пьедестале, на одном уровне.

— Как вы в принципе относитесь к современному демократическому движению, в чем уже проявились его сильные и слабые стороны, способно ли оно консолидировать народ и вывести его из беды?

— Что касается нашего движения. Мы только еще начинаем, у нас, так сказать, эмбриональный период. Мое отношение к демократическому движению однозначно: не будь его, мы бы еще долго-долго были в состоянии летаргического сна, жалкого существования и в изоляции от общества. На что способно демдвижение? Во-первых, оно может представить серьезную угрозу для правых сил, помешать им все повернуть вспять, что наглядно и проявилось во время недавнего путча. Во-вторых, мы своей задачей ставим все-таки какое-то объединение, консолидацию на основе продвижения вперед. Удастся ли нам объединиться организационно? Я думаю, нет. Да и такой задачи не надо ставить. Если какая-то партия хочет действовать самостоятельно, пусть себе действует на здоровье. Только бы в демократическом духе. Вообще демократическое движение сыграло большую роль в выборах, в предостережении правым силам. Сейчас мы пережили митинговый период, начинается пора освоения демократических форм практической работы.

Слышу иногда: создали партию, назвали, расшумелись, а в партии-то всего 15—20 членов. Передавали по ленинградскому телевидению такой смешной случай, когда группа

ребят объявила себя партией борьбы за высокое качество пива. Я думаю, что это пройдет, это все детские болезни.

— *Есть ли под вашей будущей партией какая-то теоретическая база?*

— Ну а какая теоретическая база у республиканской, демократической партий США? Никакой. Только прагматизм.

— *Там партии парламентского типа...*

— Я думаю, что и мы придем к партии такого же типа. Мы не ставим задачу создания массовой партии, ее постоянного влияния. Для нас главное — иметь ясную программу и добиваться ее реализации через парламенты всех уровней.

— *Немножко каверзный вопрос. Вы все-таки долгое время стояли у руля правления страной. Она зашла в тупик. Так, по-человечески, не мучит ли совесть за вольное или невольное соучастие в содеянном партией и правительством?*

— Ну уж не так и долго я был там, наверху... Когда началась перестройка в 85-м году, даже мыслить невозможно было, чтобы что-то делалось без благословения партии. Было огромное влияние партии на общество, она была встроена в государственную структуру. В самом начале перестройки, несмотря на то что ее идеи были очень демократичными, продолжались приниматься совместные решения ЦК и Совета Министров. Партия начала отставать в своем демократическом развитии. Оставаться в этих структурах, если вы, скажем, видите, что не можете повлиять на ход событий? Продолжать изображать из себя правящую фигуру и жить дальше? Я, например, считаю, что надо поступать нравственно, то есть по совести. Уйдя из тех структур, я так и поступил.

— *Вы были советником Горбачева и сами оставили этот пост?*

— Причина одна. У меня острое ощущение, что с осени прошлого года реакционные консервативные силы стали консолидироваться. И, откровенно говоря, у них уже у всех появилась очень широкая улыбка на лице. Я это в образном плане говорю. Улыбка от предвкушения возможной победы. Я считал, что это будет предательством, преступлением перед страной, народом и перестройкой. Это раз. Во-вторых, я полагаю, что у нас есть все возможности быстрее двигаться по пути реформ. Поэтому я оставил пост советника и занялся организацией демократического движения.

— *Не собираетесь ли как-то проанализировать, обобщить свой жизненный путь, оставить, так сказать, в назидание потомкам какой-то опыт?*

— Я написал книжку, которую скоро опубликуют.

— *О чем книга?*

— Рассуждения о марксизме, социализме, перестройке. Заголовка пока нет.

— *Какова ваша сегодняшняя человеческая, житейская*

философия? Верите ли, что окончательного краха не будет, что идущее на смену нам поколение выживет и не проклянет нас?

— Нет, я убежден, что рано или поздно, если даже будут зигзаги, мы все-таки пойдем вперед. Альтернативы у нашей страны, у нашего народа нет. Слишком долго народ держали в кабале, в крепостничестве.

— *То есть раскрепощение общества, демократизация все-таки дадут плоды?*

— Бесспорно. Да, нам не хватает культуры, да, уровень жизни очень низкий. Да, нищета, много еще дури и глупости. Ненависть, нетерпимость даже среди интеллигенции. Все это есть. Но все это преодолимо. Главное — сохранить житейскую мудрость и найти согласие.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА МИТИНГЕ ПРОТЕСТА ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

Дорогие товарищи!

Сегодня очень трудно говорить. Самое страшное, что могло произойти, случилось. Контрреволюция, о которой все время думали правящие большевики, свершилась.

Не было более трагических дней в нашей истории, чем нынешние.

Цель переворота предельно ясна: вернуть нас в туннель смерти сталинизма, надеть ярмо несвободы. Иллюзий быть не должно. Верно, что жить сегодня плохо. Но верно и то, что будет хуже.

Сегодня мы все должны сделать всё, чтобы избежать нового моря крови, чтобы сыновья не убивали своих матерей.

Демократия обязана показать свое единство, свою волю, свое умение, свою твердость не поддаваться на провокации.

От нас зависит наше будущее и детей наших.

От нас зависит, избавимся ли мы наконец от дворцовых интриг и переворотов.

От нас зависит, отторгнем ли мы волчьи законы существующих структур власти.

От нас зависит, обретет ли народ наконец власть, которой его сегодня лишили, и покончим ли мы со страхом, трусостью и приспособленчеством.

Сегодня нам надо спросить твердо: где Президент? Мы требуем: дать ему возможность выступ-

пить перед народом, и тогда все будет ясно, кто есть кто.

Я призываю повсеместно создать Комитеты защиты Конституции, объединив все силы, которым дороги честь и достоинство страны.

Позор случившегося неописуем, стыд беспределен.

За единство и честь, долой страх, товарищи!

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗМЫШЛЕНИЯМ	
Предваряющие заметки	5
Распрощаться с иллюзиями...	18
Из интервью Хедрику Смиту	27
Из интервью телекомпании Си-би-эс	37
2. ВМЕСТО АВТОБИОГРАФИИ	
«Все мы пленники своего времени»	47
3. ФИЛОСОФИЯ ОБНОВЛЕНИЯ.	
ЧТО НАМИ ДВИЖЕТ	
Социализм: от мечты к реальности	87
Судьба и совесть. Памяти А. Д. Сахарова	111
«Синдром врага»: анатомия социальной болезни	113
К демократическому согласию на демократической основе	126
К личной ответственности	130
Глобальная мораль и права субъекта в политике	132
Борьба существует ради мира, но не мир ради борьбы	143
4. СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫБОР	
Перестройка в зеркале практики	153
Время сжимается...	166
Найти силы и мужество на действительное обновление. Слово в канун XXVIII съезда	177
Монополия на истину смертоносна	187
Поход в мир свободы	193
Заявление на XXVIII съезде	206
Конверсия — творческий вызов науке и обществу	211
Ловушки для нашей демократии	216
Что дальше?	224
Прелюдия закончилась. Впереди год поворота	227
Считаться с реальностью	232
Не приносить человека в жертву амбициям государства	240

5. ПОЗНАТЬ ИСТОРИЮ ПРАВДОЙ	
Не более чем личная позиция	249
Акты справедливости и покаяния	260
О декабрьской трагедии 1934 года	262
Не преклони колена перед злом	276
Новая Германия и императивы Европы	286
Рождение новой социальности	295
Между «холодной войной» и XXI веком	305
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
Не сбиться с пути...	315
7. РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРШАЕТСЯ	
Нужен новый шаг	335
Об опасности реваншизма /Открытое письмо коммунистам/	341
Они хотят вернуть нас на полвека назад	347
«Я поступил по совести»	356
Выступление на митинге протеста против государственного переворота	363

Яковлев А. Н.
Я26 Муки прочтения бытия / Перестройка: надежды и
реальности. — М.: «Новости», 1991. — 368 с., ил.

ISBN-5-7020-0382-9

Книга известного политического деятеля, академика Александра Яковлева
включает его интервью, выступления, статьи с конца 1989 до середины 1991 года.
Часть материалов публикуется в СССР впервые
Книга рассчитана на широкий круг читателей

Я 452010000 Без объявл.
067 (02)-91

ББК 66.3 (2)3

Яковлев Александр Николаевич
МУКИ ПРОЧТЕНИЯ БЫТИЯ
Перестройка: надежды и реальности .

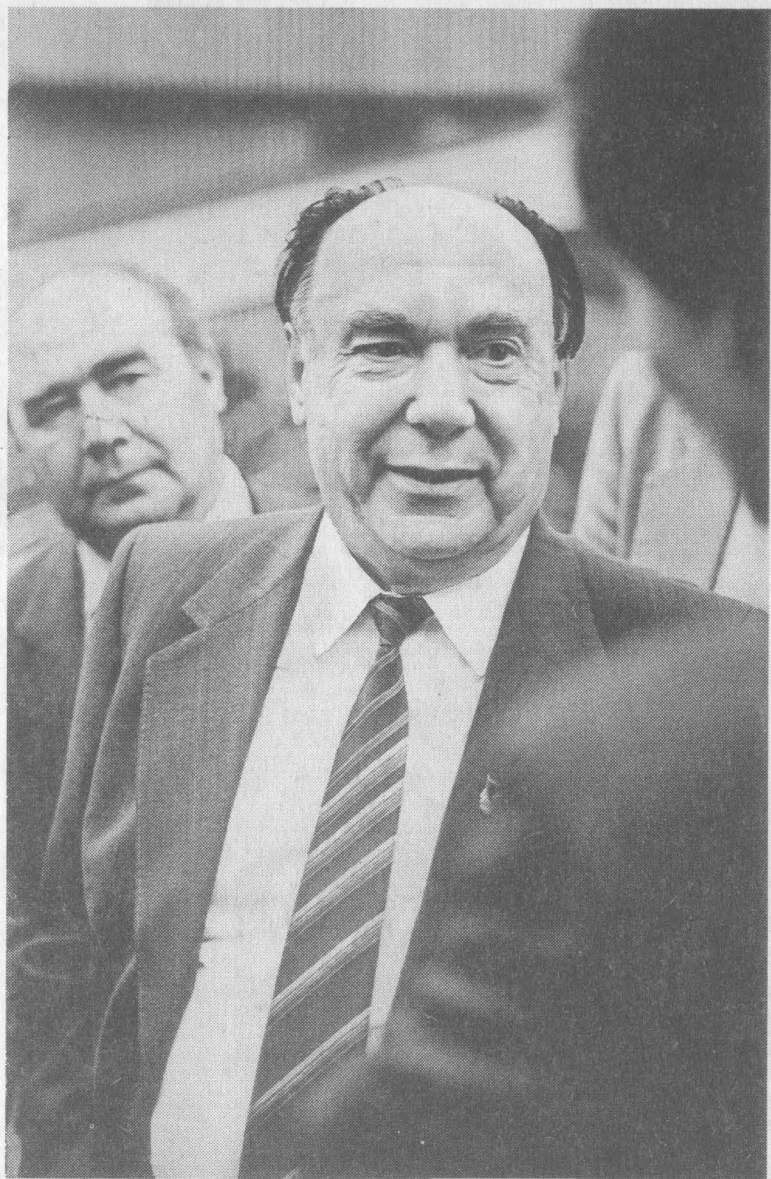
Зав. редакцией *К. Г. Ликатов*
Редактор *Е. И. Бонч-Бруевич*
Художники *В. В. Анохин, В. И. Артамонов*
Художественный редактор *А. И. Хисиминдинов*
Младшие редакторы *Е. В. Будаева, Н. В. Потатуйева*
Корректоры *Л. П. Агафонова, Л. В. Устинова*
Технолог *С. Г. Володина*
Технические редакторы *Е.А. Дронова, Л.А. Крюкова*

ИБ 10459

Сдано в набор 18.04.91 Подписано в печать 30.08.91.
Формат издания 84 × 108/32. Бумага офсетная 70 г/м².
Гарнитура Таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л.20,16. Уч.-изд. л.22,88 Тираж 50 000 экз.
Заказ № 217 Изд № 8831. Цена 2р. 60 к. в обложке, 2р. 90 к. в переплете.

Издательство «Новости»
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства «Новости»
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

С родителями — матерью Агафьей Михайловной и отцом
Николаем Алексеевичем.

С двоюродными
братьями —
Николаем и
Константином.

Январь 1942 г. Ленинградское стрелково-пулеметное училище.
А. Н. Яковлев — в первом ряду второй слева.

С женой Ниной Ивановной и старшей дочерью Наташей.

Поселок Красные Ткачи Ярославской области. У памятника погибшим воинам выпускники 1941 г. с классным руководителем.

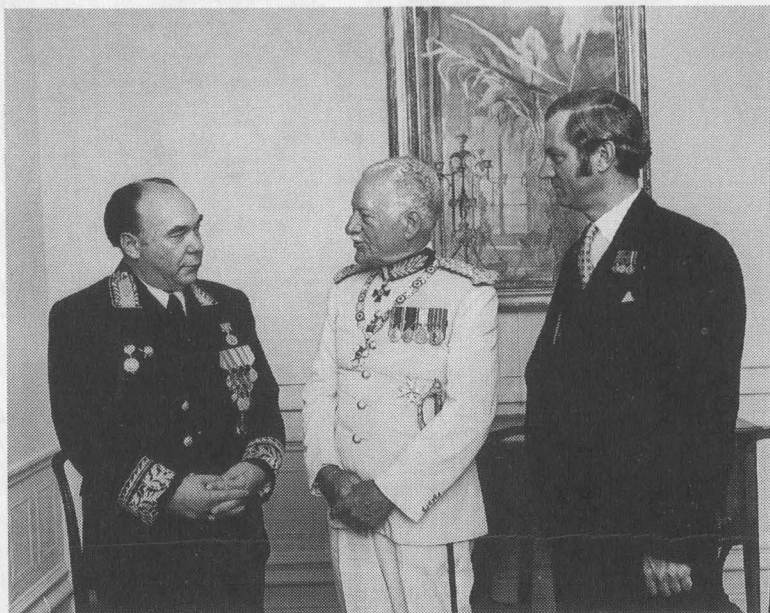
На книжной выставке-ярмарке.

Встреча с учениками Красноткацкой школы.

1970 г. Встреча с губернатором Калифорнии Рональдом Рейганом.

Канада. Вручение верительных грамот.

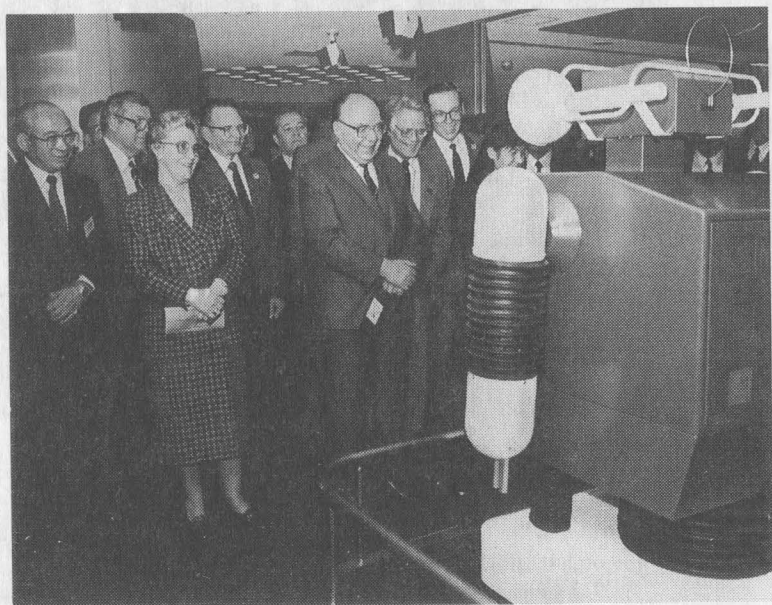
Канада. Премьер-министр Пьер Трюдо с детьми и А. Н. Яковлев с внучкой Наташей.

С женой Ниной Ивановной на официальном приеме.

Канада. Вручение диплома почетного гражданина города Виннипега.

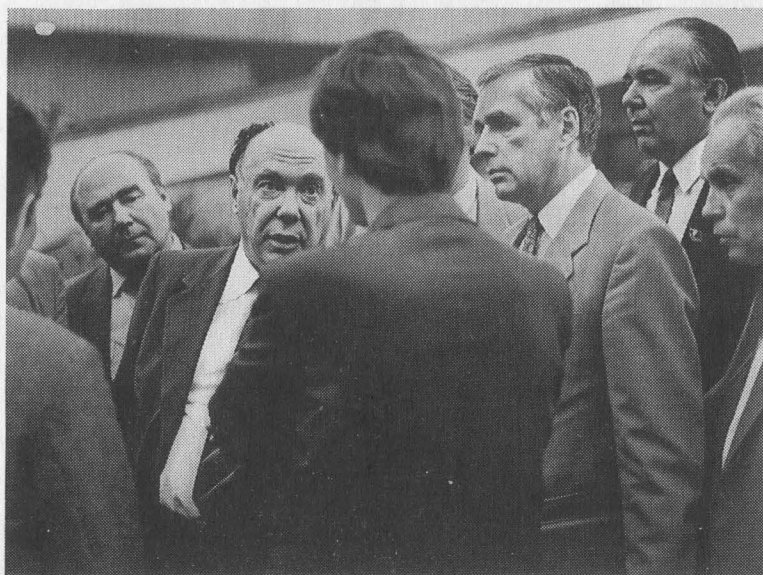
1989 г. Во время визита в Японию.

На конференции Фонда милосердия и здоровья.

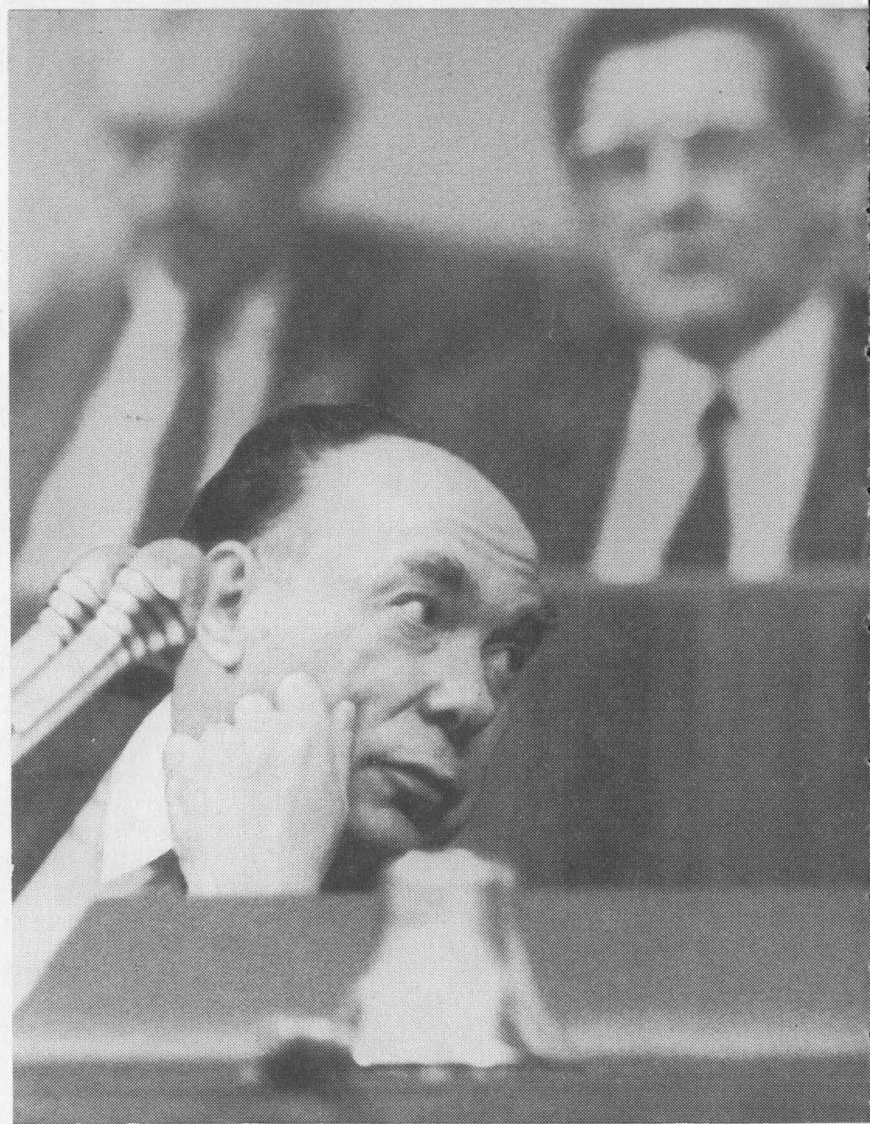
9 мая 1990 г. У Большого театра СССР.

На XXVIII съезде КПСС.

На XXVIII съезде КПСС.

С Ниной Ивановной.

Сима
83

С женой и внучкой Сашей.

«Многое сегодня зависит от меры мужества и меры совести, ну и от способности достойно пройти муки нового прочтения нашего бытия. А в нем есть что прочитать заново, если избавиться от психологии перманентной гражданской войны, от хлесткости обвинений, от людской нетерпимости, от идеологии послушания, коленопреклоненного состояния как нормы жизни...»

«Впереди решающий этап, и решать его в конечном счете обществу, всему народу. Преобразования исторически необходимы. Трудности их, сомнения, кризисные явления естественны. Напряжение пока нарастает. Осилит или нет? Хочу верить, что осилит. Убежден, что имеем для этого все предпосылки и возможности».

А. Я. Яковлев